КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

АВГУСТЪ.

Годъ восьмой. ТОМЪ XXVI. 1889 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская ул., домъ № 4.

1889.

Въ вышедшихъ 1—8 книжкахъ «Кіевской Старины» 1889 года помѣщены слѣдующія статьи: Воспоминанія **М. К. Чалаго**.—Судъ и казнь Григорія Самойловича **А. А. Востокова**.—Культурныя переживанія. Проф. **Н. Θ. Сумцова**.—Бѣлая Панна. (Изъ воспом. неудавш. поэта). **Г. А. Мачтета**—Русскія колоніи въ Добруджѣ. **Лупулеску**.—Сельскія недоразумѣнія, пов. **Петкевича**, пер. съ польскаго. **К. М.**—Научное значеніе западно-русской исторіи. Проф. **И. А. Линниченка**.—Іоспоминанія Н. И Усковой о Т. Г. Шевченкѣ, съ прим. М. Чалаго, **Н. Зарянки**.—Прошлое переяславскаго духовнаго училища. **П. Левицкаго**.—Скорбный листъ архива Малороссійской Коллегіи. **Ив. В. Теличенка**—На Сыръ-Дарьѣ у ротнаго командира. (Изъ путевой книжки). **Н. Д. Н**—Особенности статистическаго изслѣдованія курской губ. **Сф. К.**—Памяти Θ. Г. Лебединцева. Проф. **Н. Θ Сумцова**. Очерки изъ исторіи кіев. дух. акад. за XVIII ст. Проф. **С. Т. Голубева**. Колонизація Новорос. края и первые шаги его по пути культуры. Проф. **Д. И. Багалѣя** Остатки церквей на развалинахъ древн Корсуня или Херсонеса. **П. Л.** Воспоминанія **М. К. Чалаго**. Очерки старин. быта Волыни и Украины. **О. И. Левицкаго**. Іоаннъ Вишенскій. **Мирона**. Нечистая сила, повѣсть **Остои**, пер. съ пол. **К. М**. Византійскія владѣнія на сѣв. бер. Чернаго моря. Проф. **Θ. И. Успенскаго**. Нападеніе гайдамаковъ на карантинъ въ Ягодной Долинѣ въ 1750 г. **А. Полницкаго**. Кіевское гор. управленіе въ 1786 г. **Н. В. Молчановскаго**. Чума, разск. **Мирона**. Старая Брацлавщина и ея люди. **Ц. Г. Неймана**. М. С. Щепкинъ, какъ артистъ и человѣкъ **В. Ермилова**. Происхожденіе русск. великой кн. Ольги св. Проф. **И. И. Малышевскаго**. Русалка. (Этнограф. разсказъ). **Ганны Барвинокъ**. Два намѣстника. **А. Е.** Рекрутчина въ малорусск. пѣснѣ. (Этнограф очеркъ). **М. К. Васильева**. Изъ начальной исторіи раскола въ Стародубьѣ. **М. И. Лилеева**. На «Вовчомъ хуторѣ». **Димитрія Марковича**. Страничка изъ прошлаго г. Переяслава **А. А.**

Въ отдѣлѣ «Документовъ, извѣстій и замѣтокъ» помѣщены сообщенія: проф. Н. А. Лашкарева, Н. Θ. Бѣляшевскаго, П. Л., И. С. Листовскаго, А. Л., В. А., П. Т., Мирона, К. В. Болсуновскаго, Ив. Манжуры, И. Бѣньковскаго, О. Л., W., Н. М, М. К. Чалаго, проф. Н. И Петрова, Хр. П. Ящуржинскаго, А. А. Савича, В. П. Науменка, А. Ш., Н. Н. Оглоблина, Я. П. Новицкаго, Н. Д. Н, Б. С. Познанскаго, А. С. Л., Г., Вл. Ляскоронскаго, А. Андр., Г. Залюбовскаго И. Зозули, Н. Θ. Добротворскаго, Н. В. Шугурова, М. А. Комарова, Ю. Тиховскаго, И. Ж., Θ. Каминскаго, проф. И. Г. Карпинскаго, М. К. Васильева, А. Лобко, Н. Б, Ан. Залѣсскаго, И. А. Л—ко, П. В. Дворжецкаго-Богдановича, Л. П., Л***, П. Китицына, В. Б., В. Гаврыша.

Для справокъ. Столбцы, прин. гр. М. Толстому. Сообщ. проф. **А. И. Маркевичъ**.

Въ отдѣлѣ «Библіографіи» помѣщены рецензіи: И. М. Каманина, А. Л., В. А., Н Л., Н. Г., Амартола, А. І. Степовича, О. Л., П. В. Голубовскаго, Н. Т., Н. Б., Г. З., А. М, А. Р., П. Л., проф. Θ. Г. Мищенка, проф. Н. И Петрова, Н. В. Шугурова, Ц. Г. Неймана, И. Л—ка, В. П. Науменка, Ив. П. Новицкаго, Θ. Н.

Приложенія: Наказы малорос. депут. 1767 г.—Предисловіе В Тяпинскаго къ печати. Евангелію 1570 г. Проф. **П. В. Владимірова**.—Южно-русское житіе св. Владиміра XVI в. съ пред. проф. **П. В. Владимірова**.—Рисунокъ Березенской Вознесенской церкви.—Портретъ Θ. Г. Лебединцева.—Отрывки изъ лѣтописи Мгарскаго монастыря, съ пред. **А. М. Лазаревскаго**.—Мемуары, касающіеся исторіи ю. Россіи, съ пред. проф. **В. Б. Антоновича**.—Портретъ М. С. Щепкина въ роли Чупруна.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ВОСЬМОЙ

ТОМЪ XXVI.

АВГУСТЪ.

1889 г.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская улица, д. № 4.

Дозволено цензур. Кіевъ, 26-го Іюля 1889 г.

ПРОИСХОЖДЕНІЕ
русской великой княгини Ольги св.

(*Окончаніе*) [1]).

IV.

Отъ IX в. въ начальной лѣтописи нѣтъ извѣстій о Плесковѣ. Въ странѣ плесковскихъ кривичей упоминается подъ 862 г. только городъ Изборскъ, въ которомъ княжилъ Труворъ. Отъ X в. имѣются два извѣстія о Плесковѣ: первое подъ 903 г., говорящее о приведеніи Ольги изъ этого города, второе—подъ 947 г., гдѣ описывается объѣздъ Ольгою Новгородской области и упоминается о саняхъ Ольги въ Плесковѣ, стоящихъ до сегодня. За XI в. имѣется въ начальной лѣтописи одно извѣстіе о Плесковѣ, помѣщенное въ Ипатскомъ спискѣ подъ 1034, а въ Лаврентьевскомъ подъ 1036 г., когда по этому извѣстію, посаженъ былъ въ Плесковѣ въ порубъ Ярославомъ братъ его Судиславъ, сидѣвшій здѣсь до 1059 г., въ которомъ освобожденъ племянниками Изяславомъ и его братьями. Это извѣстіе дополняется очень вѣроятнымъ извѣстіемъ позднѣйшихъ лѣтописей о томъ, что Плесковъ былъ *удѣльнымъ городомъ* Судислава, посаженнаго здѣсь еще Владиміромъ [2]). Въ древней Новгородской лѣтописи, т. е. въ Сино-

---

[1]) См. „Кіевская Старина" № 7, іюль.

[2]) Это лѣтописи: Никоновская, Воскресенская, Тверская, Софійская первая и др. (Лейбовича, Сводная лѣт. стр. 88). Судиславъ могъ быть посаженъ Владиміромъ въ Плесковѣ не одновременно съ старшими братьями, а позже, ибо вообще разсаживаніе Владиміромъ сыновей по удѣламъ слѣдуетъ понимать такъ, что оно происходило постепенно по мѣрѣ того, какъ сыновья достигали возраста. Нѣтъ повода предполагать, чтобы какой либо изъ нихъ былъ обдѣленъ. Такимъ образомъ сообщеніе позднѣйшихъ лѣтописей о Судиславѣ, какъ имѣвшемъ свой удѣлъ въ Плесковѣ, вполнѣ вѣроятно, хотя бы оно было и догадкой ихъ. А то обстоятельство, что Ярославъ посадилъ Судислава въ порубъ вслѣдъ за тѣмъ, какъ умеръ Мстиславъ черниговскій, проще всего объясняется тѣмъ, что, освободясь отъ одного совмѣстника, онъ хотѣлъ и могъ теперь легко освободиться и отъ другаго, чтобы быть единовластцемъ во всей Руси.

дальномъ спискѣ первой Новгородской лѣтописи, нѣтъ извѣстій о Плесковѣ отъ XI в. Но въ позднѣйшихъ спискахъ той же лѣтописи и вообще въ позднѣйшихъ новгородскихъ и псковскихъ лѣтописяхъ, кромѣ упомянутыхъ выше извѣстій о Плесковѣ, взятыхъ изъ начальной лѣтописи, есть еще одно извѣстіе отъ XI в., помѣщаемое подъ 1059 или 1060 гг. Это извѣстіе о походѣ Изяслава Ярославича на какихъ то инородцевъ, сосѣднихъ съ Плесковскою областью и называемыхъ сосолы, во время котораго Изяславъ наложилъ на нихъ дань. Инородцы изгнали сборщиковъ дани и сами потомъ сдѣлали нападеніе на Юрьевъ, доходили до *Плескова*, но противъ нихъ ополчились псковичи въ соединеніи съ новгородцами и отразили ихъ въ большой сѣчѣ. И это извѣстіе представляется намъ очень вѣроятнымъ, взятымъ изъ болѣе древнихъ лѣтописныхъ записей новгородскихъ, хотя непонятное названіе инородцевъ не легко поддается объясненіямъ [1]) Съ XII в., а именно съ 30-хъ годовъ этого вѣка, уже учащаются извѣстія о Плесковѣ, какъ въ древней лѣтописи, такъ особенно въ новгородскихъ лѣтописяхъ начиная съ *древнѣйшей* изъ нихъ, т. е. первой Новгородской лѣт. поСинодальному списку. Плесковъ представляется уже городомъ разросшимся, значительнымъ, обнаруживаетъ задатки вѣчеваго устройства, подобнаго новгородскому, и хотя остается въ зависимости отъ Новгорода, какъ его пригородъ, но можетъ поступать и самостоятельно, какъ напр. въ дѣлѣ князя Всеволода Изяславича, котораго Новгородъ изгналъ, а Плесковъ принялъ къ себѣ на княженіе въ 1136 г. Съ фактомъ умноженія извѣстій о Плесковѣ слѣдуетъ сопоставить совершенно противоположный фактъ относительно Изборска. Упомянутый въ начальной лѣтописи подъ 862 г., какъ городъ Трувора, онъ затѣмъ надолго исчезаетъ въ лѣтописяхъ, не дающихъ извѣстій о немъ до XIII в.

Совокупностію приведенныхъ извѣстій о Плесковѣ достаточно обусловиваются слѣд. соображенія и выводы:

а) Стоящіе подъ 903 и 947 гг. и связанныя съ именемъ Ольги извѣстія о Плесковѣ имѣютъ значеніе *прямыхъ свидѣтельствъ и о*

---

[1]) Новгородская лѣт. по Синод. списку. Спб. 1888 г. стр. 12. Псковская первая лѣт. въ П. Собр. Р. лѣт. Т. IV, стр. 176. См. Лейбовича, тамъ же стр. 138. Карамзина, И. Г. Рос. Т. II, стр. 114. То, что упоминаемый походъ Изяслава непосредственно граничитъ съ временемъ, когда онъ, согласясь съ братьями, освободилъ Судислава изъ плесковскаго поруба, даетъ возможность полагать, что походъ вызванъ былъ какими либо свѣдѣніями о непріязненныхъ Плескову инородцахъ, полученными Изяславомъ по случаю дѣла Судислава. А древность источника, изъ котораго заимствовано извѣстіе о войнѣ съ инородцами, вѣроятна тѣмъ, что Псковъ называется здѣсь *Плесковомъ*, какъ и назывался онъ до XIV в.

самомъ существованіи его въ означенные годы. Съ убѣдительностію этихъ свидѣтельствъ далеко не могутъ равняться ни показаніе или точнѣе—мнѣніе позднѣйшихъ повѣствователей, что «града Плескова не бысть» до Ольги, связанное съ ихъ мнѣніями то о Выбутинѣ, то объ Изборскѣ, какъ родинѣ Ольги, ни—извѣстіе поздняго Владимірскаго лѣтописца о болгарскомъ происхожденіи Ольги, комментируемое ссылкой на существованіе болгарской Плискувы и предположеніемъ о несуществованіи до Ольги русскаго Плескова. Полагая, что относительное значеніе упомянутыхъ свидѣтельствъ начальной лѣтописи и позднѣйшихъ показаній или вѣрнѣе—мнѣній, ей противорѣчащихъ, достаточно выяснено въ предложенномъ выше общемъ обзорѣ и анализѣ ихъ, переходимъ къ дальнѣйшимъ выводамъ.

б) Если Плесковъ существовалъ въ 947 и въ 903 гг., то онъ основанъ *ранѣе* этого времени. *Первыя* свидѣтельства о *существованіи* такого города, объ *основаніи* котораго нѣтъ извѣстій, всегда или почти всегда должны быть понимаемы такъ, что эти свидѣтельства *позднѣе* основанія города, что городъ основался *ранѣе*, чѣмъ представился лѣтописцу случай упомянуть о его существованіи. Въ данномъ случаѣ, т. е. относительно Плескова, это тѣмъ естественнѣе, что періодъ историческихъ извѣстій начальной лѣтописи, предшествующій появленію подъ 903 г. перваго извѣстія о Плесковѣ, обнимаетъ собою время не болѣе, даже менѣе полувѣка, считая съ 859 г. Нисколько не удивительно, что за такое короткое время лѣтописцу не встрѣтилось повода упомянуть о Плесковѣ. Первая Новгородская лѣтопись по древнѣйшему Синодальному списку ея начинаетъ упоминать о Плесковѣ лишь съ 30-хъ годовъ XII в., хотя существованіе города гораздо ранѣе этого времени не подлежитъ никакому сомнѣнію. Въ виду всего сказаннаго, слѣдуетъ признать вполнѣ основательнымъ слѣдующее утвержденіе автора первой Псковской лѣтописи, который подъ 862 г., послѣ разсказа о призваніи князей, сѣдшихъ въ извѣстныхъ городахъ, замѣчаетъ: «а о Плесковѣ градѣ отъ лѣтописанія не обрѣтается воспомянуто, отъ кого созданъ бысть и которыми людьми, токмо увѣдѣхомъ, *яко былъ уже въ то время, какъ наѣхали князи Рюрикъ съ братьею изъ Варягъ въ Словене княжити; понеже повѣдаетъ (лѣтопись), яко Игорь Рюриковичъ поятъ себѣ жену отъ Плескова*» [1]). Здѣсь вѣрно понято значеніе стоящаго подъ 903 г. перваго свидѣтельства о существованіе Плескова, какъ вмѣстѣ съ тѣмъ сви-

[1]) П. Собр. лѣт. IV, стр. 171.

дѣтельства о *болѣе древнемъ происхожденіи его*. Этого ближайшаго вывода для нашей цѣли и достаточно. Но есть возможность идти и къ дальнѣйшимъ выводамъ, хотя и предположительнымъ, но не лишеннымъ значенія въ занимающемъ насъ вопросѣ.

в) Представляется вѣроятнымъ, что Плесковъ существовалъ до *призванія князей*, существовалъ съ незапамятнаго времени, основанъ *самими мѣстными славянами т. е. кривичами Плесковской* области, и что онъ то былъ *главнымъ старшимъ* городомъ въ этой области, а не Изборскъ, въ которомъ княжилъ Труворъ. Было сказано, что объ Изборскѣ, послѣ перваго извѣстія о немъ подъ 862 г., нѣтъ болѣе извѣстій до XIII в., а о Плесковѣ они продолжаются чрезъ XI и XII в. Видимо, что онъ былъ значительнѣе Изборска, и имѣлъ задатки вѣчеваго устройства, какимъ отличались, какъ извѣстно, по преимуществу, *старые* племенные города, а не новые княжескіе, а между старыми городами—главные племенные города, а не ихъ пригороды. И если съ XIII в. Изборскъ является даже пригородомъ Пскова, то, по всей вѣроятности, такое отношеніе было наслѣдіемъ отдаленной старины [1]). Наконецъ, то, что Труворъ сѣлъ на княженіе не въ Плесковѣ, а въ Изборскѣ, нисколько не говоритъ въ пользу старѣйшинства послѣдняго предъ первымъ. И о Рюрикѣ есть извѣстія, что онъ сперва основалъ свое пребываніе въ Ладогѣ и уже потомъ перешелъ въ Новгородъ. Князьямъ на первыхъ порахъ, повидимому, было удобнѣе утверждаться внѣ старыхъ и большихъ, вѣчевыхъ городовъ и уже потомъ утверждать свою власть и въ послѣднихъ.

г) Если Плесковъ принадлежалъ къ старымъ до—княжескимъ городамъ, то и названіе его было *своимъ, старымъ*, а не полученнымъ вновѣ при князьяхъ. Болгарская Плискува, если имѣла отношеніе къ этому названію, то отнюдь не такое, какое предполагается въ мнѣніяхъ объ основаніи нашего Плескова Ольгою, а развѣ весьма отдаленное. Общеизвѣстно, что между названіями городовъ и др. мѣстностей въ предѣлахъ начальнаго разселенія славянъ по русской землѣ есть немало такихъ, которыя тождественны или сходны съ названіями городовъ и мѣстностей у южныхъ придунайскихъ славянъ. Правдоподобно предположеніе, что такія названія могли быть принесены русскими славянами съ придунайской родины ихъ, бывшей таковою по общему народному преданію о томъ, отмѣченному въ начальной лѣтописи.

---

[1]) Извѣстія объ Изборскѣ и притомъ, какъ пригородѣ Плесковскомъ, начинаются въ первой Псковской лѣтописи съ 30-хъ годовъ XIII в. П. Соб. р. лѣт. т. IV, стр. 178 и д.).

Въ этомъ именно смыслѣ Чертковъ, въ своемъ изслѣдованіи «о переводѣ Манассійской лѣтописи», допускаетъ связь названій болгарскаго и и русскаго Плескова. «Нашъ Псковъ (въ лѣтописяхъ Плесковъ) получилъ, вѣроятно, свое имя отъ Задунайскаго Плескова, Переяславль Кіевскій—отъ двухъ Болгарскихъ» [1]). Проще другое предположеніе, по которому названіе Плескова, какъ находящагося при устьѣ рѣчки Псковы, древней Плесковы, впадающей здѣсь въ р. Великую, производится именно отъ этой рѣчки [2]). Въ большинствѣ тѣхъ случаевъ, гдѣ названія *древнихъ* городовъ тождественны или сходны съ названіями рѣкъ, рѣчекъ, озеръ, горъ, при которыхъ и на которыхъ они находятся, названія первыхъ слѣдуетъ считать происшедшими отъ послѣднихъ, а не обратно; ибо рѣки, озера, горы существуютъ ранѣе городовъ, ранѣе ихъ получаютъ и свои названія отъ первыхъ поселенцевъ, только со временемъ созидающихъ здѣсь города. Впрочемъ мыслію о происхожденіи названія Плескова и рѣчки Плесковы не исключается возможность связи обоихъ названій съ названіемъ задунайской Плискувы, связи, понимаемой въ смыслѣ преемства или просто въ смыслѣ сходства обычаевъ и пріемовъ въ наименованіи рѣкъ и городовъ у разныхъ племенъ одного и того же народа славянскаго. Конечно, подобныя предположенія и останутся предположеніями. Вполнѣ же вѣроятнымъ можетъ быть признано только то, что Плесковъ *существовалъ до Ольги и даже до призванія князей.*

д) Этимъ само собою исключается мнѣніе объ основаніи Плескова Ольгою, относимомъ то ко времени поѣздки ея по Новгородской области въ 947 г., то къ позднѣйшему времени, когда она была уже христіанкой и возвратилась изъ Царьграда. Остается присовокупить слѣдующее: объ основаніи Ольгою Плескова *нѣтъ извѣстій ни въ одной изъ лѣтописей*; нѣтъ въ нихъ извѣстій и вообще о томъ, чтобы Ольга строила города. Начальная лѣтопись, говорящая о строеніи городовъ Рюрикомъ, Олегомъ, Владиміромъ, не говоритъ того же относительно Ольги. Говоря о поѣздкѣ Ольги по Новгородской землѣ, упомянувъ при этомъ о саняхъ Ольги въ Плесковѣ, она имѣла самый подходящій случай сказать и объ основаніи этого города Ольгою. Но она не сказала, и, безъ сомнѣнія, потому, что не знала и не слыхала о томъ, что признавала и имѣла основаніе признавать Плесковъ существовавшимъ прежде, который только *посѣтила* Ольга во время своей

[1]) Стр. 123—124.

[2]) Подобнымъ образомъ Полоцкъ, древній *Полотескъ*, получилъ названіе отъ рѣчки *Полоты*, Витебскъ, древній *Выдбескъ*,—отъ рѣчки *Выдбы*.

поѣздки на сѣверъ. Единственное извѣстіе объ основаніи Ольгою Плескова, сближающее это обстоятельство съ временемъ поѣздки Ольги на сѣверъ, есть извѣстіе Татищева. Понятно, что оно не заслуживаетъ никакого довѣрія, по слишкомъ позднему появленію его, по отсутствію всякаго указанія на его источникъ, наконецъ, по очевидной связи этого разсказа Татищева съ баснословными сказаніями объ изборскомъ происхожденіи Ольги и сказаніемъ «житія» помѣщеннаго въ Степенной книгѣ, слова котораго объ основаніи Ольгою Плескова только *переиначены* или переставлены Татищевымъ съ перестановкою и мнимаго факта основанія Ольгою Плескова съ позднѣйшей христіанской поры ея жизни на болѣе раннюю, граничащую съ годомъ поѣздки ея на сѣверъ. Въ свою очередь житіе Степ. книги есть единственный источникъ мнѣнія объ основаніи Ольгою Плескова уже въ христіанскую пору ея жизни. Сочиненность житійскаго сказанія объ этомъ предметѣ слишкомъ очевидна, чтобы ее доказывать. Замѣчательно, что сказаніе это отсутствуетъ даже въ проложныхъ житіяхъ, что оно не было извѣстно или не принималось въ самомъ Псковѣ въ періодъ зарожденія Псковскихъ лѣтописей. Напомнимъ еще разъ слова первой Псковской лѣтописи: «о Плесковѣ градѣ отъ лѣтописанія не воспомянуто, отъ кого созданъ бысть и которыми людьми; токмо увѣдѣхомъ, яко былъ уже въ то время, какъ наѣхали князя Рюрикъ съ братьею княжити въ Словене; понеже повѣдаетъ (лѣтопись), яко Игорь Рюриковичъ поятъ себѣ жену Ольгу отъ Плескова».

е) Если Плесковъ не Ольгою основанъ, а существовалъ до нея, то всѣ извѣстія и преданія, связывающія имя Ольги съ Плесковомъ, должны быть понимаемы такъ, что они возникли и сложились въ *связи съ начальнымъ, утвердившимся и общимъ преданіемъ о ея происхожденіи изъ Плескова*, какъ несомнѣнномъ историческомъ фактѣ. Таково прежде всего древнѣйшее извѣстіе или преданіе *о саняхъ Ольги въ Плесковѣ*. Не напрасно же, при описаніи поѣздки Ольги на сѣверъ въ 947 г., только этотъ городъ опредѣленно отмѣченъ, какъ имѣвшій такой особенный памятникъ ея пребыванія здѣсь. Были ли эти сани санями Ольги, или только ей усвоены преданіемъ,—объ этомъ можно, конечно, судить такъ или иначе; важно связанное съ ними преданіе о посѣщеніи Ольгою Плескова во время поѣздки на сѣверъ, предполагающее, что Ольга имѣла здѣсь болѣе долгую стоянку, имѣла свой хозяйственный обиходъ, остаткомъ котораго и считались эти сани. А это всего естественнѣе могло быть въ городѣ, для нея родномъ. Въ позднѣйшее время въ Плесковѣ и по близости отъ него

показывалось немало и другихъ мѣстностей и предметовъ, связываемыхъ съ именемъ Ольги. Таковы: *Ольгинъ городокъ*, какъ называется въ писцевыхъ книгахъ недалекое отъ Пскова село Перино, Житнинъ *Ольгинъ дворецъ*, *Ольгины* ворота, *Ольгины* слуды, *Ольгина* гора, *Ольгинъ* крестъ [1]). Все это отголоски преданія, что Плесковъ былъ *своимъ* городомъ для Ольги, что она бывала здѣсь, имѣла здѣсь или въ окрестности свои дворы, села, урочища. Въ связи съ этимъ преданіемъ получаетъ настоящее свое значеніе и преданіе о селѣ Будутинѣ или Выбутинѣ, находившемся близь Пскова. Было упомянуто, что объ этомъ Будутинѣ имѣются сохранившіяся въ Никоновской лѣтописи двѣ записи, какъ о селѣ, въ которое Ольга сослала свою ключницу Малушу, и которое она предъ смертію завѣщала св. Богородицѣ, т. е. церкви св. Богородицы. Преданіе, выражаемое этими записями, даетъ такое представленіе, что Будутино было *своимъ* селомъ Ольги, составляло ея личную собственность, ея частное имѣніе или владѣніе. О такихъ *княжихъ и княгининыхъ селахъ*, имѣніяхъ есть довольно извѣстій въ лѣтописяхъ и другихъ древнихъ памятникахъ. Упоминается въ начальной лѣтописи о селѣ *Ольжичи*, какъ селѣ Ольги, бывшемъ не подалеку отъ Кіева, повидимому при устьѣ Десны, впадающей въ Днѣпръ близь Кіева. При весьма вѣроятномъ тождествѣ Будутина Никоновской лѣтописи съ Выбутиномъ «житій» Ольги, легендарное сказаніе послѣднихъ о Выбутинѣ, какъ родинѣ Ольги—поселянки, можетъ быть понимаемо лишь въ томъ смыслѣ, что это село было *своимъ* Ольгѣ *вообще по ея плесковской родинѣ*, что она владѣла имъ, бывала въ немъ въ качествѣ уроженки Плескова, что въ качествѣ таковой она и пріобрѣла въ свое частное, княгининское владѣніе это село, находившееся въ такой удаленной отъ Кіева области. А это пріобрѣтеніе могло состояться или путемъ властнаго занятія его на свое имя и заселенія мѣстности, хорошо знакомой Ольгѣ по ея прежнему житію въ сосѣднемъ Плесковѣ, или же путемъ наслѣдства, какъ село принадлежавшее *роду* Ольги, доставшееся ей отъ ея *рода* [2]).

---

[1]) Святыни и древности Пскова, гр. Толстого, стр. 30, 73, 74. 76, 78. М. Евгенія, Истор. княж. Псковскаго, стр. 10. Ольгина гора упоминается и въ первой Псковской лѣтописи подъ 1394. П. Сбор. Р. Лѣт. т. IV, стр. 194.

[2]) Родомъ въ древности назывались у насъ и предки, и родители, и члены семьи, и родственники. Право семейнаго наслѣдства знакомо было руссамъ, какъ показываетъ напр. договоръ Олега.

V.

Отъ Плескова, какъ родины Ольги, перейдемъ къ личности самой Ольги, останавливаясь на тѣхъ достовѣрно извѣстныхъ или наиболѣе вѣроятныхъ чертахъ ея, по которымъ можно судить о ея родѣ, происхожденіи.

а) Ольга въ большую половину своей жизни оставалась *язычницей*, а крестилась и стала христіанкою уже по смерти мужа. Это *единогласно* утверждаютъ всѣ древнія извѣстія. Хотя и не невозможно, но крайне невѣроятно, чтобы болгарская княжна нач. X в. была и пришла въ Русь язычницей, а не христіанкой. Если же предположить, что она всегда была христіанкою, но только тайною, то все таки крайне трудно допустить, чтобы это осталось совершенно неизвѣстнымъ на Руси. Словомъ, долгое язычество Ольги остается неотразимымъ доказательствомъ того, что она была родомъ изъ самой Руси, гдѣ господствовало язычество и въ народѣ, и въ княжескомъ родѣ.

б) Ольга была родомъ—*варяжка*. Такою считается она въ извѣстныхъ уже намъ «житіяхъ» ея XVI в. Это показаніе «житій», конечно, не есть свидѣтельство, а домыселъ самихъ авторовъ «житій», но, на этотъ разъ, домыселъ основательный. Имя ея безспорно—варяжское, подобно именамъ Рюрика, Олега и Игоря, которые только и остались на послѣдующее время въ ряду славянскихъ именъ нашихъ князей, какъ имена варяжскія, какъ памятникъ варяжскаго происхожденія нашихъ князей, ставшихъ славяниться со времени Святослава. Здѣсь мы не войдемъ въ нескончаемый споръ съ теоріями, по которымъ то отрицается призваніе или приходъ къ намъ варяжскихъ князей, то самые князья эти считаются славянами, также какъ имена Рюрикъ, Олегъ, Игорь и Ольга—именами славянскими. Мнѣніе о варяжствѣ, т. е. норманствѣ нашихъ первыхъ князей и ихъ именъ, преобладавшее у нашихъ книжныхъ людей всей древней Руси, рѣшительно преобладающее у представителей русской исторической науки новой Руси, мы считаемъ настолько твердымъ, что попытки поколебать это мнѣніе, при всемъ научномъ достоинствѣ и симпатичности патріотическаго направленія ихъ, не достигаютъ своей цѣли и служатъ только къ большому подкрѣпленію преобладающаго мнѣнія въ его *существенныхъ* чертахъ и къ исправленію въ *не существенныхъ*, акцессуарныхъ чертахъ, къ ограниченію его въ нѣкоторыхъ крайнихъ выводахъ. Затѣмъ не считаемъ нужнымъ долго останавливаться и на предположеніи о перемѣнѣ прежняго славянскаго имени жены Игоря на имя Ольги, идущемъ изъ такого источника, какъ сказаніе о Пре-

красѣ въ Іоакимовской лѣтописи Татищева и крайне неправдоподобномъ по своей постановкѣ, какъ то справедливо замѣтилъ Погодинъ [1]). Наконецъ, съ мыслію о варяжскомъ происхожденіи Ольги наиболѣе сообразно то, что Олегъ, еще не ославянившійся варягъ, искалъ для такого же не ославянившагося варяга Игоря жены именно въ варяжскомъ родѣ, варяжской семьѣ. Кстати присовокупить, что и въ ближайшее затѣмъ время первыми брачными союзами нашихъ князей бывали преимущественно союзы съ варяжско-скандинавскими родами. Владиміръ женится на Рогнѣдѣ, дочери варяга Рогвольда, руки которой искалъ предъ тѣмъ Ярополкъ изъ Кіева. Вѣроятно въ числѣ первыхъ женъ Владиміра была и скандинавка Мальфредь [2]). Ярославъ былъ женатъ на Индигердѣ, дочери шведскаго короля, Мономахъ въ первомъ бракѣ женатъ былъ на Гидѣ, англо-варяжской принцессѣ, старшій сынъ его Мстиславъ въ первомъ бракѣ женатъ былъ на Христинѣ, дочери шведскаго короля Инге Стенкильсона. Отъ того же времени есть довольно примѣровъ выхода русскихъ княженъ въ замужество за скандинавскихъ принцевъ [3]). Съ XII в. эти союзы прекращаются, оставшись памятникомъ преданій нашего княжескаго рода о собственномъ происхожденіи его изъ скандинавскаго сѣверо-запада, преданій, не забытыхъ и во все дальнѣйшее время древней Руси.

в) Ольга происходила, безъ сомнѣнія, изъ *знатнаго рода*, и по всей вѣроятности—изъ рода княжескаго. Знатность происхожденія сама собою, предполагается уже тѣмъ что она была *варяжка*. Было указано на внутреннее противорѣчіе сообщенія или домысла авторовъ житій Ольги XVI в., которыя, считая ее варяжкою, въ то же время производятъ ее изъ рода «не княжеска, ни вельможеска, но отъ простыхъ людей». Варяги принадлежали тогда у насъ не къ простому, а къ высшему классу.

[1]) Погодинъ къ доказательствамъ варяжскаго, т. е. норманскаго, происхожденія Ольги присоединяетъ, между прочимъ, указаніе на сходство нашихъ сказаній объ Ольгѣ съ сѣверными сагами, въ частности съ сказаніями этихъ сагъ о нѣкоторыхъ героиняхъ изъ королевскихъ и княжескихъ родовъ. Это давнее указаніе не утратило своего значенія и теперь, несмотря на болѣе широкое разъясненіе литературныхъ соотношеній какъ нашихъ сказаній, такъ и сагъ.

[2]) Въ начальной лѣтописи, по обоимъ древнимъ спискамъ, подъ 1000 г. говорится: преставися Малъфрѣдь (въ Ипатск.—Малъфридъ). Въ се же лѣто преставися *и* Рогънѣдь, мати Ярославля. Дов. ясно, что говорится о двухъ женахъ Владиміра. Поэтому варіантъ Никоновской лѣтописи—Мальфридъ *сильный* не можетъ быть принятъ. Имя Мальфриды, какъ скандинавское, носила одна изъ дочерей Мстислава Мономаховича, женатаго на *шведской* принцессѣ, которою, конечно, и дано дочери это имя.

[3]) На эти брачные союзы достаточно указаній въ исторіяхъ Карамзина, Соловьева и у Погодина.

Но знатность той варяжской семьи, изъ которой происходила Ольга должна быть понимаема такъ, что она приближалась къ достоинству княжескаго рода. Олегъ, воспитатель и опекунъ Игоря, имѣлъ высокое представленіе о достоинствѣ княжескаго рода, какъ показываютъ слова его Аскольду и Диру: «вы нѣста князя, ни *рода княжа, но азъ есмь роду княжа,* а се Игорь, сынъ Рюриковъ». Князь, говорившій такъ, естественно предпочиталъ найти своему питомцу, князю и наслѣднику велико-княжескаго престола, жену въ самомъ знатномъ, даже княжескомъ родѣ. Вообще знатность рода въ брачныхъ союзахъ и тогда весьма уважалась. Вспомнимъ гордый отвѣтъ Рогнѣды Владиміру, внушенный ей отцомъ Рогвольдомъ: «не хочу розуть робичича», хотя этотъ робичичь былъ такимъ только по матери [1]) Считалось слѣд. сообразнымъ, чтобы въ княжеской семьѣ и жена была изъ княжескаго рода. Даже въ послѣдующее время, когда княжескія фамиліи Рюрикова рода стали мельчать чрезъ распаденіе на удѣльныя вѣтви, твердо держался обычай, по которому брачные союзы заключались большею частію съ лицами или своихъ княжескихъ фамилій, или иностранныхъ владѣтельныхъ родовъ, и только въ немногихъ, по крайней мѣрѣ не частыхъ, случаяхъ—съ лицами знатнѣйшихъ *боярскихъ родовъ.* Союзы же съ лицами изъ простого рода считались болѣе простымъ сожительствомъ, чѣмъ бракомъ. Не лишено значенія то извѣстіе или преданіе объ Ольгѣ, что она сильно прогнѣвалась на Святослава за его связь съ Милушею, ея ключницею, а самую Милушу сослала въ Будутино. Такъ могла поступить она не только, какъ уже христіанка, но какъ ревнительница княжеской чести Святослава и княжескаго дома, въ которомъ не подобало быть «робичичу» [2]). Вспомнимъ, наконецъ, свидѣтельство современника Ольги Константина Багрянороднаго, который говоритъ, что князья варварскихъ народовъ очень льстятся на брачные союзы съ принцессами императорскаго дома и совѣтуетъ не поддаваться на ихъ искательства. Но если подобные союзы съ императорскою фамиліею могли быть только мечтою у варварскихъ князей,

---

[1]) Погодинъ и здѣсь приводитъ извѣстный характеристическій разсказъ изъ сагъ о Сигридѣ, вдовѣ короля Эрика, которая велѣла сжечь одного своего жениха, чтобы отучить *незнатныхъ* князей отъ исканія ея руки. Изслѣдов. т. III, стр. 93. Есть нѣкоторое сходство въ этотъ разсказѣ съ разсказомъ лѣтописи объ Ольгѣ, сжегшей пословъ сватавшагося за нее древлянскаго князя Мала.

[2]) Извѣстно, что дѣти княжескіе отъ подобныхъ матерей назывались иногда уменьшительными именами. Впрочемъ, ради отцовъ они могли вступать въ обладаніе правами княжескаго рода.

достижимою только для сильнѣйшихъ изъ нихъ, то союзы съ одностепенными, равноправными княжескими фамиліями были потребностію, обязательною къ осуществленію и осуществимою. Для Олега обязанность женить Игоря на знатной боярышнѣ и именно на княжнѣ, опредѣляемая обычаемъ, была тѣмъ настоятельнѣе, что Игорь былъ единственный сынъ и наслѣдникъ Рюрика, сынъ и наслѣдникъ такого князя, которымъ начинается *новая династія*, нуждающаяся въ охраненіи и укрѣпленіи ея достоинства, какъ династіи. Извѣстныя намъ свидѣтельства Владимірскаго лѣтописца и Іоакимовой лѣтописи объ Ольгѣ, какъ *родомъ княжнѣ*, не представляютъ, конечно, настоящихъ историческихъ свидѣтельствъ; но въ нихъ выражается вѣрное пониманіе того обстоятельства, что жена, какую нашелъ Олегъ для Игоря, могла быть только *княжною* по *происхожденію*. Къ этимъ свидѣтельствамъ слѣдуетъ присоединить свидѣтельство современника Ольги Константина Багрянороднаго о ея роднѣ, видѣнной императоромъ въ Царьградѣ. Описывая пріемы Ольги при дворѣ императорскомъ 9 сентября и 18 октября 957 г., Константинъ упоминаетъ о бывшихъ тутъ съ нею ея *родственницахъ — архонтиссахъ*, т. е. такихъ же *княгиняхъ*, какъ и сама Ольга, называемая у него *архонтиною*, упоминаетъ и о родственникахъ и въ числѣ ихъ ея племянникѣ [1]) Эта родня могла быть роднею Ольги и со стороны Игоря, у котораго были два племянника или *нетіи*, т. е. сыновья его сестры или сестеръ иначе *сестриничи*, упоминаемые въ договорѣ его съ греками 945 г. Но они могли быть также роднею и со стороны Ольги, т. е. могли быть въ этой роднѣ и лица, родственные Ольгѣ по тому роду, изъ котораго она происходила. Само собою понятно, что Константинъ говорилъ о роднѣ Ольги на основаніи сообщенія, полученнаго отъ самой Ольги или ея свиты. Впрочемъ мыслію о происхожденіи Ольги изъ княжеской семьи отнюдь не исключается возможность того, что одна сторона въ самой этой семьѣ была не изъ княжескаго, а изъ *знатнѣйшаго боярскаго* рода, и въ такомъ случаѣ, всего вѣроятнѣе,—женская сторона.

г) Съ установленіемъ мысли о происхожденіи Ольги изъ княжеской или княжеско-боярской семьи, дѣлается возможною постановка очень интереснаго вопроса о томъ,—что это была за семья? Въ какомъ отношеніи находилась она къ господствующему княжескому роду?

---

[1]) De ceremoniis aulae Byzant. Lib. II, c. 15. Patr. Graec. ap. Migne, T. 112, p. 1108—1011.

Подготовленіемъ къ рѣшенію этого вопроса должно служить выясненіе *обстоятельствъ женитьбы Игоря на Ольгѣ*, могущее имѣть и свой особый интересъ. Ольга взята изъ Плескова, гдѣ, значитъ, и жила та семья, изъ которой она взята, а взята она въ 903 г., когда Олегъ и Игорь проживали уже 11 лѣтъ въ Кіевѣ (882—903 г.). Какъ же могли они знать о существованіи въ Плесковѣ такой, наиболѣе подходящей невѣсты Игорю? Почему не отыскивали или не отыскали ее въ семьяхъ «свѣтлыхъ и великихъ князей или великихъ и свѣтлыхъ бояръ», существовавшихъ и въ Кіевѣ и вообще ближе ко двору [1])? Преданіе хочетъ объяснить все это тѣмъ, что Ольга славилась необыкновенною красотою и умомъ. Объясненіе вѣроятное, но не полное, предполагающее само собою то пополненіе, что плесковская семья, изъ которой взята Ольга, была хорошо *извѣстна* Олегу и Игорю, что поэтому знали они и о существованіи въ этой семьѣ Ольги, какъ наиболѣе желанной невѣсты Игорю. Но вникнемъ въ извѣстія о его женитьбѣ. Начальная лѣтопись говоритъ: «Игорю возрастьшю, *и хожаше по Олзѣ и слушаше его, и приведоша* ему жену отъ Плескова, именемъ Ольгу». Тутъ дается видѣть, что Игорь женился на Ольгѣ именно по указанію и по волѣ Олега, своего воспитателя, какъ послушный ему и теперь. Такое прямое и вѣрное пониманіе дѣла представляетъ варіантъ Владимірскаго лѣтописца въ слѣдующихъ словахъ своихъ: «Игоря же *жени (Олегъ), поятъ* же за него жену именемъ Ольгу». За то совсѣмъ неудаченъ варіантъ другихъ позднѣйшихъ лѣтописей, преимущественно Новгородскихъ, по которому Игорь самъ выбираетъ или приводитъ себѣ жену, и который находится въ связи съ другими варіантами тѣхъ лѣтописей, представляющими Игоря главнымъ, самостоятельно и властно дѣйствующимъ лицомъ со времени занятія Кіева и потомъ во все правленіе Олега, а Олега—только служебнымъ лицомъ при Игорѣ, исполнителемъ его воли [2]). Всѣ эти варіанты находятся въ прямомъ противорѣчіи съ свидѣтельствами начальной лѣтописи, представляющими Олега настоящимъ и полновластнымъ великимъ княземъ до самой кончины. Особенно рѣшительное значеніе имѣетъ здѣсь такое *документальное* свидѣтельство какъ свидѣтельство договора 912 г., въ которомъ послы русскаго князя говорятъ о себѣ: «послани отъ *Ольга, великаго князя русскаго* и отъ всѣхъ, *иже суть подъ рукою его* свѣтлыхъ бояръ» и проч. Какъ полновластный государь и притомъ старшій сродникъ и воспитатель

[1]) О такихъ князьяхъ и боярахъ говорится въ договорѣ Олега съ греками 912 г.

[2]) У Лейбовича, тамъ же, стр. 26.

Игоря, Олегъ могъ вполнѣ проявить волю свою въ дѣлѣ женитьбы Игоря, который и вообще не выдавался самостоятельнымъ характеромъ, что могло быть или природнымъ свойствомъ его, или послѣдствіемъ долгаго нахожденія его подъ опекунскою властію сильнаго характеромъ и умомъ Олега.

Затѣмъ извѣстія о женитьбѣ Игоря и супружествѣ его съ Ольгою пролагаютъ путь къ обнаруженію еще и другихъ обстоятельствъ самый женитьбы его. Лѣтопись говоритъ: *возрастьшю* Игорю... и приведоша ему жену. Здѣсь дается видѣть, что это былъ *первый* бракъ Игоря, въ смыслѣ настоящаго, такъ сказать, законнаго брака, какой и въ язычествѣ, особенно въ княжескихъ семьяхъ, различался отъ случайныхъ связей. Въ годъ этого брака—903-ій Игорь былъ въ возрастѣ не менѣе 25 лѣтъ—возрастъ довольно поздній для перваго брака, по тогдашнему времени, когда женились даже и ранѣе 20 лѣтъ [1]). Значитъ, женитьба Игоря почему то *отлагалась, отсрочивалась*. Для такого жениха, какъ князь и наслѣдникъ престола, подобная отсрочка должна была обусловливаться какимъ нибудь особенно важнымъ обстоятельствомъ, какимъ въ данномъ случаѣ всего естественнѣе предположить или то, что не имѣлось на лицо подходящей невѣсты, или же то, что имѣлась въ виду *предъизбранная невѣста, но еще не достигшая возраста невѣсты*. Не была ли такою Ольга? Въ Архангелогородскомъ лѣтописцѣ, представляющемъ позднѣйшее извлеченіе изъ другихъ лѣтописей, извѣстіе о приведеніи Ольги изъ Плескова въ Кіевъ дополняется варіантомъ—*десяти лѣтъ* [2]). Если это сообщеніе есть только собственный домыселъ лѣтописца, то на этотъ разъ—домыселъ основательный. Святославъ, сынъ Игоря и Ольги, родился въ 942 г., слѣд. на *39* г. ихъ супружества [3]). А это значитъ,

---

[1]) Въ годъ смерти Рюрика—879-й Игорь былъ „вельми дѣтескъ" „вельми молодъ", какъ выражается о немъ начальная лѣтопись по Лавр. и Ипат. спискамъ. Если это выраженіе понимать такъ, что ему было тогда три—четыре года, то въ 903 г. ему было около 25 л. Это обстоятельство, а также общеизвѣстный обычай очень раннихъ женитьбъ древнихъ князей нашихъ даютъ поводъ нѣкоторымъ изслѣдователямъ предполагать, что Игорь былъ женатъ и до женитьбы на Ольгѣ. Но выраженіе лѣтописи объ этой женитьбѣ исключаетъ такое предположеніе, не имѣющее притомъ за собой никакого свидѣтельства.

[2]) У Лейбовича, тамъ же стр. 26.

[3]) Извѣстіе о годѣ рожденія Святослава сообщается въ лѣтописяхъ *Ипатьевской*, Никоновской и Соф. Врем. Поэтому пропускъ извѣстія о годѣ рожденія Святослава въ Лаврен. спискѣ слѣдуетъ считать случайностію, происшедшею по недосмотру переписчика или редактора списка. Мы уже замѣчали, что варіанты

что Ольга въ 942 г. была еще настолько не стара, что могла рождать дѣтей [1]). Это собразно и съ тѣмъ фактомъ, что даже чрезъ три года потомъ древлянскіе послы сватали ее за своего князя Мала: едва ли могли бы они обольщать Ольгу новымъ замужествомъ, если бы видѣли въ ней старушку, уже не могущую быть женою [2]). Если же Ольга въ 942—945 г. была еще въ такомъ возрастѣ, что могла рождать дѣтей, могла быть сватана для новаго замужества, то, значитъ, въ годъ приведенія ея изъ Плескова въ Кіевъ, какъ невѣсты Игорю, она была еще очень молодою, была *недорослою*. Обычай женить и выдавать замужъ недорослыхъ очень извѣстенъ въ тѣ времена и въ Греціи, и на Руси, и на Западѣ: это одинъ изъ первобытныхъ обычаевъ, особенно въ княжескихъ семьяхъ. Даже въ XII в. у насъ извѣстенъ примѣръ выдачи замужъ *восьмилѣтней* Верхуславы, дочери Всеволода Юрьевича за Ростислава Рюриковича: ихъ даже повѣнчали и вѣнчалъ бѣлгородскій епископъ Максимъ [3]). Примѣры же договора между родителями о бракѣ ихъ дѣтей, заключаемаго въ видахъ политическихъ, имѣли мѣсто какъ на Западѣ, такъ и у насъ, даже относительно такихъ дѣтей, которые не достигли и 7 лѣтняго возраста [4]).

Ипатьевскаго списка оказываются большею частію надежнѣе Лаврентьевскихъ. Впрочемъ самъ Лаврентьевскій списокъ подтверждаетъ достовѣрность извѣстія о годѣ рожденія Святослава, когда подъ 946 г. говоритъ, согласно съ Ипатьев. лѣт., о немъ: „бѣ *бо дѣтескъ*". Татищевъ, ссылаясь на два бывшіе у него позднѣйшіе списка лѣтописей (новгородской и ростовской; впрочемъ ссылка неясна) переноситъ рожденіе Святослава на 920 г. Такое показаніе Татищева наклонны принимать и нѣкоторые изслѣдователи, именно въ виду того, что рожденіе Святослава въ 942 г. представляется слишкомъ позднимъ для супруговъ, ставшихъ таковыми съ 903 г. Но это—напрасно. Показаніе Татищева рѣшительно не заслуживаетъ довѣрія, какъ стоящее въ полномъ противорѣчіи съ свидѣтельствами начальной лѣтописи и о годѣ рожденія Святослава и о томъ, что въ 945 г. онъ былъ еще *дѣтескъ*, а не 20-лѣтній юноша. Несообразность же факта рожденія Ольгою сына на 39 г. супружества, не будучи абсолютною вообще, значительно ослабляется выясняющимся фактомъ *недорослости* Ольги въ 903 г., который упускался изъ вниманія и который здѣсь разъясняется.

[1]) Возможно, что у Игоря и Ольги были и другія дѣти до Святослава, но не упомянуты въ лѣтописи потому ли, что поумирали, или потому, что то были дочери, о которыхъ не всегда упоминаетъ лѣтопись.

[2]) Если сказаніе о сватовствѣ за Ольгу греч. императора Константина есть вымыселъ, то нѣтъ никакой причины считать таковымъ же разсказъ о древлянскомъ сватовствѣ.

[3]) Ипат. лѣт. стр. 443.

[4]) Таковъ напр. извѣстный договоръ Мстислава Удалаго съ Андреемъ кор. венгерскимъ о женитьбѣ сына послѣдняго также Андрея на дочери перваго Маріи, которой было менѣе 7 лѣтъ.

Само собою понятно, что недорослыя невѣсты или жены только брались въ семью жениховъ или мужей, а дѣйствительными женами онѣ становились по достиженію возраста. Тоже, конечно, слѣдуетъ думать и объ Ольгѣ. Приведенная изъ Плескова въ Кіевъ, въ качествѣ жены для Игоря, въ возрастѣ 10-лѣтнемъ, а можетъ быть 8-лѣтнемъ, подобно Верхуславѣ [1]), она здѣсь жила, воспитывалась и доростала на глазахъ Олега и Игоря и женскихъ лицъ ихъ княжескаго рода [2]). А женою Игоря она стала, конечно, лишь спустя 5—7 лѣтъ.

Фактъ недорослости Ольги въ годъ приведенія ея въ замужество за Игоря очень важенъ. Онъ склоняетъ къ выводу, что женитьба его на Ольгѣ опредѣлилась не случайно, а *предусмотрѣнно*, заранѣе обдуманно, что умъ и красота невѣсты едва ли могли имѣть здѣсь значеніе *главнаго начальнаго* мотива къ брачному союзу, ибо въ недорослой дѣвочкѣ эти качества едвали могли обнаружиться настолько выразительно, чтобы *рѣшительно* повліять на избраніе ея въ жены 25-лѣтнему Игорю, которому притомъ оставалось ожидать еще 5—7 лѣтъ, чтобы такая дѣвочка стала его женою. Значитъ, бракъ Игоря съ Ольгою предрѣшенъ былъ по другимъ мотивамъ, другимъ видамъ, которые были видами не только Игоря, но и Олега, и даже прежде всего—видами Олега: ибо Игорь, «ходившій по Олегѣ и слушавшій его», какъ своего воспитателя и великаго князя, и женился на Ольгѣ по волѣ Олега, которая, впрочемъ, могла совпадать съ собственнымъ желаніемъ Игоря.

д). Уясненіе обстоятельствъ женитьбы Игоря на Ольгѣ необходимо приводитъ къ заключенію, что та варяжская, жившая въ Плесковѣ, семья, изъ которой происходила Ольга, была *родственна* Олегу, что поэтому и Ольга была *родственницей* его, напр. его внучкой, племянницей и т. под. Чѣмъ прежде всего и естественнѣе всего объяснить несомнѣнный для насъ фактъ вліянія воли Олега въ заранѣе предрѣшенномъ дѣлѣ женитьбы Игоря на Ольгѣ, если не родственными отношеніями къ ней самаго Олега? Что́ можетъ быть естествен-

---

[1]) Было замѣчено, что сообщеніе Архангелогородскаго лѣтописца о 10-лѣтнемъ возрастѣ Ольги въ 903 г., есть, вѣроятно, только собственный домыселъ лѣтописца, понимавшаго, что Ольга въ этомъ году должна быть еще недорослою. Но недорослость эту возможно понимать и такъ, что она была даже не 10 лѣтъ, а еще моложе, что взята послѣ *семи* лѣтъ, на *восьмомъ*, когда она только что перешла изъ *дѣтскаго* возраста (какимъ повсюду считался возрастъ до 7 лѣтъ) въ возрастъ *отроческій*, *отроковичный*.

[2]) Такія лица были, напр., одна или двѣ сестры Игоря.

нѣе желанія Олега женить княжича, своего питомца и наслѣдника престола, на своей родственницѣ? Вполнѣ естественно и то, что Игорь, обязанный Олегу и воспитаніемъ, и сохраненіемъ его правъ, какъ наслѣдника престола, охотно согласился скрѣпить родственный союзъ съ нимъ чрезъ бракъ съ Ольгою, тѣмъ болѣе, что послѣдняя обнаруживала задатки прекрасныхъ качествъ.

Средніе вѣка (да и другія времена) представляютъ много примѣровъ на то, что правители государства при недорослыхъ государяхъ или наслѣдникахъ престола женятъ или хотятъ женить ихъ на своихъ родственницахъ—дочеряхъ, сестрахъ, племянницахъ. Вполнѣ естественно было бы предполагать это и въ Олегѣ, еслибы даже онъ былъ только правителемъ государства при Игорѣ, а не государемъ, какимъ онъ былъ въ дѣйствительности. Но тутъ слѣдуетъ принять во вниманіе еще одно *важное* обстоятельство. Олегъ былъ *родственникомъ* отца Игоря Рюрика, какъ прямо свидѣтельствуетъ лѣтопись: «умершю же Рюрикови, предаетъ княженіе свое Ольгови, *отъ рода его сущу*, вдавъ ему на руцѣ сына своего Игоря, бяше бо дѣтескъ вельми». Несомнѣнный фактъ родства Олега съ Рюрикомъ, а слѣд. и съ Игоремъ, служитъ для насъ новымъ подкрѣпленіемъ мысли, что къ общему родству этому принадлежала и Ольга, ближайшая родственница Олега и болѣе дальняя—Игоря, котораго и женилъ на ней Олегъ, побуждаясь именно чувствами и отношеніями родства. Здѣсь находитъ свое мѣсто предположеніе о связи именъ Олега или какъ пишетъ иногда лѣтопись, *Ольга* и Ольги. Но связь эту надежнѣе понимать не въ томъ натянутомъ и лишенномъ исторической аналогіи смыслѣ, что Ольга получила это свое имя отъ Олега *по случаю замужества*, а въ томъ болѣе простомъ смыслѣ, что она и *прежде* носила это имя, какъ *близкая родственница Олега*, получивъ его вслѣдствіе обычая давать тожественные имена членамъ одной и той же фамиліи, заимствуя такія имена особенно отъ именъ старшихъ и наиболѣе почетныхъ членовъ этой фамиліи. Обычай этотъ, древній и очень распространенный у народовъ, извѣстенъ и въ нашихъ княжескихъ фамиліяхъ[1]). Въ лѣтописяхъ относительно *княжихъ* именъ

---

[1]) Напр. въ родѣ князей черниговскихъ и рязанской вѣтви этого рода преобладаютъ имена *Святославъ и Олега*, наиболѣе извѣстныхъ родоначальниковъ ихъ. То же примѣчается въ именахъ князей полоцкихъ и князьяхъ потомства Мстислава Мономаховича. Обычай же тождественныхъ именъ *мужескихъ* и *женскихъ* (конечно, съ перемѣною окончанія), не безъизвѣстный и у насъ (Всеславъ—Всеслава и под.), извѣстнѣе на Скандинавскомъ сѣверѣ (Погодинъ, тамъ же, III стр. 92).

встрѣчаются замѣчанія, что дано имя *дѣдне* и т. под. Очень возможно, что и Ольгѣ дано это имя, какъ Олеговой внучкѣ или племянницѣ. Не лишено значенія и замѣчательное сходство въ характерѣ Олега и Ольги. Олегъ—вѣщій и мудрый; Ольга—тоже «мудрая вельми»; онъ и она дѣйствуютъ хитростію, обманомъ: Олегъ—въ отношеніи къ Аскольду и Диру, и Ольга—въ отношеніи къ древлянскимъ посламъ. Не черты ли это фамильнаго сходства? Не лишено значенія и то, что только *объ Олегѣ* и *Ольгѣ* передаются однородныя сказанія (колеса Олега, воробьи Ольги), имѣющія свои отголоски и въ сагахъ. Не служатъ ли эти сказанія также отголосками розсказней въ потомствѣ той варяго-русской фамиліи или родни, къ которой нѣкогда принадлежали Олегъ и Ольга? Впрочемъ, и помимо подобныхъ предположеній, остается, кажется намъ, достаточно обоснованнымъ выводъ, что та, жившая въ Плесковѣ, варяго-русская семья, изъ которой Олегомъ взята Ольга въ замужество за Игоря, была родственною Олегу.

e) Но такой выводъ обусловливаетъ постановку вопроса о томъ: чѣмъ была въ Плесковѣ эта варяго-русская семья? Ея жительство и ея положеніе въ Плесковѣ не находилось ли въ связи съ какими либо прежними отношеніями къ Плескову самаго Олега? Говоря о прибытіи Рюрика съ братьями, лѣтопись замѣчаетъ: «и изъбрашася три брата *съ роды своими*». Безъ сомнѣнія, въ этихъ родахъ долженъ разумѣться и Олегъ, *сущій отъ рода Рюрика*. Когда по смерти братьевъ Рюрикъ сталъ княжить одинъ, то онъ, по лѣтописи, «раздавалъ грады *мужемъ своимъ:* овому Полотскъ, овому Ростовъ, овому Бѣлозеро: и по тѣмъ городомъ, прибавляетъ лѣтопись, суть находницы Варязи» [1]). Замѣчательно, что лѣтопись не упоминаетъ здѣсь

[1]) Къ величайшему сожалѣнію, послѣ этого, стоящаго подъ 862 г., разсказа и затѣмъ извѣстія объ отходѣ Аскольда и Дира на югъ и занятіи ими Кіева, начальная лѣтопись ничего болѣе не сообщаетъ о Рюрикѣ и сѣверной Руси до его кончины въ 879 г., а послѣ извѣстія о ней и о переходѣ власти и опекунства надъ Игоремъ къ Олегу,—ничего не сообщаетъ объ Олегѣ до похода его на югъ къ Кіеву въ 882 г. Такимъ образомъ годы между 862—879гг. остаются въ лѣтописи *пустыми* для сѣверной Руси. Лишь подъ тремя изъ этихъ шестнадцати пустыхъ годовъ помѣщены извѣстія, не относящіяся къ сѣверной Руси и притомъ не самостоятельныя, а заимствованныя изъ византійскихъ хроникъ. Затѣмъ, послѣ 879 г. стоятъ опять пустые года до 882 г. Отрывочность извѣстій о Рюрикѣ подъ 862 и 879 гг., въ связи съ указаннымъ значительнымъ количествомъ пустыхъ годовъ, служитъ *однимъ изъ поводовъ* къ отрицанію достовѣрности и этихъ извѣстій, къ отрицанію Рюрика и варяго-руссовъ, послѣ чего и Олегъ признается существующимъ

объ Изборскѣ. Не иначе слѣдуетъ понимать это, какъ такъ, что Изборскъ съ областію мѣстныхъ кривичей Рюрикъ оставилъ въ своемъ непосредственномъ владѣніи вмѣстѣ съ Новгородомъ и областію новгородскихъ или ильменскихъ славянъ. Но Рюрикъ жилъ и долженъ былъ жить въ Новгородѣ, гдѣ у него было много дѣла, обусловливаемаго самымъ положеніемъ его, какъ перваго князя, гдѣ приходилось ему и заново обстроиваться въ новой столицѣ (о чемъ есть извѣстія), мирить родовыя распри, вершить судъ, устанавливать нарядъ и удерживать въ подчиненіи и порядкѣ новопокоренное населеніе (есть, хотя и позднія, извѣстія о борьбѣ его съ недовольными его властію). Естественно, что вторую изъ двухъ, оставленныхъ имъ въ своемъ непосредсвенномъ владѣніи областей, т. е. область сосѣднихъ кривичей съ городами Изборскомъ и Плесковомъ онъ могъ предоставить во власть другому лицу, но уже не кому либо изъ своихъ мужей или боярь, а такому лицу, которое было у него alter ego, было настолько близкимъ къ нему, что принимало интересы его и его дома, какъ свои собственные. А такимъ былъ Олегъ, сущій отъ

въ нашей исторіи только съ 882 г. (когда онъ оказывается въ Кіевѣ) и не имѣющимъ никакого отношенія къ Рюрику, какъ не существовавшему. Такой взглядъ на дѣло представляется намъ крайне несостоятельнымъ. Отрывочность извѣстій о начальныхъ временахъ государствъ есть явленіе почти всеобщее въ ихъ лѣтописяхъ. Пустыми годами изобилують начальныя лѣтописи повсюду; а въ нашей лѣтописи на первыхъ страницахъ ея есть не мало пустыхъ годовъ и послѣ 882 г. При такомъ, вполнѣ естественномъ положеніи лѣтописнаго дѣла въ начальное время всякой исторіи, тѣмъ болѣе слѣдуетъ беречь, какъ драгоцѣнность, доставшіяся намъ немногія отрывочныя извѣстія. Иначе мы рискуемъ остаться при исторіи *безъ начала*, или же началомъ ея поставимъ наши догадки и теоріи, что̀ и видимъ у тѣхъ, впрочемъ весьма уважаемыхъ, историковъ, которые отвергаютъ первыя хронологическія и опредѣленныя извѣстія лѣтописи. Съ своей стороны, твердо держась этихъ извѣстій, полагаемъ, что только *въ согласіи съ ними* позволительно строить предположенія и о томъ, что̀ могло быть и дѣлаться въ тѣ годы времени Рюрика и Олега, которые остались пустыми въ лѣтописи, но, безъ всякаго сомнѣнія, не оставались пустыми въ дѣйствительности, а были наполнены дѣятельностію этихъ князей и ихъ сподвижниковъ по начальному устроенію новаго государства и себя самихъ въ этомъ государствѣ, въ новой странѣ и среди ея населенія. Тоже должно сказать и по поводу молчанія начальной лѣтописи о семейныхъ отношеніяхъ новой династіи. Лѣтопись прямо говоритъ только объ одномъ *сынѣ* у Рюрика Игорѣ. Но случайно изъ уцѣлѣвшаго въ ней договора Игоря съ греками узнаемъ, что у Рюрика были дочери, сестры Игоря, сыновья которыхъ, Игоревы *нетіи* т. е. сестриничи, упоминаются по именамъ въ этомъ договорѣ. Также случайно, отъ Константина Багрянороднаго узнаемъ, что къ великокняжескому дому Игоря и Ольги, основанному Рюрикомъ и Олегомъ, принадлежала цѣлая группа родственниковъ и родственницъ.

рода Рюрика и настолько преданный и вѣрный ему, что предъ смертію Рюрикъ вдалъ на руки ему своего сына и наслѣдника. Такъ весьма вѣроятно, что *Олегъ еще при жизни Рюрика владѣлъ и правилъ Изборскомъ и Плесковомъ* съ областію мѣстныхъ кривичей, какъ самъ Рюрикъ—Новгородомъ и Ладогой съ областію ильменскихъ славянъ [1]). Какъ сродичъ Рюрика и притомъ несомнѣнно даровитый, сильный и преданный ему, Олегъ, по согласію и уговору съ нимъ, имѣлъ здѣсь свое *княжество*, свое владѣніе, служившее и содержаніемъ ему, какъ князю, собиравшему на себя дани, оброки и пошлины. Это было сходно съ обычаями подобныхъ владѣній на скандинавскомъ сѣверѣ; довольно сходно и съ обычаями нашей позднѣйшей удѣльщины. Близость княжеской области Олега къ Новгороду представляла удобства для сношеній между нимъ и Рюрикомъ, тогда очень важныхъ въ интересѣ ихъ обоихъ. Затѣмъ, такъ какъ Изборскъ послѣ 862—864 г., когда въ немъ княжилъ Труворъ, надолго исчезаетъ въ лѣтописяхъ, а вмѣсто него съ нач. X в. выступаетъ Плесковъ, связуемый при этомъ съ именами Олега и Ольги; то естественно предположить, что Олегъ, получивъ въ свое владѣніе область ближайшихъ къ Новгороду кривичей, поступилъ подобно Рюрику, перешедшему изъ Ладоги въ Новгородъ, то есть: оставилъ Изборскъ и перешелъ въ Плесковъ, какъ городъ, подобно Новгороду, главный въ своей области, и притомъ ближайшій къ нему. Послѣ этого Изборскъ пошелъ надолго въ забвеніе, а Плесковъ сталъ расти заново обстроиваться Олегомъ, какъ Новгородъ Рюрикомъ. Когда, по смерти Рюрика, Олегъ сталъ княжить въ самомъ Новгородѣ, а потомъ въ Кіевѣ, какъ полновластный великій князь, имѣвшій «подъ своею рукою и всѣхъ свѣтлыхъ князей и великихъ бояръ», какъ областныхъ правителей, то онъ имѣлъ полную возможность предоставить свой прежній плесковскій удѣлъ во владѣніе одному изъ такихъ князей, но такому именно, который былъ *отъ его рода*, какъ самъ онъ былъ отъ рода Рюрика и который по родству съ Олегомъ, имѣлъ право наслѣдовать ему въ его прежнемъ удѣлѣ. Это сообразно съ дѣятельностію Олега въ первые годы его правленія, какъ ее изображаетъ лѣтопись, говоря, что онъ на пути къ Кіеву, сажалъ своихъ мужей во вновь занятыхъ городахъ (Смоленскѣ и Лебечѣ), устроялъ города, установлялъ дани, а въ

---

[1]) Предоставленіе во власть Олега гг. Изборска и Плескова съ областію кривичей послѣдовало, надо полагать, въ одинъ изъ тѣхъ годовъ, которые послѣ 862—864 г. остаются въ лѣтописи пустыми.

Новгородѣ уставилъ особую дань въ пользу Варяговъ «мира дѣля» [1]. Правда, Плесковъ не упомянутъ въ числѣ городовъ, обнятыхъ распорядительною дѣятельностію Олега въ эти первые годы его правленія; но, безъ сомнѣнія, онъ не могъ быть обойденъ ею, такъ что отсутствіе извѣстій о распоряженіяхъ Олега относительно Плескова, въ лѣтописи, вообще крайне скудной извѣстіями для даннаго времени, можетъ объясняться тѣмъ, что въ этихъ распоряженіяхъ небыло ничего *особеннаго*, т. е. что этотъ городъ съ окрестною областію просто семейнымъ распоряженіемъ Олега перешелъ во владѣніе «свѣтлаго князя», сродича Олегова. Изъ семьи этого князя и могла произойти Ольга, какъ могли произойти изъ нея и нѣкоторые изъ ея родственниковъ и родственницъ, упоминаемыхъ Константиномъ Багрянороднымъ. Эту то семью посѣщала Ольга во время своей поѣздки изъ Кіева на сѣверъ, когда она останавливалась въ Плесковѣ и, повидимому, на долѣе, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ. Отъ этой то семьи, осѣвшейся въ плесковской области со времени Олега, могли достаться Ольгѣ, по праву фамильнаго наслѣдства, и нѣкоторыя изъ тѣхъ селъ и угодій, которыя связываются преданіемъ съ именемъ Ольги, и изъ которыхъ село Выбутино или Будутино признано было мѣстомъ ея рожденія. Плесковская княжеская, или княжеско-боярская фамилія, какъ родственная Олегу, могла бы современемъ стать даже независимою владѣтельною фамиліею, подобно фамиліи Рогвольда полоцкаго [2]. Но вѣрный сродичъ и преданный дому Рюрика Олегъ, лично удовольствовавшись тѣмъ полновластіемъ, какое предоставилъ ему Рюрикъ предъ смертію и которымъ онъ имѣлъ пользоваться до своей кончины, возвращаетъ Плесковъ наслѣднику Рюрика вмѣстѣ съ рукою Ольги, къ чему могло располагать велико-

---

[1] Это *мира дњля* (для) можно понимать такъ, что оставленная въ Новгородѣ военная дружина варяговъ, содержимая на счетъ слѣдовавшей Олегу, какъ в. князю, дани отъ Новгорода, должна была охранять миръ, т. е. спокойствіе и покорность самаго населенія вѣчеваго города, или же охранять городъ отъ возможныхъ набѣговъ другихъ заморскихъ варяговъ, охранять *внњшній* миръ.

[2] О Рогвольдѣ Лаврент. лѣтопись подъ 1128 г. говоритъ: „бѣ Рогвольдъ пришелъ изъ за морья, имѣше волость свою Полтескъ". Но какъ Полоцкъ, по болѣе раннему сообщенію той же лѣтописи, находился въ свое время во власти Рюрика, который далъ его въ управленіе одному изъ своихъ *мужей*, то надо полагать, что изъ фамиліи этого мужа и происходилъ Рогвольдъ, что фамилія этого мужа правила Полоцкомъ *наслњдственно*, а Рогвольдъ, пользуясь замѣшательствомъ по смерти Святослава при его сыновьяхъ, сталъ держать себя независимо, желалъ обратить управляемую имъ область въ особое княжество.

душнаго опекуна еще и то, что самъ онъ или не имѣлъ прямого наслѣдника, или признавалъ таковымъ Ольгу и любилъ ее, какъ свою внучку или племянницу. Родня же Ольги мирилась съ такою волею Олега, какъ ему всѣмъ обязанная, отъ него вполнѣ зависимая и притомъ въ возвышеніи Ольги, какъ жены Игоря, наслѣдника престола и власти во всей русской землѣ, видѣвшая собственное возвышеніе, достаточно ее удовлетворявшее. Словомъ, бракъ Игоря съ Ольгою, устроенный Олегомъ, имѣлъ свои мотивы, по всей вѣроятности не только въ *родственныхъ, но и въ политическихъ* видахъ мудраго Олега, желавшаго соединеніемъ двухъ родственныхъ и властвующихъ въ Руси (въ лицѣ Олега и Игоря) фамилій, предотвратить возможныя замѣшательства, упрочить нововозникающую династію въ новомъ государствѣ [1]). И если такъ, то это дѣло Олега было въ высшей степени благодѣтельнымъ для новаго государства и для всей Руси и ея ближайшей будущности! Счастливыя условія объединенія двухъ фамилій въ данномъ случаѣ увеличивались тѣмъ, что представительница Олеговой фамиліи оказывалась достойнѣйшею своего призванія, въ качествѣ жены наслѣдника престола и будущей великой княгини. То весьма вѣроятно, что она осталась единственною женою его, съ которой онъ жилъ до преклонныхъ лѣтъ, а это было далеко не въ обычаѣ тѣхъ временъ [2]). Надлежитъ думать, что Ольга пользовалась такою любовію и уваженіемъ Игоря, такимъ вліяніемъ на него, которыми устранялась допускаемая обычаемъ возможность другихъ женъ у него. Въ свою очередь Ольга, овдовѣвъ послѣ убитаго древлянами Игоря, не только не поддалась на второе замужество, что въ ея, хотя и пожиломъ, возрастѣ нерѣдко дозволяли себѣ вдовы-государыни въ другихъ мѣстахъ, даже въ Византіи, но и засвидѣтельствовала свою вѣрную любовь къ мужу особенною страстностію мести за убіеніе его. Утѣшившись исполненіемъ этого, по языческимъ

---

[1]) Брачные союзы по видамъ политическимъ были тогда въ обычаѣ такъ же, какъ и въ разныя другія времена. Древляне женитьбою своего князя Мала на Ольгѣ надѣялись, конечно, не только предупредить войну съ Кіевомъ, но и достичь господства надъ нимъ. Ярополкъ и Владиміръ, въ борьбѣ изъ за господства въ Руси, ищутъ руки дочери Рогвольда, чтобы сдѣлать его своимъ союзникомъ.

[2]) Что у Игоря не было другихъ женъ, кромѣ Ольги, слѣдуетъ заключить какъ изъ молчанія о томъ лѣтописи, такъ особенно изъ факта рожденія у нихъ сына за нѣсколько лѣтъ до смерти Игоря, послѣ не менѣе 35 лѣтней супружеской жизни. Фактъ этотъ былъ бы почти не мыслимъ при существованіи у Игоря другихъ женъ, конечно, болѣе молодыхъ.

понятіямъ, священнаго долга по отношенію къ мужу, она, слѣдуетъ полагать, нашла новое утѣшеніе въ предпринятомъ вслѣдъ затѣмъ путешествіи на сѣверъ, на свою плесковскую родину, гдѣ могла также дѣлать какія либо распоряженія, касающіяся ея родни и ея наслѣдственныхъ волостей въ этой странѣ, которыя она удерживала за собой, какъ то слѣдуетъ заключить по не разъ уже упомянутымъ извѣстіямъ о Будутинѣ. Затѣмъ вся вообще дѣятельность Ольги, какъ правительницы государства въ малолѣтство Святослава, напоминаетъ собою дѣятельность уже не Игоря, а мудраго Олега, ибо, подобно Олегу, оно сосредоточиваетъ вниманіе на внутреннемъ устроеніи государства, пріобрѣтая чрезъ это славу мудрѣйшей изъ русскихъ женъ, мудрѣйшей правительницы.

ж). Остается высказать возможное предположеніе по поводу раздѣляемаго нѣкоторыми изслѣдователями мнѣнія Татищева, который, опираясь на сказанія своей Іоакимовой лѣтописи, производитъ Ольгу, *по женской линіи*, изъ рода знаменитаго новгородскаго боярина-князя Гостомысла, чрезъ старшую изъ трехъ дочерей его, бывшую въ замужествѣ за варяжскимъ изборскимъ княземъ. Въ своемъ мѣстѣ было замѣчено, что, несмотря на баснословныя подробности сказанія о Гостомыслѣ, личность эта можетъ быть признана историческою, какъ упоминаемая и въ разныхъ другихъ источникахъ, хотя и позднихъ. И если такъ, то можно съ нѣкоторою вѣроятностію допустить, какъ историческую дѣйствительность то, что составляетъ основу въ сказаніи о Гостомыслѣ. Это—мысль о существованіи какого то родственнаго союза между членами возобладавшаго въ славяно-русской странѣ варяжскаго княжескаго рода съ наиболѣе представительными лицами изъ мѣстныхъ свѣтлыхъ бояръ, какими должно преполагать въ данномъ случаѣ бояръ *новгородскихъ*, и къ какимъ могъ принадлежать Гостомыслъ. То само по себѣ естественно, что пришлый владѣтельный родъ, въ интересѣ сближенія съ новою мѣстною средою и упроченія своего положенія въ новой странѣ, наклоненъ былъ родниться съ наиболѣе представительными и наиболѣе вліятельными фамиліями въ населеніи этой страны. Это бывало въ подобныхъ случаяхъ очень часто и въ древнія и въ позднѣйшія времена. Вспомнимъ многочисленные родственные союзы литовскихъ княжескихъ фамилій съ русскими при водвореніи первыхъ въ предѣлахъ зап. Руси. Очень нерѣдки примѣры, что брачные союзы между лицами возгосподствовавшей въ странѣ національности и мѣстной, туземной нарочито устраиваются въ видахъ взаимнаго сближенія. Извѣстны такіе союзы напр. въ Бол-

гаріи между греками и болгарами, послѣ подчиненія ея императоромъ Василіемъ II. Есть нѣкоторое основаніе полагать, что брачные союзы новаго варяжскаго княжескаго рода съ фамиліями изъ знатныхъ бояръ, конечно, новгородскихъ, начались еще при Олегѣ и Игорѣ. По крайней мѣрѣ имя одного изъ *нетіевъ*, т. е. сестриничей Игоря, представляется славянскимъ, а одинъ изъ нихъ женатымъ на славянкѣ [1]). Когда древляне сватали Ольгу за своего князя Мала, то они, конечно, знали, что брачный союзъ племеннаго князя съ господствующимъ домомъ возможенъ. Сказанное здѣсь стоитъ въ противорѣчіи съ тѣмъ, что выше говорено было о брачныхъ союзахъ нашихъ князей, какъ союзахъ по преимуществу съ княжескими же фамиліями. Тамъ же было замѣчено, что бывали, хотя и не часто, брачные союзы у нихъ съ лицами *знатнѣйшихъ* бояръ. И надо сказать, что извѣстны такіе союзы князей именно съ боярскими фамиліями *въ Новгородѣ*, гдѣ бояре болѣе, чѣмъ въ другихъ древнихъ городахъ, выдавались своимъ значеніемъ родовой, землевладѣльческой и промышленной аристократіи [2]). Такимъ образомъ есть возможность допустить, что та вѣтвь княжескаго рода, къ которой принадлежалъ Олегъ, сродичъ Рюриковъ, могла войти въ брачный союзъ съ семьею знатнѣйшаго новгородскаго боярина, былъ ли то Гостомыслъ или кто другой. Но такой союзъ, если онъ существовалъ, могъ произойти *не до призванія и прихода князей*, какъ то разсказываетъ Татищевъ, вторя баснословію своей Іоакимовой лѣтописи, а *по приходѣ ихъ* и по утвержденіи своей владѣтельной осѣдлости въ Руси, которою и обусловилась возможность брачныхъ союзовъ ихъ съ наиболѣе представительными лицами мѣстной среды. Затѣмъ, союзъ этотъ, если онъ существовалъ, гораздо надежнѣе понимать такъ, что въ немъ *мужеская* сторона была *варяжскою*, а *женская славянскою*; такъ что та плесковская семья, изъ которой произошла Ольга, могла бы быть названа *княжеско-боярскою*, *варяго-славянскою*. И если сама Ольга

[1]) Таковы нетій Игоревъ *Улѣбъ Володиславль* (Ипат. лѣт., въ Лаврентьевской—иная разстановка знаковъ препинанія, едва ли основательная), Якунъ—нетій Игоревъ (ib.). Имя Якунъ встрѣчается и какъ варяжское, и какъ славянское. Упоминаемая послѣ перваго нетія Игорева *Предслава* была, какъ предполагалъ Карамзинъ, женою его племянника.

[2]) Мстиславъ сынъ Владиміра Мономаха, женатый первымъ бракомъ на дочери короля шведскаго, вторымъ бракомъ женатъ былъ на дочери знатнаго боярина Димитрія Завидича. О брачныхъ связяхъ боярскихъ семействъ Новгорода съ князьями Рюрикова дома — замѣчаніе у Костомарова (Сѣверно-русскія народоправства. Т. II. стр. 21—22. Спб. 1863 г.).

носила еще варяжское имя, какъ *княжее* имя въ своемъ родѣ, то сыну даетъ уже славянское имя Святослава.

Безсмертное имя стяжала Ольга въ русской исторіи, какъ первая въ княжескомъ родѣ принявшая христіанство. Великое это дѣло совершилось, безъ сомнѣнія, въ связи со всею личною исторіею ея. По ясному свидѣтельству лѣтописи, первыми христіанами у насъ были христіане изъ варяговъ, тѣхъ, конечно, которые бывали въ христіанской Греціи и тамъ знакомились съ христіанствомъ. Естественно думать, что Ольга, какъ тоже варяжка княжескаго рода, услышала о христіанской Греціи отъ такихъ же варяговъ. Первые разсказы о ней она могла слышать еще отъ Олеговыхъ варяговъ, бывавшихъ послами его въ Царьградѣ, о которыхъ лѣтопись говоритъ, что тамъ, по повелѣнію царя, показывали имъ достопримѣчательности и святыни Царьграда, «учаще ихъ вѣрѣ истинной». Договоръ Олега съ греками повліялъ на учащеніе сношеній Руси и Кіева съ Царьградомъ, плодомъ которыхъ были появленіе или умноженіе варяговъ-христіанъ въ Кіевѣ, изъ тѣхъ, которые приходили христіанами изъ Греціи, изъ Царьграда, и къ которымъ могли присоединиться и варяго-руссы изъ Черноморья, присоединившіеся къ русской державѣ, если еще не въ концѣ княженія Олега, то уже несомнѣнно при Игорѣ. Въ концѣ правленія его, какъ видно изъ договора 945 г. они оказывались въ Кіевѣ въ такой силѣ, что имѣли свою христіанскую церковь, что къ вѣрѣ ихъ относится съ терпимостію и уваженіемъ князь и въ самомъ текстѣ договора варяго-руссы христіане ставятся впереди язычниковъ. Дѣлаемый отсюда выводъ, будто и самъ Игорь былъ уже внутренно предрасположенъ къ христіанству, не есть еще выводъ, настоятельно требуемый. Сила варяговъ христіанъ при дворѣ великокняжескомъ проще можетъ быть объяснена вліяніемъ Ольги, которая, по своей мудрости, могла лучше Игоря понять варяговъ христіанъ, приблизить ихъ ко двору и внушить уваженіе къ нимъ и своему старѣвшему, а тѣмъ болѣе и подчинявшемуся ея вліянію мужу. За то, послѣ внезапной смерти Игоря, убитаго древлянами, Ольга, оставшись съ недорослымъ сыномъ на рукахъ, нашла нужнымъ сдерживать свое предрасположеніе къ христіанству въ виду рѣшительнаго *численнаго* преобладанія язычниковъ и въ княжеской дружинѣ, и въ населеніи. Съ своей стороны, представительные язычники не могли забыть временно проявившейся силы варяговъ-христіанъ въ послѣдніе годы Игоря и позаботились окружить своимъ вліяніемъ молодаго наслѣдника престола, осиливъ даже влія-

ніе матери, какъ ясно даетъ понять это лѣтопись [1]). Благопріятное условіе къ достиженію такого вліянія они нашли въ исключительно воинственныхъ наклонностяхъ или инстинктахъ, сказавшихся въ молодомъ князѣ. Сдавъ затѣмъ управленіе сыну, Ольга сосредоточилась на внутреннихъ расположеніяхъ своей души, искавшей свѣта вѣры. Ближе примкнула она къ средѣ бывшихъ въ Кіевѣ христіанъ, приблизила къ себѣ христіанскаго священника Григорія, можетъ быть, посѣщала и христіанскую церковь, въ качествѣ христіанки въ состояніи оглашенія, но предпочла принять крещеніе въ Царьградѣ, о которомъ столько уже слышала, и въ которомъ существовала и варяжская церковь для варяго-русскихъ христіанъ. Былъ ли священникъ Григорій священникомъ изъ варяжскихъ кіевскихъ христіанъ, прибывшимъ изъ Царьграда или Черноморья, или же онъ былъ болгариномъ, предполагаемымъ современникомъ Симеона Болгарскаго († 927 г.) и переводчикомъ хроникъ Амартола и Іоанна Малалы,— это остается вопросомъ. Но если онъ былъ и болгариномъ, то присутствіе его въ Кіевѣ при дворѣ Ольги можетъ быть объяснено и помимо мысли о болгарскомъ происхожденіи Ольги, противорѣчащей гораздо болѣе надежнымъ свидѣтельствамъ о русскомъ происхожденіи ея. Игорь во время своихъ походовъ 941 и 944 г. достигалъ Дуная и Болгаріи, причемъ болгары, тогда союзные съ греками, предупреждаютъ ихъ о движеніи руссовъ, а Игорь дѣйствуетъ какъ врагъ Болгаріи, пуская на нее орду печенѣговъ. Но когда, послѣ договора 945 г., установились мирныя отношенія у Руси съ Греціею и Болгаріею, продолжавшіяся и при Ольгѣ, то стало возможнымъ учащеніе торговыхъ сношеній Руси съ Болгаріею. О существованіи ихъ есть весьма опредѣленное и значимое свидѣтельство въ словахъ Святослава, показывающихъ, что Переяславль Болгарскій былъ большимъ торговымъ центромъ, въ который «вся благая сходятся съ разныхъ мѣстъ» въ который привозятся товары изъ Греціи, Чехіи, Угріи и *Руси*. Эти сношенія могли оживлять среди русскихъ и болгарскихъ славянъ представленіе о сродствѣ ихъ по племени и языку. И если русскіе ходили для торговли въ Болгарію, то и болгары могли приходить въ Русь и Кіевъ. Могли нѣкоторые изъ нихъ и переселяться въ Русь, недовольные положеніемъ дѣлъ въ Болгаріи при современ-

[1]) Въ отвѣтъ на просьбы и увѣщанія матери, склонявшей Святослава къ христіанству, онъ ссылался на дружину, которая будетъ смѣяться надъ нимъ. Очевидно, эта дружина еще ранѣе подчинила Святослава своему вліянію.

никѣ Ольги царѣ Петрѣ [1]). Могли быть между ними и люди *грамотные*, теперь уже нужные Руси, имѣвшей *письменные* договоры съ Греціею, существовавшіе, безъ сомнѣнія, въ переводѣ на языкъ, понятный договаривающейся русской сторонѣ, и такимъ языкомъ, всего вѣроятнѣе, былъ славянскій съ его грамотностію, существовавшею въ Болгаріи [2]). И если были въ Кіевѣ пришельцы изъ Болгаріи, то, какъ христіане, они естественно должны были сближаться съ христіанами, и чрезъ нихъ могли сдѣлаться извѣстными и Ольгѣ. Ольга, какъ вѣроятная славянка по женской линіи, или же теперь уже ославянившаяся русская княгиня и считавшая славянскую Русь столько же себѣ родною, какъ и варяжскую, узнала славянъ и въ болгарскихъ христіанахъ и потому могла приблизить къ себѣ болгарскаго славянина-священника, если таковымъ былъ Григорій, извѣстный въ ея свитѣ во время путешестія ея въ Царьградъ. Въ этой свитѣ были и *переводчики*, знавшіе греческій и славянскій языки, что так-

---

[1]) Induction Пречка „Исторія болгаръ", стр. 222—224.

[2]) Договоры Олега и Игоря писаны въ *Царьградѣ*; тамъ слѣд. сдѣланы были и переводы ихъ, о чемъ должны были позаботиться не только руссы, но и сами греки, заинтересованные въ соблюденіи руссами договоровъ, что особенно должно сказать о договорѣ Игоря, для грековъ болѣе выгодномъ, чѣмъ для руссовъ. Возможно, что варяго-руссы Олега и Игоря имѣли переводъ договоровъ и на своемъ варяго-русскомъ языкѣ, и въ такомъ случаѣ письмомъ перевода могло быть *готское*, какъ письмо языка родственнаго ихъ языку и извѣстное черноморскимъ руссамъ, ихъ одноплеменникамъ. Но оффиціальный переводъ, безъ сомнѣнія, былъ переводомъ на славянскій языкъ, какъ языкъ цѣлой страны, въ которой господствовали кіевскіе варяго-руссы. Въ Царьградѣ совсѣмъ нетрудно было найти переводчика и переписчика договоровъ изъ славянъ здѣсь жившихъ, знавшихъ и греческій языкъ. И всего вѣроятнѣе, эти славяне были изъ болгаръ или одноплеменныхъ съ ними византійскихъ славянъ, бывавшихъ и на службѣ государственной. Принесенные изъ Царьграда въ Кіевъ, договоры въ славянскомъ переводѣ, конечно, были здѣсь *читаемы* князьямъ, дружинникамъ, боярамъ, гостямъ (купцамъ), какъ относившіеся и къ торговымъ дѣламъ, или по крайней мѣрѣ *объясняемы* имъ читающими. Для такого чтенія требовались *грамотные* люди. Нужны были такіе люди и для написанія или объясненія тѣхъ *грамотъ* княжескихъ, съ какими, по договору Игоря, должны были руссы приходить въ Царьградъ. Поэтому кіевскіе князья и должны были запасаться такими грамотными людьми, привлекая ихъ изъ самаго Царьграда или изъ Болгаріи и во всякомъ случаѣ изъ среды славянъ, знавшихъ и греческій, и славяно-русскій языкъ, однородный съ болгарскимъ. Эти грамотные люди могли быть *только изъ христіанъ* и скорѣе всего изъ лицъ *духовныхъ*, какъ необходимо грамотныхъ, бывавшихъ и позже дьяками и печатниками при нашихъ князьяхъ. Къ такимъ лицамъ могъ принадлежать и Григорій при Ольгѣ, бывшій вмѣстѣ и священникомъ при ней и домовой церкви ея.

же можно предполагать особенно о болгарахъ. Наконецъ, бывшіе въ той же свитѣ родственники и родственницы Ольги, по всей вѣроятности, ставшіе христіанами по примѣру Ольги, составляли ту ближайшую варяго-славянскую, христіанско-русскую среду, въ которой теперь вращалась Ольга, оставленная сыномъ, постоянно отлучавшимся въ далекіе походы.

Несмотря на упорство въ язычествѣ самого Святослава, являлись и новые послѣдователи христіанства, о чемъ намекаетъ лѣтопись и что слѣдуетъ приписать вліянію Ольги, которое простиралось прежде всего на ея родныхъ и приближенныхъ, жившихъ при ней въ Кіевѣ или Вышгородѣ, бывшемъ ея *княгининымъ* городомъ. Можно поэтому довѣрять преданію, что она заботилась о насажденіи христіанства и на своей плесковской родинѣ, куда если не ѣздила сама, то посылала кого либо изъ своей плесковской родни, при ней бывшей. Можно довѣрять извѣстію, что самое село свое на плесковской родинѣ, вышеупомянутое Будутоно, она завѣщала церкви Богородицы, построенной ею въ Кіевѣ, или Вышгородѣ въ качествѣ своей домовой церкви, чтобы обезпечить тѣмъ содержаніе ея и ея причта, или же предположенной къ построенію въ ея родномъ Плесковѣ. Но важнѣе всего то, что своимъ христіанствомъ, слава котораго, бывшая до Ольги только пришлою и далекою, а съ этого времени ставшая близкою и *своею* на Руси, какъ связанная съ именемъ славной и мудрѣйшей княгини,—что эта слава подготовила общее торжество христіанства въ Россіи при Владимірѣ!

Заканчивая настоящее изложеніе данныхъ соображеній и выводовъ о происхожденіи Ольги, мы не думаемъ настаивать на вѣрности послѣднихъ во всѣхъ частныхъ сторонахъ вопроса. Ясно и твердо стоитъ, на нашъ взглядъ, только тотъ общій выводъ, что Ольга была родомъ не изъ Болгаріи, а изъ Руси, не изъ болгарской Плискувы, а изъ русскаго Плескова и что она происходила изъ знатнаго, княжескаго или княжеско-боярскаго рода того же варяжскаго племени, къ которому принадлежали Рюрикъ, Олегъ и Игорь. Остальные выводы признаемъ только вѣроятными и наиболѣе вѣроятнымъ тотъ, что она была родственницей Олега, сродича Рюрика, опекуна и воспитателя Игоря.

Такимъ выводомъ о происхожденіи Ольги отнюдь не устраняется значеніе ученаго сообщенія о родѣ Ольги достоуважаемаго о. архимандрита Леонида, послужившее поводомъ къ настоящему

изложенію. Всякое новое ученое сообщеніе полезно уже тѣмъ, что вызываетъ на новый просмотръ, на новую провѣрку историческихъ данныхъ и мнѣній. Сообщенное ученымъ изслѣдователемъ новое извѣстіе Владимірскаго лѣтописца сохраняетъ для насъ свой интересъ и теперь, когда приходится смотрѣть на это извѣстіе, какъ на извѣстіе, выражающее собою не *историческій*, а только *литературный* фактъ. Оно моглобы направить насъ къ интереснымъ поискамъ при сопоставленіи его съ другими подобнаго рода литературными фактами, каково напр. сказаніе Іоакимовой лѣтописи о болгарскомъ происхожденіи м. Михаила и первыхъ епископовъ, прибывшихъ съ нимъ при Владимірѣ св. Во всякомъ случаѣ очень желательно, чтобы новооткрытый Владимірскій лѣтописецъ былъ изданъ и изслѣдованъ со стороны его содержанія, текста и самаго письма. Такое изслѣдованіе могло бы вызвать постановку еще другихъ вопросовъ о лѣтописцѣ, о варіантахъ въ его лѣтописи, въ частности о варіантѣ въ извѣстіи о происхожденіи Ольги. Извѣстіе читается такъ: «Игоря же жени *въ Болгарѣхъ*, поятъ за него *княжну* именемъ Ольгу». Правильно ли было прочитано или переписано слово *въ Болгарѣхъ?* Извѣстны разночтенія въ разныхъ спискахъ *Житія св. Стефана Сурожскаго* въ названіи того вождя руссовъ, который, вторгшись со своими руссами въ Тавриду, поплѣнилъ и пограбилъ всю страну отъ Корсуня до Керчи, овладѣлъ и г. Сурожемъ, пограбилъ драгоцѣнности у гроба св. Стефана, былъ чудесно наказанъ за это святителемъ и раскаялся. Въ однихъ спискахъ житія читается объ этомъ вождѣ--*бранливъ и силенъ*, а въ другихъ эти прилагательныя обращены въ собственное имя—*Бравалинъ, Бравленинъ.* Или еще: въ болѣе древнихъ (XII и XV вв.), харатейныхъ (пергаменныхъ) спискахъ Печерскаго Патерика неизвѣстный по имени инокъ монастыря св. Мины называется *боляринъ*, а островъ, гдѣ онъ потомъ подвизался,—*боляровъ*. Въ позднѣйшихъ спискахъ Патерика (XVI в.) эти эпитеты превращены въ *Болгаринъ*, *Болгариновъ*, *Болгаровъ* [1]).

Возможенъ поэтому вопросъ: не стояло ли и въ извѣстіи Владимірскаго лѣтописцахъ, слово *въ болярѣхъ*, превращенное переписчикомъ въ слово—*въ Болгарѣхъ?* При такомъ предположеніи извѣстіе Владимір-

[1]) Думаемъ, что вѣрнымъ должно считать древнее чтеніе *болярин*ъ и *боляровъ* и что есть возможность объяснить, почему позднѣйшимъ редакторами Патерика эти слова замѣнены словами *Болгаринъ*, *Болгаровъ*. Но объ этомъ—при другомъ случаѣ.

скаго лѣтописца означало бы то, что Ольга взята изъ *боярской* семьи. Правда, въ томъ же извѣстіи и вслѣдъ за этимъ она называется *княжною*. Но представленія о боярствѣ и княжествѣ оказываются соединимыми у этого лѣтописца. Аскольда и Дира, о которыхъ онъ вычиталъ, безъ сомнѣнія, въ начальной лѣтописи и которые въ этой лѣтописи называются не князьями, а *бояринами*, нашъ лѣтописецъ, какъ уже сказано, называетъ *князьями*. Соединеніе боярства съ княжествомъ являлось тѣмъ болѣе возможнымъ для лѣтописца времени Іоанна III, что въ это время въ рядахъ бояръ было уже много служилыхъ князей, потомковъ бывшихъ княжескихъ родовъ, русскихъ и литовскихъ, съ семьями которыхъ и роднились лица московскаго великокняжескаго рода чрезъ браки. Само собою понятно, что поставленный здѣсь вопросъ о правильности чтенія слова *въ Болгарѣхъ* въ существующемъ, пока единственномъ, спискѣ Владимірскаго лѣтописца остается только вопросомъ. Мы предрасположены ожидать большаго назиданія себѣ, если этотъ вопросъ, а также и другіе вопросы, вызываемые новооткрытымъ лѣтописцемъ и его варіантами, обратятъ на себя вниманіе достоуважаемаго и столько опытнаго ученаго, которому наука обязана открытіемъ новаго лѣтописца.

Ив. Малышевскій.

Статья наша была написана и сдана для печати ранѣе появленія въ печати новой статьи достоуважаемаго о. архимандрита Леонида подъ заглавіемъ «Древняя рукопись» (Русскій Вѣстникъ 1889 г., апрѣль и отдѣльное изданіе). Представляемое этою статьею изслѣдованіе объ «Изборникѣ болгарскаго пресвитера-инока Григорія» и открываемомъ въ этомъ изборникѣ «первоначальномъ славянскомъ хронографѣ болгарской редакціи X в.» —весьма интересно и цѣнно. Но то, что высказывается въ этомъ изслѣдованіи въ подкрѣпленіе мысли о болгарскомъ происхожденіи св. Ольги не могло повліять на измѣненіе нашего убѣжденія по вопросу о происхожденіи Ольги, и это убѣжденіе остается у насъ такимъ же, какимъ и было.

РЕКРУТЧИНА ВЪ МАЛОРУССКОЙ ПѢСНѢ.

(ЭТНОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ).

I.

Устная народная поэзія, взятая во всѣхъ ея видахъ, представляетъ въ высшей степени важный матеріалъ въ дѣлѣ изученія историческихъ явленій; эта важность выступаетъ особенно въ томъ случаѣ, когда предметомъ изслѣдованія служитъ не показная сторона событій, не внѣшнія проявленія культурной и политической жизни народовъ, а тѣ, такъ сказать, молекулярные процессы, которые имѣютъ мѣсто при воздѣйствіи на народныя массы тѣхъ или другихъ историческихъ факторовъ. Народныя произведенія являются не результатомъ объективнаго созерцанія и воспроизведенія дѣйствующихъ жизненныхъ условій, а непосредственной реакціей страдательнаго субъекта на воздѣйствія этихъ условій; мало того, устное обращеніе въ народной средѣ, вѣковое сохраненіе этихъ произведеній, гарантируемое лишь общимъ чувствомъ и сознаніемъ, придаетъ имъ характеръ и цѣну не индивидуальныхъ, но коллективныхъ свидѣтельствъ.

Опираясь на подобныя, безъискуственныя народныя произведенія, на народныя пѣсни, постараемся возстановить одно изъ отжившихъ явленій государственной жизни дореформенной Россіи—именно рекрутчину.

Безспорно, рекрутскіе наборы играли большую роль въ сельскомъ быту и значеніе ихъ въ народной жизни можетъ быть уяснено лишь при тщательномъ знакомствѣ и анализѣ произведеній народнаго творчества, вызванныхъ и впечатлѣніемъ набо-

ровъ; подъ вліяніемъ этихъ впечатлѣній народъ создалъ массу пѣсенъ, пріурочивъ ихъ къ этому тяжелому для него жизненному факту, и пѣсни эти, переживши причины, породившія ихъ, распѣваются народомъ и понынѣ. Важно поторопиться съ записываніемъ этихъ пѣсенъ; быть можетъ, недалеко то время, когда и этотъ видъ исторической пѣсни замретъ.

Въ высшей степени интересно было бы сравнительное изученіе рекрутскихъ пѣсенъ великорусскихъ, малорусскихъ и бѣлорусскихъ—въ нихъ несомнѣнно отразилось своебразіе каждой изъ вѣтвей русскаго племени; но въ данномъ случаѣ мы ограничимся только малорусской вѣтвью, при чемъ предѣломъ изслѣдованія возьмемъ не государственныя, а племенныя, этнографическія границы, т. е. примемъ во вниманіе рекрутскія пѣсни также и австрійскихъ русиновъ, буковинцевъ и угроруссовъ.

Фактъ однохарактерности и тождественности мотивовъ украинской народной поэзіи и поэзіи австрійскихъ украинцевъ (галицкихъ) уже констатированъ этнографической наукой; объясненіе этого факта лежитъ въ общности физическихъ условій территоріи, населенной украинцами, и въ ихъ историческомъ прошломъ, въ общности языка ихъ и въ тождественности коллективной психики. Въ частности однохарактерность мотивовъ рекрутскихъ пѣсенъ въ Россіи и Австро-Венгріи объясняется еще и тѣмъ обстоятельствомъ, что какъ ни различны культурныя условія этихъ государствъ въ прошломъ столѣтіи и въ половинѣ настоящаго, государственныя формы въ частностяхъ весьма сходны; порядки, входившіе въ жизнь въ Россіи, вслѣдъ за возсоединеніемъ, имѣли своимъ первообразомъ порядки, установившіеся у западнаго сосѣда; какъ узаконенія, касающіяся воинской повинности, такъ и начала, лежавшія въ основѣ военной дисциплины и практиковавшіяся въ Россіи и Австро-Венгріи, были аналогичны. Разборъ рекрутскихъ пѣсенъ, думается, еще больше подтвердитъ этнографическое единство народа, разъединеннаго политически.

Съ царствованія Петра Великаго Россія начинаетъ пріобщаться къ культурной семьѣ европейскихъ народовъ и занимаетъ

все болѣе и болѣе вліятельное положеніе среди другихъ государствъ. Для усиленія политическаго могущества потребовалось созданіе регулярной арміи и общее увеличеніе военныхъ силъ страны; и дѣйствительно, „въ пятьдесятъ лѣтъ, отъ кончины Петра I до половины царствованія Екатерины II, наша армія возросла въ два раза; въ слѣдующіе тридцать лѣтъ, т. е. до второй половины царствованія Александра I, увеличилась еще въ два раза, т. е. уже въ четыре противъ петровской эпохи“ [1]. Пополненіе и увеличеніе арміи производилось при посредствѣ рекрутскихъ наборовъ.

„Съ основанія регулярной арміи Петромъ Великимъ до 1834 года было произведено 98 общихъ со всей имперіи рекрутскихъ наборовъ, не считая производившихся въ разное время частныхъ наборовъ. Величина ихъ бывала чрезвычайно разнообразная; такъ, были наборы по два рекрута съ тысячи и были наборы по двадцати съ тысячи. Въ 1812 году, кромѣ пяти мѣстныхъ наборовъ, собрано было въ три общихъ набора по сорока человѣкъ съ каждой тысячи душъ. Съ 1834 года до окончанія послѣдней восточной (крымской) войны, рекрутскіе наборы назначались ежегодно не общіе по всему государству, но частные, по полосамъ. Первоначально губерніи и области Россіи были раздѣлены на сѣверную и южную полосы, а съ 1839 г. на западную и восточную. Два послѣдовательныхъ набора, одинъ съ одной другой съ другой считались за одинъ общій наборъ. Этотъ чрезполосный порядокъ не могъ однако быть строго соблюденнымъ; число рекрутъ, взимаемыхъ съ полосъ подвергалось непрерывнымъ колебаніямъ; по временамъ же приходилось, по прежнему, прибѣгать къ одновременнымъ по всей имперіи наборомъ, какъ то было: въ 1836, 1840, 1854 и 1855 гг. По числу взимаемыхъ рекрутъ наборы этого періода раздѣлялись на обыкновенные, взимавшіе съ каждой тысячи душъ не болѣе шести рекрутъ, усиленные, требовавшіе отъ семи до девяти душъ и чрезвычайные, когда приходилось болѣе десяти рекрутъ съ тысячи. По окончаніи крымской войны, Высочайшимъ манифестомъ рекрутскіе наборы прекращены были на три года, а впослѣдствіи льгота эта продолжена еще на три года. Такимъ образомъ, послѣ усиленныхъ комплектованій, произведенныхъ въ періодъ войны, послѣдовалъ шестилѣтній перерывъ наборовъ. Подобная система пополненія арміи, сопровождавшаяся, какъ видимъ, частыми и крупными колебаніями, отзывалась весьма существенными затрудненіями въ поддержаніи однородности состава войскъ и не могла оставаться безъ вредныхъ послѣдствій и въ отношеніи физическаго и экономическаго развитія самого населенія, подвергавшагося повинности крайне неравномѣрно. Это привело правительство къ убѣжденію въ необходимости замѣны бывшихъ чрезполосныхъ наборовъ — ежегодными, общими со всей имперіи, которые одни могли обезпечить какъ правильное комплектованіе арміи, такъ и возможную равномѣрность въ отбываніи воинской повинности населеніемъ. Слѣдуя этой мысли, на 1863 годъ былъ объявленъ общій со всей имперіи наборъ по пяти человѣкъ съ тысячи, за исключеніемъ архангельской губ.

[1]) *Обручевъ.* Военно-статист. сборникъ. 1871 г. т. IV отд. II, стр. 140.

Но едва онъ состоялся, какъ польское возстаніе и опасное вмѣшательство Европы потребовали быстраго усиленія рядовъ арміи до полнаго военнаго положенія, что вызвало, въ томъ же 1863 г., второй наборъ, по десяти человѣкъ съ тысячи, опять общій для всей имперіи, за исключеніемъ западныхъ губерній и царства польскаго. Съ помощью этихъ средствъ, армія была поставлена на полную военную ногу, при чемъ измѣнила свою организацію и приняла такую, которая, основываясь на сохраненіи постоянныхъ для всѣхъ частей кадровъ и образованіи обширнаго запаса отпускныхъ, требовала уже окончательнаго упроченія правильной системы наборовъ—общихъ по всему государству. Согласно вышеозначенной системѣ, съ 1864 г. по настоящее время (71 г.) произведено было пять общихъ рекрутскихъ наборовъ слѣдующаго размѣра: въ 1865 г. по пяти человѣкъ съ тысячи душъ, а въ 1866 1867, 1868, 1869 годахъ по четыре человѣка. При каждомъ изъ послѣднихъ четырехъ наборовъ, независимо отъ чередной поставки, были взяты съ царства польскаго по полтора и съ девяти западныхъ губерній по одному человѣку съ тысячи душъ въ счетъ числящейся за ними недоимки за 1863 годъ" [1]).

Одной изъ особенностей солдатской службы прежнихъ временъ была непомѣрная продолжительность срока служенія; правда, этотъ срокъ постепенно уменьшался до послѣдняго устава о всеобщей воинской повинности. Въ томъ же оффиціальномъ источникѣ, мы находимъ слѣдующія данныя по этому поводу: до 1834 г. срокъ службы въ арміи былъ равенъ 25 годамъ; съ 1834 года этотъ срокъ былъ сокращенъ до 20—15 лѣтъ, хотя „чистая выслуга" считалась въ 25 лѣтъ. 8-го сентября 1859 г. послѣдовали новыя перемѣны: срокъ службы для старыхъ солдатъ былъ сокращенъ до 20 лѣтъ, изъ которыхъ 13 лѣтъ солдатъ долженъ былъ провести въ арміи, а 7 въ безсрочномъ отпуску; новые же солдаты должны были служить 15 лѣтъ, изъ которыхъ 10 лѣтъ въ арміи. Въ 1870 году служба въ арміи продолжалась лишь 7 лѣтъ; остальное время проводилось въ отпуску до „чистой выслуги" [2]). Что касается Галиціи, то тамъ до 1845 г. солдатъ служилъ 14 лѣтъ, а съ 1845 г.—восемь [3]). По законамъ 1849—52 гг. полагалось служить восемь лѣтъ въ арміи и два въ отпуску, что 28 декабря 1866 года было измѣнено на три года въ арміи и семь въ резервахъ [4]). Слѣдуетъ упо-

---

[1]) *Обручевъ*. Т. IV, отд. II, стр. 2—3.

[2]) *Тамъ же*, т. II, стр. 50, т. IV, стр. 2, 11, 230.

[3]) *Czoernig*. Oesterreichs Neugestaltung, 658—659. *Klun*. Statistik von Oesterreich—Ungarn 1876, 210.

[4]) *Обручевъ*. Т. I, 177.

мянуть еще о томъ, что австрійское правительство, присоединивъ въ 1775 г. Буковину, освободило населеніе этой страны отъ несенія рекрутской повинности на пятьдесятъ лѣтъ [1]). Кромѣ сказаннаго, нужно замѣтить еще, что въ Австро-Венгріи рекрутчина далеко раньше сдѣлалась всеобщей и вышла изъ подъ власти мѣстнаго, сельскаго начальства, чѣмъ это имѣло мѣсто въ Россіи.

Разсматриваемое нами явленіе государственной жизни, если взять его во всемъ объемѣ и въ его прошлыхъ формахъ, заключало въ себѣ много ненормальнаго; эти стороны его дѣйствовали угнетающе на народныя массы, и верховная власть признала необходимымъ сдѣлать рядъ преобразованій. Говоря о воинскомъ уставѣ 1863 года, авторъ „Военно-статистическаго сборника" замѣчаетъ:

„Изложенныя положенія далеко уже оставили за собой тотъ порядокъ взиманія рекрутъ, какой существовалъ до 1863 года и производилъ на народъ самое тяжкое впечатлѣніе. Нынѣ не обнажаютъ рекрутъ для осмотра; не брѣютъ имъ лбовъ, бородъ или затылковъ; не водятъ подъ сильнымъ конвоемъ, какъ арестантовъ; рекрутскіе списки повѣряются самими обществами, которыя имѣютъ своихъ представителей и въ самихъ рекрутскихъ присутствіяхъ; требованіе относительно роста (прежде было 2 арш. 3¾ верш.) уменьшено; число подставныхъ сокращено до половины; устранены всѣ случаи напраснаго отвлеченія чередныхъ людей отъ работы и безплодныхъ явокъ ихъ въ присутствіе; отмѣнены штрафы съ обществъ за представленіе людей неуказанныхъ лѣтъ или роста, или съ болѣзнями, и наоборотъ сохранены взысканія за неправильное привлеченіе людей къ рекрутству, съ обращеніемъ сихъ штрафовъ не въ казну, а въ пользу самихъ лицъ, неправильно представленныхъ къ рекрутству; допущены возможныя облегченія для людей, необходимыхъ для поддержки семей или хозяйства и т. д. Всѣ эти мѣры, составляющія плодъ трудовъ Высочайше утвержденной коммиссіи для пересмотра рекрутскаго устава, въ связи съ сокращеніемъ самихъ сроковъ службы, облегчили рекрутскую повинность настолько, что населеніе стало отбывать ее охотно и безъ всякаго горя" [2]).

Не малое значеніе въ дѣлѣ установленія того или иного отношенія народа къ рекрутчинѣ имѣлъ общій взглядъ на солдата, на его права, на его роль; на солдата смотрѣли, какъ на машину, какъ на слѣпое орудіе въ рукахъ его начальника: „солдатъ долженъ бояться палки своего капрала больше, нежели пули непріятеля"—таково было ходячее мнѣніе въ прошломъ столѣтіи въ Пруссіи, этой колыбели милитаризма; отсюда оно

---

[1]) *Klun*. Statistik von Oesterreich-Ungarn. 1876 г. 33. 3.

[2]) *Обручевъ*. Военно-статист. сб. т. IV, отд. II, стр. 14.

распространилось и въ другія государства, а между прочимъ, и въ Россію. Но уже со временъ французскихъ войнъ конца прошлаго столѣтія началъ постепенно, хотя и медленно, вслѣдъ за культурнымъ прогрессомъ вообще, распространяться принципъ, который въ 70-хъ годахъ и былъ положенъ у насъ въ основу способа пополненія военныхъ силъ страны; смыслъ этого принципа тотъ, что каждый гражданинъ долженъ съ оружіемъ въ рукахъ защищать свое отечество въ минуту опасности; всеобщая воинская повинность является воплощеніемъ въ жизнь помянутаго начала.

Припоминая выше разсмотрѣнныя формы рекрутчины, можно a priori предсказать ея громадное вліяніе на бытовую жизнь малорусскаго народа, потому, что такая регламентація, вносимая въ жизнь народную государствомъ наряду съ закрѣпощеніемъ крестьянства въ царствованіе Екатерины II, была новостью для населенія Малороссіи.

Историческій малорусскій типъ, сложившійся при условіяхъ вѣковой обороны и борьбы народа за свою самостоятельность, вырабатывавшій въ себѣ черты личной независимости и личнаго достоинства, не привыкшій встрѣчать при своихъ проявленіяхъ вліянія сильной государственной организаціи, какую уже представляла Россія съ конца прошлаго столѣтія, сравнительно съ Рѣчью Посполитой, этотъ типъ не могъ не отозваться на столь важное явленіе государственной жизни, какъ рекрутчина прошлаго времени въ связи съ крѣпостничествомъ. И дѣйствительно, количество рекрутскихъ пѣсенъ, занесенныхъ въ этнографическіе сборники, краснорѣчиво свидѣтельствуетъ о томъ, что народное чувство и сознаніе остановились на рекрутчинѣ болѣе, чѣмъ на другихъ явленіяхъ общественной жизни; а вѣдь извѣстно, что лишь то возбуждаетъ творческій духъ коллективной личности народа, что близко связывается въ дѣйствительности или въ сознаніи народа съ его интересами нравственными и матеріальными, и наоборотъ, событія, чуждыя этой связи, проходятъ мимо, не волнуя, не подымая духа.

На первомъ мѣстѣ по количеству рекрутскихъ пѣсенъ слѣдуетъ поставить труды Чубинскаго и Головацкаго.

1) Въ V томѣ „Трудовъ этнографическо-статистической экспедиціи въ западно-русскій край, матеріаловъ и изслѣдованій, собранныхъ П. Чубинскимъ“, заключаются бытовыя пѣсни; между ними приведено пятьдесятъ №№ рекрутскихъ пѣсенъ въ девяноста варіантахъ; изъ нихъ ²/₃ всего количества записаны въ подольской губерніи, въ ушицкомъ уѣздѣ: лѣвобережныя и пѣсни изъ Херсонщины почти отсутствуютъ у Чубинскаго. Кромѣ приведенныхъ подъ рубрикой „рекрутскихъ“, въ другихъ отдѣлахъ V тома разбросано нѣсколько рекрутскихъ пѣсенъ, такъ что общее количество ихъ у Чубинскаго доходитъ до ста варіантовъ.

2) Не меньшее число разсматриваемыхъ пѣсенъ содержитъ и сборникъ Головацкаго: „Народныя пѣсни Галицкой и Угорской Руси“ въ I, II и III томахъ. Въ отдѣлѣ „коломыекъ“ разбросано много интересныхъ данныхъ для вопроса о рекрутчинѣ; ихъ же можно найти и въ отдѣлѣ, названномъ у Чубинскаго отдѣломъ „солдатскихъ“ пѣсенъ, а у Головацкаго—„воинскихъ“, помѣщенныхъ у послѣдняго вмѣстѣ съ рекрутскими.

3) 24 цѣнныхъ №№ находимъ въ сборникѣ Купчанка „Пѣсни буковинскаго народа“ изданномъ при II томѣ „Записокъ Юго-Запад. Отдѣла Имп. Г. Общества“ за 1874 г.

4) Въ старомъ собраніи народныхъ пѣсенъ 30-хъ гг.— Żegot'ы Pauli „Pieśni ludu ruskiego w Galicyi“ 1839 г., томъ II-ой—заключается 28 „вояцкихъ пѣсенъ“.

5) Около десятка пѣсенъ находимъ у Де-Воллана „Угрорусскія народныя пѣсни“, изд. въ 1885 году.

5) Столько же приведено у Максимовича въ его „Украинскихъ народныхъ пѣсняхъ“ 1834 года.

7) Наконецъ двѣ—три пѣсни, интересующія насъ, приведены въ небольшомъ сборникѣ угорскихъ пѣсенъ А. П. Дешко, напечатанномъ въ Запискахъ И. Г. Общества, по отдѣлу Этнографіи т. I, 1867 года.

Кромѣ того, были приняты во вниманіе нѣсколько пѣсенъ, приведенныхъ въ „Основѣ“ и „Кіевской Старинѣ“, а также нѣсколько десятковъ пѣсенъ въ рукописи, записанныхъ въ 1884—87 гг. въ чигиринскомъ уѣздѣ кіевской губ., въ бахмутскомъ уѣздѣ екатеринославской губ., въ александрійскомъ и елисавет-

градскомъ уѣздахъ херсонской губ. и подъ Аккерманомъ, бессарабской области [1]).

Такимъ образомъ все количество матеріала, бывшаго въ нашемъ распоряженіи, доходитъ до трехсотъ варіантовъ.

Съ тѣхъ поръ какъ малорусская художественная словесность начала развиваться въ реальномъ направленіи, народная жизнь во всемъ ея историческомъ и современномъ многообразіи явилась главнымъ, если не исключительнымъ, содержаніемъ этой словесности.

Интеллигентный художникъ, съ участіемъ наблюдавшій народную жизнь, не могъ не замѣтить, между прочими явленіями этой жизни, рекрутчину, въ тѣхъ крупныхъ послѣдствіяхъ, какія она вызывала въ жизни села. Рекрутчина давала богатый, полный драматизма матеріалъ для художественнаго воспроизведенія. И дѣйствительно, вслѣдъ за Шевченкомъ, мы видимъ затрогивающими рекрутчину въ своихъ произведеніяхъ: Марка Вовчка (въ повѣстяхъ „Два сыны“ „Институтка“), Мордовцева („Солдатка“), Левицкаго („Дви московки“), Мырного („Хыба ревуть волы, якъ ясла повни“). Въ австрійской малорусской литературѣ, въ Галиціи аналогичное положеніе занимаетъ даровитый бытописатель О. Федьковичъ. Затрогивая разсматриваемое явленіе, малорусская художественная словесность осталась и въ данномъ случаѣ этнографически правдивой и реальной, могущей служить матеріаломъ для изученія рекрутчины.

Перейдемъ теперь къ самому явленію, какимъ оно представляется въ народныхъ пѣсняхъ.

II.

Даже при бѣгломъ ознакомленіи съ малорусскими рекрутскими пѣснями, бросается въ глаза ихъ темный и мрачный колоритъ; во

---

[1]) Вмѣстѣ съ другими бытовыми пѣснями, намъ доставлены рекрутскія слѣдующими лицами: С. М. Д—инымъ (елисаветград. уѣздъ), Н. П. Пономаревымъ и А. А. Илличевской (александр. уѣздъ), М. А. Галинымъ (бессарабск. область), И. Е. Дубровинскимъ (александр. уѣздъ), С. Горощенко (чигиринск. уѣздъ). Кромѣ того, лично нами записаны пѣсни въ чигиринск. у. кіевск. губ. и бахмут. у. екат. г.

всѣхъ почти пѣсняхъ этого рода слышится и чувствуется глубокое народное горе, вызывавшееся рекрутчиной прошлаго времени.

Солдатчина, военная служба, по выраженію пѣсни, есть „неволя", „тяжкая неволя", „вичняя неволя"; неволя, которой предпочитается совершенное небытіе; такъ, въ одной пѣснѣ рекрутъ, обращаясь къ матери, говоритъ, что лучше было бы его „въ купели залыты", „пидъ сердцемъ задушыты", нежели вырастить для „вичной неволи "; горе—пойти въ солдаты—равносильно горю, вызываемому смертью „батька и неньки"; человѣка, котораго записали „за жолнира взяты" побила, какъ говоритъ пѣсня, „лыхая годына"; рекрутчина является одной изъ бѣдъ, какія выпали на долю мужескаго пола:

Ой, хлопъяча бида—у некруты браты,
А дивчача бида—не ридная маты. (Чуб. V. 862).

Если бы мать дала сыну „счастья—долю", то его не „запысалы" бы въ солдаты; доля „некрута", солдата—„лыхая доля"; хорошими временами считаются тѣ, когда не было рекрутчины:

Добре було, добре було,
Добре було чуты,
Якъ небралы, не пысалы
Хлопцивъ у некруты. (Чуб. V. 969).

Солдатъ народная пѣсня именуетъ „несчастными", съ сожалѣніемъ говоритъ о „хлопцеви" „що кажуть служыты Государю, Богу"; ниже увидимъ, что рекрутчина считалась оскорбительной; она была наказаніемъ при крѣпостномъ правѣ. Таковъ взглядъ малорусскаго народа на рекрутчину.

Прежде чѣмъ проанализировать причины отрицательнаго характера этого взгляда, обратимся къ самому акту набора въ его бытовой обстановкѣ; здѣсь мы увидимъ, въ какихъ формахъ воздѣйствовало разбираемое нами явленіе на жизнь малорусскаго „хлибороба", какъ реагировала народная жизнь на это воздѣйствіе.

Прежде чѣмъ наступаетъ наборъ (а время его пріурочивается обыкновенно къ осени), разносится слухъ, „стае, по всимъ свити слава" о столь важномъ грядущемъ событіи.

Эти, тревогу вызывающія, вѣсти приносятся въ формѣ „лыстовъ—писемъ", въ формѣ „бумагы", „карты", въ которыхъ „напысано—намалёвано", кого въ солдаты „найменовано", „натерменовано".

Носителемъ вѣстей является „голубонька", „пташка дывная", „новобрацькый пташокъ"; въ нѣкоторыхъ пѣсняхъ „охвыцеръ на кони":

Тамъ охвыцеръ на кони,
Иде винъ проязжается,
Та въ бумагу подывляется —
Що тамъ натерменовано,
Що тамъ дано два браты въ некруты. (Чуб. V. 984).

По этимъ „письмамъ", въ которыхъ „прыпысано" „наказано" свыше, низшіе исполнители приступаютъ къ набору, къ „бранкѣ".

Какъ въ пѣсняхъ украинскихъ, такъ и въ пѣсняхъ галицкихъ русиновъ, буковинцевъ и угро-руссовъ, лицомъ, по волѣ котораго начинается рекрутчина, является „царь", „цысарь", „чысарь", „цысарева маты", „панъ—государъ"; въ нѣкоторыхъ пѣсняхъ инициаторовъ набора народъ именуетъ неопредѣленнымъ терминомъ—„воны"; эти—„воны"—„пышуть чорнымъ по билому"—„въ некруты даты". Въ нѣсколькихъ пѣсняхъ „лысты—письма" принадлежатъ „гетьману":

Ой изъ лису изъ темного
Вылитала голубонька
Выносыла отъ гетьмана
Лысты—письма попысаны.
(Чуб., V. 983).

какъ бы въ дополненіе къ этому, въ другой пѣснѣ выражаются такія пожеланія тому же лицу и „кошовому":

Бодай гетьманъ щастя не мавъ
Ни кошовый доли,
Пишлы наши новобранци
Не по своий воли. (Чуб., V. 960).

Эти пѣсни несомнѣнно принадлежатъ моменту перехода козацкаго строя военной жизни въ Малороссіи въ солдатскій; въ нихъ высказалось глухо и пассивно оппозиція новымъ входившимъ въ жизнь началамъ; гетманъ и кошевой перестали уже справляться съ волей „козаченькивъ".

Между украинскими рекрутскими пѣснями есть такія, въ которыхъ упоминается „государыня", „сударыня" или просто „барыня"; такъ именуемое лицо является виновникомъ набора:

А вже та слава по всимъ свити стала—
Государыня новобранци брала (Чуб. V, 993) или
За гаемъ зелененькымъ доржка лежала,
Туды наша сударыня некрутъ провожала,
Исписала, змалювала вдовыного сына (Чуб. V. 991. „Кіев. Стар." 1887 г. 12. 803).

Въ одной пѣснѣ говорится о вдовѣ, которая „запысала свого сына до государыни" (Чуб. V. 976). Сюда же принадлежитъ и слѣдующій отрывокъ:

Тамъ барыня ходыла,
Дрибны лысты пысала,
По губерняхъ розсылала.
Эй—эй, охъ—охъ—охъ,
Дрибны лысты пысала (Чуб. V. 978)

Наконецъ, въ одномъ варіантѣ „два лебеди", въ другомъ „жандари" просятъ „государыню—мать" разрѣшить имъ „дрибны лысты", „бумагы пысать", „рекруточкы избырать".

Намъ кажется, что термины приведенныхъ отрывковъ относятся къ вполнѣ опредѣленной исторической личности, именно къ личности Екатерины II-ой; имя этой императрицы очень популярно среди украинскаго народа; о ней и до сихъ поръ сохраняется въ массѣ народной много разсказовъ и преданій. Это ничуть не удивительно: стоитъ только вспомнить, что Малороссія, ея устройство составляли немалую часть всей внутренней политики Екатерины II-ой: при ней были упразднены остатки лѣвобережной автономіи, разорена и разогнана запорожская Сѣчь, розданы земли, заведено крѣпостное право, усилена рекрутчина; всѣ эти новшества производили сильное впечатлѣніе, давали мотивы для пѣсенъ и разсказовъ.

Посмотримъ теперь, какъ изображается въ пѣснѣ образъ дѣйствій ближайшихъ къ народу исполнителей распоряженія о наборѣ.

До установленія всесословной воинской повинности и при крѣпостномъ правѣ поставка рекрутъ была передана въ руки помѣщиковъ, а въ казенныхъ селахъ—въ руки общества. Нечего и говорить, что такого рода положеніе дѣла давало широкій просторъ всяческимъ злоупотребленіямъ; панъ изъ за своихъ личныхъ интересовъ или по капризу, сельская власть, „богатырь" и другіе сильные міра сего могли легко избавиться отъ того или другаго лица, отдавая его въ солдаты. Отсутствовалъ критерій, правовая норма, на мѣстѣ ихъ царилъ произволъ; это то и возмущало, съ этой стороны и придано пѣсней освѣщеніе поступкамъ ближайшихъ къ народу исполнителей распоряженія.

Правды искать было негдѣ; можно было разсчитывать лишь на собственную ловкость въ томъ случаѣ, когда приходилось отстаивать свою относительную свободу; „хто мае выкруты—не пиде у некруты" (Номисъ. Прыказкы. № 971), говоритъ приказка.

Виновниками несчастья человѣка, лицами, которыя рѣшають, кого „за жолнира взяты“, „въ армію отдаты“, выставляются паны, богачи, попы, „ляшкы“ и вообще „вороженькы“; въ одной пѣснѣ „пысарчыкы“ (Чуб. V. 982). Въ галицкихъ пѣсняхъ объ этихъ посредствующихъ элементахъ упоминается рѣже; тамъ чаще фигурируютъ самъ „цысарь“, „паны—капытаны“ и вообще „цысарски вояки“. Страдательными лицами являются вообще „парубочкы“, „козаченькы“, „парни молодыи“, „витцевскый сынъ“, а главнымъ образомъ: „сырота“, „вдовынъ сынъ“, „бурлакъ—сиромаха“, „бидна сирома“, лица обыкновенно беззащитныя и безправныя.

Вотъ какъ рисуетъ народная пѣсня совѣтъ, собравшійся по поводу набора:

Ой за тымы столамы сыдять паны рядамы,
Думають—гадають кого въ солдаты браты,
Де пьять—тамъ не брать, де чотыри—не велять,
Де тры—то втиклы, де два тамъ нема,
А у вдовы одынъ сынъ, тай той пишовъ пидъ аршынъ,
Щей аршына не дійшовъ, а въ солдатушкы пишовъ.

(Зап. въ чигиринск. уѣздѣ 85 г. Чуб. V. 978, 980. Pauli II. 58. Голов. III. 106. № 28) или же:

А зъ вечора у ночи—
Сходылыся багачи;
Сталы раду радыты—
Кого въ некруты взяты:
„Е въ удовы два сыны,
То виддаймо въ осены.
Взялы бы сьмо багача
То не буде орача;
А озьмемо бидного,
Буде плачу не много;
Якъ виддамо сыроту—
То збудемось клопоту (Чуб. V. 977. Голов. III. 109. № 31).

Въ другомъ варіантѣ этой пѣсни радящіе „раду“ сидять рядами за „тысовымы столамы“ „въ вдовынимъ двори“; при этомъ „частуются медами, пьють воны и идять“; они отклоняють предложеніе отдать „въ військо“ богача — „богачъ выкупыться“; „удивця“ также не рѣшаются „запысать“ „на насъ люде вплачуцця“; останавливаются на вдовиномъ сынѣ (Чуб. V. 978. Максим. 157).

Въ другомъ мѣстѣ приговоръ рисуется такъ:

Поидынки не браты,
Будемъ ланы ораты.
Чынчевого не браты,
Будемъ ланы сиваты
А й удовы иденъ сынъ,
Винъ до того способенъ (Чуб. V. 981).

Вообще „вдовынъ сынъ" лицо популярное въ рекрутскихъ пѣсняхъ, какъ лицо страдательное (Чуб. V. 982, 974, 981, 991, 1001, 1004. Купч. 562).

Не менѣе популярнымъ лицемъ является „бидна сирома", „сырота—сыритка":

Говорятъ попы, щей богатыи люде
Забрать, забрать бидныхъ сиротъ,
Бо зъ ныхъ добра не буде (Чуб. V. 973).

„Сырота" считается „ледащомъ" (Чуб. V. 983), а потому есть предлогъ его „у салдаты запысаты, та въ губерню одислаты";

Визьмемо мы того молодця,
Що ни ненькы, ни отця. (Чуб. V. 979).

рѣшаютъ держащіе совѣтъ. Особенно рады по этому случаю „вороженькы":

Гей тишылыся злыи вороженькы, що сырота въ рекруты иде (Чуб. V. 999),

что равносильно тому, что „сырота пропала" (тамъ же) или:

Ой лежыть камень на середъ дорогы, ёго люде мынають,
Втишаються тяжки, тяжки вориженькы, що сироту прыймають.
Ой не втишайтесь, вориженькы, вы моий прычыны,
Бо ще диждете, тяжки вориженькы, по своий дытыни.
(Чуб. V. 987, 970, 975, Pauli II. 56, 59).

Вмѣстѣ съ попами и богатыми людьми „завзялыся" и „ляшкы"; общимъ приговоромъ рѣшаютъ забрать „бурлакъ—сиромахъ" (Чуб. V. 987. *Рудченко*. Чумацк. пѣсни 85).

Въ другой пѣснѣ вотъ какъ описывается несчастная доля „сиромъ" и „бурлакъ", которая имъ выпала по волѣ „панкивъ", „ляшкивъ" и „прывражихъ людей":

Завзялысь панки, завзялысь ляшкы,
Щей привражии люде,
Забраты сиромъ, забраты бурлакъ,
Бо зъ ихъ добра не буде (зап. въ елисаветгр. у. херс. г.).

Здѣсь умѣстно будетъ коснуться вопроса: кто же, по мнѣнію народа, заслуживалъ солдатчины, кто заслуживалъ быть отданнымъ „въ армію":

Прыемщыку, батьку нашъ,
Пожалій же теперъ насъ,
Нехай тыи въ військo йдуть,
Що по корчмахъ скучають (Чуб. V. 997).

Малорусскій селянинъ находилъ для себя позоромъ солдатскую службу; онъ считалъ вполнѣ умѣстнымъ и справедливымъ навязывать ее лишь не работящимъ, гультяямъ; „хлопци новобранци" съ удивленіемъ спрашиваютъ:

Чы ляшкамъ, чы панкамъ
Не сіялы, тай не оралы,
Що насъ ляшкы, що насъ панкы
У солдаты тай поддавалы (Чуб. V. 986).

или аналогично въ буковинской пѣснѣ:

Та видайто, люды добри,
За нашу провыну;
Та цыжъ бо мы не робылы
Панови панчыну!
Та вже жъ соби наши паны
Серце потолылы,
Та шо воны зъ нашихъ братив
Кучери здоймылы (Купч. 574).

Въ галицкой пѣснѣ рекруты обидчиво заявляютъ:

Ой пидемо мы до Львова, зи Львова до Видни
Та колы мы въ своимъ сели панамъ непотрибны (Голов. I. 142. № 16).

Солдатская служба въ прежнее время считалась однимъ изъ средствъ наказанія и исправленія человѣка; ряды войскъ въ сильной степени пополнялись отчаянными головами, людьми подозрительной или завѣдомо отрицательной репутаціи; этотъ фактъ не могъ, конечно, не повліять въ извѣстной степени на отношенія селянина „чесного роду" къ военной службѣ.

Сравнительно рѣдки пѣсни, въ которыхъ говорится о фактѣ отдачи въ солдаты сына лицами не чужими ему: матерью, отцомъ, вообще „родыною"; вѣроятно, въ жизни такихъ случаевъ было весьма немного; да и въ этихъ нѣсколькихъ пѣсняхъ мы находимъ данныя, объясняющія такое не родственное проявленіе чувства.

Въ пѣснѣ довольно распространенной, отдаетъ сына „у військо служыть" „удивонька", которая, по словамъ пѣсни, „не добрала розуму", сама не знала „якъ у свити жить", не знала „и де сына дить, подить", поэтому рѣшила записать „до государыни" (Чуб. V. 976, 1,008); въ одномъ изъ варіантовъ другой пѣсни мать посылаетъ сына въ солдаты отслуживать за братьевъ:

Иды сынку, та за ридны браття
Та получишъ, мій сыночку, государьске плаття (Чуб. V. 974).

Есть и другіе мотивы: мать посылаетъ сына въ военную службу для того, чтобы онъ „ума набирався", „научався у панивъ":

Иды сынку, иды научайся,
У тихъ панивъ та ума набирайся.
Дадутъ тоби та нимецьке плаття,
Прывитайся, якъ межъ ридне браття. (Чуб. V. 1068).

Но рекрутъ обыкновенно упрекаетъ мать за ея поступокъ:

Прощай, прощай та матуся моя,
Чы я въ тебе не дытына була,
Що ты мене въ вичню службу дала? (Чуб. V. 975. Голов. I. 146. № 21).

Есть пѣсня, въ которой „батько сына прогоняе“ по причинѣ „сварокъ“ и сына забираютъ въ солдаты (Чуб. V. 976); рекрутчина оказывалась средствомъ, удобнымъ для того, чтобы предотвратить вступленіе въ семью нежелательнаго лица въ качествѣ „невистки“ (Чуб. V. 1004).

Познакомившись съ тѣмъ, кѣмъ и какимъ образомъ намѣчались „хлопци“ „у некруты“, перейдемъ къ тому, какъ приступали къ самому набору.

Вопреки приговору, рекрутъ пускается на „выкруты“, старается избѣжать „неволи“, скрываясь, уходя изъ села „въ чужу стороночку“, „въ чужу краину“, часто на неопредѣленное время, дѣлаясь „бурлакою“. „Уже зайци пополошалы“ сложилась такая приказка, подразумѣвавшая явленіе, постоянно сопровождавшее наборъ. Скрываться приходилось иногда въ лѣсу, въ ямахъ, въ погребахъ; до сихъ поръ можно слышать въ народѣ воспоминанія о такомъ дезертирствѣ; находились люди, которые, пользуясь случаемъ, эксплоатировали скрывавшихся, давая имъ пріютъ и требуя взамѣнъ этого ихъ трудъ; рекрутъ проводилъ цѣлыя недѣли работая гдѣ нибудь въ „леху“, безъ свѣта и воздуха.

Насколько сильно было нежеланіе нести воинскую повинность, видно изъ слѣдующей буковинской пѣсни:

Карабинче, недобинче,
Бодай твою душу!
Симъ рикъ тя ховатымсе,
Носыты тя мушу!

Симъ рикъ ходывъ, та полювавъ,
А шье висимъ буду;
Такы тебе, карабынче,
Носыты не буду! (Купч. 573).

Неудивительно, что въ виду побѣговъ, въ интересахъ „раду“ радящихъ, являлось необходимымъ возможно скорѣе „попысать“ и „забрать“:

А въ пъятныцю попысалы,
Въ суботу забралы,

А въ недилю на разсвити,
Щей до миры сталы. (Чуб. V. 969).

„Хлопця“ „забралы“, говоритъ пѣсня, такъ скоро „що и маты не знала“ (Чуб. V. 998). Обреченныхъ забираютъ обыкновенно „до схидъ сонця“:

А въ недилю порането вси дзвоны дзвонылы,
Вже некрутивъ половылы (Чуб. V. 999). или
. . . . . . , все новобранци,
Що забралы въ недилоньку вранци,
Що забралы та ще до схидъ сонця.
(Чуб. V. 1001. 987; PaulìII. 59. Голов. III. 109. № 31).

„Стари люде“, какъ опытные и притомъ сочувствующіе „парубкамъ“, предупреждаютъ послѣднихъ о такихъ уловкахъ:

Стережиться парубочкы,
Бо лыбонь бранка буде! гей! гей!
и дѣйствительно: Ой у ночи и спивночи,
Та о третій годыни, гей! гей!
Гей злапалы вдовынъ сына
Въ глыбокій долыни, гей! гей! (Pauli II. 57. Голов. I. 139. № 13.)

Иногда парубку удается провѣдать о предстоящей бѣдѣ при посредствѣ „дивки, що вирненько любыла“ (Чуб. V. 993), матери:

„Нихто жъ того не чувъ, имо ридна маты
—Дежъ тебе, мій сыночку, сховаты?“

Но обыкновенно такимъ лицомъ является сестра:

Сестра жъ тее учула
Тай до брата махнула.
Тикай же, ридный братъ,
Хотять тебе въ військо взять“ (Чуб. V. 979).
или: Прышла сестра, дае знаты,
Щобы хутко утикаты (Чуб. V. 977. Голов. I. 142. № 17).

и братъ скрывается.

Иногда онъ прибѣгаетъ въ этомъ случаѣ къ помощи любимой дѣвушки—

Козаченько догадався,
Да до дивчыны сховався (Чуб. V. 988).

Онъ проситъ спрятать его куда нибудь:

Ой, дивчыно, мое серце
Сховай мене пидъ ряденце!
Ой, дивчыно, моя галко,
Сховай мене, колы жалко!
Ой дивчыно, моя душко,
Сховай мене пидъ подушку!
Ой дивчыно, моя любко,
Сховай мене хоть пидъ юбку! (Зап. въ чигиринск. и елисаветгр. уѣздахъ).

Иногда „дивчына“ измѣняетъ парубку и выдаетъ его:

А дивчына не злюбыла,
Тай сусидамъ объявыла;

Но обыкновенно „десятнычкы“ нападаютъ на слѣдъ:

Десяцькіи усмотрылы,
Отаману доложылы,
Кругомъ хату обступылы,
Дивци двери разломылы,
Таки козака изловылы[1])
(Чуб. V. 988).

Мысль о томъ, что бѣглеца поймаютъ и сдадутъ въ рекруты, заставляетъ иного парубка опустить руки и сдаться:

---

[1]) У Головацкаго въ угорской пѣснѣ такъ описывается „бранка“:
Прышлы д'мене добри люде въ катуны имиты.
Еденъ каже: „Побратыме“. Другый каже: „куме !
Третій мини по пидъ плечи мотузыще суне. (*Голов.* III. 116 № 40).

Ой пишовъ бы я въ чужу стороночку, самъ не знаю що робыть
Рукы, ножкы закують въ кайданы—конвоемъ приведуть.
(Чуб. V. 987. Рудченко, Чумац. пѣсни 85).

Бѣгство рекрута является сюжетомъ нѣсколькихъ пѣсенъ; въ нихъ изображается, какъ „некрутъ" убѣгаетъ, завидѣвши пришедшихъ за нимъ сотскаго, войта; они застаютъ парубка „безъ чобитъ" или въ тотъ моментъ, когда онъ начинаетъ только „взуватыся" „въ ходакы"; при видѣ пришедшихъ „цысарськихъ воякъ" онъ стремится „зъ постели въ стодолу", а „зъ стодолы на устрынъ", бросается „тикать" „по пидъ стриху"; здѣсь на него падаетъ „жытній снипъ" и онъ, запутавшись, попадаетъ въ неволю. (Чуб. V. 977, 981; Голов. I. 142—145. № 17, 18; III. 105. № 27, 107. № 28, Pauli II. 61—62).

Взявши парубка, сотскій, войтъ, „паны—капытаны" или вообще „врядныи", что „нарядылы, свойму пану покорылы" (Чуб. V. 986) стараются не дать ему бѣжать и доставляютъ парубка, „витцевского сына", „до прыему". Здѣсь то и даетъ себя чувствовать „неволя". Начинается съ того, что надѣваютъ

Кайданочкы та й на нижкы,
Дрибне путо та й на рукы. (Чуб. V. 970).

Этотъ моментъ особенно часто изображается въ рекрутскихъ пѣсняхъ; пойманныхъ, говоритъ пѣсня, „якъ забралы, заразъ повъязалы", „нижкы-ручкы" имъ связали, говорится въ другой. (*Чуб.* V. 998, 979. *Максим.* 156. „Кіев. Ст." 1887, 12. 803).

„Били" руки представляются завязанными назадъ, онѣ бываютъ связаны „сырыцею", „сырывцею":

Ведуть Левенчука того вулыцею,
Завъязаны назадъ рукы сырывцею,
Витрець повивае, сыровець высыхае (Чуб V. 988, 989, 1003. Голов. I. 144. № 18)

Рекрутъ заковываютъ; „ниженькы" ихъ „въ ланцюгъ" скованы, „въ пута завъязаны" (*Чуб.* V. 993, 982. *Голов.* I. 139. № 13).

Въ такомъ униженіи, приличномъ „вору" или „злодію" (Чуб. V. 992) „сыротыну", „вдовыну дытыну" или вообще „хлопця молодого" при звукахъ барабана или музыки („грають мени весело") доставляютъ до „прыему", „въ кесарню", „въ губернію".

Новобранцевъ „ведуть", а чаще „женуть", „гонять", „таскають" или „везуть" подъ конвоемъ, „поштою", по другимъ пѣснямъ (*Чуб.* V. 997. 998. *Голов.* I. 139. № 13. *Максим.* 158).

. . . .
И козака изловылы;
Били рученьки звъязалы,
Посадылы у визочокъ
Сами силы въ передочокъ·
Дай повезлы въ городочокъ.
Сами коней поганяють,
Дай на хлопця поглядають.
Щобъ и коней не втомыты,
Щобы хлопця не впустыты.
На конькахъ пина пала,
Недалеко вже Полтава.
Прыихалы до Полтавы,
Отдачыкы повставалы,
Быстри нижкы розкувалы,
Били ручкы развъязалы,
Да повелы у свитлицю,
Посадылы на скамныцю
(*Чуб.* V. 997. *Максим.* 159).

Если рекрутъ „женуть“, то невеселую картину представляетъ „новобранській полчокъ“:

По пидъ лисомъ, охъ тамъ бытый шлячокъ,
Туды ишовъ новобраньскый полчокъ;
По переду все маёры идуть,
А позаду новобранцивъ женуть.
Били нижкы позаковуваны,
Назадъ рукы позавъязуваны,
Чорни кудри позачисованы,
Чорны очи позаплакуваны (*Чуб.* V. 994. 1009. *Голов.* I. 146. № 21 III. 110. № 33).

или: Попереду йдуть
Ой все охотныкы,
А позаду йдуть
Невольныкы.
Охотныкы йдуть,
Просту писню поють,
Невольныкы йдуть—
Плачуть, рыдають,
Ой жызть наша,
Жызть проклятая!
Ой мать наша, мать,
Ой породыла насъ (2).
Ой у безчастный часъ.
Ой вже намъ, братця,
Ой тай не вертаться
(*Чуб.* V. 1010).

Мѣстомъ плача и скорби, мѣстомъ посвященія въ новую жизнь съ ея новыми обязанностями, съ новой обстановкой, является „прыемъ“. Этотъ терминъ первенствуетъ въ пѣсняхъ русскихъ украинцевъ, замѣняясь изрѣдка словомъ: „губернія“ или просто „городочокъ“; у австрійскихъ русиновъ, буковинцевъ и угро-руссовъ то же мѣсто именуется „кесарней“. Какъ въ тѣхъ, такъ и въ другихъ пѣсняхъ вмѣсто упомянутыхъ терминовъ употребляется названіе того города, въ который доставляютъ рекрутъ.

Такъ, въ приведенныхъ у Чубинскаго пѣсняхъ, записанныхъ въ ушицкомъ уѣздѣ, подольской губ., очень популяренъ „Камъянець“, „Камъянець-городець“, „Камъянець-городокъ“ (*Чуб.* V. 987, 996, 998, 977, 979, 1004); иногда употребляется выраженіе „Камъянецькый прыёмочокъ“ (*Чуб.* V. 997); враждебное отношеніе къ рекрутчинѣ переносится и на „Камъянець“, такъ встрѣчается выраженіе „вражый Камъянець“ (*Чуб.* V. 998). Изъ

другихъ городовъ упоминаются — Прилуки, Полтава, Гайсинъ, Харьковъ и Варшава:

Бодай тая Варшава вона ся пропала
Не идному молодцеви кучерикы обтяла (*Чуб*. V. 1000).

Въ австрійскихъ пѣсняхъ упоминаются Львовъ, Бережаны, Коломыя и Черновецъ:

Ой неволя, маты, неволя, неволя,
Въ Коломыи стрыжуть, до Черновця гоня(ть).
(*Голов*. I, 137, № 10. *Купч*. 576).

„Хлопцивъ молоденькихъ" нагоняютъ „въ Камъянецъ" „якъ вороинвъ чорненькихъ", „якъ чорніи хмары" (*Чуб*. V. 998, 999).

Доставленные, они сидятъ взаперти и тоскуютъ:

Летилы вороны черезъ сынее море
Заплакалы хлопци-новобранци, сыдячы въ неволи (*Чуб*. V. 996).

„Завелы ихъ въ славне мисто,
Славне мисто, ще славнищи замки;
„Сыдя(ть), лежа(ть) некрутыкы
Въ кованыхъ кайданахъ" (*Чуб*. V. 969)

„Зъ той касарни
Хлопци позыралы,
Якъ ся въ полопыни
Бучки розвывалы". (*Де-Вол*., 101).

Страданія рекрутъ прекрасно выливаются въ слѣдующей пѣснѣ въ формѣ худыхъ пожеланій тѣмъ, кто явился виновникомъ ихъ несчастья, въ данномъ случаѣ громадѣ:

У кого жъ мы ся, ридны браты, сего дослужылы
Чы въ Господа Бога, чы въ своій громади,
Що насъ, такихъ молоденькихъ, въ некруты забрали.
Якъ въ Господа Бога, допоможы Боже,
Якъ въ нашой лыхой громады, скарай іи, Боже!
Скарай іи, Боже, на души, на тили,
Що мы сыдымо въ неволи, хлопци молоды (*Чуб*. V. 997).

У прыему славный двиръ, тамъ намъ буде перебиръ (*Чуб*. V. 997)

думаютъ новобранцы. Одно представленіе о пріемѣ вызываетъ у нихъ содроганіе: „Задрижалы нижкы, ручкы ему" (*Чуб*. V. 1003). Происходящее при пріемѣ описывается такъ:

Ой везлы насъ, везлы та въ новую браму,
Ставилы насъ до прыему усе въ одну лаву;
Ой якъ поставылы до купы плечыма,
До купы плечыма, заплакалы чорнымы очыма.
(*Чуб*. V. 996, вар. Б. *Купч*. 567) или:

Ведуть мене безъ село,
Грають мени весело,
Прывелы мене до ганку:
„Якъ ся маешъ, коханку?"
Вражый ляшокъ не гадавъ,
До цыркулу видиславъ;

А въ цыркули повелы:
„Ставай, брате, до миры!"
Ще ся сміють,псявиры!
Еденъ каже, же я „скутъ".
Мени зъ очей слезы йдутъ.
—„Скыдай свои лахаши!

Беры наши камаши".
Далы мени камашки
Заплакалы вси наши!
—„Скыдай свои сиракы
Беры наши кажанкы!"
Заплакалы коханкы!
Далы мени черевыкъ,
А я на то не навыкъ;
Далы мени капелюхъ
Уже теперъ воякъ зухъ;
Ведуть мене за браму
„Почекай, пане, най стану,
Най ся зъ родомъ зобачу,
Най си ревно заплачу!
Бувай мыла здорова!
Вже ми стійка готова"..
(*Голов.* I, 143, № 17. III, 106, № 27),

Въ украинскихъ пѣсняхъ пріемъ описывается такъ:

Прыихалы до губерни
Видчыняють скляни двери (*Чуб.* V. 983, 987);

развязываютъ руки и ноги. Навстрѣчу выходитъ „губернаторъ", иногда „охвыцеры", а „попереду губернаторъ":

Пытаеться губернаторъ: чы есть въ тебе отець-маты (*Чуб.* V. 983)

или

Ой десь ся взявъ губернаторъ
Пытавъ чы холостый, чы жонатый?

Отвѣту какъ бы придавалось значеніе:

Нигде жинкы не выдаты,
Беруть мене у салдаты (*Чуб.* V. 983. Б.).

Иногда губернаторъ ограничивается похвалой: „жвавый хлопець-молодець!" (*Чуб.* V. 987).

Въ галицкихъ пѣсняхъ при пріемѣ фигурируетъ чаще всего самъ цысарь; онъ сидитъ „на стильчыку, выбранчыкивъ пыше" (*Купч.* 566. *Голов.* I, 142, № 16). Иногда упоминается о „старшихъ жовнирахъ" (*Голов.* I, 145, № 18), о „вражихъ ляшкахъ" (*Голов.* I, 143, № 16).

Въ пріемѣ рекрута „у станочокъ становылы (*Чуб.* V. 989. *Голов.* III. 106 № 27) „до миры" и стригли. Стрижка особенно противна парубкамъ; сожалѣніе о своихъ волосахъ, что „впалы панамъ по пидъ ноги" встрѣчается въ большомъ числѣ рекрутскихъ пѣсенъ:

Завезлы въ городочокъ,
Дай обрылы лобочокъ,
Взялы у свитлоньку,
Обголылы голоньку.
Поставилы пидъ миру,
Рукы й ножки помлилы (*Чуб.* V. 986) или

А вже жъ мои кучерикы ножычкамы стялы,
Ножечкамы стялы, брытвою пидголылы (*Чуб.* V. 1004. *Голов.* II 379. № 674).

При видѣ своихъ волосъ:

Сивъ некрутъ, да жахнувся,
За головку ухватнувся (*Чуб.* V. 983).

Въ буковинской пѣснѣ такъ изображается преобразованіе внѣшняго вида „хлопцивъ":

Гей у горахъ снигы впалы,
Потокы прыбулы,
Та вже нашихъ дай братчыкивъ
Въ черевычкы вбулы.
Въ черевычкы дай ихъ вбулы,
А въ барвочку вбралы,
Клалы реминь черезъ плечи,
На коня сажалы.
(*Голов.* I. 137, № 9. Ш. 94. № 9. *Купч.* 566).

„Карабинъ", какъ аттрибутъ военнаго званія, ненавистенъ молодежи въ пѣсняхъ австрійскихъ русиновъ.

Принятый въ солдаты долженъ былъ отказаться отъ всѣхъ привязанностей:

Дайте ему въ рукы гарматы—
Отце тоби батько й маты!
Далы ему въ рукы рушныцю—
Отце жъ тоби вирна сестрыця!
Далы ему московське плаття
Отце жъ тоби ридны браття!
Далы ему въ рукы ружыну—
Отце тоби вирна дружына!
(Зап. въ чигиринскомъ у. кіевск. г. 85 г.).

Въ пѣснѣ съ ироніей сравнивается посвященіе въ новую жизнь, при „прыеми",—со свадьбой, „слюбкомъ". (*Купч.* 576).

Послѣ того какъ рекруту „головъ пострыглы", „лобъ—головку обголылы", его—

По базари проводылы
Медомъ-выномъ накормылы.
„Гей, спы, некрутъ, пробуждайся!
На ученья собирайся!"
Скоро некрутъ пробудывся,
За головку ухопывся (*Чуб.* V. 997).

Съ „касарней" связано такъ много непріятнаго, что одно представленіе о ней вызываетъ проклятья:

Касарня, касарня
Бодай, съ запала!
Не одна тамъ маты
Ви для ней плакала.
(*Голов.* I. 150, № 26. *Де-Вол.* 98).

По нѣкоторымъ пѣснямъ, самымъ тяжелымъ моментомъ при наборѣ для рекрута представляется сама „муштра".

„Тоди, сестро, заплачешъ, якъ на кони зобачышъ",
„Въ жупани голубимъ, на черкеському сидли" (*Чуб.* V. 981, 984).

или: „на сывому конику, щей шабелька пры боку", „въ сывимъ" или „червонимъ ковпаку" (*Чуб.* V. 973); „якъ шабелька задзвыныть, то й серденько защымыть" (*Чуб.* 981. *Купч.* 568).

Но другимъ, наиболѣе тяжелымъ моментомъ является присяга:

Ой заплачешъ дрибнымы слезамы,
Якъ я буду прысягаты передъ образамы (*Чуб.* V. 973), потому что:
Прысягъ Царю, прысягъ Богу, одрикся одъ роду,
Прощай, сыну, мій голубе, не думай до дому! (*Максим.* 156).

Кромѣ бѣгства, практиковались еще и другія средства, съ цѣлью избѣжать рекрутчины.

Въ пѣснѣ, записанной подъ Аккерманомъ, упоминается о физическомъ искалѣчиваніи, къ которому прибѣгаютъ „хлопци“:

„Бидны хлопци пальци рижуть, зубы рвуть“...

удивительно, что это—единственный намекъ на подобный способъ во всемъ нашемъ матеріалѣ о рекрутчинѣ. Гораздо чаще парубокъ избавляется или пытается избавиться отъ рекрутчины при посредствѣ выкупа, который, впрочемъ, является вполнѣ легальнымъ средствомъ:

„Ой йды, вдово, йды, небого,
Выкупляй си сына свого! Гей! гей! или
Котро булы побагатшіи, ти ся выкуплялы.
Котро булы биднійшіи, то тихъ пострыгалы.
(*Голов.* I. 139. 142 № 13, № 16. *Де-Вол.* 99. *Чуб.* V. 975. *Pauli* II, 59).
Ой загувъ, та загувъ сызый голубонёкъ рано на зори,
Ой заплакалы наши новобранци, стоячы въ строи;
Ой загувъ, загувъ сызый голубочокъ садомъ летючы,
Ой заплакалы новобранци въ строю идучы.

или, какъ выражено въ варіантахъ,—сидя „въ неволи“, „въ острози“, „тюрьми“, они обращаются по очереди „до батенька“, „до матушкы“, „до брата“ съ просьбой „сири волы“, „коровы“, „ворони кони“, „худобу“ „збуты“ и за эти деньги выручить ихъ изъ „неволенькы“. (*Чуб.* V. 499—502. *Голов.* II. 596—97, № 33).

Въ угорской пѣснѣ дѣвушка выкупаетъ изъ рекрутчины милаго:

Чекай, мылый, догоню тя,
Маю тысячь, уминю тя (*Голов.* I, 150, № 26. *Де-Вол.* 99. *Дешко*, 674).

Иногда въ ходъ пускается подкупъ; „соцькому зъ выборнымъ“ предлагаютъ то „биленьке плаття“, то „коня вороного“, лишь бы не брали „въ неволючку козака молодого“ (*Чуб.* V. 974, 973).

Наконецъ, взятому уже „парню молодому“ удавалось бѣжать изъ „неволи“; этотъ случай съ эпической простотой и прелестью изображается такъ:

Беруть, беруть парня молодого
У тяжкую неволю,
Везуть, везуть парня молодого
Все густымы лисамы.

Ой утикае парень молоденькій
Все чыстымы полямы,
Доганяють парня молодого
Все сывымы конямы.

(*Чуб.* V. 993. *Голов.* I. 151. № 27).

Въ такихъ картинахъ предстаетъ предъ читателемъ украинскихъ рекрутскихъ пѣсенъ наборъ, какимъ онъ былъ нѣ-

сколько десятковъ лѣтъ тому назадъ; прибавлять къ этому ничего не остается; въ разбираемомъ нами случаѣ можно еще разъ убѣдиться въ томъ, что событія, глубоко захватывающія народную жизнь, оставляютъ глубокій слѣдъ въ народной поэзіи [1]).

М. К. Васильевъ.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

[1]) Интересно сопоставить картину набора, воспроизведенную нами по народнымъ пѣснямъ, съ воспоминаніями лица, испытавшаго на себѣ всѣ неудобства прежнихъ рекрутскихъ порядковъ: „Унизился и поссесоръ передъ нами, но затаилъ злобу противъ меня въ душѣ своей и при первомъ наборѣ рѣшился сдать меня въ солдаты. Какъ поссесоръ, онъ не имѣлъ права распорядиться этимъ безъ согласія громады, а потому отдалъ приказъ схватить меня въ самый день вывоза рекрутъ изъ нашего села на послѣдній осмотръ въ рекрутское присутствіе, временно устроенное въ м. Соболевкѣ. *И меня схватили тайно и совершенно неожиданно, забили въ колодки и повезли.* Читатель! если тебѣ не приходилось видѣть прежняго рекрутскаго набора, то ты можешь считать себя счастливымъ. Ничего ужаснѣе я и представить себѣ не могу. Молодые, неженатые люди еще какъ нибудь могли мириться съ этимъ; *но женатому, семейному, домовитому человѣку идти на 25-лѣтній срокъ тогдашней военной службы—это все равно почти, что идти на явную смерть.* И какъ идти? *Сидитъ себѣ человѣкъ въ своей хатѣ, или работаетъ на своемъ, либо панскомъ дворѣ, ничего не зная и не подозрѣвая, такъ какъ приказъ о наборѣ держался обыкновенно въ величайшемъ секретѣ. Вдругъ, по приказу панскому, набрасываются на него, схватываютъ, вяжутъ веревкою или поясомъ руки назадъ, забиваютъ ноги въ колодки, держатъ подъ карауломъ день—три недѣли, а потомъ сваливаютъ, какъ бревно, на возъ и подъ стражею везутъ въ присутствіе; тамъ забрѣютъ, переодѣнутъ и погонятъ за сотни, тысячи верстъ. Прощай, семья и село родное, прощай жена и дѣти, въ большей части на вѣки!* Въ такомъ положеніи былъ и я теперь. *Нужды нѣтъ, что я одинъ сынъ у отца, что у меня жена и маленькія дѣти. Схватили и повезли. Такъ пану угодно!*“... (курсивъ нашъ). „Кіевская Старина“ 1887 годъ, 12, 750, изъ статьи „Изъ воспоминаній отшельника К—ской пустыни“ Іер Ѳ—лъ.

ИЗЪ НАЧАЛЬНОЙ ИСТОРІИ РАСКОЛА ВЪ СТАРОДУБЬѢ.

I.

Къ вопросу о времени происхожденія стародубскихъ раскольничьихъ слободъ.

Давно и прочно установилось въ нашей литературѣ по исторіи раскола то мнѣніе, что первымъ раскольничьимъ поселенцемъ въ стародубскихъ предѣлахъ былъ московскій попъ Кузьма, имѣвшій свой приходъ при церкви Всѣхъ Святыхъ на Кулишкахъ, вмѣстѣ съ двадцатью «духовными дѣтьми своими». Въ первый разъ на попа Кузьму, какъ на перваго поселенца изъ раскольниковъ въ этомъ краѣ, указалъ извѣстный раскольничій писатель безпоповщинскаго толка Иванъ Алексѣевъ въ свой «Исторіи о бѣгствующемъ священствѣ», написанной имъ въ началѣ второй половины XVIII вѣка, именно въ 1755-мъ году. Съ тѣхъ поръ это указаніе Ивана Алексѣева повторялось и повторяется всѣми писателями, касавшимися такъ или иначе исторіи раскола вообще и стародубскаго въ частности, хотя и не всѣ эти писатели одинаково относились къ этому свидѣтельству Ивана Алексѣева. Одни изъ нихъ принимали свидѣтельство его безъ всякихъ оговорокъ и историческихъ поясненій, признавая за нимъ силу и значеніе достовѣрнаго историческаго свидѣтельства, не нуждавшагося въ провѣркѣ и историческомъ удостовѣреніи, тогда какъ другіе принимая указаніе Алексѣева, какъ единственное дошедшее до насъ свидѣтельство о первоначальномъ поселеніи раскольниковъ въ стародубскомъ полку, старались и стараются объяснить и провѣрить тѣ историческія данныя, которыми обставлено это указаніе у самаго Алексѣева. Къ первой категоріи писателей изъ второй половины XVIII вѣка, когда появились въ нашей литературѣ первые болѣе или менѣе систематическіе опыты по исторіи раскола, прежде всего нужно

отнести неизвѣстного намъ автора «Историческаго извѣстія о раскольникахъ», первое изданіе котораго намъ неизвѣстно, а второе издано П. Б. въ С.-Петербургѣ въ 1787 году; затѣмъ автора «Полнаго историческаго извѣстія о древнихъ стригольникахъ и новыхъ раскольникахъ», столь извѣстнаго въ литературѣ по исторіи раскола протоіерея Андрея Іоаннова Журавлева. Изъ писателей ближайшихъ къ намъ по времени къ этой же категоріи нужно отнести: А. Н. Муравьева, А. Щапова и преосвященнаго Макарія. Во главѣ писателей второй категоріи, пытавшихся провѣрить и удостовѣрить свидѣтельство Ив. Алексѣева, нужно поставить бывшаго преосвященнаго черниговскаго Филарета Гумилевскаго и извѣстнаго знатока исторіи русскаго раскола П. И. Мельникова [1]). Въ послѣднее время занимались тѣмъ же вопросомъ: мѣстный черниговскій изслѣдователь г. М. Доброгаевъ, напечатавшій довольно объемистую статью въ мѣстныхъ епархіальныхъ извѣстіяхъ за 1884 г. (№№ 20—24) подъ заглавіемъ: «Первыя времена раскола въ Стародубьѣ», и извѣстный дѣятель по разработкѣ исторіи Малороссіи А. М. Лазаревскій, посвятившій въ своемъ послѣднемъ трудѣ: «Описаніе старой Малороссіи» (Кіевъ, 1888—1889 г.) послѣднюю главу раскольничьимъ слободамъ, находившимся въ стародубскомъ полку, и сообщившій о нихъ нѣсколько весьма интересныхъ новыхъ данныхъ. Къ сожалѣнію, всѣ эти попытки удостовѣрить свидѣтельство Алексѣева разнаго рода историческими соображеніями, за недостаткомъ положительныхъ данныхъ, не сопровождались успѣхомъ и не выяснили вопроса о времени и условіяхъ первоначальнаго поселенія раскольниковъ въ стародубскомъ полку.

---

[1]) „Полное историч. изв.“ протоіерея *Журавлева* имѣло 5 изданій: первое въ 1794 г., а послѣднее въ 1855 г. Есть основаніе полагать, что и авторомъ „Историч. изв. о раск.“ былъ тотъ же Журавлевъ, такъ какъ это послѣднее въ миніатюрѣ (всего 48 стр. въ 16°) представляетъ „Полн. ист. изв.“ со всѣми его достоинствами и недостатками. Ср. Полн. изв. по 2 изд. 1795 г. ч. I, стр. 84—85, 98.—*Муравьевъ*: расколъ обличаемый своею исторіею, Спб. 1854. Стр. 133—134.—*Макарій*: Исторія рус. раскола. Изд. 2. Спб. 1858. Стр. 322—323.—*Щаповъ, А.*: Русскій расколъ старообрядства. Казань. 1859 стр. 7. По отношенію къ вопросу о времени поселенія попа Кузьмы въ Стародубьѣ у Щапова замѣтна нѣкоторая путаница: въ одномъ случаѣ это поселеніе онъ пріурочиваетъ почему то къ 1675 г., тогда какъ въ другомъ случаѣ, на стр. 532, согласно съ Алексѣевымъ, относитъ тотъ же фактъ ко времени послѣ собора 1666—1667 гг. — *Филаретъ*: Истор.-стат. опис. черн. еп. кн. IV. Черниговъ, 1873, стр. 79. Труды кіев. духовной ак. 1860 г., № 2, ст. „Ист. свѣд. о раскольн. чер. еп.“—*Мельниковъ, П. И.* Историч. оч. поповщины М. 1864, стр. 61—62.

Справедливость требуетъ сказать и то, что какъ бы и не старались удостовѣрить свидѣтельство Ивана Алексѣева, одно оно будетъ имѣть только относительное значеніе въ вопросѣ о времени происхожденія стародубскихъ раскольничьихъ слободъ и всегда будетъ нуждаться въ другихъ, болѣе полновѣсныхъ свидѣтельствахъ, въ особенности изъ времени первоначальнаго поселенія раскольниковъ въ предѣлахъ Стародубья. А такія свидѣтельства есть, и, какъ увидимъ далѣе, значительно расходятся съ свидѣтельствомъ Ив. Алексѣева, а тѣмъ болѣе съ тѣми побочными историческими соображеніями, которыя составились на основаніи этого свидѣтельства у комментаторовъ этого послѣдняго. Вотъ почему снова необходимо пересмотрѣть этотъ вопросъ и поставить его на надлежащую дорогу.

Разсмотримъ прежде всего свидѣтельство Ив. Алексѣева. Онъ такъ говоритъ о поселеніи раскольниковъ въ Стародубьѣ: «Настоящу въ Москвѣ велію на старовѣрцы гоненію, а наипаче вины ради сея, понеже въ лѣто 7174 отъ всякаго священнѣйшаго чина въ Москвѣ соборъ бѣ, и на немъ о коемъждо священномъ дѣйствѣ съ подтвержденіемъ изверженія, отлученія, проклятія, подробну нововводное установленіе положено и писано, то свитокъ наречено, кое при служебникѣ, въ лѣто 7176 напечатано,—откуду всякъ священнодѣйствуяй и людинъ опасно наблюдаемъ въ томъ бяше. Сего ради небреженія нѣкто бывшій въ Москвѣ попъ именемъ Козма, службу имѣя въ церкви Всѣхъ Святыхъ на Кулишкахъ, видя сія належанія, совѣтъ положи съ духовными дѣтьми своими, отъити въ стародубскіе предѣлы: бяше бо ему на той часъ стародубскій полковникъ зѣло знаемъ и другъ Гавріилъ Ивановичъ, его же въ нѣкоихъ напастехъ укрываше. И угодно бысть всѣмъ совѣщаніе то: оставивше жительства своя, поидоша въ Стародубъ. Полковникъ же, видѣвъ Козму попа, любовное пріятство всѣмъ сущимъ съ нимъ показа, и на прошенія ихъ ко атаману Куркускому (Курковскому) Ламакѣ, повелѣвая листомъ онымъ отвести имъ на жительство мѣсто, нарицаемое Понуровку. И тамо вси пришедшіи съ Козмою, число 20, поселишася при рѣцѣ Ревнѣ, въ лѣто 7177. Въ Великороссіи же елико день, толико умножашеся на старовѣрцы гоненіе, ищуще тыя, и къ новшествамъ принуждающе силою и муками; коихъ страшныхъ прещеній, не могуще носити, многіе народы, оставляюще своя природная мѣста, сродники и други, течаху въ стародубскую область, и тамо

пустыни населяюще. Откуду населися Бѣлый Колодезь и Синей, Замишево, Шеломы, слободы» [1]).

Ясно, что Ив. Алексѣевъ, ставя въ связь поселеніе раскольниковъ въ стародубскихъ предѣлахъ съ соборомъ 1666—1667 гг. и мѣрами его противъ раскольниковъ, иниціативу поселенія въ этихъ предѣлахъ раскольниковъ, по случайному обстоятельству—по знакомству съ стародубскимъ полковникомъ Гавріиломъ Ивановичемъ, приписываетъ московскому попу Всесвятской церкви на Кулишкахъ Кузьмѣ. Самымъ лучшимъ удостовѣреніемъ свидѣтельства Алексѣева, безъ сомнѣнія, могли бы быть какіе либо церковно-приходскіе акты, которые указывали бы на попа Кузьму, какъ на настоятеля Всесвятской церкви на Кулишкахъ во время московскаго собора 1666—1667 гг. или въ ближайшее къ нему время. До настоящаго времени всѣ писавшіе о первоначальныхъ временахъ раскола въ Стародубьѣ, за недостаткомъ прямыхъ указаній на этотъ счетъ и вполнѣ полагаясь на свидѣтельство Алексѣева, обходили этотъ пунктъ и не пытались даже выяснить его, несмотря на то, что Ив. Алексѣевъ, писавшій свою исторію спустя почти столѣтіе послѣ поселенія здѣсь раскольниковъ, и не могъ быть авторитетнымъ историкомъ въ данномъ случаѣ. А между тѣмъ по церковно-приходскимъ актамъ, сохранившимся и до нашего времени, попъ Кузьма былъ дѣйствительно въ Москвѣ при Всесвятской церкви на Кулишкахъ, за Варварскими воротами, въ такъ называемомъ Бѣломъ городѣ; но только не въ концѣ шестидесятыхъ годовъ XVII в., а въ концѣ семидесятыхъ. По приходнымъ книгамъ патріаршаго казеннаго приказа Всесвятскій на Кулишкахъ попъ Кузьма платилъ окладныя деньги въ 185 году, т. е. въ 1676—1677 г., и только въ одномъ этомъ году; до него попомъ здѣсь былъ въ 165—184 годахъ Семенъ Григорьевъ, а послѣ него Никита въ 186—193 годахъ [2]). Это современное оффиціальное указаніе о попѣ Кузьмѣ несомнѣнно надежнѣе и достовѣрнѣе свидѣтельства не современника, а лица уже жившаго почти столѣтіе спустя. На этомъ основаніи мы и вправѣ отодвинуть время поселенія раскольниковъ въ Стародубьѣ, съ попомъ Кузьмою во главѣ, къ концу семидесятыхъ годовъ XVII в., а не шестидесятыхъ, какъ обы-

[1]) *Тихонравовъ Н. С.* Лѣтоп. русск. литер. и древности. Т. IV, стр. 57. „Истина“, кн. 29-я, мартъ—апрѣль 1875 г., 7—8.

[2]) Матеріалы для исторіи, археологіи и статистики московскихъ церквей, собранные изъ книгъ и дѣлъ прежде бывшихъ патріаршихъ приказовъ В. И. и Г. И. Холмогоровыми, при руководствѣ И. Е. Забѣлина, ч. 1. М. 1884 г., стр. 493.

кновенно до сихъ поръ утверждали наши историки раскола (Журавлевъ, Муравьевъ, п. Макарій, Филаретъ, Мельниковъ и др.). Что и въ царствованіе Ѳедора Алексѣевича были, или, лучше, продолжались большія «належанія» на московскихъ раскольниковъ — фактъ несомнѣнный, тѣмъ болѣе, что ни самъ царь, ни его ближайшіе духовные совѣтники не имѣли никакихъ симпатій къ ревнителямъ старины, которыя несомнѣнно были у «тишайшаго» царя. Кромѣ извѣстныхъ уже въ литературѣ данныхъ объ этихъ «належаніяхъ», мы укажемъ на слѣдующій менѣе извѣстный фактъ изъ того же времени. 185 года, октября 25, т. е. въ 1676 г., посланъ былъ указъ Спасоноваго монастыря, что на Москвѣ, архимандриту Макарію, объ отобраніи старыхъ служебниковъ и сосудовъ деревянныхъ въ Спасовѣновомъ монастырѣ и въ подмонастырскихъ слободахъ[1]).

Гораздо труднѣе опредѣлить личность стародубскаго полковника, называемаго Ив. Алексѣевымъ, Гавріиломъ Ивановичемъ, котораго укрывалъ «въ нѣкоихъ напастехъ» въ Москвѣ попъ Кузьма и который былъ потому Кузьмѣ знакомцемъ и другомъ. Полковника съ именемъ Гавріила Ивановича не было во главѣ стародубскаго полка за все время существованія малороссійскаго козачества. Преосвященный черниговскій Филаретъ въ своемъ Историко-статистическомъ описаніи черниговской епархіи (кн. 7, стр. 79) высказалъ предположеніе, что это былъ не полковникъ украинскій, т. е. по мѣстности стародубскій, а присланный изъ Москвы воевода. Такое предположеніе покойный Филаретъ строилъ на основаніи пріятельской связи попа Кузьмы съ Гавріиломъ Ивановичемъ, считая болѣе естественными дружескія отношенія московскаго попа къ своему земляку— воеводѣ, чѣмъ къ полковнику-малоруссу. По многимъ соображеніямъ это предположеніе не можетъ быть принято, и прежде всего потому, что въ шестидесятыхъ годахъ XVII в. воеводство держалось въ Стародубѣ всего два съ нѣсколькими мѣсяцами года, именно съ 1666 г. по 1668 г. Единственнымъ стародубскимъ воеводой за это время былъ князь Игнатій Григорьевичъ Волконскій, убитый въ 1668 г. возмутившимся народомъ[2]). Во вторыхъ, это предположеніе не можетъ быть оправдано и по той простой причинѣ, что никто, кромѣ мѣст-

---

[1]) Тамъ же. I. 845. Книги и дѣла Дворц. Патріарш. Прик. № 3.

[2]) *Маркевичъ Н.* Истор. Малороссіи, т. III, стр. 132, 160, 176.—Истор. стат. опис. черн. еп., кн. 7, стр. 77. Здѣсь, между прочимъ, приведенъ весьма интересный актъ 1667 г. по поводу воровства съ указаніемъ на судъ *купы*: „и панъ воевода велѣлъ собрать мужовъ и купу учинить“.

наго полковника, не имѣлъ права раздавать полковую землю для поселенія. Извѣстно, что всякій полковникъ какъ въ военное, такъ и въ мирное время самовластно распоряжался на всей территоріи своего полка, хотя поступленіе его въ должность, какъ лица выборнаго, и зависѣло отъ воли подчиненныхъ. Онъ имѣлъ право пожалованій, взималъ подати, творилъ судъ и расправу, водилъ своихъ полчанъ на врага и пр. Словомъ, всякій полковникъ управлялъ своимъ полкомъ точно такъ же, какъ гетманъ правилъ своей Малороссіей; по власти это былъ своего рода средневѣковый феодальный баронъ.

Еще менѣе можетъ быть оправдано предположеніе П. И. Мельникова, что Гавріилъ Ивановичъ былъ «не стародубскій полковникъ, какъ пишетъ Иванъ Алексѣевъ въ своей Исторіи о бѣгствующемъ священствѣ, а вѣроятно одинъ изъ сотниковъ стародубскаго полка», если сотникамъ не принадлежало право раздачи для поселенія земель въ предѣлахъ своей сотни. Г. Доброгаевъ, въ указанной выше статьѣ, старается доказать изъ самыхъ обстоятельствъ, при которыхъ, по разсказу Алексѣева, состоялся отводъ земли пришедшимъ съ попомъ Кузьмою московскимъ раскольникамъ, что этотъ отводъ былъ дѣломъ полковника, а не сотника. Именно, по разсказу Алексѣева, дѣло представляется такъ. Когда попъ Кузьма съ духовными дѣтьми своими пришелъ въ Стародубъ, то его знакомецъ и другъ полковникъ, дружески принявъ бѣглецовъ, по ихъ просьбѣ, написалъ листъ и послалъ ихъ къ курковскому атаману Ламакѣ, вѣрнѣе—Ломакѣ, чтобы онъ отвелъ имъ мѣсто для жительства и поселенія—Понуровку [1]). Прежде всего здѣсь, по Доброгаеву, важно то, что раскольники приходятъ въ г. Стародубъ, и слѣдовательно, если вѣрно предположеніе П. И. Мельникова, то къ стародубскому сотнику, или, что тоже, къ сотнику первой сотни полка. А между тѣмъ, соображаетъ далѣе г. Доброгаевъ, курковскій курень входилъ въ составъ не первой стародубской полковой сотни, а второй имѣвшей свои, отдѣльные отъ первой сотни, курени, и своихъ, подчиненныхъ лишь этому сотнику второй сотни, атамановъ. Невѣроятно, заключаетъ далѣе г. Доброгаевъ, чтобы сотникъ первой сотни распоряжался и повелѣвалъ въ предѣлахъ чужой сотни; да и жилъ-де сотникъ второй сотни, по всей вѣроятности, не въ Стародубѣ, а въ какой нибудь изъ подчиненныхъ ему мѣстностей. Несмотря однако же на несомнѣнную

---

[1]) Курковичи—село стародубскаго уѣзда въ 30 верстахъ отъ уѣзднаго города, а Понуровка—въ 25 в. отъ того же города.

правильность этого послѣдняго заключенія съ формальной стороны, оно, къ сожалѣнію, не имѣетъ подъ собой ровно никакой исторической почвы, о которой, повидимому, такъ заботливо хлопоталъ г. Доброгаевъ, подробно и обстоятельно анализируя извѣстіе Ивана Алексѣева о поселеніи раскольниковъ въ Понуровкѣ. Дѣло въ томъ, что только почти въ концѣ гетманства Разумовскаго сотни полковая (стародубская) и почепская были подраздѣлены каждая на двѣ сотни, которыя, сохранивъ свои названія, и стали называться «первыми» и «вторыми». Съ такимъ названіемъ эти сотни вошли и въ румянцевскую опись Малороссіи. Но такого дѣленія на сотни не было въ стародубскомъ полку ни при гетманѣ Брюховецкомъ, когда былъ образованъ самостоятельный стародубскій полкъ, независимый отъ нѣжинскаго, ни при гетманѣ Самойловичѣ, когда всего вѣроятнѣе явился въ Стародубъ московскій попъ Кузьма съ 20-ю новыми насельниками Малороссіи [1]).

Повидимому, болѣе основаній имѣетъ другое объясненіе г. Доброгаева, относящееся къ тому же вопросу, именно, что Курковичи были дѣйствительно мѣстомъ пребыванія куреннаго атамана. «По актамъ, говоритъ онъ,—даже самый курень этотъ, состоявшій не изъ одного селенія Курковичъ, а и другихъ вокругъ его лежащихъ деревень, равно какъ и атаманъ въ немъ живущій назывались курковскими. Далѣе, по повѣсти Алексѣева, курковскій атаманъ Ламака отводитъ пришедшимъ къ нему съ листомъ отъ стародубскаго полковника мѣсто для поселенія — Понуровку... И здѣсь также повѣсть говоритъ вполнѣ согласно съ исторіей. Понуровка лежитъ всего въ нѣсколькихъ верстахъ (7) отъ села Курковичъ и, конечно, была въ районѣ курковскаго атамана, курень котораго обнималъ собою довольно значительное пространство земель стародубскаго полка. Значитъ, совершенно естественно было стародубскому полковнику, какъ говорится въ повѣсти, писать листъ не къ другому какому, а именно къ курковскому атаману, чтобы онъ отвелъ московскимъ бѣглецамъ урочище Понуровку, мѣстность котораго лежала въ его районѣ» (стр. 857). Въ подтвержденіе той же своей мысли г. Доброгаевъ указываетъ и на то, между прочимъ, что въ мѣстныхъ актахъ, хотя и позднѣйшихъ,

---

[1]) Нѣкоторыя документальныя указанія о стародубскомъ полку и его сотняхъ можно найти въ указанномъ выше трудѣ г. Лазаревскаго. Стр. 13, 111—112. Ср. А. Ю. Р., X., 830—838. При Брюховецкомъ было сначала 7 сотенъ, потомъ изъ части погарской сотни была образовано 8—бакланская, а въ началѣ XVIII в. при полковникѣ Жоравко образовалась и 9-я—новомѣстская.

именно 1718 года, среди владѣльцевъ курковскими землями встрѣчаются также и владѣльцы изъ фамиліи Ломакъ, напр. панъ Архипъ Ломака,—значковый товарищъ и куренный атаманъ въ 1724 г., по купчимъ и вѣчистымъ записямъ, приложеннымъ къ румянцевской описи,—замѣтимъ между прочимъ [1]). Въ немъ г. Доброгаевъ видитъ потомка упоминаемаго въ повѣсти Алексѣева атамана Ломаки. Всѣ эти соображенія г. Доброгаевъ строитъ на нѣкоторыхъ указаніяхъ, встрѣчающихся въ Обозрѣніи румянцевской описи А. М. Лазаревскаго и Н. А. Константиновича, въ которомъ приведены и нѣкоторыя выдержки изъ актовъ, приложенныхъ къ описи, Однако эти указанія сами по себѣ не настолько категоричны и полны, что бы на нихъ можно было вполнѣ положиться. Такъ, тамъ нѣтъ ровно никакихъ указаній на районъ курковскаго атамана, а равно и на то, что бы Понуровка въ концѣ XVII в. входила въ составъ курковскаго куреня. Въ многочисленныхъ купчихъ вѣчистыхъ записяхъ и другихъ актахъ XVII—XVIII в., приложенныхъ румянцевскими ревизорами къ описанію села Курковичъ (всѣхъ ихъ до 200), нѣтъ даже ни одного указанія на курковскій курень и его атамановъ до 1711 г. При разграниченіи грунтовъ шептаковскихъ, тимоновскихъ, курковскихъ, машовскихъ, карповскихъ и семіоновскихъ въ 1688 г., произведенномъ войсковымъ товарищемъ Захаромъ Шійкевичемъ и Иваномъ Бѣлозерецкимъ, дозорцею гетманскимъ почеповскимъ, со стороны Курковичъ присутствовали: войтъ Ѳедоръ Юревичъ, Леонъ и Стефанъ Ломаченки и др. О курковскомъ атаманѣ вовсе не упоминается, между тѣмъ упомянутъ тимоновскій [2]). Далѣе, извѣстно изъ первой подробной переписи Малороссіи 1723 года и книги генеральнаго слѣдствія, какъ и другихъ указаній, что село Курковичи до 1730 г. входило въ составъ магистратскихъ селъ, а затѣмъ было отдано въ ранговое владѣніе. На этомъ основаніи съ большимъ правомъ можно разжаловать Ломаку изъ атамановъ въ волостные сотники, завѣдыванію которыхъ подлежали магистратскія села, подѣленныя по отбыванію повинностей на волости.

Замѣтимъ кстати, что и село Курковичи служило мѣстомъ поселенія раскольниковъ. Въ такъ называемыхъ «Компутахъ» или первой подробной переписи населенія по стародубскому полку какъ козаковъ, такъ и посполъства, произведенной въ 1723 г. по распоря-

[1]) Рум. Оп. LXXXIII, л. 426.
[2]) Ib лл. 41, 75, 378.

женію президента малороссійской коллегіи Вельяминова и хранящейся теперь въ подлинникѣ въ кіевской археографической коммиссіи, при описаніи села Курковичъ замѣчено: «Въ семъ же селѣ Давидъ Расоренокъ, зъ расколу перекрестился, грунтовій. Андрей Расоренокъ, расколщикъ, грунтовій» и у нихъ три хаты подсусѣдковъ. «Сіи всѣ селу не помогаютъ [1])». На курковскихъ раскольниковъ есть интересныя указанія и въ румянцевской описи, именно въ заключеніе подворной и имущественной вѣдомости замѣчено: «Да сверхъ того в козаковъ курковскихъ Ивана Рубайлы, Ивана Немаченка, Өедора Козла, Омельяна Коваля, Павла Ломаки, Өедора Ломаки, Леона Чорниша, Ст. Довгиля имѣются въ грунтахъ с. Курковичъ грунта пахотніе и сѣнокосніе съ ухожимъ бортнимъ деревомъ, лѣснимъ угодіямъ и огородами, доставшіеся имъ вмѣстѣ съ тамошними мужиками, подданными господина коллежского ассесора Туманскаго: Устиномъ Барбашемъ, Григоріемъ Аненченкомъ, Иліею Лимонченкомъ, по куплѣ въ прошломъ 757 г. іюля 6 отъ умершаго бунчуковаго товарища Демяна Рубца, а онимъ Рубцемъ куплею набытіе отъ жіючихъ въ с. Курковичахъ роскольниковъ Якима и Фоминыхъ дѣтей Расореевъ за тисячу триста сорокъ рублей, на что съ крѣпостей при семъ пріобрѣтаются копіи. На которыхъ грунтахъ изъ пашенной земли посѣвается ржи во всѣхъ трехъ смѣнахъ 90 четвертей» [2])... Оказывается, что раскольники въ Малороссіи могли имѣть и «подданныхъ мужиковъ».

Кто же былъ тотъ полковникъ, который оказалъ содѣйствіе и помощь московскимъ бѣглецамъ, явившимся въ Малороссію на жительство во главѣ съ попомъ Кузьмою, и далъ имъ мѣсто для поселенія на земляхъ стародубскаго полка? По соображеніямъ г. Доброгаева, это былъ извѣстный своею печальною судьбою полковникъ Петръ Ивановичъ Рославецъ, превратившійся потомъ въ раскольничьемъ преданіи, которымъ и пользовался Ив. Алексѣевъ, въ полковника Гавріила Ивановича, подъ какимъ именемъ и сталъ извѣстенъ въ исторіи раскола. Мало того, онъ утверждаетъ, что попъ Кузьма могъ и хорошо знать Рославца и быть даже въ дружбѣ съ нимъ, потому что-де Рославцу не разъ на своемъ вѣку пришлось побывать и въ Москвѣ. При этомъ

---

[1]) Компуты всего полку стародубскаго,—рукоп. Л. 423—424. О книгѣ генеральнаго слѣдствія 1729—1730 гг. см. ниже.

[2]) Рум. оп. LXXXIII, л. 63 и дал. Ср. лл. 137, 149, 151, 159, 195, 276, 348, 549—550. Въ одномъ случаѣ „Расорій" названъ *козакомъ* с. Курковичъ—Обыватель лужковскій Яковъ Андреевичъ Неклюдовъ,—76 лѣтъ, въ 1767 г. показалъ, что онъ родился въ с. Курковичахъ. Рум. оп. CXVII, л. 48—49.

г. Доброгаевъ указываетъ на поѣздку его въ Москву въ 1665 году, когда Рославецъ ѣздилъ туда въ качествѣ уполномоченнаго отъ стародубскаго полка вмѣстѣ съ гетманомъ Брюховецкимъ и прожилъ тамъ будто бы круглый годъ, именно съ сентября 1665 г. до конца октября 1666 г. Въ это то время, по соображеніямъ г. Доброгаева, Рославецъ, и сошелся съ попомъ Кузьмой, нашелъ въ немъ дѣятельнаго покровителя и защитника въ «нѣкоихъ напастяхъ», какъ говоритъ Иванъ Алексѣевъ, за что потомъ и отблагодарилъ его въ 1669 г., когда прежній его покровитель самъ съ единомышленниками своими пришелъ въ Стародубъ просить у него мѣста для поселенія (Ibid. стр. 862--863).

И это соображеніе не имѣетъ за себя ровно никакихъ историческихъ основаній, по крайней мѣрѣ, когда оно пріурочено къ 1665 г. Прежде всего невѣрно то, что Рославецъ, какъ уполномоченный отъ стародубскаго полка, пробылъ въ Москвѣ круглый годъ въ свитѣ Брюховецкаго. Въ данномъ случаѣ г. Доброгаевъ довѣрился нѣкоторымъ указаніямъ, сдѣланнымъ ошибочно въ Исторіи Малороссіи Маркевича, не провѣривъ ихъ по другимъ, болѣе надежнымъ пособіямъ. Точно извѣстно, что Брюховецкій съ своею громадною ассистенціею, состоявшею изъ 535 человѣкъ, прибылъ въ Москву 11-го сентября, а отбылъ 20-го декабря того же года. За все время пребыванія гетмана въ столицѣ какъ за нимъ самимъ, такъ и за пріѣхавшей съ нимъ старшиной зорко слѣдили приставленные къ нимъ для почета и секретнаго надзора пристава, доносившіе о всемъ ими замѣченномъ въ малороссійскій приказъ боярину Салтыкову. Въ акты малороссійскаго приказа занесенъ даже такой случай, какъ писарь Захаръ Шійкевичъ, подпивши на пирѣ у князя Юрія Алексѣевича, поругался съ переяславскимъ протопопомъ Бутовичемъ, назвалъ его «брехуномъ», замахнулся сначала на него ножомъ, а потомъ вилкой, и «лаялъ» позорными словами судью и полковниковъ, за что потомъ и угодилъ въ Сибирь, по настоянію гетмана. На счетъ Рославца въ современныхъ актахъ нѣтъ никакихъ указаній, даже намека на какія либо «напасти», отъ которыхъ онъ могъ бы укрываться у попа Кузьмы на Кулишкахъ.

Былъ въ жизни Рославца другой случай пребыванія его въ Москвѣ, который дѣйствительно можетъ быть поставленъ въ нѣкоторую связь съ разсказомъ Ив. Алексѣева и указаніемъ, сдѣланнымъ нами о попѣ Кузьмѣ. Это было въ 1676 г., когда у Рославца возникла мысль отдѣлить стародубскій полкъ отъ гетманскаго управле-

нія и отчислить его къ разряду слободскихъ полковъ. Не нашедши сочувствія и поддержки своей мысли у большинства полковой старшины, онъ самъ отважился на рѣшительную борьбу съ гетманомъ и поѣхалъ въ Москву, полагая, что его мысль должна придтись по вкусу московскому правительству. Разсчеты его однако же не оправдались; тогдашніе московскіе политическіе дѣятели не сочли возможнымъ стать на его сторону, потому что онъ дѣйствовалъ «противно войсковому праву и должному послушанію», безъ совѣта старшины и гетманскаго вѣдома. Дальнѣйшій ходъ дѣла привелъ его подъ караулъ и оковы. 20-го августа того же года полковникъ «колодникъ» ушелъ изъ подъ караула, но скоро однако былъ пойманъ за Смоленскими воротами, когда шелъ изъ Бѣлаго города въ Земляной городъ. Приведенный въ малороссійскій приказъ онъ показалъ: «какъ вышелъ я на дворъ, взошелъ на церковь, а съ ней спустился на улицу и пошелъ. Хотѣлъ я пробраться къ карачевцу Григорію Юрасову, но двора его не нашелъ и хотѣлъ идти въ Новодѣвичій монастырь, чтобъ тамъ перебыть, пока не уѣдетъ изъ Москвы гетманскій посланецъ Солонина, который домогался, чтобъ ему отдали меня отвести къ гетману. Какъ бы только Солонина уѣхалъ, я опять пришелъ бы въ приказъ. Не нашедши Юрасова двора, я ночевалъ подлѣ церкви, не знаю какой, а утромъ пошелъ за Смоленскія ворота: тамъ встрѣтилъ меня стрѣлецъ и привелъ сюда. Изъ Москвы я бѣжать не думалъ, совѣтниковъ къ побѣгу не было у меня и подкупа никому не давалъ. Взялъ я съ собой на харчъ пять рублей, и тѣ цѣлы».

По розыску оказалось, что Григорій Юрасовъ умеръ, а сынъ его Аѳанасій объявилъ, что не знаетъ Рославца. Розыскъ больше ничего не даетъ; въ розыскномъ дѣлѣ нѣтъ никакихъ данныхъ, которыя бы указывали на связь Рославца съ попомъ Кузьмой или лицами близкими къ нему; тѣмъ не менѣе Рославецъ очутился въ Бѣломъ городѣ, т. е. тамъ, гдѣ былъ именно приходъ попа Кузьмы. Весьма вѣроятно, что Рославецъ задумалъ бѣжать изъ Москвы при посредствѣ раскольниковъ, съ которыми онъ имѣлъ связи и по поселенію ихъ въ стародубскомъ полку раньше попа Кузьмы, и по своимъ торговымъ оборотамъ, веденнымъ имъ на широкую руку, и именно съ Москвой. По своимъ торговымъ оборотамъ онъ имѣлъ обширныя связи съ карачевцами, съ торговыми людьми Сѣвска, Трубчевска, Брянска, Путивля и Рыльска, бывшими его коммиссіонерами по торговлѣ съ Москвой, особенно горѣлкой и пр. У торговыхъ людей Трубчевска и Брянска, какъ оказалось потомъ по слѣдствію о имуществѣ Рославца,

которое заботливо розыскивалось гетманомъ Самойловичемъ, хранились, очевидно, на всякій случай, и деньги Рославца, вещи серебряныя, мѣдныя и оловяныя и всякая домашняя рухлядь. Въ ту пору среди торговыхъ людей этихъ городовъ было уже не мало раскольниковъ, что замѣчено было и московскимъ правительствомъ. Царь Ѳедоръ Алексѣевичъ указывалъ собору 1681 года, между прочимъ, на города Путивль и Сѣвскъ, какъ на такіе, въ которыхъ развратники и противники св. церкви умножились. Этимъ обстоятельствомъ мотивировалось также въ то время и учрежденіе новыхъ епархій въ этихъ мѣстностяхъ. Въ 70-хъ годахъ XVII в. въ рыльскомъ уѣздѣ уже было два раскольничьихъ монастыря Льговскій и Монскій (по другой редакціи—Амонскій), бывшіе центрами раскольничьяго движенія на этой русской окраинѣ, откуда раскольники переселялись потомъ съ одной стороны на Донъ, съ другой—въ Малороссію. Эти то связи Рославца съ раскольниками и могли привести его къ мысли—избавиться при посредствѣ ихъ отъ того затруднительнаго положенія, въ которое онъ попалъ, желая угодить Москвѣ, всегда стремившейся возможно тѣснѣе скрѣпить связь Малороссіи съ Великороссіей и умалить отдѣльную самобытность вновь присоединившагося края. Въ это время онъ и могъ дать московскимъ раскольникамъ обѣщаніе поселить ихъ въ своемъ полку, котораго однако же не имѣлъ возможности привести въ исполненіе, такъ какъ послѣ московской тюрьмы тотчасъ же попалъ въ Батуринъ, на генеральный судъ, приговорившій его къ смертной казни. 12-го января 1677 года, когда должна была совершаться казнь Рославца, гетманъ Самойловичъ объявилъ царскую грамоту о дарованіи преступнику жизни и указъ о препровожденіи его въ Москву и ссылкѣ въ Сибирь вмѣстѣ съ нѣжинскимъ протопопомъ Адамовичемъ, соприкосновеннымъ къ его дѣлу [1]).

---

[1]) Дѣло Рославца подробно и обстоятельно разсказано Н. И. Костомаровымъ въ его „Руинѣ". Вѣст. Евр. Авг., 1880 г., гл. VIII, стр. 417—430. Лазаревскій А. М. Оч. мал. фам. Рус. Арх. 1875 г., стр. 249, 403. У послѣдняго дѣло Рославца ошибочно отнесено къ болѣе раннему времени.—О широкихъ торговыхъ предпріятіяхъ Рославца свидѣтельствуетъ предложеніе его боярину А. С. Матвѣеву о поставкѣ вина въ Москву, сдѣланное въ 1674 г. А. Ю. Р., XI, 673.—О раскольникахъ въ Сѣвскѣ, Рыльскѣ и др. городахъ См. А. И. V, № 75, стр. 109—110. П. С. З, II, № 898. Доп. къ Ак. Ист. XII, № 17, показаніе старца Наѳанаила, по прозвищу Аргитки.—Алексѣевъ Ист. о бѣгствующ. свящ. У Тихонравова, стр. 54—56. Полн. собр. постановл. и распоряж. по вѣдом. правосл. исповѣд. Росс. имп. Т. III. Спб. 1875. Стр. 70—71.

Г. Лазаревскій полагаетъ, что въ полковникѣ Гавриилѣ Ивановѣ слѣдуетъ видѣть тогдашняго стародубскаго обознаго Гаврила Дащенка, который въ 1669 году былъ и наказнымъ полковникомъ. Основаніе для такого соображенія онъ находитъ и въ томъ, что въ это же время Дащенко «взялъ въ свое владѣніе» село Солову, очень близкое къ Понуровкѣ, гдѣ, по его позволенію, оселились раскольники (Вып. 2, стр. 440). Соображенія эти, не особенно состоятельныя и сами по себѣ, не имѣютъ ровно никакого значенія въ виду вышеприведенныхъ данныхъ о времени появленія попа Кузьмы въ Стародубщинѣ.

Полковника, позволившаго московскимъ раскольникамъ съ попомъ Кузьмой во главѣ оселиться въ Понуровкѣ, нужно искать среди преемниковъ Рославца по стародубскому полковничеству. Непосредственнымъ его преемникомъ былъ городовой атаманъ Тимоѳей Алексѣевъ, простой, неграмотный человѣкъ, не сохранившій въ современныхъ актахъ даже своего родоваго прозвища. Во время чигиринскаго похода онъ былъ замѣненъ Ѳедоромъ Лукьяновичемъ Молчаномъ, сложившимъ подъ Чигириномъ свою голову. Послѣ Молчана полковникомъ былъ поставленъ Григорій Карповичъ Коровка-Вольскій, или просто Карповичъ, нерѣдко—Коровченко-Вольскій. Въ сентябрѣ 1678 г. Коровченко былъ уже въ Стародубѣ. Это былъ человѣкъ расторопный, ловкій, умѣвшій пользоваться обстоятельствами. На своемъ посту онъ дѣйствовалъ такъ, какъ и извѣстный намъ его предшественникъ—Петръ Ивановичъ Рославецъ: забиралъ села въ свое «ранговое» владѣніе, не спрашивая разрѣшенія гетмана, раздавалъ ихъ по своему усмотрѣнію своимъ подручнымъ урядникамъ, и прежде всего своимъ дѣтямъ и родственникамъ, строилъ водяныя мельницы и поселялъ около нихъ слободы. Была у него и своего рода политика въ заселеніи слободъ, вѣроятно унаслѣдованная отъ того же Рославца. Въ одномъ изъ первыхъ своихъ «листовъ» именно въ «листѣ» нѣкоему пану Курилу Яковлевичу, почеповскому атаману, отъ 1-го октября 1678 г., подтверждая право «на селище пустое, называемое Кугучево», отданное Курилѣ еще Рославцемъ, онъ разрѣшаетъ ему и «слободу осажовати людьми посторонними, якъ то зъ литовскихъ и инишихъ краевъ захожими, а не тутейшими старѣнными людми». Въ другомъ его листѣ мы знакомимся и съ тѣми условіями, на которыхъ селились въ слободахъ пришлые люди. Вотъ что читаемъ въ этомъ послѣднемъ листѣ: «Ознаймуемо симъ писаніемъ нашимъ каждому, кому бы о томъ вѣдати надлежало, а особливе пану сотнику мглинскому, атаману городовому, зъ товариствомъ, такъ тежъ и войту зъ мѣща-

нами: какъ ставши передъ нами панъ Михайло Силковичъ, осадца слободи на Будищахъ Бердишевскихъ надъ рѣкою Вороницею, презентовалъ наданній отъ бывшаго полковника пана Тимоѳея унѣверсалъ, же би пустоши не ваковали овшемъ, же би людми, за щасливимъ пана гетмана рейментомъ наполнени были, а *давши слобожанамъ волности на десять лѣтъ закликати.* Зачимъ позволяемъ таковій побожній христіанству честній учинокъ, абы людци збиралися и разширялися на вѣчную славу его милости пану гетману въ помешканю своемъ стосуючися, симъ нашимъ подтверждаемо пана Михаила Силковича, осадцу тоей слободки, унѣверсаломъ, давши ему зуполную моцъ людей збирати и оную слободу осаживати, позволяя тежъ онимъ слобожанамъ пашнѣ и пожнѣ до рѣки Дзѣвовкова и до лѣса Осова разчиняти и распаховати, якъ кто тилко можетъ. Зачимъ аби вся старшина вишреченная такъ осадци нашому яко слобожанемъ въ разживаню и распахованню поль и пожень не только зъ мѣста Мглина, лечъ и до мѣста служачихъ селъ, аби не важились кривди и шкоди чинити подъ не ласкою нашею, вамъ приказуемъ. Данъ въ Почепѣ битностю нашею октоврія 29 дня 1678 року» [1]).

Ко времени полковничества въ Стародубѣ Григорія Карповича Коровки-Вольскаго (1678—1680 г.) всего вѣроятнѣе и можно отнести поселеніе въ стародубскомъ полку московскаго попа Кузьмы съ 20 единомышленниками, его духовными дѣтьми. Это опредѣленіе времени поселенія попа Кузьмы согласуется и съ вышеприведеннымъ свидѣтельствомъ приходныхъ книгъ патріаршаго казеннаго приказа, единственнымъ пока документальнымъ указаніемъ о попѣ Кузьмѣ. По всей вѣроятности имя этого полковника и видоизмѣнилось въ раскольничьемъ преданіи въ имя Гавріила Ивановича.

Но это была далеко не первая раскольничья колонія въ стародубскомъ полку. Гораздо раньше поселенія здѣсь попа Кузьмы мы встрѣчаемся съ раскольниками, жившими въ разныхъ мѣстностяхъ Стародубья. О поселеніи ихъ имѣются и разнаго рода документальныя данныя, печатныя и рукописныя, хотя и весьма немногочисленныя, къ обозрѣнію которыхъ мы теперь и перейдемъ.

Великорусскіе поселенцы и раньше появленія и населенія сѣверныхъ уѣздовъ нынѣшней черниговской губерніи и южныхъ могилевской раскольниками появлялись и поселялись здѣсь.

Съ того времени какъ литовское государство окрѣпло, утвердилось и втянуло въ себя и эти искони русскія земли, населеніе со-

[1]) Обозр. Румянц. оп. Мал. IV. 604—605. Ср. 457, 575, 643—644.

сѣдней восточной Руси, особенно со стороны Посемья, гдѣ жизнь была черезъ чуръ тяжела, благодаря татарскому гнету, начало эмигрировать сюда, какъ въ мѣста болѣе покойныя, свободныя отъ татарскаго гнета. Правители Литвы, искавшіе, для завоеванія, новыхъ областей и ведшіе упорную борьбу съ нѣмецкими рыцарскими орденами, дорожили каждымъ новымъ человѣкомъ, селившимся въ предѣлахъ ихъ владѣній, всячески старались сохранять всѣ особенности славянской патріархальной общины, быстро клонившейся къ упадку въ сосѣдней Польшѣ. Обстоятельства измѣнились, когда возобладали и здѣсь польскіе порядки и естественнымъ слѣдствіемъ ихъ явился отливъ населенія въ южныя области, когда то сильно разоренныя татарами. Съ освобожденіемъ Малороссіи отъ власти поляковъ и съ изгнаніемъ ихъ начинается усиленное переселенческое движеніе въ сѣверную Малороссію. Такъ, уже въ статьяхъ Юрія Хмельницкаго говорится о значительномъ наплывѣ великоруссовъ изъ пограничныхъ съ Малороссіей великороссійскихъ городовъ. Въ 1672 г. «заоцкіе помѣщики всѣхъ городовъ, стольники, и стряпчіе, и дворяне московскіе, жильцы, и городовые дворяне и дѣти боярскіе» били челомъ на малороссійское духовное и свѣтское начальство и на козаковъ, по поводу укрывательства ими бѣглыхъ крестьянъ. Особенно они жаловались на Лазаря Барановича, архіепископа черниговскаго и новгородсѣверского, за которымъ, по ихъ словамъ, «поселилось камарицкихъ бѣглыхъ драгунъ и крестьянъ и иныхъ прихожихъ людей больше пяти тысячъ» [1]). Шли сюда великороссійскіе крестьяне и иные прихожіе люди по разнымъ поводамъ: или чтобы избѣжать наказанія за преступленія на мѣстѣ своего первоначальнаго жительства, или просто избавиться отъ тяжкой помѣщичьей власти, и это были далеко не единичные случаи. Иногда и голодъ заставлялъ выселяться и искать куска хлѣба [2]). Быть можетъ по этой именно причинѣ черниговская губернія и до сихъ поръ пользуется дурною репутаціею у жителей правобережной Украины, даже на Волыни,

---

[1]) Акт. отн. къ ист. юж. и зап. Рос. Т. IX. Спб. 1877. Стр. 855—859. Ср V, 53, 90. III. №№ 348, 351 и 362.

[2]) Въ „Компутахъ“ старод. полка 1723 г., между прочимъ, отмѣченъ слѣд. фактъ. При описи слоб. Бельни въ которой находилось 7 безгрунтовыхъ убогихъ домохозяевъ, замѣчено: „сіи шисть человѣкъ, опрочъ Ив. Андріева, великороссійской породы, не въ давнихъ на слободу сію зайшлихъ числехъ, отпущени сказовали для прокормленія отъ своихъ бояръ; а мѣютъ знову на свои возвратитися жилища“. Л. 791. Ср. у Желябужскаго въ Зап. стр. 213.

какъ намъ неоднократно приходилось слышать. Приблизительно съ 60-хъ годовъ XVII в. къ прежнимъ мотивамъ выселенія изъ Великороссіи присоединился новый—религіозный, значительно усилившій притокъ сюда великорусскаго населенія. Это послѣднее усиленіе великорусскаго элемента указывается и въ современныхъ малороссійскихъ лѣтописяхъ. Въ лѣтописи Самовидца, составленной, если и не въ цѣломъ составѣ, то въ значительной своей части, въ предѣлахъ Сѣверщины или въ ближайшей къ ней мѣстности, если не въ самомъ Стародубѣ, отмѣченъ подъ 1676 годомъ и фактъ поселенія великороссійскихъ раскольниковъ въ стародубскомъ полку. Говоря о взятіи царскими войсками Соловецкаго монастыря, за упорство его монаховъ въ расколѣ, и отмѣчая кратко главнѣйшія разногласія раскольниковъ съ православными, или непринятыя ими «новопоставленныя рѣчи» на московскомъ соборѣ 1666—1667 гг., Самовидецъ замѣчаетъ: «И за тіе новіе рѣчи многихъ черндовъ, поповъ и свѣцкого стану людей у земли московской помордовано, же того не хотѣли приймати, але на старомъ держалися, яко передъ тимъ було. *И многіе виходили на Украину на мешканя ку сѣверу,* позоставивши набитки свои, а иннихъ и у силку позасилано» [1]). Такимъ образомъ Самовидецъ ставитъ въ связь поселеніе раскольниковъ въ сѣверскихъ предѣлахъ съ московскимъ соборомъ 1666—1667 гг. На эту же связь, какъ мы видѣли, указываетъ и Иванъ Алексѣевъ, авторъ «Исторіи о бѣгствующемъ священствѣ».

Имѣется и другое, болѣе компетентное, мѣстное и современное свидѣтельство о поселеніи раскольниковъ въ Сѣверщинѣ до появленія здѣсь попа Кузьмы съ двадцатью московскими выходцами, ревнителями старообрядства. Такъ, Лазарь Барановичъ, архіепископъ черниговскій и новгородсѣверскій, въ письмѣ отъ іюля 1677-го года, къ тогдашнему стародубскому наказному полковнику Михаилу Рубцу, пишетъ: «Мнѣ вельце ласковый пане полковнику наказный стародубовскій, въ Духу Святимъ наймилшій сыну. Руськіе люде слободки деманкувской, суплѣковали до насъ презъ честного отца Іякова Ханчинского, абысмы имъ книги, которыя нашъ высланный честный отецъ Сіоманко позабѣравши въ ихъ, положилъ въ церквѣ Рождества пресвятой Богородицы стародубовской, казали повернути. За чимъ мы, склонившися на ихъ прозбу, просимъ милости твоей—рачъ вм... оные книги честному отцу Іякову Ханчинскому, росказати выдати; а

[1]) Лѣтоп. Самовидца, по изд. кіев. врем. ком. по разб. древ. акт. Кіевъ. 1878 г. стр. 131—132. Ср. Чт. моск. общ. ист. и др. рос. 1846 г. № 2, стр. 66.

онъ ведлугъ росказаня нашего, повиненъ будетъ онимъ отдати, що и повторе жадаючи, архиерейское мое благословеніе милости твоей засилаю. Зъ монастыра Всемилостиваго Спаса архимандріи новгородской. Іюля—року 1677. Милости твоей всѣхъ благъ желаючий пастырь Лазарь Барановичъ, архиеппъ чернѣговскій, новгородскій и проч. рукою» [1]).

Письмо архіепископа Лазаря Барановича къ тогдашнему наказному полковнику—важный историческій документъ какъ для уясненія вопроса о первоначальномъ поселеніи раскольниковъ въ стародубскомъ полку, такъ и для уясненія отношеній ихъ къ мѣстной епархіальной власти, о которыхъ нѣтъ пока никакихъ другихъ свѣдѣній изъ XVII в. Изъ этого письма впервые оказывается, что мѣстная епархіальная власть если не немедленно по поселеніи здѣсь раскольниковъ, то, во всякомъ случаѣ, въ скоромъ времени, нашла возможнымъ принять противъ нихъ извѣстныя мѣры, практиковавшіяся въ то время и въ Москвѣ, главномъ очагѣ раскола въ ту пору. Какими соображеніями или мотивами руководился при этомъ Лазарь Барановичъ, сдѣлавъ первоначально распоряженіе объ отобраніи старыхъ книгъ у раскольниковъ, а потомъ измѣнивъ первоначальное распоряженіе и приказавъ снова возвратить ихъ раскольникамъ, изъ письма невидно; во всякомъ случаѣ его отношеніе къ новопоселившимся здѣсь раскольникамъ—фактъ новый и въ извѣстной мѣрѣ освѣщаетъ намъ церковное ихъ положеніе на первыхъ порахъ на новомъ мѣстѣ ихъ жительства. Кромѣ того, письмо это исправляетъ и ту часто повторяемую ошибку, что въ с. Демьянкахъ раскольники поселились изъ Понуровки, когда ихъ стали вытѣснять изъ послѣдней по указу царевны Софьи Алексѣевны къ черниговскому архіерею и стародубскому полковнику Семену Ивановичу Самойлову (1680—

[1]) Подлинникъ этого письма находится у А. С. Лашкевича. Въ первый разъ оно издано А. М. Лазаревскимъ въ „Опис. старой Мал“. Т. I. В. I. Стр. 180. Упоминаемый въ письмѣ Л Барановича свящ. *Іяковъ Ханчинскій*—тотъ самый, котораго полковникъ Рославецъ побилъ и котораго 13 авг. 1677 г. „народъ обурився, виволокши з олтара, по службѣ божой, сродзе были и на смерть забили бы, ежели бы не оборонилъ полковникъ наказній, з своими припавши козаками“. Лѣт. Самов. стр. 136—137. Не онъ ли же, въ качествѣ архіерейскаго конюшаго, принималъ участіе, вмѣстѣ съ тѣмъ же Рославцемъ и генеральнымъ писаремъ Мокріевичемъ въ отправленіи гетмана Многогрѣшнаго въ Москву въ мартѣ 1672 г., по сверженіи его? Письма преосв. Лаз. Барановича. Изд. 2. Черниговъ 1865 г. стр. 163. Ср. 172. Ак. юж. и зап. Рос. IX, 113, 116, 335, 337, 904.

1685 гг.). Объ этомъ указѣ упоминаетъ Иванъ Алексѣевъ [1]). Между тѣмъ изъ сопоставленія вышеприведенныхъ данныхъ и письма Лазаря Барановича ясно видно, что село Демьянки раньше Понуровки было населено раскольниками; въ половинѣ 1677 года они здѣсь уже находились и по отношенію къ нимъ принимались извѣстныя мѣры со стороны мѣстной епархіальной власти.

Нѣтъ точныхъ документальныхъ данныхъ, когда именно раскольники поселились въ слободѣ Демьянкахъ; только одно несомнѣнно, что они здѣсь не были первоначальными засельниками. По показанію старожиловъ въ 1729 г. «за владѣнія лядского на шляхетскомъ Абмовича грунтѣ, по его жъ Абрамовича приказу, Демянки осажовали Денисъ и Милюшка; и тѣмъ селомъ онъ, Абрамовичъ, ажъ до Хмельнищины владѣлъ; а послѣ лядского владѣнія тѣмъ селомъ владѣли Небаба и Блаватскій». Въ 1704 году Демьянки отданы были гетманомъ Мазепою стародубскому полковнику Михаилу Миклашевскому, въ родѣ котораго и остались. Въ 1723 году, когда произведена была первая подробная перепись стародубскаго полка и вмѣстѣ всей Малороссіи, здѣсь было всего только три раскольничьихъ двора, тогда какъ крестьянъ Миклашевскаго грунтовыхъ 93 двора и бобыльскихъ 32 хаты. О матеріальномъ положеніи этихъ раскольниковъ демьянковскихъ въ переписныхъ книгахъ замѣчено: «Въ семъ же селѣ 3 двора раскольниковъ; сіи всѣ кгрунтовіи и велми можніе, а селу жадной помощи не чинятъ». Какъ велика была разница между числомъ раскольниковъ въ селѣ Демьянкахъ во время Лазаря Барановича и во время переписи 1723 года, судить трудно за недостаткомъ данныхъ; изъ общаго тона вышеприведеннаго письма Лазаря Барановича можно, кажется, заключить, что «русскіе люди слободки Демьянковской» поселены были не въ такомъ ограниченномъ количествѣ дворовъ, какъ свидѣтельствуетъ перепись 1723 года [2]).

Къ первымъ раскольничьимъ поселеніямъ въ стародубскомъ полку нужно отнести и упоминаемыя Ив. Алексѣевымъ слободы: Понуровку, Бѣлый и Синій Колодези, Замышевъ, Шеломы и Митьковку. О поселеніи раскольниковъ въ Понуровкѣ имѣется и болѣе раннее оффиціальное свидѣтельство, чѣмъ свидѣтельство Ивана Алексѣева. Именно въ книгѣ генеральнаго слѣдствія по стародубскому полку 1729 —

---

[1]) *Тихонравовъ. Н. С.* Лѣт. рус. лит. Т. IV. Отд. III., ст. 58.

[2]) „Компуты" стародуб. полка 1723 года. Л. 450—455. *Лазаревскій*, А. М. Оп. ст. Мал. В. I., стр. 179—180.

30 гг., между прочимъ, замѣчено о поселеніи здѣсь раскольниковъ слѣдующее: «Село Понуровка осажована слободою и въ оной слободѣ сначала жили расколщики, великороссійскіе люди; но вислили же зъ Понуровки расколщиковъ, якъ осѣли тамъ малороссійской породи люди, тѣмъ селомъ Понуровкою Семионъ да Яковъ гетмана Самойловича сини владѣли. А когда гетманъ Самойловичъ зъ дѣтьми своими посланъ въ силку, то оное село Понуровку гетманъ Мазепа на себе взялъ и определилъ подъ видѣнне двора своего Бакланскаго, а потомъ зъ своего владѣнія тотъ же гетманъ Мазепа полковниковѣ стародубовскому Михайлу Миклашевскому 1693 года надалъ не на рангъ»... Упоминается о раскольникахъ въ Понуровкѣ и въ переписи 1723 года: «Мицко москаль зъ раскола окрестился и грунтовій. Сей не належитъ до посполства и не помоществуетъ» [1]). Сопоставляя оффиціальное свидѣтельство книги генеральнаго слѣдствія съ свидѣтельствомъ Ив. Алексѣева о времени поселенія въ Понуровкѣ попа Кузьмы и тѣми соображеніями, которыя нами были высказаны по поводу этого поселенія, можно, кажется, придти къ тому довольно вѣроятному заключенію, что Понуровка какъ слобода, осаженная раскольниками, при посредствѣ курковскаго куреннаго атамана или сотника Ломаки, по истеченіи льготныхъ лѣтъ, о которыхъ точно говорилось во всякомъ «осадномъ листѣ», первоначально входила въ составъ селъ, подлежащихъ «по послушенству» стародубскому магистрату. Осаженныя на магистратскихъ земляхъ слободы часто потомъ переходили во владѣніе къ разнымъ генеральнымъ и полковымъ чинамъ, гетманамъ и полковникамъ, какъ извѣ-

[1]) Книга генеральнаго слѣдствія. Стародубскій полкъ. Рукопись, хранящаяся въ библіотекѣ коллегіи П. Галагана въ Кіевѣ, № 9, л. 5, ст. II и об. Подробныя указанія о книгѣ генеральнаго слѣд. см. у Лазаревскаго. Т. I. В. I. VI—IX.— „Компуты" старод. полка 1723 г. л. 423 об.—Въ румянцевской описи Малороссіи встрѣчаются нерѣдко указанія на то, что раскольники жили въ Понуровкѣ и въ первой половинѣ XVIII в. Такъ о млинскихъ обывателяхъ Ст. Сем. Вдовенкѣ, 57 л. и Сав. Сем. Вдовенкѣ, 63 л., замѣчено, что они родились въ малороссійскомъ селѣ Понуровкѣ. Т. LXXXII. Подв. оп. №№ 5—6: Ср. тамъ же №№ 19—21. Въ подвор. вѣдом. войта слоб. Гуровичъ, при опис. бездв. избы Анд. Ѳед. Новиченкова, 52 л., замѣчено, что отецъ его бывалъ малороссіянинъ стар. п. с. Понуровки и вышелъ въ Чуровичи въ 1746 г. CXVII, л. 7. Ср. подвор. вѣд. вороньковскаго войта л. 5—6, 10 об., 19, 50 и 55.—Въ одномъ изъ своихъ донесеній еп. черниг. Иродіонъ Жураковскій писалъ въ 1723 г., что понуровскій раскольникъ Дмитрій Безсчастный умышленно женилъ своего сына въ православной церкви на православной дѣвицѣ, а потомъ перекрестилъ ее раскольничьимъ попомъ Борисомъ и держалъ вмѣстѣ съ сыномъ въ расколѣ. Опис. док. и дѣлъ арх. св. Син. т. I, № 507, стр. 581. Полн. соб. пост. и расп. по вѣд. прав. исп. рос. им. т. IV, № 1323, п. II, стр. 156—158.

стно крайне самовластно распоряжавшимся магистратскими селами и слободами. Захватъ этихъ послѣднихъ былъ однимъ изъ самыхъ общеупотребительныхъ пріемовъ для генеральной и полковой старшины увеличить свои земельныя владѣнія. По крайней мѣрѣ извѣстный намъ полковникъ П. И. Рославецъ широко практиковалъ этотъ пріемъ, какъ потомъ и другіе стародубскіе полковники по его слѣдамъ. Такъ, изъ осаднаго листа на поселеніе Азаровки (Назаровки), выданнаго полковникомъ Рославцемъ въ маѣ 1670 г., видно, что новую слободу позволялось заводить осадцѣ «Тимошовѣ Павловичу (вѣроятно раскольнику, какъ догадывается г. Лазаревскій) обивателевѣ бившому.... ухровскому», съ правомъ вольности на пять лѣтъ, а потомъ, «котории лѣта волно виживши, отъ всякихъ подачокъ, подлеглости городовои стародубовской всякой маютъ послушники и повинними бити»... По прошествіи пяти льготныхъ лѣтъ Азаровка однако же отдавала «послушенство» не стародубскому магистрату, а выдавшему осадный листъ полковнику Рославцу и затѣмъ его премникамъ—полковникамъ [1]). Тоже, вѣроятно, было и съ Понуровкой, хотя мы и не имѣемъ документальныхъ указаній на этотъ счетъ. Изъ первоначальныхъ раскольничьихъ поселеній, упоминаемыхъ Ив. Алексѣевымъ, Замишевъ также принадлежалъ сначала къ числу магистратскихъ селъ, а потомъ перешелъ на рангъ стародубскихъ полковниковъ. Изъ позднѣйшихъ раскольничьихъ поселеній, въ качествѣ магистратскихъ селъ, или, по тогдашнему техническому выраженію, «къ помочи мѣской», осажены: слобода Зыбкая (нынѣ г. Новозыбковъ) въ 1701 году и Тимошкинъ Перевозъ въ 1703 году,—обѣ по разрѣшенію полковника Миклашевскаго [2]).

Относительно Синяго и Бѣлаго Колодезей, Замышева, Митьковки, за исключеніемъ слободы Шеломы, какъ мѣстахъ раскольничьихъ поселеній, имѣется почти только одно свидѣтельство Ив. Алексѣева. Какъ въ «Компутахъ» 1723 года, такъ и въ «книгѣ генеральнаго слѣдствія» по стародубскому полку, 1729—1730 г., нѣтъ ровно никакихъ указаній о поселеніи здѣсь раскольниковъ. О Синемъ Колодезѣ въ послѣдней сказано только то, что это село (22 двора) «осажовано на войсковой землѣ слободою за владѣнія бывшихъ полковниковъ стародубовскихъ и купно зъ волостю Чолховскою належало и надле-

[1]) Осадный листъ на поселеніе Азаровки напечатанъ Лазаревскимъ въ указанной его послѣдней книгѣ. Тамъ же см. и другія сообщаемыя имъ данныя о смѣнѣ владѣльцевъ. В. I. Стр. 180—181.

[2]) Ист. ст. оп. черн. еп. VII, 199. Лазаревскій. II, 433. Ср. Зап. о жизни протоіерея Верховскаго. Спб. 1877. Стр. 927.

жигъ на рангъ полковничій» (Л. 3 об.). Тоже подтверждено и въ 1731 году при разсмотрѣніи генеральною старшиною добытыхъ слѣдствіемъ данныхъ (Л. 2·об.). Въ позднѣйшей румянцевской описи Малороссіи 1767 г., т. CXVI, въ вѣдомости зыбковскаго войта Ивана Масленникова о приписныхъ къ слободѣ Зыбкой и бѣжавшихъ, между прочимъ, замѣчено о вдовѣ Парасковьѣ Родіоновой Назаровой, 50 лѣтъ, что «мужъ ея бывалъ изъ малороссіанъ стародубскаго полка села Синего Колодезя, живалъ въ подданствѣ за стародубскими полковниками». Село Синій Колодезь до марта 1719 года находилось въ ранговомъ владѣніи стародубскихъ полковниковъ, когда оффиціально «по доброхотной пріязни», а на самомъ дѣлѣ въ качествѣ взятки, уступлено было полковникомъ Жоравкой генеральному судьѣ Ивану Чарнышу [1]. При слѣдствіи о границахъ Синяго Колодезя, при отдачѣ чолховской волости съ ранговыми деревнями, пожалованными графу П. А. Румянцеву Высочайшимъ указомъ отъ 10-го ноября 1770 г., на основаніи разныхъ документовъ, было выяснено, что с. Синій Колодезь при криницѣ съ такимъ же названіемъ былъ поселенъ на земляхъ манюковскихъ, приблизительно въ послѣдней четверти XVII в., когда еще село Манюки принадлежало къ числу ратушныхъ селъ. При томъ же слѣдствіи, владѣльцы манюковскіе, братья Велинскіе, показали, что село Синій Колодезь «начало поселенія своего имѣетъ такое, что подля колодезя, прозываемаго синяго, кой состоялъ внутръ дачъ манюковскихъ, *оселились были сперва раскольники*, а за выходомъ ихъ оттоль, нашли въ ихъ жилища малороссіяне и по тогдашней въ переходѣ свободности, мало по малу умножившись, когда уже завели слободу, то ради отбуванія общенародныхъ податей и повинностей, причислена она стала къ ратушнымъ деревнямъ; но однако жъ и затѣмъ, не имѣя никакихъ удѣлныхъ принадлежностей, состояла всегда на такомъ основаніи, что какъ люде оселились тамо не въ особомъ какомъ обрубѣ, но въ грунтѣ манюковскомъ, безъ всякого универсалного на то дозволенія, но съ дозволенія манюковскихъ обывателей, а не съ какого особливого отводу»! [2]) На тѣхъ же, очевидно, условіяхъ жили и первоначально поселившіеся здѣсь раскольники.

---

[1]) Рум. оп. CXVI. Вѣд. зыб. войта, л. 144 об. Выраженіе вѣдом. „изъ малороссіанъ“ нужно понимать въ смыслѣ родившагося въ Малороссіи (см. ниже). Старообрядцы не смѣшивались съ казеннымъ населеніемъ Малороссіи, какъ и теперь въ слободахъ чрезвычайно рѣдки родственныя связи съ малороссіянами. Отдѣльные случаи однако же были,—особенно на первыхъ порахъ.—Сулимовскій Архивъ, 198—199.

[2]) Отдаточная книга чолховской волости. Лазаревскій. Оп. ст. Мал. В. II, стр. 416.

О Бѣломъ Колодезѣ точно извѣстно, что онъ поселенъ во время полковничества П. И. Рославца и осадилъ его на вольномъ мѣстѣ для себя полковой обозный Гаврило Дащенко. Исторія этого поселенія довольно подробно разсказана въ книгѣ генеральнаго слѣдствія. «Село Бѣлый Колодезь,—сказано тамъ,—сначала, по позволенію стародубовскаго полковника Рославца, на волномъ мѣстѣ осадилъ бывшій тогда обозній полковій Стародубскій Гаврило Дащенко, которому на осаду того села и позволительное открытое письмо отъ того же полковника Рославца 1673 года августа 12 дня дано, которимъ селомъ онъ, Дащенко обозній, по смерть свою, а по немъ жена, а по смерти жени его синъ ихъ Андрей Дащенко, безъ всякаго уряду, по смерть же свою владѣли. Потомъ тимъ селомъ Бѣлимъ Колодяземъ владѣли полковникъ Стародубовскій Коровка,а потомъ Симеонъ и Іяковъ гетманичи, потомъ Михайло Миклашевскій, по немъ (1709 г.) судья полковій Прокопъ Силенко, по универсалу гетмана Скоропадского. Послѣ тотъ же гетманъ Скоропадскій отдалъ во владѣніе тое село Бѣлій Колодезь своимъ унѣверсаломъ 1719 году Андрею Миклашевскому въ замѣну с. Полѣевки отцу его и наслѣдникамъ его въ вѣчніе года жалованною монаршою грамотою утвержденнаго, которое оній гетманъ Скоропадскій на себе у его Миклашевского отобралъ, а къ ратуши оное Бѣлій Колодезь нѣкогда не надлежало и не надлежитъ» (л. 48 об. и 49). Тоже подтвердила и генеральная старшина въ 1731 г. (л. 14). Въ универсалѣ гетмана Скоропадскаго на с. Бѣлый Колодезь, при отдачѣ его Миклашевскому, между прочимъ, сказано, что это село въ 1714 году было отдано полковымъ судьей Силенкомъ сыну его Тимоѳею, и что послѣдній «знать прикро зъ тамошними селянами обходился, что оное въ державѣ его змалолюднѣло», что гетманъ и выставлялъ основаніемъ отдачи его «въ зуполное владѣніе п. Андрею Миклашевскому» [1]. Соображая данныя книги генеральнаго слѣдствія и гетманскаго универсала 1719 года съ свидѣтельствомъ Ивана Алексѣева, можно съ вѣроятностью полагать, что обозный Дащенко при основаніи заселилъ свою слободу великорусскими раскольниками, но тчо потомъ они отсюда или были вытѣснены во время полковничества С. И. Самойловича вмѣстѣ съ другими, какъ свидѣтельствуетъ Ив. Алексѣевъ, или ушли отсюда въ періодъ времени между 1714—1719 г., когда сталъ слишкомъ круто обходиться съ поселенцами тогдашній владѣлецъ Тимоѳей Силенко. Нужно принять во вниманіе и то, что,

[1]) Обозр. Рум. оп. Мал. IV, 751—752.

по гетманскому универсалу, время выселенія поселянъ изъ Бѣлаго Колодезя какъ разъ совпадаетъ съ временемъ образованія описныхъ раскольничьихъ слободъ, когда раскольники легально получили право независимаго отъ воли малороссійскихъ владѣльцевъ существованія и охотно селились на отведенныхъ имъ по государеву указу земляхъ.

О времени заселенія Замышева и слободы Шеломы нѣтъ никакихъ болѣе или менѣе точныхъ указаній. О первомъ извѣстно только то, что это село первоначально входило въ составъ магистратскихъ селъ, а потомъ перешло на рангъ стародубскихъ полковниковъ, и въ 1695 году была уже тамъ церковь, какъ значится въ листѣ полковника Миклашевскаго. Возможно, что и здѣсь первоначально поселились раскольники вмѣстѣ съ малороссами и другими выходцами, почему Ив. Алексѣевъ и называетъ его одною изъ раскольничьихъ слободъ. Въ CXVII томѣ румянцевской описи находимъ и нѣкоторое подтвержденіе свидѣтельства Ив. Алексѣева. Въ подворной вѣдомости чуровичскаго войта, поданной ревизорамъ 14 октября 1767 года, о обывателѣ слободы Чуровичъ Григоріѣ Слѣпцовѣ, 47 лѣтъ, замѣчено: «малороссійской природы, стародубскаго полка, с. Замишева, переселился въ Чуровичи въ 1759 году». Выраженіе: «малороссійской природы» —въ этого рода документахъ значитъ просто—родившійся въ Малороссіи, точно также часто говорится о раскольникахъ, вышедшихъ изъ Польши, что они «польской націи»,—изъ Лифляндіи, что они «шведской націи» [1]).

О слободѣ Шеломы извѣстно, что она поселена на землѣ значковаго товарища Аѳанасія Зѣнченка, но когда неизвѣстно. По универсалу Мазепы 1702 года, отъ 17-го іюля, за Зѣнченкомъ были утверждены двѣ его слободы—Людковщина и Шоломинъ [2]). Какъ состоявшая изъ сплошнаго раскольничьяго населенія эта слобода съ 1715 г. вошла въ составъ описныхъ государевыхъ раскольническихъ слободъ.

Нѣсколько позднѣе упомянутыхъ слободъ, по разсказу Алексѣева, была основана слобода *Митьковка*, осаженная сыномъ пришедшаго въ Стародубье попа изъ Бѣлева Степана Дмитріемъ Степановымъ, по имени котораго и названа. Время основанія и этой слободы точно неизвѣстно; но по Алексѣеву она основана раньше 1682—1685 гг., когда попъ Кузьма вмѣстѣ съ Степаномъ Бѣлевскимъ должны были

[1]) Лазаревскій: II, 419. Румянц. оп. CXVII, л. 3 об. подв. вѣд. чуров. войта. Ср. CXVI, вѣд. митьков. войта, л. 55 и др.

[2]) Ист.-стат. опис. черн. еп. VII, 200. Ср. 233. Румянц. оп. CXVI. Опись бѣлая ревиз. л. I.

удалиться отсюда въ Польшу и поселиться «въ области пана Халецкаго, при рѣцѣ Вѣткѣ». Такъ началась знаменитая въ исторіи раскола Вѣтка, распространившая потомъ широко свое вліяніе среди русскаго старообрядства. Относительно Митьковки слѣдуетъ однако замѣтить, что въ 1767 г. митьковскій войтъ Антонъ Заболоцкій въ поданной румянцевскимъ ревизорамъ вѣдомости доносилъ, что слобода Митьковка осажена на ранговомъ грунтѣ, по универсалу гетмана Скоропадскаго, въ 1709 году, прилагая при вѣдомости и гетманскій универсалъ, не сохранившійся въ приложеніяхъ къ румянцевской описи въ ея теперешнемъ видѣ (т. CXVI). Между тѣмъ въ Историко-статистическомъ описаніи черниговской епархіи (кн. I, 127) сказано, что Митьковка поселена въ 1703 г. и что осадчимъ ея былъ нѣкто Семенъ Савельевъ. Въ приведенномъ здѣсь отрывкѣ изъ гетманскаго универсала 1709 г., гетманъ писалъ: «Въ слободѣ нашей Митьковской, которая недавно начала осѣдати, не машъ осадчаго», почему и поручалась обязанность осадчаго упомянутому Савельеву. Откуда заимствованъ универсалъ—не сказано.

Кромѣ того, раньше вытѣсненія раскольниковъ изъ предѣловъ Стародубья при царевнѣ Софьѣ, общаго или частнаго, основана была въ 1682 г. слобода *Еленка*, при р. Еленкѣ, осаженная войсковыми товарищами Михайломъ и Ильею Рубцами, на грунтахъ пана Горяина Черноопоповскаго, какъ сказано въ румянцевской описи (т. CXVII, вѣдом. войта Ивана Красилина).

О поселеніи другихъ слободъ до 1682 г. включительно свѣдѣній нѣтъ, да вѣроятно и не было другихъ слободъ до этого времени, кромѣ отдѣльныхъ поселеній раскольниковъ по городамъ и другимъ мѣстностямъ болѣе или менѣе населеннымъ и торговымъ. Такъ, не безъ основанія можно полагать, что мѣстечко *Серединая-Буда*, находившееся около великороссійской границы, заселено было во время гетманства Самойловича великороссійскими поселенцами, т. е. главнымъ образомъ раскольниками. Въ XVIII в. это мѣстечко было довольно виднымъ промышленнымъ центромъ съ значительнымъ великорусскимъ населеніемъ, раскольничьимъ по преимуществу.

О количествѣ раскольничьихъ поселенцевъ въ стародубскихъ предѣлахъ до 1682 г. судить трудно, за недостаткомъ какихъ бы то ни было цифровыхъ данныхъ на этотъ счетъ. Съ другой стороны и нѣтъ достаточныхъ основаній полагать, чтобы раскольничье поселеніе было довольно значительно до этого времени въ заселенныхъ имъ слободахъ. На незначительность собственно раскольничьяго на-

селенія указываетъ и незначительное число раскольничьихъ поселеній и возможность быстраго вытѣсненія изъ Стародубья раскольниковъ при полковникѣ-гетманичѣ Сем. Ив. Самойловичѣ (1682—1685 гг.), по указу царевны Софьи Алексѣевны, если безусловно вѣрить разсказу Ивана Алексѣева. Возможно здѣсь однако же нѣкоторое преувеличеніе со стороны послѣдняго. Дѣло въ томъ, что раскольники селились какъ на полковыхъ и магистратскихъ земляхъ, такъ и на земляхъ частныхъ владѣльцевъ. Легко было удалить ихъ изъ слободъ, поселенныхъ на полковыхъ и магистратскихъ земляхъ, находившихся въ полномъ и непосредственномъ распоряженіи высшей полковой власти; но не такъ легко было это сдѣлать съ тѣми раскольниками, которые жили на земляхъ частныхъ владѣльцевъ. Извѣстно, какъ послѣдніе дорожили великороссійскими поселенцами, предпочитая ихъ рѣшительно мѣстнымъ посполитымъ и всячески стараясь вытѣснять послѣднихъ изъ давно насиженныхъ ими родныхъ мѣстъ, потому что послѣдніе не легко поддавались закрѣпощенію со стороны козацкой старшины, только что самой вышедшей изъ того же народа. Извѣстны и многочисленныя жалобы великорусскихъ помѣщиковъ на малороссійское духовное и свѣтское начальство и на козаковъ, по поводу укрывательства и невыдачи бѣглыхъ крестьянъ. Въ упомянутой выше челобитной царю Алексѣю Михайловичу заоцкіе помѣщики писали: «люди, государь, наши и крестьяне, заворовавъ многіе, побивъ помѣщиковъ своихъ, а иные пожегши, бѣгаютъ отъ насъ за рубежъ въ малороссійскіе городы и живутъ, бѣгая отъ насъ, въ малороссійскихъ городѣхъ за епископы и за казаками въ городѣхъ и на посадѣхъ, въ селѣхъ и въ деревняхъ. И мы, холопи твои, съ твоимъ великого государя указомъ, съ грамоты и съ отписки отъ воеводъ, къ нимъ въ малороссійскіе городы, для тѣхъ своихъ бѣглыхъ людей и крестьянъ, ѣздимъ; и они, епископы и старшина и козаки, намъ, холопемъ твоимъ, тѣхъ нашихъ бѣглыхъ людей и крестьянъ не выдаютъ и насъ, холопей твоихъ, бьютъ и грабятъ и многихъ побиваютъ до смерти, а иныхъ въ воду сажаютъ». Особенно горько жаловались помѣщики на малороссійскихъ духовныхъ владѣльцевъ, главнымъ образомъ на Лазаря Барановича, не брезговавшихъ никѣмъ изъ приходившихъ къ нимъ бѣглыхъ людей и крестьянъ и не выдавшихъ никого, «хотя бы и прямо съ висѣлицы приходили къ нимъ», писали помѣщики.

М. Лилеевъ.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

КУЛЬТУРНЫЯ ПЕРЕЖИВАНІЯ.[1]

51.

Черты, рѣзы, мѣты, бирки, карбижи, раваши.

Подъ такими названіями въ древности и въ новое время слыветъ палочка или дощечка, на которой отмѣчаются посредствомъ разнаго рода нарѣзокъ въ видѣ крестиковъ или черточекъ тѣ или другіе предметы, количество денежнаго долга, число копенъ въ полѣ, число срубленныхъ въ лѣсу деревьевъ и т. п. Въ случаѣ обозначенія долга бирки изготовляются въ двухъ экземплярахъ, изъ которыхъ одинъ находится въ рукахъ должника, а другой у кредитора. Дѣлается это такъ, что палочка, на которой сдѣланы знаки, разрѣзывается на двѣ части; затѣмъ при провѣркѣ онѣ складываются и наблюдается, прійдутся ли отмѣтки или нѣтъ, при уплатѣ долга по частямъ съ бирки срѣзаютъ знаки или дѣлаютъ въ знакахъ какія нибудь измѣненія, причемъ знаки или клеймы бываютъ разнообразны.

Бирки встрѣчаются у разныхъ народовъ, въ разныхъ странахъ, въ однѣхъ, какъ житейское бытовое явленіе, въ другихъ, какъ культурное переживаніе, подъ разными названіями, марки, сигны, сигнаты, теклятуры, декуріи, характеры, снайды, сигнаты-люгры, циппусы, стиллы, кхему, огамъ, асока, сафа, сабеанъ, футоркъ, руны и другими. Научная литература о биркахъ обширна и разнообразна. Въ „Россійской библіографіи“ 1881 г. № 83 А. И. Савельевъ насчиталъ около 70 русскихъ и иностранныхъ сочиненій и сборниковъ

---

[1]) См. „Кіев. Старина“ 1889 г., № 7, іюль.

документовъ, въ которыхъ упоминаются бирки. Списокъ этотъ можно было бы еще значительно пополнить, напр., указать на статью П. С. Ефименка о юридическихъ знакахъ въ Журн. Мин. Нар. Просв., нѣсколько статей въ „Обычн. правѣ“ Якушкина, статью кн. Путятина въ 1 т. „Трудовъ одес. археол. съѣзда“ и замѣтки г. Кулишера въ „Очеркахъ сравнительной этнографіи.“ Самымъ богатымъ источникомъ литературы рукоприкладныхъ и другаго рода знаковъ можно считать изслѣдованіе Homayer'a, Die Haus und Hofmarken.

Не имѣя въ виду писать спеціальное изслѣдованіе о биркахъ, во всю широту ихъ распространенія, мы ограничимся здѣсь южнорусскими формами ихъ существованія.

Древность украинскихъ бирокъ опредѣляется ихъ простотою; это естественные потомки скандинавскихъ и готскихъ рунъ и древне-славянскихъ рѣзовъ. Руны—знаки, начертанные на камнѣ, дощечкахъ или палочкахъ (Runenstaebe). Знакамъ этимъ, какъ выраженіямъ мудрости, приписывалась магическая сила. Въ нѣмецкомъ словѣ Buchstab первичный смыслъ палка—книга. По свидѣтельству черноризца Храбра древніе славяне „чрътами и рѣзами чьтѣхѫ и гатаахѫ.“ Глаголъ чьтати, чести, литов. skajtiti значитъ считать, numerare, legere, honorare, а глаголъ гатати или гадати vaticinare, conjicere, cogitare, изъ санскр. корня ga, откуда gatha—пѣсня, литов. gedoti—пѣть (*Петрушевичъ*, Лингв.—истор. разсужд. 10). Славянскія черты и рѣзы, подобно рунамъ, также имѣли священное таинственное значеніе. Такъ какъ на палочкахъ чаще всего обозначались долги, то въ древности словомъ рѣзы, рѣзоиманіе стали обозначать проценты (подроб. у *Аристова*, Промышл., с. 214—220).

Въ древнихъ русскихъ памятникахъ встрѣчается слово *мѣта* въ значеніи nota, знакъ, мѣтельникъ—notarius, помѣта, смѣта. Значеніе этихъ словъ уясняется изъ готскаго maitan—caedere, secare, древ.-верх.-нѣм. meizan—hauen, чешск. mejtiti—interlucere.

Первоначально мѣты состояли изъ нарѣзовъ и служили для счисленія, причемъ помѣщались на счетныхъ доскахъ, о которыхъ упоминается въ русскихъ лѣтописяхъ. Судя по Русской Правдѣ, уже въ XI в. судья имѣлъ при себѣ чиновника мѣтельника (писца), который, должно быть, мѣтилъ на биркахъ или на хартіи, сколько взято подати съ виновныхъ.

Въ Польшѣ и въ Малороссіи мѣтить на биркахъ называется карбовать, мѣтники—карбовники, бирки—*карбижи*, отъ нѣмец. kerben. Къ этому разряду словъ относятся: литов. iskarbiti въ значеніи разбить, рус. щербить, щербатый, кръбы, карбы, латин. scribo, слав. скребу. (*Петруш.*, 15). Къ этому разряду словъ относится старинное малорусское названіе серебрянаго рубля карбованцемъ.

Въ галицкой Руси бойки и гуцулы употребляютъ *раваши* (отъ сл. рыть, зарубки) при вымѣреніи удоеннаго молока въ дойницѣ, чтобы потомъ опредѣлить вѣсъ сыра соотвѣтственно вѣсу въ одинъ разъ удоеннаго отъ овецъ молока (*Петруш.*, 15; *Головац.* I, 697).

Квитка въ повѣсти „Конотопская вѣдьма" подробно, хотя въ ироническомъ тонѣ, описалъ карбованный счетъ на хворостинѣ. Писарь пришелъ къ сотнику съ длинной хворостиной. „Панъ сотныкъ бачыть, що панъ пысарь не влизе у ёго свитлыцю за тою довгою хворостыною, та й пыта: „Та що-то вы, пане пысарю, якого чорта до мене у свитлыцю прете?"—Та се, добродію, лепортъ объ сотенимъ народосчисленіи, та бодай винъ сокрушывся въ прахъ и попелъ!—невмистымъ есть въ чертогъ вашъ. Подобаетъ, або стину протяты, або стелю пидняты, бо невлизу до вашои вельможности—сказавъ Пистрякъ. Хворостына сія хоча есть и хворостына, оттакъ видсыпавъ нашъ Пистрякъ; но оная не суть уже хворостына, понеже суть на ній вмистылыще душъ козацькихъ прехвабри сотни конотопскои, за ненахожденіемъ пысательнаго существа и трепетаніемъ десныци и купно шуйци." Писарь переломилъ „лепортъ" и отдалъ сотнику два цурпалка. Сотня дѣлилась на десятки, что и было вырѣзано на палкѣ; но потомъ вышелъ недочетъ одного козака, такъ какъ на одной зарубкѣ переломилась хворостина.

Въ ахтырскомъ и лебединскомъ уѣздахъ крестьяне сплошь и рядомъ пользуются бирками для счета копенъ на поляхъ помѣщиковъ, деревьевъ въ лѣсу, мѣшковъ и проч. Копны означаютъ крестиками, а полукопы—вырѣзанными наискось черточками, снопы—прямыми черточками.

Бирки встрѣчаются въ Великой и Бѣлой Россіи, также въ привислянскомъ краѣ. Въ народныхъ польскихъ пѣсняхъ упоминается нарѣзное письмо, „на рубочкахъ", т. е. зарубки, напр: „Na

rąbeczku bym pisała—do matusi bym posłała.“ Въ малорусскихъ пѣсняхъ вмѣсто рубочекъ является древесный листъ, какъ письменный матеріалъ.

52.

Колыска.

Антропологическая выставка въ Москвѣ въ 1879 г. дала хорошій случай изучить форму колыбели у разныхъ народовъ. Въ отдѣлѣ предметовъ, относящихся къ физическому воспитанію дѣтей, выставлены были присланныя со всѣхъ концовъ Россіи дѣтскія кроватки и колыбели. Въ ряду разныхъ колыбелей малорусская колыска, какъ и колыбель великорусскихъ крестьянъ, отличается характеромъ первобытной простоты. Это деревянный ящикъ, внизу обтянутый полотномъ, привѣшенный на четырехъ веревкахъ къ потолку на крючкѣ или гвоздяхъ. Появленіе такого рода колыбели можетъ относиться къ праславянскому времени, судя по тому, что слова колыбель, колыска встрѣчаются у всѣхъ славянъ въ значеніи именно дѣтской колыбели, cunae, отъ сл. колѣбати, agitare (*Будил.*, Первоб. слав. § 261, 10).

Висячая форма колыбели, сравнительно съ колыбелью стоячей, признается древнѣйшей. Она развилась изъ мѣшка или кожаной сумки, въ которой женщины дикихъ народовъ носили дѣтей во время странствованій и при работѣ. Висячая колыбель представляетъ то удобство, что отъ легкаго толчка долго качается сама собой.

У однихъ народовъ висячая колыбель состоитъ изъ мѣшка или куска полотна (лужицкихъ сербовъ, персовъ), у другихъ изъ ящиковъ или коробокъ, снабженныхъ повязками (у нѣкоторыхъ американскихъ племенъ, испанцевъ, нѣмцевъ). Висячія деревянныя колыбели, подобныя русскимъ, встрѣчаются въ Закавказьѣ, въ Малой Азіи, въ Германіи. Усовершенствованіемъ русскихъ и нѣкоторыхъ инородныхъ сходныхъ колыбелей является нижняя полотняная сторона, отчасти предохраняющая ребенка отъ рѣзкихъ толчковъ. Въ разныхъ мѣстахъ Германіи, висячую дѣтскую колыбель также прикрѣпляютъ на балкѣ при помощи веревокъ (Ploss, Ребенокъ, 68—105).

Висячая колыбель, даже та или другая форма ея, не составляють особенности славянскихъ, германскихъ или другихъ народовъ. Это простое, такъ сказать, интернаціональное бытовое явленіе, но въ частности здѣсь всегда могли проявляться и постоянно проявляются улучшенія, примѣнительно къ возрасту ребенка и устройству дома. И въ Малороссіи любовь родительская придаетъ иногда колыбели лучшія формы, на что можетъ указывать отчасти одинъ рисунокъ Жемчужникова при „Основѣ.“

Съ колыской соединены нѣкоторыя повѣрья и обряды. Такъ, въ Малороссіи запрещаютъ качать пустую колыбель, чтобы не умеръ ребенокъ. Во всей Германіи также запрещаютъ качать колыбель безъ ребенка; иначе ребенокъ не будетъ лежать въ ней спокойно. Качаніе пустой колыбели по шотландскимъ и по китайскимъ повѣрьямъ вредно отражается на ребенкѣ (*Ploss*, 105). Въ этомъ случаѣ безполезное качаніе колыбели получаетъ мистическое значеніе вреднаго.

Въ колыбель кладутъ разные предметы, съ цѣлью сообщить ребенку опредѣленныя способности. Такъ, въ старинное время въ Россіи, даже въ дворянскихъ семьяхъ, клали въ колыбель ребенка мальчика маленькій лукъ и стрѣлу, а въ колыбель дѣвочки прялицу (*Авдѣева*, Записки, 117). По словамъ арабскаго писателя X в. Ибнъ-Фодлана, русскіе славяне давали новорожденному мечъ (*Макушевъ*, Сказ. иностр. 143). Въ древней Мексикѣ и въ Китаѣ ребенку давали въ руки или клали въ колыбель, смотря по полу, игрушечныя орудія войны, ремесла или домашнихъ работъ (*Тэйлоръ*, Первоб. культ. II, 469).

53.

Каганецъ.

Каганцомъ въ Малороссіи называется ночникъ или плошка. Въ плошку наливаютъ сала, втыкаютъ въ него гнотъ или кусокъ пакли, и такимъ образомъ получается небольшой свѣтильникъ. Въ настоящее время древній каганецъ во многихъ крестьянскихъ домахъ замѣненъ керосиновыми лампочками. Въ великорусскихъ де-

ревняхъ употребляется для освѣщенія лучина, столь же первобытный свѣтильникъ, какъ и каганецъ; въ пѣснѣ лучина „не ясно горитъ, все вспыхиваетъ." Слово каганецъ встрѣчается въ малорусскомъ, польскомъ и чешскомъ языкахъ (*Miklos*. Fremdwörter, 22). Въ польскомъ языкѣ этимъ словомъ обозначаютъ: 1) намордникъ или кольцо, надѣваемое на дикихъ или злыхъ животныхъ и 2) ночной свѣтильникъ или лампочку (*Linde*, II). Въ значеніи ночнаго свѣтильника, тусклаго и мрачнаго, каганецъ часто упоминается у старинныхъ польскихъ писателей (*Linde*, II). Очевидно, слово каганецъ заимствованное, трудно только сказать, отъ какого народа, когда и каково его коренное значеніе. Приходитъ на память сходное въ звуковомъ отношеніи слово каганъ, встрѣчающееся уже въ древне-русскихъ литературныхъ памятникахъ, именно въ словѣ митроп. Иларіона о законѣ и благодати XI в. Слово каганъ—восточное, тюркское, у алтайскихъ народовъ caganus, chacanus; у татаръ chakan—ханъ, князь, царь, въ каковомъ значеніи зашло оно въ Русь еще до татаръ. Не было ли слово каганецъ эпитетомъ огня, или самый свѣтильникъ, можетъ быть, назывался княземъ или владыкой у того народа, отъ котораго заимствовано было слово каганецъ? Такое предположеніе не противорѣчитъ народной психологіи. Извѣстно, что въ Россіи живой огонь, т. е. произведенный отъ тренія, называется царь-огонь (*Аѳанас.*, Поэт. воззр. II, 18). У индусовъ вѣдической эпохи въ ряду многочисленныхъ эпитетовъ огня были владыка (pati), владыка богатства (rayo dhartar), владыка мужей (nrpati), вождь (nitya), благодѣтель (ordha), герой (vira), князь—rayan (см. *Овсянико-Куллик.*, Къ ист. культа огня, 100 и др.). Можетъ быть, въ древности и въ южной Руси свѣтильникъ назывался лучиной, какое названіе встрѣчается у многихъ славянъ въ значеніи taeda, свѣча, отъ слова лучъ (*Будилов.*, Первоб. слав. 118, 300); но затѣмъ слово это могло быть вытѣснено тюркскимъ, и не случайно, а по близкому знакомству южноруссовъ и поляковъ съ татарскимъ бытомъ, въ частности, съ каганцемъ, въ которомъ горитъ не щепа, а пакля.

Какъ бы то ни было, каганецъ и лучина остатокъ древняго быта. Первоначально не существовало различія между средствами отопленія и освѣщенія. Послѣднія начинаютъ отдѣляться одно отъ

другаго съ того момента, когда начинаютъ откладываться въ сторону смолистыя щепки ели или нѣчто подобное для употребленія ихъ въ качествѣ естественнаго свѣтильника, а отсюда слѣдующимъ шагомъ является приготовленіе искусственныхъ свѣтильниковъ (*Тейлоръ*, Антропологія, 271). Самыми обыкновенными изъ нихъ являются лучина и факелъ. Каганецъ имѣетъ сходство съ древними классическими лампочками. Это были плоскіе овальные сосуды съ носикомъ на концѣ, черезъ который выходила свѣтильня. Сосуды эти были глиняные, иногда металлическіе; огромное число ихъ найдено въ катакомбахъ и въ могилахъ, и почти всѣ музеи древностей имѣютъ одну или нѣсколько такихъ лампочекъ.

Заслуживаетъ вниманія повѣрье галицко-русскихъ бойковъ, что въ каганцѣ живетъ дѣдко, т. е. домовой (*Маякъ* 1843. XI. 47). Это одно изъ самыхъ архаичныхъ проявленій почитанія огня.

Не менѣе любопытно другое повѣрье, что потухшій мгновенно каганецъ предвѣщаетъ смерть одному изъ жителей дома (*Чуб*. I, 103). Это одно изъ характерныхъ проявленій древняго отождествленія души съ огнемъ.

54.

Живой, или Божій огонь.

Въ Галиціи горцы гуцулы выгоняютъ свой скотъ лѣтомъ на полонины или горныя пастбища. Пришедши на полонину, обновляютъ или заново строятъ ограду для скота (стаю), шалашъ для ночлега пастухамъ (колибу), столбецъ съ крюкомъ для казанка (вертлюгъ) и очагъ (ватру). Въ первый разъ разводятъ въ калибѣ живой огонь, или Божій огонь. Для этой цѣли ледѣни или хлопци и парубки пріискиваютъ сухой порохнявый пень, кладутъ его на мѣсто очага, зарубываютъ въ немъ клинообразную зарубину; послѣ, обтесавъ такое же клинчатое бревно изъ твердаго дерева, закладываютъ его въ зарубину: Два дюжихъ овчара, ставши на колѣни и взявши за концы бревенъ, начинаютъ пилить, т. е. сильно тереть бревно объ порохнявую зарубину до тѣхъ поръ, пока отъ продолжительнаго тренія не загорится пень. Увидѣвъ дымящійся пень, тутъ же разводятъ

огонь и, трижды перекрестясь, падаютъ на колѣни, а ватагъ читаетъ вслухъ „Отче нашъ“ и др. молитвы, которыя всѣ присутствующіе, благоговѣйно сложа руки, повторяютъ за нимъ (*Головац.*, Нар. пѣс. I, 699). Очевидно это глубоко-древній остатокъ приготовленія огня и огнепоклоненія.

Человѣчество съ незапамятныхъ временъ овладѣло огнемъ и научилось добывать его искусственнымъ образомъ, причемъ остатки низшихъ способовъ добыванія огня проглядываютъ еще у нѣкоторыхъ образованнѣйшихъ народовъ сквозь высшіе пріемы, которые много вѣковъ тому назадъ заступили мѣсто первыхъ. Треніе двухъ кусковъ дерева другъ объ друга составляетъ первоначальное средство для добыванія огня. Между самыми грубыми и самыми искусственными способами добыванія огня лежитъ длинный рядъ прогрессивныхъ усовершенствованій. Эти улучшенія указаны *Тэйлоромъ* въ изслѣдованіи „Досторич. бытъ человѣчества и начало цивилизаціи“ стр. 308—353, съ приложеніемъ рисунковъ простѣйшихъ способовъ добыванія огня у дикихъ народовъ, палки съ желобкомъ, огнесверлила, коловорота и др. т. п. Какъ бытовое явленіе, добываніе живаго огня встрѣчается до сихъ поръ у варварскихъ народовъ Азіи, Африки и Америки; какъ культурное переживаніе, у образованныхъ европейскихъ народовъ. Такъ, у римлянъ, если огонь Весты гасъ, тогда жрецы, наказавши дѣвъ оберегательницъ розгами, сверлили кусокъ предвѣщающаго счастье дерева до тѣхъ поръ, пока не получится огонь. Въ Германіи въ XVII ст. добывали такимъ же образомъ огонь во время падежа для костра, черезъ который потомъ прогоняли скотъ. Въ Россіи въ прошломъ столѣтіи живой огонь добывали или въ нуждѣ, напримѣръ, въ лѣсу, при неимѣніи кремня и огнива, или въ обрядахъ, напримѣръ, при освященіи лошадей въ день Флора и Лавра 18 августа (*Тэйлоръ*, 350). Въ Россіи огонь, добытый посредствомъ тренія деревянныхъ кусковъ, называется древеснымъ, лѣснымъ, новымъ, живымъ, лѣкарственнымъ или царь-огонь, у сербовъ живымъ, у чеховъ Божіимъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Россіи живымъ огнемъ возжигаютъ купальскіе костры, черезъ которые перегоняютъ скотъ и сами прыгаютъ въ полномъ убѣжденіи, что это надѣляетъ здоровьемъ. Къ помощи живаго огня прибѣгаютъ во время смертности между людьми или скотскаго падежа. Въ

случаѣ мора добываютъ огонь черезъ треніе двухъ дубовыхъ полѣнъ одно о другое, зажигаютъ живымъ огнемъ кадила и свѣчи передъ иконами въ церкви. Изъ церкви огонь этотъ разносятъ по избамъ. Въ случаѣ скотскаго падежа окуриваютъ скотъ можжевельникомъ, зажженнымъ живымъ огнемъ (*Аѳанасьевъ*, Возэр. слав. II, 19).

Поклоненіе огню свойственно многимъ народамъ; у индусовъ оно выразилось въ гимнахъ Ригъ-Вѣды; у древнихъ грековъ отразилось въ философскихъ ученіяхъ Ѳалеса, Гераклита и особенно Эмпедокла, у славянъ въ разныхъ обрядахъ. Подробное изслѣдованіе народныхъ миѳологическихъ представленій объ огнѣ далъ *Kuhn*, въ Herabkunft des Feuers, отчасти *Аѳанасьевъ*. въ Поэт. воззр. слав. на природу. Съ религіозно-философской точки зрѣнія, по даннымъ языка, культъ огня подвергнутъ изслѣдованію въ сочиненіи проф. Д. Н. *Овсянико-Куликовскаго* „Къ исторіи культа огня у индусовъ въ эпоху Вѣдъ“.

Переходимъ теперь къ главнымъ народнымъ праздникамъ, Колядѣ и Купалу, сохранившимъ еще въ глухихъ мѣстахъ остатки древне-славянскаго культа огня.

55.

Коляда.

Подъ названіемъ коляда извѣстенъ весь циклъ рождественскихъ пѣсенъ и игръ. О колядкахъ много писали. Краткій очеркъ литературы предмета мы представили въ статьѣ „Научное изученіе колядокъ“, напечатанной въ „Кіев. Стар.“, съ значительнымъ числомъ оттисковъ, поступившихъ затѣмъ въ продажу, и потому мы не будемъ здѣсь говорить о рождественскихъ пѣсняхъ, остановимся лишь на рождественскихъ обрядахъ или, точнѣе, на главныхъ ихъ группахъ.

Яковъ Гримъ говоритъ, что народно-поэтическія сказанія носятся надъ дѣлами людей, какъ благоуханіе, и замѣчаетъ далѣе въ приложеніи къ историческимъ сказаніямъ и пѣснямъ: „прочнымъ шагомъ идетъ исторія; но и крылатое созданіе (народная пѣсня) сопровождаетъ

ее. Его продолжительное посѣщеніе есть благо, которое дается не всѣмъ народамъ"... Нѣчто подобное можно сказать о колядкахъ, съ той поправкой, что это поэтическое благо и одному и тому же народу не всегда дается. Въ приложеніи къ малорусскому народу слѣдуетъ замѣтить, что по мѣрѣ того какъ сельское населеніе въ послѣдніе годы колеблющимися шагами подвигается къ городской и фабричной цивилизаціи, крылатыя созданія—колядки и щедривки—все болѣе и болѣе оставляютъ его, изъ области дѣйствительности переходятъ въ область историческаго преданія.

Забвеніе и порча колядокъ и щедривокъ представляется частичнымъ явленіемъ общей порчи народной поэзіи.

Порча обычая колядованія выражается въ томъ, что колядованіе съ кануна праздника переносятъ на первый день праздника Рождества Христова, или на второй, третій, пятый (въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Галиціи), на масляницу (въ ярославской губерніи); теряется различіе между колядками и щедривками, въ содержаніе колядокъ вносятся смутно понятые апокрифическіе мотивы; ослабляется свойственный колядкамъ тонъ серьезнаго величія и задушевности, слабѣетъ сила выраженія, правильность стиха и чистота языка. Лучшія колядки сохранились въ Галиціи, у карпатскихъ горцевъ. Во всякомъ случаѣ, этотъ родъ поэтическаго творчества, почти совсѣмъ забытый въ Великороссіи, и въ Малороссіи повсемѣстно выходитъ изъ употребленія. Колядка, какъ опредѣленная форма поэтическаго творчества, обвештала, и народное вниманіе начинаетъ склоняться къ выступившему на ея замѣну духовному стиху.

Обряды обнаружили большую стойкость; въ борьбѣ съ всеизмѣняющимъ потокомъ времени они сохранили кое-что отъ старины незапамятной, стоящей внѣ предѣловъ документальной исторіи. Къ древнимъ славянскимъ пріемамъ чествованія солнца пристали классическіе, преимущественно римскіе, обычаи и обряды, соблюдавшіеся въ зимніе праздники врумалій, сатурналій, вотъ и календъ, и произошло сближеніе, въ частныхъ случаяхъ даже сліяніе, обрядовъ древне-славянскихъ съ римскими.

Самыя названія коляда, колядка и пр. происходятъ отъ римскихъ календъ. Названія эти повторяются у многихъ народовъ, находившихся подъ прямымъ или косвеннымъ вліяніемъ Рима, франц.

chalendes, прованс. calendas, румын. colinda, серб., слов. и словин. coleda, у абхазцевъ каланда, гурійцевъ каландоба (*Веселовскій*, въ 32 т. Сборн. Акад. Наукъ 104, 433).

Въ названіи главнаго колядовщика березой и въ лицѣ мѣхоноши, повидимому, также скрываются нѣкоторыя воспоминанія о классическихъ мимахъ, шутахъ, скоморохахъ (*Веселовскій*, ib. 118, 216).

Какъ праздникъ новорожденнаго солнца, въ связи съ общимъ культомъ огня, древняя коляда сопровождалась возженіемъ огней; у сербовъ и хорватовъ сожигаютъ бревно-баднякъ, скандинавовъ julblock, французовъ caligneau, la souche de Noël, у нѣмцевъ, сербовъ возжигаютъ много свѣчей; у осетинъ всю ночь подъ новый годъ поддерживаютъ огни (*Веселовскій*, 440; *Потебня*, О миѳ. знач. нѣкот. обряд. 1—6). У малоруссовъ на „богату кутю" горитъ одна только восковая свѣча; въ мѣщанскихъ семействахъ ставятъ на столъ по нѣсколько свѣчей.

Прибавленіе дня, едва замѣтное въ концѣ декабря, однако, уже окрыляло мысль земледѣльческаго славянскаго народа надеждой на теплое лѣто и хорошій урожай. Къ праздничнымъ рождественскимъ обрядамъ и пѣснямъ пріурочено много пожеланій урожая. „Зароды, Боже, жито, пшеныцю, усяку пашницу"—таково заключеніе большинства колядокъ, а въ нѣкоторыхъ колядкахъ еще добавляется общее пожеланіе здоровья и счастья. Это пожеланіе выражается и обрядно: передъ хозяиномъ ставятъ пироги и кныши. Дѣти спрашиваютъ: „а дежъ нашъ батько"?—„А хыба вы мене не бачыте?"—„Ни, не бачымо, тату!"—„Дай же, Боже, говоритъ отецъ, щобъ завше не бачылы", т. е., чтобы всегда было такое изобиліе хлѣба, какъ въ этотъ вечеръ. Сходный обычай существуетъ у герцеговинцевъ. Саксонъ Грамматикъ говоритъ, что у арконскихъ славянъ такой же точно обрядъ продѣлывалъ жрецъ. Въ праздникъ Святовита, по окончаніи жатвы, въ Арконѣ приготовляли огромный медовый пирогъ, за который становился жрецъ и переговаривался съ народомъ, какъ нынѣ переговаривается подъ Рождество крестьянинъ за пирогами съ своими дѣтьми (*Аѳанасьевъ*, Поэт. воззр. слав. III, 745).

Такъ какъ урожай опредѣляется своевременно выпавшимъ весной дождемъ („три рази на ярь мисяця мая"), то обрядовая сим-

волика дождя въ видѣ посыпанія зерна представляется также наглядным пожеланіемъ урожая. Обрядовое посыпаніе хлѣбнаго зерна на Рождество встрѣчается въ Малороссіи, Великороссіи, Сербіи (*Потебня*, 59—60), Греціи, Грузіи (*Веселовскій*, 126, 435). Кромѣ рождественскихъ святокъ обрядовое употребленіе хлѣбныхъ зеренъ въ смыслѣ надѣленія богатствомъ встрѣчается на крестинахъ и на свадьбахъ, а въ смыслѣ очищенія (какъ очистителенъ дождь) на похоронахъ (*Сумцовъ*, Хлѣбъ въ обр. и пѣсн. 35).

Почти тождественное значеніе съ посыпаніемъ хлѣбнаго зерна имѣетъ обрядовое употребленіе на рождественскихъ праздникахъ плуга. Въ Галиціи кое-гдѣ наканунѣ новаго года ходятъ по хатамъ съ плугомъ и, показывая видъ, что орютъ, посыпаютъ овсомъ и кукурузою. У поляковъ мѣстами наканунѣ Р. Хр. кладутъ на столъ чересло плуга. Въ Москвѣ и въ другихъ городахъ въ XVII в. „въ навечеріе Богоявленія Господня кликали плугу“ т. е. славили плугъ (*Потебня*, 6). У румынъ подъ новый годъ поютъ плуговыя пѣсни (plugul) и звякаютъ при этомъ желѣзомъ отъ сохи, звонятъ въ колокольчикъ или играютъ на флейтѣ (*Веселовскій*, 112—114).

Идеей богатства обусловленъ обычай покрывать соломою или сѣномъ столъ на сочельникъ. Обычай этотъ встрѣчается у германскихъ и славянскихъ народовъ, въ частности у малороссовъ (*Потебня*, 72). Упоминаніе объ этомъ обычаѣ находится въ одной повѣсти Квитки. Солому, постилаемую наканунѣ Рождества, называютъ въ Подоліи дѣдухъ. Это слово сближаютъ (Шейковскій, Потебня) съ названіемъ поминокъ „дѣды“. Такъ какъ Рождество есть по преимуществу семейный праздникъ, то въ „дѣдухѣ“ и мертвые причислены къ семьѣ (*Потебня*, 73). Общее же значеніе покрыванія стола соломой то же, что и значеніе полагаемой на него кучи пироговъ—пожеланіе урожая.

Въ ряду рождественскихъ и новогоднихъ обрядовыхъ пожеланій богатства не забыты и сады. Наканунѣ Р. Хр. у малороссіянъ одинъ садится въ саду за дерево, не приносящее плода, а другой показываетъ видъ, будто хочетъ рубить дерево топоромъ. „Не рубай мене, буду вже родыты“ говоритъ сидящій за деревомъ, вмѣсто дерева. „Ни, зрубаю, чомусь не родыла“, и фразы эти повторяются

до трехъ разъ, затѣмъ грозившій срубить дерево говоритъ: „гляды жъ!“ и удаляется, а сидѣвшій за деревомъ перевязываетъ затѣмъ дерево перевесломъ (соломой) и идетъ къ другому безплодному дереву, гдѣ повторяется та же обрядность (*Ефименко*, Малор. заклин. 45; *Свидницкій*, Основа 1861. № 12). Тожественный обрядъ записанъ у турецкихъ сербовъ въ Призренѣ и Дибрѣ (*Ястребовъ*, Обыч. и пѣс. тур. серб. 34), у нѣмцевъ и у англичанъ (*Мандельштамъ*, Оп. объяс. обыч. 314).

Широкое распространеніе обычая переряживанья обусловлено древнимъ обыкновеніемъ лично представить боговъ покровителей земледѣлія или ихъ животные символы и олицетворенія въ видѣ посѣтителей жилища и благотворныхъ дѣятелей въ семейной и экономической жизни народа. Къ тому же на переряживаніе, болѣе чѣмъ на какую либо сторону обрядности, оказали вліяніе римляне. Уже въ началѣ XI ст. въ сѣверной новгородской глуши, по словамъ архіепископа Луки Жидяты, было „москолудство“, т. е. переряживаніе, причемъ иноземное его названіе даетъ поводъ думать, если не о иноземномъ происхожденіи, то, по крайней мѣрѣ, древнемъ римскомъ вліяніи. Въ Малороссіи парни на Р. Хр. маскируются медвѣдемъ, козой, чертомъ. „Если вообще святочная обрядность, говоритъ А. Н. Веселовскій, представляетъ много общаго и дословно сходнаго въ ея проявленіяхъ у различныхъ народовъ Европы, то тѣмъ болѣе это слѣдуетъ сказать о маскахъ и личинахъ. Русское, малорусское, болгарское и румынское ряженіе козою, восходящее, быть можетъ, къ „козлимъ“, „сатурскимъ“ лицамъ языческихъ врумалій, продолжаетъ жить въ Норвегіи, Даніи, Англіи и Германіи“. Г. Веселовскій въ обширномъ изслѣдованіи о святочныхъ маскахъ и скоморохахъ, въ 32 т. Сборн. Акад. Наукъ, предлагаетъ рядъ доказательствъ, что маски и ряженіе отвязались отъ римскаго культа, объективировались и переносились съ мѣста на мѣсто, причемъ распространителями ихъ сначала были греко-римскіе мимы, затѣмъ ихъ послѣдователи и продолжатели, всякаго рода шпильманы, глумцы и скоморохи.

Благосклонное вниманіе боговъ покровителей земледѣлія и семьи обусловливалось, съ языческой точки зрѣнія, надлежащимъ

ихъ угощеніемъ или жертвоприношеніемъ, на что шли животныя (преимущественно свинья), каша и хлѣбъ.

Свиное мясо, свиная голова, колбасы или какое-либо печеніе въ образѣ свиньи составляетъ необходимую принадлежность Васильева вечера и рождественскихъ святокъ не только у русскихъ, но и болгаръ, сербовъ, румынъ, въ Сициліи, Англіи, Германіи, въ скандинавскихъ земляхъ и на Кавказѣ (*Потебня*, 27; *Веселовскій*, 108, 438). А. Н. Веселовскій находитъ, что славянская и румынская обрядовая свинина отвѣчаетъ жертвоприношенію свиньи въ римскомъ обиходѣ сатурналій (стр. 109); но, по широкому распространенію обрядной свинины, можно думать, что источникъ обычая кроется въ арійской древности, въ религіозно-миѳическихъ воззрѣніяхъ первобытныхъ аріевъ, и затѣмъ сохраненъ и развитъ индоевропейскими народами вполнѣ самостоятельно. Я принимаю обычное у русскихъ изслѣдователей миѳологическаго направленія (Аѳанасьевъ, О. Миллеръ) толкованіе обрядной свиньи, какъ символа солнца вообще, въ основѣ повѣрій и обрядовъ, и затѣмъ думаю, что удержалось обрядовое употребленіе свинины такъ долго лишь потому, что служило жертвой, или пищей, пріятной для людей и созданныхъ по ихъ подобію языческихъ боговъ. Поводомъ къ символизаціи солнца въ образѣ свиньи послужили длинныя и острыя щетины этого животнаго, сближенныя съ солнечными лучами. Въ сказкахъ подъ образомъ свинка-золотая щетинка скрывается солнце. У скандинавовъ Фрейръ, богъ весенняго солнца, мчится на вепрѣ Гуллинбурстѣ. Съ распространеніемъ христіанства солнечный символъ свинья получила демоническую окраску, и на свиньяхъ стали уже разъѣзжать черти; въ житіяхъ святыхъ въ Патерикѣ печерскомъ и др. многократно говорится, что тотъ или другой „старецъ видѣ бѣса сѣдяща на свиньи“.

Каша у русскихъ, сербовъ и хорватовъ съ особенными обрядами варится нѣсколько разъ въ теченіи зимнихъ праздниковъ, т. е. начиная отъ дня в.—м. Варвары (4 дек.) до Богоявленія (6 янв.). Въ курской губ. второй день Рождества называется бабьи каши (*Потебня*, 56, 65). Обрядовое употребленіе каши обычно не только наканунѣ Р. Хр. и Новаго года, но также на свадьбахъ, крестинахъ и похоронахъ. Кашей кормили нѣкогда боговъ земледѣлія и

скотоводства. У индусовъ вѣдическаго времени ячменной кашей кормили скотьяго бога Пушана, у римлянъ послѣ рожденія ребенка приготовляли кашу (fritilla, puls). Древніе германцы приготовляли кашу въ праздникъ Перахты или Гольды (подроб. см. въ моемъ соч. Хлѣбъ въ обр. и пѣс. 27—47).

Довольно обычно обрядовое употребленіе хлѣба, какъ остатокъ жертвоприношенія. Съ наибольшей торжественностью приготовляется въ Галиціи на Р. Хр. крачунъ—огромный бѣлый хлѣбъ. Его сажаютъ въ печь наканунѣ Рождества; обставляютъ калачами и подкалачиками; выносятъ съ появленіемъ звѣзды; за столъ садятся хозяева и прислуга (*Терещенко*, Бытъ рус. нар. VII, 20). Вообще, каша болѣе обычна на рождественскихъ праздникахъ, и самый крачунъ, повидимому, перенесенъ на Рождество съ обрядовой свадьбы (подроб. у *Сумцова*, Хлѣбъ, 74). На Рождество пекутъ, смотря по мѣстности, пироги, коржи, кныши, блины.

Въ сложную рождественскую обрядность входятъ еще гаданія, преимущественно гаданія по почину о погодѣ и урожаѣ, напр., какая погода въ теченіе нѣсколькихъ дней передъ Новымъ годомъ, такая будетъ передъ Петромъ и Павломъ, какая послѣ Новаго года, такая при началѣ жатвы; въ какой день приходится Рождество, въ такой начинаютъ жать. Съ созданіемъ категоріи причины (propter hoc), гаданіе можетъ переходить въ созданіе образа, съ цѣлью вызвать появленіе въ дѣйствительности того желаннаго, что этимъ образомъ представлено (*Потебня*, Колядки 64). Въ древности кругъ гаданій былъ болѣе обширенъ, чѣмъ нынѣ, причемъ, гаданія пріурочены были къ святкамъ, ко времени рожденія солнца, поворота его на лѣто, и затѣмъ въ началѣ жатвы, иногда, въ началѣ войны. Ѳеопомпъ (IV в. до Р. Хр.) говоритъ, что венеты гадали въ началѣ посѣва посредствомъ хлѣбныхъ лепешекъ. По словамъ Прокопія, южные славяне гадали во время жертвоприношенія животныхъ, вѣроятно, по ихъ внутренностямъ, что, быть можетъ, заимствовано отъ классическихъ народовъ, у которыхъ обычна была гіероскопія, или гаданіе по внутренностямъ животныхъ, преимущественно по ихъ печени (*Буше-Леклеркъ*, Изъ ист. культ. 137—143). Замѣчательно, что въ Болгаріи и въ настоящее время старики предсказываютъ, глядя въ утробу заколотаго животнаго

(*Фаминцынъ*, Божества, 43). Балтійскіе славяне (руяне), по словамъ Саксона Грамматика, гадали посредствомъ священнаго коня Святовита, а въ другихъ случаяхъ по первому встрѣчному животному, что отвѣчаетъ современнымъ русскимъ повѣрьямъ о несчастномъ значеніи встрѣчи съ зайцемъ. Константинъ Багрянородный говоритъ, что русскіе славяне гадали по птицамъ. Многія рождественскія гаданія, совершаемыя въ настоящее время, коренятся въ древности, напр., гаданіе малорусское объ урожаѣ почти тожественное съ арконскимъ, какъ было уже выше замѣчено, гаданіе по тому куда пойдетъ лошадь съ завязанными глазами (въ ту сторону выйти замужъ) сходно съ гаданіемъ руянъ по коню Святовита, предсказаніе о зимнихъ колодахъ и времени наступленія весны по селезенкѣ кабана, убитаго къ Рождеству, напоминаетъ болгарскую и древнюю греческую гіероскопію. При всемъ томъ, гаданія съ теченіемъ времени потеряли отчасти серьозное значеніе и получили однообразный характеръ преимущественно дѣвическихъ гаданій о замужествѣ. Часть рождественскихъ гаданій отошла назадъ, ко дню св. ап. Андрея Первозваннаго (эти гаданія см. въ „Кіев. Стар.“ 1888, XI, ст. г. Ящуржинскаго); часть перенесена далѣе, на масляницу [1]).

56.

Колодка — Колодій

составляетъ самую характерную особенность малорусской масляницы. Здѣсь произошелъ рядъ любопытныхъ переходовъ бытоваго явленія, именно, орудіе пытки и наказанія колодка съ теченіемъ времени перешла въ предметъ шутки и увеселенія и, наконецъ,

[1]) Кромѣ этихъ главныхъ рождественскихъ обрядовъ и повѣрій, есть много отрывочныхъ и мелкихъ. Они разбросаны, (не считая устарѣвшихъ сборниковъ Снегирева и Сахарова), у *Терещенка*, Бытъ рус. нар. II; *Кавелина*, Сочиненія, т. IV (рецензія сборника Терещенка), *Потебни*, О миеич. знач. нѣкот. обрядовъ и повѣрій; *Лавровскаго (П. А.)*, рецензія на предыд. трудъ г. Потебни во 2 кн. Чтеній моск. общ. ист. и древн. 1866; *Чубинскаго*, Труды э. ст. экспед. III; *Аѳанасьева*, Поэт. воззр. слав. на прир. т. I—III; *Головацкаго*, Пѣсни гал. и угор. Руси; *Свидницкаго*, въ Основѣ 1861, кн. XII; *Миллера О.* Опытъ ист. рус. слов; *Де-Воллана*, Угро-рус. нар. пѣсни; *Веселовскаго*, въ 32 т. Сбор. Ак. Наукъ; *Kopernicki*, въ XI т. Zbiór wiadomosci do antropol. krajowej; *Kolberg*, Pokucie

дала названіе цѣлому празднику. Колода, какъ орудіе наказанія, дѣлалась въ старину изъ брусьевъ съ отверстіями, въ которыя вставлялись руки и ноги виновныхъ. Положеніе человѣка въ колодкѣ было тягостно; онъ не могъ свободно пошевельнуть ни однимъ членомъ и оставался неизмѣнно въ сидячемъ положеніи, причемъ ноги были приподняты отъ земли; корпусъ согнутъ подъ острымъ угломъ, а руки притянуты на одну линію съ ногами (*Новицкій*, въ „Кіев. Стар.“ 1885, XI, 552). Колодка, какъ орудіе наказанія, лишь недавно вышла изъ употребленія. Въ повѣсти Квитки „Мертвецькій Велыкъ-день“ „сердешна Приська выкупала его (т. е. своего мужа Нечипора) не десять разивъ и изъ пидъ калавуру, и изъ колоды“... На позднѣйшей колодкѣ обнаружился прогрессъ народной мысли и быта; орудіе наказанія стало способомъ выраженія добраго пожеланія семейной жизни, предметомъ народнаго увеселенія, причемъ мѣстами стало выражаться въ формѣ цвѣтныхъ лентъ, коробки конфектъ и т. п. предметовъ, нимало не напоминающихъ колоду или колодниковъ.

По селамъ Малороссіи масляница извѣстна подъ названіемъ „Колодія“, празднованіе котораго продолжается отъ понедѣльника до субботы. Въ понедѣльникъ „Колодій“ нарождается, а въ субботу умираетъ; промежутокъ этого времени наполняется пирушками въ честь „колодіевыхъ родынъ“. Послѣ мяснаго заговѣнья, въ первый понедѣльникъ, собираются группы женщинъ и ходятъ по всѣмъ хатамъ, гдѣ есть неженатые парни или совершеннолѣтнія дѣвушки, чтобы привязать имъ колодку. Молодежь старается скрыться, но ее подкарауливаютъ и часто застигаютъ врасплохъ. Пришедшія привязываютъ колодку къ ногѣ, а иногда къ рукѣ парня или дѣвушки и затѣмъ требуютъ выкупа. Выкупъ состоитъ въ угощеніи водкой и закуской. При этомъ отецъ повязаннаго говоритъ иногда сыну, напуская на себя сердитый видъ: „оттакъ тоби й треба: не хотивъ слухаты батька, не хотивъ женытысь, теперь колодку тягны.

I и др. сочиненіяхъ и сборникахъ, гдѣ всецѣло или отчасти говорится о малорусскихъ святкахъ. О рождественскихъ обрядахъ другихъ славянскихъ народовъ см. ст. *Кудрявцева* въ „Христ. Чтеніи“ 1877 г., въ сборникѣ *Ястребова*—о сербскихъ святкахъ, у *Завалинскаго, Улановской, Кольберга* и др.—о польскихъ святкахъ. Литература рождественскихъ обрядовъ и повѣрій, вообще, разнообразна и обширна.

Думавъ ему весилля справляты, а теперь прыходыця бисового сына видъ колодкы выкупаты". Потомъ хозяинъ проситъ гостей садиться за столъ и начинается угощеніе, на которое сходятся почти всѣ сосѣди. Если же дѣвушкѣ привяжутъ колодку, то мать ласково приговариваетъ: „оттакъ тоби, дивко, й треба: не заслужыла женыха, теперь тягны колодку". Въ нѣкоторыхъ селахъ полтавской губерніи колодку вяжутъ не только парнямъ и дѣвушкамъ, но и ихъ родителямъ какъ бы за то, что они не постарались выдать дѣтей замужъ или женить. Въ подольской губ., въ мѣстахъ, смежныхъ съ херсонской губ., дѣлаютъ („завиртюютъ") „Колодія" изъ макогона, укутаннаго пеленками и платками, на подобіе новорожденнаго ребенка; его носятъ по хатамъ, объявляя, что „родывся Колодій" и требуютъ угощенія. При этомъ опять таки вяжутъ колодку, какъ вездѣ. Такъ проходитъ вся маслянная недѣля. Въ субботу передъ велико-постнымъ заговѣніемъ „Колодій" умираетъ и женщины съ плачемъ хоронятъ его. Собственно похороны заключаются только въ томъ, что устраивается грандіозная попойка, причемъ бабы показываютъ видъ, что плачутъ по „Колодіѣ". Во многихъ селахъ подольской, кіевской, херсонской, полтавской и черниговской губерній, въ первый день „Колодія" женщины приносятъ матушкѣ-попадьѣ въ подарокъ мотки („талькы") и клубки разной пряжи на холстъ. Такимъ гостямъ оказывается большой почетъ: ихъ сажаютъ большею частію въ „покояхъ" (въ комнатахъ, назначенныхъ для гостей) и сама хозяйка потчуетъ ихъ водкой и кушаетъ вмѣстѣ съ ними за однимъ столомъ. Впрочемъ, гости долго не засиживаются,—на ихъ мѣсто скоро являются другіе. Въ городахъ, въ недавнее время даже въ нѣкоторыхъ селахъ, при вязаніи колодки стали употреблять не полѣно, а какую-нибудь изящную вещь: букетъ цвѣтовъ, ленту, бантикъ, платокъ, серьги или просто коробку конфектъ (*Заря* 1885, № 287, *Чубинскій*, III, 7).

Малорусской и бѣлорусской колодкѣ соотвѣтствуетъ старинный обычай въ Германіи привязывать въ называемую „пепельную середу", первый день великаго поста,—снятую съ петель дверь на спины дѣвушекъ, достигшихъ уже тридцатилѣтняго возраста, при чемъ заставляютъ ихъ носить эту ношу по деревнѣ. Въ старинной хроникѣ города Лейпцига сообщается, что тамъ на масляницѣ ряженые молодые

люди возили плугъ и запрягали въ него встрѣчавшихся имъ дѣвушекъ, въ наказанье за то, что онѣ до сего дня не вышли замужъ. По словамъ Гримма, подобные обычаи существовали и въ другихъ областяхъ Германіи, не только въ Лейпцигѣ.

57.

Купало.

Купало празднуется въ ночь съ 23 на 24 іюня, называемую Ивановскою. Праздникъ состоитъ изъ пѣсенъ и обрядовъ. Купальскія пѣсни не представляютъ такой научной важности, какъ колядки. Небольшія по объему, онѣ, сравнительно съ колядками, заключаютъ въ себѣ мало архаичныхъ элементовъ; но обряды купальницкіе такъ же важны въ историко-бытовомъ отношеніи, какъ и рождественскіе обряды. Научная литература купальскихъ пѣсенъ и обрядовъ незначительна, и настоящая наша статейка, полагаемъ, внесетъ въ нее нѣкоторое дополненіе относительно объясненія основнаго бытоваго значенія купальскаго праздника въ древности, наряду съ религіозно-миѳическимъ его значеніемъ, достаточно объясненнымъ уже *Аѳанасьевымъ* въ III т. Поэт. воззр. славянъ на природу, стр. 710—724, *О. Миллеромъ* въ Опытѣ ист. обозр. рус. слов. I, 55—58 и особенно *А. А. Потебней* въ статьѣ о купальскихъ огняхъ въ 3 вып. Археологич. Вѣстника 1867 года.

Еще составитель Густинской лѣтописи принималъ Купалу за бога земнаго плодородія: „Купало, яко же мню, бяше богъ обилія, яко же у еллинъ Цересъ, ему же безумніи за обиліе благодареніе приношаху въ то время, егда имяше настати жатва. Сему Купалу—бѣсу еще и донынѣ по нѣкоихъ странахъ безумніи память совершаютъ, наченше Іюня 23 дня въ навечеріе Рождества Іоанна Предтечи даже до жатвы сицевымъ образомъ: съ вечера собирается простая чадь обоего пола и соплетаютъ себѣ вѣнцы изъ ядомаго зелія или коренія и препоясавшеся быліемъ возгнетаютъ огонь; индѣ же поставляютъ зеленую вѣтвь и, емшеся за руцѣ около, обращаются окрестъ онаго огня, поюще свои пѣсни, преплетающе Купаломъ; потомъ черезъ оный огонь прескакуютъ“. Вполнѣ согласно съ мнѣніемъ

составителя Густинской лѣтописи. О. Ѳ. Миллеръ думаетъ, что „какъ Купальница, такъ и Купало должны быть божественныя существа" (I, 55). Г. Фаминцынъ въ сочиненіи „Божества древнихъ славянъ" идетъ далѣе и сравниваетъ съ Купалой Ярилу, Ладу и затѣмъ ставитъ ихъ въ параллель съ древне-итальянскими богами Picus, Faunus и Liber (277), что, однако, подлежитъ большому сомнѣнію. Нѣтъ никакихъ основаній считать Купалу древнимъ божествомъ, тѣмъ болѣе, что имя Купала встрѣчается только у малоруссовъ и бѣлоруссовъ, у послѣднихъ, вѣроятно, подъ малорусскимъ вліяніемъ, притомъ встрѣчается при имени Ивана. Н. И. Костомаровъ еще въ 1843 г. въ „Маякѣ" высказалъ мнѣніе, что слово купало есть замѣна слова креститель: „Три праздника въ году посвящены памяти пророка Іоанна Предтечи, 7 января, 29 августа, 24 іюня. Первый у малороссіянъ называется *хрестытель*, потому что празднуется на второй день Крещенія, второй *головосѣка*—день усѣкновенія и послѣдній *купало*. Названіе это идетъ къ тому, кто крестилъ, омывая въ водѣ, а выражаясь просто, купалъ. Спросите у самаго благочестиваго старика, что такое Купало—онъ разумѣетъ подъ этимъ именемъ Предтечу" (XI. Матер. 70). Въ Галиціи канунъ праздника Іоанна Предтечи называется Соботкой, словомъ, извѣстнымъ чехамъ и полякамъ.

Замѣчаемое мѣстами ослабленіе купальскихъ обрядовъ, въ особенности замѣна костровъ крапивой, объясняется запрещеніями со стороны административныхъ властей. Еще въ 1769 г. малор. войсковой генеральный судъ запретилъ празднованіе Купалы, какъ вредное „застарѣлое игрище" („*Кіев. Стар.*" 1885, XI, 556).

Въ виду широкаго распростаненія купальскихъ обрядовъ среди европейскихъ народовъ, можно предположить лишь то, что въ половинѣ іюня, во время наибольшаго могущества творческихъ силъ природы, справлялся праздникъ въ ночное время, при свѣтѣ отъ зажженныхъ костровъ, съ пляской и пѣснями, и, можетъ быть, съ жертвоприношеніемъ солнцу. Въ малорусской и бѣлорусской Купалѣ сохранилось много древнихъ чертъ. Разбросаны онѣ въ слѣдующихъ сборникахъ: *Чубинскаго*, въ 3 т. Трудовъ этн.-ст. эксп., *Безсонова*, Бѣлор. народ. пѣсни (здѣсь много малорусскихъ пѣсенъ, принятыхъ за бѣлорусскія). *Kolberg*, I т. Pokucie, *Moszińska*, въ V т.

Zbiór wiadomosci do antropol. krajowej, *Kopernicki*, въ XI т. Zbiór wiadomósci, въ 3 т. Поэт. воззр. славянъ *Аѳанасьева*, кое что въ 1 т. Lud ukraiński *Новосельскаго-Марцынковскаго*, въ Угро-рус. нар. пѣсняхъ *Де-Воллана*, и во 2 т. Галиц. и угор. пѣс. *Головацкаго*, въ 1 т. „Очерковъ Россіи“ *В. Пассека* и въ „*Маякъ*“ 1843 г. т. XI. Матер.

Составитель древней лѣтописи отмѣтилъ важный бытовой фактъ, что у древлянъ, сѣверянъ, вятичей и радимичей „браци не бываху въ нихъ; но игрища межю селы, схожахуся на игрища, на плясанье и на вся бѣсовская игрища и ту умыкаху жены собѣ, съ нею же кто съвѣщашеся; имяху же по двѣ и по три жены“ (*Лѣтоп.* по Лавр. сп., изд. 1872, 12). Врядъ ли можно сомнѣваться, что эти „игрища межю селы“ были въ опредѣленное время въ году, вѣроятно, во время наибольшей творческой силы природы, въ концѣ іюня, къ какому времени пріурочено было завязываніе новыхъ половыхъ связей. Что это было именно такъ, видно изъ современнаго обычая верхне-македонскихъ болгаръ—мыяковъ обрученіе и свадьбу совершать исключительно отъ 20 іюля по 15 августа (*Верковичъ*, Опис. быта болг. 8). По другому свидѣтельству, болѣе вѣроятному, „въ селахъ дебрскаго округа сватовство совершается въ день Петра и Павла (29 іюня), точно такъ же какъ и свадьбы бываютъ въ этотъ день. Сосватавшій дѣвушку 26 іюня долженъ ждать цѣлый годъ, чтобы жениться въ этотъ же день“ (*Ястребовъ*, Об. и пѣс. турец. сербовъ, 408). Мы готовы думать, что то же самое было въ древней Руси на праздникъ, названный позднѣе по имени Іоанна Крестителя Иваномъ Купалой или просто Купалой, на что есть указанія въ купальскихъ обрядахъ и пѣсняхъ. Въ бѣлорусской купальской пѣснѣ парень пріѣзжаетъ къ дѣвушкѣ ночью, проситъ ее не плакать, говоритъ, что онъ ея Яночка (*Безсоновъ*. I, 31). Во многихъ пѣсняхъ выражается чувство любви, желаніе брака. Во особенности любопытенъ отдѣлъ насмѣшливыхъ купальскихъ пѣсенъ, гдѣ дѣвушки издѣваются надъ парнями. Подобнаго рода пѣсни встрѣчаются только на свадьбахъ, какъ остатокъ умыканія и проистекающаго отъ того враждебнаго отношенія невѣсты и ея подругъ къ жениху и его родственникамъ. Хотя и въ древности, по словамъ лѣтописца, съ умыкаемыми дѣвушками предварительно сговаривались,

однако соблюдалась хотя внѣшная формальная враждебность, происходившая отъ болѣе древней дѣйствительной вражды и похищенія. Такъ, въ волынской губерніи на Купало дѣвушки поютъ:

Бигла сучка ровóмъ, ровóмъ,
А за нею хлопци роёмъ, роёмъ;
Они думали, що то ихъ маты,
Покотылы сучку, давай ссаты (*Kopern.*, Zbiór wiadom. XI. 183).

—

Ой шлы дивчата ройкомъ, ройкомъ,
Пылы горилку зъ медкомъ, зъ медкомъ,
А за ними хлопцы граныцею,
Пылы помыи дойныцею (*Kopern.*, ib. 183).

—

На Купали огонь горыть,
Нашимъ хлопцямъ жывитъ болыть.
Наши хлопци жабокольци,
Скололи жабу на колодци (*Чуб.* III. 221).

Ночное пиршество требовало костровъ для варки пищи и освѣщенія, причемъ костеръ служитъ центромъ веселой толпы, поющей и пляшущей. Въ возженіи костровъ выражался еще культъ огня. Въ силу такихъ практическихъ и религіозныхъ побужденій костры въ древности зажигались на многихъ праздникахъ вечеромъ или ночью. Такъ, Захарія Копыстенскій въ „Номоканонѣ сирѣчь Законоправильникѣ“ 1624 г. возстаетъ противъ разведенія костровъ на Купалу и въ другіе праздники, особенно въ день Вознесенія. (*Костомаровъ*, Рус. ист. въ жизнеоп. II, 69). Обрядовое сожиганіе костровъ и прыганіе черезъ нихъ обычно въ Болгаріи въ воскресенье передъ великимъ постомъ (*Каравеловъ*, Памят. I, 189), въ сарат. губ. наканунѣ Новаго года (*Терещенко*. Бытъ р. н. VI, 116), въ костром. губ. на масляной недѣлѣ (*Чтенія* въ общ. ист. 1846, II. 20), въ московской Руси, по Стоглаву (XVI в.), въ чистый четвергъ (*Максимовичъ*. Собр. соч. II, 510), на свадьбахъ въ В., М. и Б. Россіи, у поляковъ и у древнихъ германцевъ (*Сумцовъ*. О свад. обр. 91—92), на родинахъ у сибирскихъ татаръ (*Сумцовъ*. въ Журн. М. Н. П. 1880. CCXII, 78). Въ В. Россіи зажигаютъ костры еще въ день св. Георгія 23 апр. и прогоняютъ скотъ. Въ западной Европѣ, въ Германіи и во Франціи въ XII—

XVII ст. въ селахъ и городахъ зажигали въ день Іоанна Крестителя костры. Въ XV, XVI и XVII ст. костры зажигались въ Парижѣ, Мецѣ и др. городахъ передъ ратушей меромъ (*Аѳанасьевъ*, III, 711—712; *Nowosielski*, Lud ukr. I, III).

Въ Лондонѣ купальскіе огни воспрещены въ 1539 г. (*Спенсеръ*, Опис. соц. 172). Почти повсемѣстно возженіе костровъ, особенно Ивановы огни „Johanisfeuer", „le feu de St. Jean" имѣли очистительное значеніе, устраняющее всякую нечисть и, главное, ворожбу. На Купалу предохранительное значеніе костра отъ ворожбы тѣмъ болѣе важно, что въ это время вѣдьмы всячески стараются вредить людямъ и особенно опасны домашней скотинѣ, преимущественно коровамъ. Какъ предметъ, необходимый въ древности для совершенія жертвоприношенія, костеръ получилъ священное, очистительное значеніе. Въ угорской Руси на Купалу зажигаютъ костры на вершинахъ горъ и танцуютъ вокругъ нихъ; сюда же сгоняютъ скотъ, украшенный вѣнками и увѣшанный колокольчиками; животнымъ при этомъ раскрываютъ ротъ такимъ образомъ, чтобы въ него падало отраженіе пламени горящихъ костровъ съ цѣлью предохранить ихъ отъ особой болѣзни жевательныхъ органовъ. Дѣвушки съ цвѣтами на головѣ танцуютъ вокругъ костровъ; мужчины бьютъ по угольямъ палками, отчего происходитъ трескъ. Затѣмъ гадаютъ по кострамъ. Если они тлѣютъ долго, то это считается признакомъ хорошаго сбора хлѣба и обилія жениховъ для дѣвушекъ (*Де-Волланъ*, Угро-рус. нар. пѣс. 15). Въ Малороссіи также скачутъ вокругъ костровъ дѣвушки и парни (*Чубинскій*, III, 194), а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, въ силу полицейскаго запрета зажигать въ селѣ или вблизи огни, бѣгаютъ вокругъ крапивы, воткнутой въ землю, или скачутъ черезъ нее. Въ Покутьѣ (въ Галиціи) парни зажигаютъ клочки пакли, воткнутыя на концѣ высокихъ палокъ, и бѣгаютъ съ ними по полю, въ однихъ мѣстахъ въ ночь подъ 24 іюня, въ другихъ по ночамъ отъ 24 іюня до 29 іюня, „отъ Ивана до Петра кегекаютъ" (*Kolb.*, I, 202).

Въ Малороссіи на Купалу, а въ Великороссіи на масляницѣ, обычно обрядовое употребленіе соломеннаго чучела или куклы, которая въ Малороссіи, какъ воплощеніе праздника, носитъ названіе Купалы. Дѣвушки, изрѣдка парубки, справляютъ чучело „Марену"

изъ соломы, жгучей крапивы или черноклена; ее убираютъ вѣнками, лентами, цвѣтами, танцуютъ вокругъ нея, поютъ пѣсни и потомъ бросаютъ ее въ рѣку съ притворнымъ плачемъ или разрываютъ на части, причемъ дѣвушки сохраняютъ куски дома или несутъ ихъ на огородъ, чтобы огурцы родились. Парубки часто отнимаютъ „Марену“ или „Купалу“ у дѣвушекъ и рвутъ ее; но дѣвушки быстро дѣлаютъ новую куклу (*Чубинскій*, III, 193; *Kolberg*, I, 202; *Kopern.* 176).

Травы и цвѣты. сорванные въ періодъ солнечнаго поворота, на Купалу, считаются особенно цѣлебными. Изстари въ этотъ день собираютъ травы и цвѣты, сохраняютъ ихъ въ семьѣ, и въ случаѣ надобности окуриваютъ ими больныхъ людей и животныхъ, бросаютъ во время грозы въ затопленную печь, вѣшаютъ подъ кровлей дома и въ хлѣвахъ, затыкаютъ за стрѣхи (*Аѳанасьевъ*, III, 716). Въ народныхъ разсказахъ особенно часто встрѣчается папоротникъ и его мнимый цвѣтокъ въ ночь подъ 24 іюня (*Чубинскій*, I, 77; III, 196—197; *Nowosielski*, II, 144; *Kolberg* I, 201); но кромѣ этого, слишкомъ хорошо извѣстнаго растенія чтобы на немъ здѣсь останавливаться [1]), къ купальскимъ обрядамъ и повѣрьямъ пріурочено нѣсколько другихъ видовъ украинской флоры: въ хатѣ вѣшаютъ лопухъ (*Kolberg* I, 201). подпоясываются для устраненія болѣзней чернобылемъ (ib. 202); дѣвушки втыкаютъ въ косу липныкъ, чтобы хлопцы любили, липли къ нимъ (ib. 202), рвутъ мяту, любистокъ, василекъ—все для любощивъ (ib.), собираютъ противъ вѣдовства конопляный цвѣтъ, или капку, которую разсыпаютъ передъ воротами своего дома и въ хлѣвахъ, чтобы вѣдьма не могла сюда проникнуть. (*Kopern.*, 195).

И такъ почти весь купальскій ритуалъ, за исключеніемъ намековъ на умыканіе дѣвицъ, направленъ къ огражденію крестьянскаго семейнаго и экономическаго благополучія отъ разрушительной силы вѣдовства. Какъ ни страшны вѣдьмы въ это время, противъ нихъ смѣло выступаютъ съ куклой Купалы и охранительными травами, насмѣхаются надъ ними, ставятъ вѣхи на дворѣ женщинъ,

---

[1]) Научныя замѣчанія о повѣрьяхъ о папоротникѣ см. у *Аѳанас.* въ Поэт. воззр. слав. II, 375—389 и въ ст. *Потебни*, О купальскихъ огняхъ; въ обѣихъ статьяхъ миѳологическое объясненіе.

подозрѣваемыхъ въ колдовствѣ и, проходя мимо ихъ хатъ, съ чучеломъ Купалы, поютъ:

Наше Купайло до мисяця,
Юрьковски видьмы повисяться;
Нехай повисяться, нехай знають,
Нехай чужихъ коривъ не займають (*Корегп.*, 177).

—

Въ нашимъ Купайли кущикъ бобу,
Кинулобъ видьму въ хоробу.
Въ нашимъ Купайли кущикъ мяты,
Щобъ не перешла видьма хаты.
Въ нашимъ Купайли кущикъ дроку
Щобъ не дождала видьма року (ib. 177).

—

Повій, витре, о пивночи.
Вылизуть видьми очи,
Щобъ по ночахъ не ходила,
Чужихъ коровъ не доила (*Чубинскій* III, 199).

—

Теперь Купала, завтра Иванъ
Кидавъ бисъ видьму черезъ парканъ,
Купальной ночи выдравъ бисъ видьми очи (*Безсоновъ*, 32).

На Купалу обычно плетеніе вѣнковъ (*Чубинскій* 195, *Kolb.* I, 201); но оно еще болѣе обычно на троицкихъ праздникахъ. Встрѣчаются на Купалу гаданія (*Чубинскій*, III, 195—197, *Аѳанасьевъ* III, 723), но ихъ очень мало сравнительно съ колядой и Андреемъ Первозваннымъ. Въ сборникахъ пѣсенъ въ числѣ купальскихъ часто встрѣчаются свадебныя (*Чубинскій*, III, 206, 207; *Безсоновъ* 36, 37), жатвенныя (*Чубинскій*, III, 202, 217), изрѣдка рождественскія (*Безсоновъ*, 46), причемъ кое что перепутано самими издателями пѣсенъ.

Возлѣ Купала иногда выступаетъ Купальница, причемъ Купало относится къ Іоанну Крестителю (24 іюня), а Купальница къ св. Аграфенѣ (23 іюня). Миѳологи вспоминаютъ при этомъ Перуна и Ладу (*Аѳанасьевъ* III, 722). Я думаю, что Купальница явилась въ дополненіе къ Купалу, какъ подъ Новый годъ Меланка въ дополненіе къ Василію, для разности, что вызвано самими словами Иванъ Купало, затѣмъ Купала, т. е. женской формой слова

Купала при Иванѣ. Какъ въ щедровкахъ „красная Меланка, еще кращшій Васильчикъ“ (*Головацкій* III, 144) или „О—герчику Васильчику, чи любишь ты нашу Меланочку?“ (*Kolb.* Pokucie I, 123), такъ и въ купальскихъ пѣсняхъ „Сегодня Купала завтра Янъ“, „де жъ ты была Купалочка—у твоимъ садку Иваничка“, Купалъ—ночка (потомъ Купалочка)! гдѣ твоя дочка?“ (*Безсоновъ*, Бѣлор. п. 30,33, 35). Очевидно, мы имѣемъ здѣсь олицетвореніе двухъ праздничныхъ дней, по сопредѣльности ихъ, и переносъ этихъ олицетвореній въ разрядъ любовныхъ пѣсенъ. Такъ какъ мысль поющихъ пѣсни дѣвушекъ имѣетъ въ виду прежде всего желанный бракъ, то отсюда и въ пѣсни вошло брачное начало парности двухъ лицъ мужескаго и женскаго пола.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

На „Вовчомъ хуторѣ.“

Степь широкая, привольная, необъятная... Конца ей нѣтъ; только тамъ, далеко, она, волнующаяся, какъ море, сливается съ такимъ же безконечнымъ небомъ. Въ ея чудныхъ голосахъ, въ невѣдомомъ шопотѣ, человѣкъ впервые—робѣетъ, признаетъ ничтожество свое; а затѣмъ, эта ширь, этотъ просторъ необъятный родитъ мысль о безконечномъ, свободномъ, и глазъ невольно останавливается въ глубокой синевѣ неба и уноситъ она въ безконечное, неземное: мысль о Богѣ живетъ спокойная, глубокая... Степь таинственна...

Темная степь утопала во мрачной тишинѣ ночи и не было полоски, отдѣляющей ее отъ неба: все, все слилось въ куполъ прозрачнаго воздуха и все молчало. Но вотъ подулъ легкій вѣтерокъ, тучи разнесло; замерцала одна, другая звѣздочка—„зироньки очицямы заморгали“—и сводъ небесный усѣянъ звѣздами,—а степь безконечная, мрачная, молчитъ, погруженная въ таинственный полумракъ. Изрѣдка тишину ея нарушитъ рѣзкій, непонятный крикъ,—будто плачъ ребенка, или раздастся вдругъ стонъ задавленный, глухой,—пронесется онъ далеко волной... и замолкнетъ... Народъ говоритъ: „то козакъ стогне и плаче у тисній могыли“...

Небольшой табунъ лошадей сбился въ кучу; онѣ тихо жевали, пощипывая траву, и изрѣдка нарушали тишину фырканьемъ; а поодаль лежали табунщики, завернувшись съ головой въ свитки. Еще дальше, въ бурьянѣ, сидитъ, согнувшись вдвое, едва замѣтный, табунщикъ—караульный...

На востокѣ, на горизонтѣ у самой земли, показалась сѣрая полоска свѣта; звѣзды померкли,—и все покрылось красивой полумглой...

— Пильнуй! (береги) раздался рѣзкій, сильный крикъ караульнаго... Лошади шарахнулись въ сторону и стали... Табунщики бросились по направленію крика... Послышались стоны, мольбы о прощеніи...

Сѣрая полоска неба росла и освѣтила группу табунщиковъ: они вели конокрада. Высокій, худой, безъ шапки, съ окровавленнымъ лицомъ, онъ шелъ пошатываясь, поступь его была невѣрна, руки туго связаны назади; въ одной рубахѣ, изорванной въ борьбѣ, въ короткихъ, мокрыхъ отъ росы, панталонахъ, босой—онъ рѣзко выдѣлялся изъ группы табунщиковъ. Онъ молча шелъ, не просилъ,—онъ зналъ, что въ степи просьбы и мольбы излишни, что одинъ законъ для конокрада,—законъ Линча, выражаемый въ херсонскихъ степяхъ: „собаци—собача смерть". И онъ блѣдный, помертвѣлый, съ дикимъ, блуждающимъ взоромъ, подчинялся безпрекословно, безъ сопротивленія, безъ воли. Вскорѣ у табуна остались только двое, остальные три табунщика поскакали на „Вовчій хуторъ". Среди нихъ верхомъ, со связанными руками и подвязанными подъ лошадью ногами, неловко пошатываясь, скакалъ конокрадъ, напрягая всѣ свои силы, чтобы удержаться на лошади и не упасть. Конокрадъ знаетъ, что ему грозятъ побои и смерть, и инстинктивно, напряженно, страстно удерживаетъ равновѣсіе, боится упасть и сразу покончить съ грустною жизнью...

Еще не совсѣмъ разсвѣло, какъ группа всадниковъ была во дворѣ основателя хутора, старика Тараса Вовка. Чрезъ нѣсколько минутъ всѣ хозяева собрались во дворъ и молча, торжественно выслушали разсказъ сыновей. Молодежь Вовкъ отправилъ обратно.

— Ведить его у мою хату. У ночи судытымемъ; теперъ николы,—сказалъ онъ, и конокрада отвели въ хату.

Всѣ разошлись, остались только Петро и Микита Утикачи, Иванъ Вильный да Кузьма Перекотыполе—батьки Вовчаго хутора.

У хатъ закопошились люди, запрягали лошадей, сбирались, несли пожитки—и чрезъ полчаса хуторъ опустѣлъ—всѣ выѣхали на отдаленный гарманъ.

Въ хатѣ въ это время молча сидѣли пять стариковъ, а у двери въ углу связанный конокрадъ.

— Ну, хлопче, мрачно прервалъ молчаніе Вовкъ, послухай насъ, а дали и мы тебе де що роспытаемъ.

— Оттутъ, на хутори я сивъ одынъ—25 годъ мынуло; богато въ мене покрадено коней и по пари и по четверо. Було й таке, що всихъ коней покрадено,—все тоди попродалы и знову купылы... Оттаке намъ робылы вы, злодіи. Кажу тоби для того, що не помылуемъ: прыймешъ смерть таку, яку заробывъ, а щобъ муки тоби не було—прызнавайся: зъ кымъ бувъ, де твои товарышы, до кого коней водышъ на продажъ? Прызнаессе — не буде муки...

Конокрадъ приподнялся, хотѣлъ стоя что то сказать, но зашатался и сѣлъ.

— Самъ одынъ хотивъ украсты... Жыдъ у Новомыргороди навчывъ... Я тилько що утикъ одъ бидноты та неволи... николы я не кравъ, произнесъ конокрадъ хриплымъ, надорваннымъ голосомъ.

— Прызнавайсь! дикимъ, изступленнымъ голосомъ закричалъ Петро Утикачъ и ударилъ конокрада въ лицо; онъ упалъ на полъ, обливаясь кровью... Всѣ быстро встали...

Безлюдный хуторъ весь былъ облитъ теплыми лучами солнца; кругомъ вся степь привѣтливо-ярко отливала золотомъ; природа покоемъ, любовью дышала, а въ хатѣ Тараса были люди и оттуда вырывались болѣзненные стоны, смѣшиваясь съ дикими, человѣческими криками...

Вскорѣ изъ хаты вышли Вовкъ и его пріятели, оставивъ конокрада избитымъ, окровавленнымъ, въ безчувственномъ состояніи, но связаннымъ по рукамъ и ногамъ. Хату заперли и уѣхали на гарманъ.

Вовкъ мрачно смотрѣлъ куда то вдаль. Загорѣлое, открытое, будто изъ бронзы отлитое, лицо было неподвижно... Молча ѣхали спутники... Никто не смотрѣлъ другъ другу въ глаза; взоры блуждали, они смотрѣли и не видѣли ни могилъ вдали, ни бѣлѣющаго гармана... Наконецъ, у Волка сорвалось, будто онъ отвѣчалъ на чей то вопросъ:

— А може й справди не злодій, утикъ зъ Кыивщины—и замолкъ.

Мысли его быстро переносились ко времени его „крепацтва“ и ясно видѣлъ онъ себя молодымъ бѣглецомъ... Это было лѣтъ 25 тому назадъ. Онъ сильный, молодой не вынесъ рабскаго ига. Побои, плети всякихъ прикащиковъ, непосильная работа на сахарномъ заводѣ была ужъ невыносима и Тарасъ бѣжалъ въ херсонскія степи. Минуло уже почти четверть вѣка, какъ онъ укралъ свою Оксану—тоже „крепачку“,—привезъ ее и поставилъ „мазанку“ (глинобитный домикъ) въ степи, далеко отъ жилья,—это была первая хата „Вовчого“ хутора. Затѣмъ еще и еще бѣжали и селились около него, и теперь одиннадцать хатъ вольныхъ людей жили въ довольствѣ, трезво и честно, платя аккуратно и за землю, и набѣгающему изрѣдка засѣдателю—за спокойствіе. Всѣ уже приняли другія фамиліи и Тарасъ Спивака, а по степному Вовкъ, обжился и сталъ забывать крѣпостничество и плети, его спутники... Но этотъ воръ, душегубъ, да хуже душегуба—этотъ конокрадъ живо вызвалъ въ немъ всѣ воспоминанія о пережитыхъ имъ страданіяхъ, мукахъ и радостяхъ, и—все это злило Тараса. Онъ невольно чувствовалъ что то общее въ ихъ судьбѣ; онъ отгонялъ эти воспоминанія; но они неотвязно лѣзли одно за другимъ. Какъ будто жалость шевельнулась въ немъ,—и онъ еще больше озлился и послалъ вслухъ, громко сильное ругательство...

Они пріѣхали къ гарману, застали тамъ работу въ разгарѣ и сами горячо принялись отгребать пшеницу и кидать снопы. Вовкъ, несмотря на свои лѣта, усердно и съ какимъ то озлобленіемъ кидалъ солому, онъ весь хотѣлъ уйти въ работу,—но это ему не удавалось. Часто онъ останавливался и, опершись на вилы, безцѣльно засматривался въ даль; взоръ блуждалъ, переходилъ съ предмета на предметъ, и замѣтно было, что онъ смотритъ, но не видитъ.

— Эге! выдко, що дидови Тарасу иде не до Велыкодня, а до Риздва; выдко, що дидъ нашъ старіе,—говорило между собою молодое поколѣніе, замѣтивъ постоянныя остановки Тараса.

Но Тарасъ не слыхалъ, — онъ какъ будто зажилъ новой жизнью. *Это* было для него ново. Жить внѣ коней, пшеницы,

оранки, сѣянки, внѣ мыслей о дождѣ и засухѣ, внѣ обычной жизни, волноваться *чѣмъ то*, безпокоиться, думать о томъ что минуло четверть вѣка назадъ — все это и не привычно и тяжело.

Это *что то* волновало, тревожило его и онъ, отерши струившійся со лба потъ, перекрестился. Несомнѣнно, что онъ этого и не замѣтилъ, что это было непроизвольно. Вѣдь онъ всегда крестился, когда ему бывало тяжело: крестился при поднятіи перваго снопа, крестился, принимаясь вытаскивать повозку изъ рытвины, сани изъ сугроба... Ему и теперь тяжело было... Но вотъ раздался звонкій голосъ его племянницы, за нимъ подхватилъ другой, третій—и всѣ слились въ стройное пѣніе заунывной, вольной украинской пѣсни... И полились ея чудныя звуки волною далеко, далеко по ровной степи, такіе же широкіе, вольные, какъ и она, вѣчно ровная, богатая, вѣчно таинственная...

Пѣсня льется и работа кипитъ. Тарасъ будто проснулся и горячо принялся за солому и пшеницу.

А на хуторѣ въ это время все было тихо. Солнышко пригрѣло и освѣтило одиннадцать разбросанныхъ по балкѣ хатъ, такихъ чистыхъ, бѣлыхъ... По дворамъ куры кудахтали, да пѣтухъ нарушалъ тишину, клюя носомъ въ какую то дрянь и съ солиднымъ видомъ подзывая своихъ подругъ, вѣчно довѣрчиво поддающихся обману своего главы, да куча дѣтей въ крайнемъ дворѣ суетливо возводила постройки изъ пыли и навозу. Они всѣ собрались сюда, кричали и бѣгали;—часть возилась, съ самымъ озабоченнымъ видомъ, около стана колесъ, а хлопчики поменьше—любовались своими постройками. Бѣлоголовые, босые, въ однѣхъ рубахахъ они издали напоминали собою возню муравейника.

Въ запертой хатѣ Вовка тоже было тихо. Степанъ (такъ звали конокрада) очнулся было и опять впалъ въ безпамятство, тяжело дыша. Ничто не нарушало тишины, только сверчокъ трещалъ изъ угла, да на печкѣ по временамъ раздавался шорохъ чего то движущагося. Въ простѣнкѣ, между печкой и трубой

блестѣли чьи то глазки. Присмотрѣвшись, можно было замѣтить дѣвочку лѣтъ 7—8. Она, съежившись, прижалась вся въ уголокъ и, затаивъ дыханіе, со страхомъ и любопытствомъ смотрѣла внизъ на связаннаго Степана. Ея каштановые волосы спустились на выпуклый, красивый лобикъ и ярко оттѣняли большіе, каріе глаза. Глаза эти были не дѣтскіе. Страхъ ли подѣйствовалъ на нее, жалость ли непомѣрная, но смотрѣли они какъ то далеко, глубоко. Необыкновенная невинность, чистота, что то доброе, масса жалости виднѣлись въ этой согнувшейся фигуркѣ... Степанъ очнулся. Безсвязно что то прошепталъ и среди всего этого явственно было слышно „воды... пить!“

Дѣвочка вздрогнула и быстро слѣзла съ печи. Она подала Степану кружку съ водою и онъ жадно припалъ къ ней запекшимися губами.

Первый страхъ прошелъ, и Оленка присѣла недалеко отъ связаннаго. Онъ былъ въ забытьи. Много разъ онъ какъ бы просыпался и просилъ пить, и дѣвочка съ охотой подавала ему воду. Наконецъ, онъ совершенно оправился, тихо приподнялся— Оленка испуганно отбѣжала....

— Не бійся менè, сказалъ онъ... и у мене ӥе диты... я лышывъ (оставилъ) дома таку жъ дивчыну.. якъ и ты.... тепѐръ.... тепе́ръ... вонà сыротòю бу́де.... и замолкъ.

Что онъ еще говорилъ, о чемъ шла бесѣда вора и случайно оставленной въ хатѣ дѣвочки—мы не знаемъ; но когда вечеромъ вернулся Вовкъ съ сотоварищами,—Степанъ сидѣлъ уже развязанный въ углу, на скамейкѣ, а изъ за печи сверкали тѣ же добрые, жалостливые глазки.

Вовкъ усѣлся въ концѣ стола—„на по́кути“,—а кругомъ братья Утикачи, Вильный и Перекотыполе. Молча, торжественно сидѣли эти старики. Слабый, часто вспыхивающій красноватый свѣтъ „каганцà“ (каганѐць — свѣтильникъ, родъ плошки) освѣщалъ ихъ строгія лица; но глазъ за нависшими бровями не было видно: они не смотрѣли другъ на друга, не смотрѣли они и на Степана. Быть можетъ, если бы хотя одинъ изъ нихъ взглянулъ на него, то смягчились бы ихъ загрубѣлыя сердца: онъ былъ смертельно блѣденъ, глаза испуганно, потерянно,

съ мольбой во взорѣ перебѣгали съ одного лица на другое.... Но напрасно: лица эти были мертвы.

Вовкъ вынулъ короткую трубку, медленно набилъ её и закурилъ. Досталъ и Утикачъ „гаманèць“ (кисетъ), набилъ „люльку“ (трубку) и долго, долго сосредоточенно кресалъ огонь. Уже давно губка горѣла, а онъ всё ожесточенно цокалъ кресаломъ о кремень.

— Ну, гòди! сказалъ Вовкъ взволнованнымъ голосомъ. Среди тишины онъ прозвучалъ рѣзко. Всѣ встрепенулись, а Степанъ вздрогнулъ и крѣпко, крѣпко прижался къ стѣнѣ....

—Умѝвъ крàсты—умій и умирàты... Пора.... Якъ же бỳде, панòве—громàдо? спросилъ Вовкъ.

— А такъ й бỳде: собàци—собача смерть.

— Вы́везты, — та кыйкàмы (палками) забы́ты — проговорили судьи и всѣ замолкли.

Вовкъ вынулъ изо рта люльку, выбилъ медленно о каблукъ золу и тихо приподнялся... Онъ сталъ лицомъ къ иконѣ и перекрестился.... Всѣ сдѣлали тоже...

— Ну! молысь й ты, поидемъ у степъ, заговорилъ Вовкъ къ Степану и сталъ тихо выходить изъ за стола.... Молча приподнялись его сотоварищи.... Но въ это время, неожиданно, послышался шорохъ и стукъ чего то спрыгнувшаго съ печи... Всѣ вздрогнули и обернулись: у печи стояла Оленка блѣдная; очи горѣли и она прямо смотрѣла на Вовка.

— Диду! простить ëго!.... у ëго дѝты йе.... малèньки диты.... простѝть!... проговорила, запинаясь, Оленка.

Вовкъ вздрогнулъ, схватился рукою за столъ, брови его гнѣвно сдвинулись, и онъ, молча, какъ бы обезсилѣвъ, опустился на скамейку.....

Всѣ сѣли.

Тихо, тихо стало въ хатѣ.....

Неловкое и долгое молчаніе прервано было Утикачемъ: онъ полѣзъ въ карманъ за люлькой. Долго, долго рылся онъ, но не нашелъ и выругался:

— Чортъ... его батька... знае...

— Ось де, у мèне люлька, сказалъ Вильный и быстро подалъ свою.

Перекотыполе почему то понадобилась шапка: онъ усердно искалъ её вокругъ себя, подъ лавку даже заглянулъ и что то бранное пробурчалъ; а Никита Утикачъ, издавна отличавшійся нескладностью рѣчи, почему то счелъ своевременнымъ замѣтить: „а пшениця цей... рикъ... дòбра“. И всѣ замолкли....

— Що жъ панòве?... тихо, съ трудомъ произнёсъ Вовкъ.... Хыбà (развѣ)....

— Эгè жъ...

— А то якъ же?

— Усè одъ Бога, Винъ про те знае... сразу перебили судьи Вовка.

— Такъ пустúть? спросилъ онъ нерѣшительно.

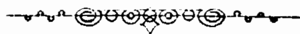
— А то жъ?—пустыть, пустыть!... Нехай ёго Богъ простыть!.. Молысь Богу!... весело заговорили судьи.

Но рѣчи ихъ прервалъ шумъ грузно упавшаго тѣла: Степанъ безъ чувствъ лежалъ на полу.

Прошелъ годъ, и „Вовчій“ хуторъ жилъ всё тою же мирною, покойною жизнью степняковъ — „хлиборобовъ“, — только вмѣсто одиннадцати хатъ, ихъ было уже двѣнадцать. Двѣнадцатая. новая прилѣпилась съ краю балочки, на самомъ обрывѣ ея. Притомъ, вопреки обычаю, тамъ самой дорогой гостьей бывала внучка Тараса—дѣвочка Оленка. Тарасъ Вовкъ всё такой же, такъ же любитъ послушать пѣсни молодежи и разсказы сѣдоусыхъ товарищей,— только чаще сталъ хитро улыбаться и при встрѣчѣ съ хозяиномъ новой, двѣнадцатой хаты, Степаномъ, говаривалъ улыбаясь:

— А щобъ тебè Богъ любывъ!... Здòрово я *тоди* употивъ [1])...

Дмитрій Марковичъ.

[1]) Сильно я тогда вспотѣлъ.

ВОСПОМИНАНІЯ
М. К. Чалаго [1]).

Моя портретная галлерея.

> Однихъ ужъ нѣтъ, а тѣ далече,
> Какъ Саади нѣкогда сказалъ.

Внося въ свои „Воспоминанія“ послѣднее сказанье о гимназіи, не могу отказать себѣ въ удовольствіи поговорить на прощанье о неразлучныхъ спутникахъ пройденнаго мною пути. Мнѣ пріятно возобновить въ памяти нѣкогда дорогіе образы товарищей и пожить съ ними мысленно тою задушевною жизнію, какою жилось лѣтъ 45 тому назадъ.

До окончанія гимназическаго курса дотянули весьма немногіе изъ насъ. Восходя, какъ по крутой лѣстницѣ, все выше и выше къ вожделѣнному VII классу, мы съ каждымъ годомъ теряли ихъ десятками, такъ что до конца курса насъ осталось всего лишь 14 человѣкъ.

Константинъ Дмитричъ Ушинскій (1824—1870). Въ 1835 году въ III классъ преобразованной семиклассной гимназіи поступилъ изъ домашняго приготовленія новичокъ, обратившій на себя вниманіе всего класса какъ привлекательною наружностію, такъ и своимъ почти дѣтскимъ возрастомъ: ему было неполныхъ 12 лѣтъ. Это былъ нашъ будущій педагогъ К. Д. Ушинскій, „осушившій дѣтскія слезы, ручьями лившіяся въ первыхъ рутинныхъ школахъ“, котораго „Родное слово“ и „Дѣтскій міръ“ сдѣлались

---

[1]) См. „Кіевская Старина“ № 7, іюль.

незамѣнимыми учебниками и въ роскошныхъ палатахъ богача-аристократа и въ курной избѣ бѣдняка-крестьянина.

Предоставляя будущему біографу[1]) оцѣнить по достоинству его педагогическіе и ученые труды, я коснусь лишь моихъ личныхъ отношеній къ нему, какъ соученику-товарищу по гимназіи[2]).

Въ годъ поступленія Константина Дмитрича въ гимназію почти половина учениковъ III класса принадлежала, какъ мы видѣли, къ аборигенамъ заведенія, прошедшимъ всѣ мытарства повѣтоваго училища и попавшимъ въ гимназію совершенно случайно, благодаря лишь введенію устава 1828 года. Они представляли своеобразный типъ, сходный отчасти съ тѣмъ, который обрисованъ Помяловскимъ въ „Очеркахъ бурсы“. Изъ подъ розогъ Каменскаго, да изъ подъ паль Игнатьева иными они и не могли выйти; это были антики во всей первобытной ихъ дикости, съ крайне демократической закваской. Счастливцевъ, подобныхъ К. Д—чу, которые, минуя повѣтовое училище, попадали прямо въ гимназію, между нами было весьма немного: то были дѣти достаточныхъ дворянъ, имѣвшихъ возможность приготовить въ гимназію мальчика посредствомъ домашняго учителя, тогда какъ для бѣдняковъ—плебеевъ хожденіе по мукамъ было неизбѣжно.

На новичка Костю, мальчика женственно-деликатнаго сложенія, всегда чистенько одѣтаго, наши 18—20 лѣтніе „молодцы“, съ перваго же дня его поступленія въ ихъ общество, посмотрѣли косо и стали чинить ему разныя гадости. Дѣйствительно, по своей наружности К. Д—чъ рѣзко отличался отъ взрослыхъ товарищей и выглядѣлъ между ними кровнымъ аристократикомъ, какимъ онъ и былъ на самомъ дѣлѣ.

Отецъ его, Димитрій Григорьевичъ, воспитанникъ московскаго университетскаго пансіона, принадлежалъ къ одной изъ старинныхъ малороссійскихъ фамилій. Служилъ онъ сперва по гражданскому вѣдомству, потомъ въ 1801 году поступилъ въ формировавшійся тогда дворянскій полкъ, а оттуда въ уфимскій, съ которымъ и

[1]) До сихъ поръ появился въ печати лишь „Краткій біографическій очеркъ“ Фролкова, Спб. 1881 г. съ портретомъ.

[2]) Бѣглыя замѣтки о дѣтствѣ Ушинскаго сообщены мною редакціи „Народной школы“ прежде (см. „Народн. школа“ 1874 г. № 4).

участвовалъ въ отечественной войнѣ 1812 года. По окончаніи военныхъ дѣйствій, онъ вышелъ въ отставку и навсегда поселился въ Новгородъ-Сѣверскѣ.

По воспитанію, по связямъ и по домашней обстановкѣ Д. Г—чъ былъ значительнымъ лицомъ въ городѣ между проживавшими тогда въ немъ дворянами. Домъ его, на возвышенномъ берегу Десны, въ самомъ концѣ города, подлѣ церкви Покрова, имѣлъ видъ барской усадьбы—съ обширнымъ дворомъ, службами и фруктовымъ садомъ, окаймленнымъ тѣнистыми липами и дубами, изрытымъ переполненными зеленью оврагами; но, несмотря на то, что Д. Г—чъ владѣлъ сотнею десятинъ пахатной земли и 30 крѣпостными, состояніе его было не изъ блестящихъ.

Въ 1835 году онъ овдовѣлъ, а въ 1837-мъ женился во второй разъ въ шостенскомъ пороховомъ заводѣ на сестрѣ генерала Гербеля, послѣ чего кругъ его знакомства еще болѣе расширился. У него часто бывали гости, большею частію военные.

Въ 1840 году Д. Г—чъ былъ избранъ уѣзднымъ судьею и, судя по одному факту, нисколько не походилъ на тогдашнихъ Ляпкиныхъ-Тяпкиныхъ [1]).

При такой обстановкѣ росъ и воспитывался К. Д—чъ. Родился онъ отъ первой жены Д. Г—ча, урожденной Капнистъ. Первыя основы будущаго педагога были положены прочно и серьезно и этимъ онъ, какъ кажется, былъ обязанъ своей матери, о которой онъ всегда вспоминалъ съ чувствомъ самой горячей любви. Хорошо составленная библіотека отца, большею частію находившаяся въ полномъ распоряженіи сына, безъ сомнѣнія, много способствовала развитію въ ребенкѣ съ ранняго возраста любви къ чтенію.

Живя дальше всѣхъ насъ отъ гимназіи, на противоположномъ концѣ города, К. Д—чъ большею частію ходилъ въ классъ пѣшкомъ, такъ какъ улицы нашего городка, по причинѣ гористой мѣстности,

[1]) Въ 1843 году, будучи студентомъ, я имѣлъ дѣло въ судѣ. Надсмотрщикъ крѣпостныхъ дѣлъ Терлецкій, не получая отъ меня прилагательнаго, цѣлую недѣлю кормилъ меня завтраками. Я отправился къ судьѣ съ жалобой. Д. Г—чъ, посадивъ меня на дрожки, привезъ въ судъ и послалъ сторожа за Терлецкимъ, который, по случаю праздника, въ то время ловилъ за рѣкой раковъ. Его привезли пьянаго и судья приказалъ ему выдать документъ, крѣпко намыливъ ему голову.

не во всякое время года удобны для ѣзды, особенно для живущихъ на Заручьѣ. Мальчику ежедневно приходилось прошагать туда и обратно около 6 верстъ; но онъ любилъ этотъ длинный путь, идущій по живописному крутому берегу Десны, черезъ оврагъ, отдѣляющій городъ отъ Покровщины и не разъ плакалъ, если ему почему либо приходилось одну или двѣ ночи провести въ городѣ. „Я бѣжалъ изъ гимназіи домой, писалъ онъ впослѣдствіи: какъ будто меня тамъ ждало нивѣсть какое сокровище". Такъ какъ я жилъ почти на половинѣ его пути, то, возвращаясь изъ гимназіи домой постоянно вмѣстѣ, мы скоро подружились.

Въ 1835 году 12-лѣтній Костя засталъ меня въ III классѣ, если не самымъ старѣйшимъ аборигеномъ, то все таки цѣлыми тремя годами старше себя. Несмотря, однакожъ, на такое неравенство лѣтъ, К. Д., по своей развитости и по своимъ быстрымъ способностямъ, не уступалъ въ ученіи не только мнѣ, но и тѣмъ, которые были почти вдвое старѣе его.

Примыкая по семилѣтнему пребыванію въ школѣ больше къ великовозрастнымъ, я тоже на первыхъ порахъ косился на Костю, не поддаваясь сближенію съ „панычемъ", хотя меня сразу очаровалъ этотъ умный и красивый мальчикъ: меня тянуло къ нему, такъ сказать, противъ воли. При всемъ томъ, только тогда, когда я вполнѣ увѣрился, что душевныя его качества не менѣе симпатичны, что онъ, напр., нисколько не гордился своими сословными преимуществами, удостоивая бесѣды моихъ родныхъ и раздѣляя иногда со мной мой простой завтракъ, когда случалось ему уйти изъ дому безъ чаю,—только тогда я съ нимъ сблизился, рискнувъ даже утратить чрезъ то расположеніе старыхъ товарищей, не перестававшихъ относиться къ Костѣ съ недоброжелательствомъ за его благовоспитанность, которая мѣшала имъ втянуть новичка въ свою среду и навязать ему нравы и обычаи, усвоенные ими въ „чистилищѣ". Но такъ какъ я пожертвовалъ ихъ дружбой не изъ какихъ нибудь корыстныхъ видовъ, а чисто по сердечному влеченію, то такая измѣна не имѣла для меня чувствительныхъ послѣдствій, въ родѣ потасовки. Впослѣдствіи, при переходѣ изъ четвертаго въ пятый классъ и далѣе, идя дружно впередъ, мы каждый годъ роняли на

своемъ пути этихъ ватажковъ классныхъ, такъ что не только до 7-го, но и до 5-го класса ни одному изъ нихъ не удалось добраться.

Бесѣды наши съ Костей не всегда ограничивались однѣми школьными дрязгами, мы часто разсказывали другъ другу о своихъ домашнихъ дѣлахъ. Все, что онъ передавалъ мнѣ объ образѣ жизни своихъ родныхъ и знакомыхъ отца, для меня было совершенно ново, тамъ, въ этомъ недоступномъ для меня кругѣ, все было не похоже на бѣдную обстановку той среды, въ которой протекало мое невеселое дѣтство. Равнымъ образомъ все, что я сообщилъ Костѣ о себѣ, въ такой же степени интересовало его. Дружба наша росла съ лѣтами. Несмотря, однакожъ, на такое сближеніе, въ домѣ у него я не бывалъ въ качествѣ гостя: по своей застѣнчивости и неразвязности я боялся туда проникнуть. За то онъ бывалъ у меня очень часто. Я посвятилъ его во всѣ таинства охоты и уженья—удовольствія, до знакомства со мной ему совершенно чуждыя. Катанье на лодкѣ онъ до того полюбилъ, что, оставаясь часто въ гимназіи до начала послѣобѣденныхъ уроковъ вмѣстѣ съ другими, далеко живущими товарищами онъ принималъ дѣятельное участіе въ снаряженіи преинтересной флотиліи на сосѣдней лужѣ, при чемъ доски съ монастырскаго забора служили проказникамъ для устройства плотовъ. Охоты съ ружьемъ К. Д. не взлюбилъ съ перваго же разу, не могши понять удовольствія „убивать бѣдныхъ птичекъ“. Эта черта въ характерѣ К. Д—ча, свидѣтельствующая о чрезвычайной мягкости его натуры, осталась въ немъ до смерти: онъ не позволялъ своимъ дѣтямъ убивать пойманную мышь, заставляя ихъ выпускать ее на волю.

Впрочемъ, главною цѣлію нашихъ частыхъ экскурсій за городъ и за Десну была не охота, или рыбная ловля, „а воля, просторъ, природа, прекрасныя окрестности города, душистые овраги, колыхающіяся поля“. Эти то поэтическія прогулки наши глубоко запечатлѣлись въ памяти будущаго педагога и не разъ вызывали въ душѣ его живѣйшія воспоминанія; имъ онъ придавалъ впослѣдствіи великое воспитательное значеніе.

„Я вынесъ, говоритъ онъ, изъ впечатлѣній моей жизни глубокое убѣжденіе, что прекрасный ландшафтъ имѣетъ такое огромное воспитательное вліяніе на развитіе молодой души, съ которымъ трудно

соперничать вліянію педагога, что день, проведенный ребенкомъ посреди рощъ и полей, когда его головою овладѣваетъ какой то упоительный туманъ, въ теплой влагѣ котораго раскрывается все его молодое сердце для того, чтобы беззаботно и безсознательно впитывать въ себя мысль и зародыши мыслей, потокомъ льющіеся изъ природы, что такой день стоитъ многихъ недѣль, проведенныхъ на учебной скамьѣ".

Природа и свобода, по его мнѣнію, два великіе фактора въ воспитаніи юноши. „Боже мой! говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ, сколько перемечталось на этомъ прекрасномъ берегу, на этихъ кручахъ, нависшихъ надъ Десною!"

Каждый годъ, съ приближеніемъ экзамена, мой пріятель испытывалъ сильную тревогу. По нѣкоторымъ предметамъ,—какъ напр. по исторіи у М. Г. Ерофѣева, который отъ всей души презиралъ учебникъ Кайданова, диктуя намъ урокъ изъ нѣмецкой книжки и по математикѣ,—мы учились по запискамъ, каковыхъ никогда у Кости не водилось, а если и были какіе нибудь клочки, то и тѣ горничныя истребляли на папильотки. Онъ вовсе не способенъ былъ къ усидчивому и кропотливому труду. Дома ему часто мѣшали заниматься гости и домашніе, такъ что, прійдя въ классъ, наскоро бывало пробѣжитъ урокъ, или прослушаетъ какъ другой читаетъ, а придется до дѣла, отвѣчаетъ учителю лучше просидѣвшихъ за книгой до полуночи. Онъ постоянно приставалъ ко мнѣ, чтобы готовиться къ экзаменамъ съ нимъ вмѣстѣ, но я долженъ былъ ему часто въ этой просьбѣ отказывать, а тѣмъ болѣе идти къ нему для того на Покровщину: у меня, кромѣ своихъ собственныхъ занятій, были еще репетиціи съ учениками, доставлявшія мнѣ хлѣбъ насущный; не могъ же я, ради дружбы, оставить дѣтей безъ присмотра.

Въ послѣднихъ двухъ классахъ у насъ какъ то вошло въ моду „заниматься самостоятельно", помимо классныхъ уроковъ, особенно новѣйшими иностранными языками, потому что на нашихъ французовъ и нѣмцевъ тогда, какъ и теперь, полагаться слишкомъ рискованно. Когда мы были въ VI классѣ, К. Д., по его словамъ, спеціально занимался нѣмецкимъ языкомъ. Онъ сталъ приносить въ гимназію нѣмецкихъ авторовъ и какой то нѣмецкій журналъ, получаемый мачихой, и къ удивленію нашему сразу приступилъ

къ чтенію по нѣмецки безъ помощи словаря. Убѣдившись собственнымъ опытомъ, какъ трудно нашему брату достигнуть такого совершенства въ знаніи иностраннаго языка и зная притомъ степень подготовки Ушинскаго, мы, несмотря на то, что у него дома была учительница, настоящая нѣмка, усумнились въ его непомѣрно быстрыхъ успѣхахъ и стали надъ нимъ подтрунивать; нѣкоторые острили, что онъ, желая пустить пыль въ глаза товарищамъ, прежде всего самъ себя надуваетъ, показывая видъ, что понимаетъ что нибудь въ твореніяхъ Шиллера и Гете. Сознавая справедливость такихъ замѣчаній со стороны товарищей, я, по дружески, сталъ говорить Костѣ о его неумѣстной мистификаціи, на что онъ мнѣ тономъ убѣжденія сказалъ, что онъ не только самъ не перестанетъ читать безъ лексикона, но и мнѣ совѣтуетъ дѣлать тоже.

— Да какъ же я стану читать книгу, не зная многихъ словъ? возразилъ я ему.

— Это, говорилъ онъ, ничего, что нѣкоторыя слова останутся тебѣ неизвѣстными—ты читай дальше. Понявши слѣдующую мысль, поймешь и предъидущую.

Мой пріятель и тутъ остался вѣренъ самому себѣ: не привыкши къ усидчивому труду, онъ не любилъ „возиться съ лексиконами“, а пользуясь довольно ограниченнымъ запасомъ словъ и не справляясь съ грамматикой, прямо отъ перевода нѣмецкой христоматіи, съ помощію словаря, перешагнулъ къ чтенію авторовъ.

Получивъ такимъ образомъ возможность читать больше и притомъ лучшихъ иностранныхъ писателей, Ушинскій уже въ эти годы сталъ надъ многимъ задумываться. Постоянное чтеніе, безъ разумнаго руководства, слишкомъ рано и сильно развило въ немъ мечтательность.

Дѣйствительно, на него по временамъ нападала хандра: онъ становился то задумчивымъ, то раздражительнымъ; въ спорахъ не терпѣлъ ни малѣйшаго противорѣчія. Заложивъ руки въ карманы, ходилъ онъ по классу, бросая по временамъ презрительно-насмѣшливые взгляды на суетившихся передъ уроками товарищей. Такая эксцентричность Кости Ушинскаго тоже была предметомъ остротъ со стороны товарищей, которыхъ не могло не задѣвать такое пренебреженіе къ нимъ. Его дразнили за то „ученѣйшимъ и философомъ“.

Что касается меня лично, то я прощалъ ему все; неровное обращеніе со мною меня не сердило; я терпѣливо переносилъ его сарказмы и важничанье.

Придетъ онъ бывало ко мнѣ и, не поздоровавшись, прямо отправляется въ садъ, ляжетъ подъ яблоней, заложивъ руки подъ голову и устремивъ свои черные блестящіе глаза въ безпредѣльную небесную синеву и остается въ такомъ созерцательномъ положеніи иногда цѣлый часъ, а я сижу себѣ въ комнатѣ и не подхожу къ нему, сдѣлавъ видъ какъ будто вовсе не замѣчаю. Соскучившись одинъ, мой Костя приходилъ ко мнѣ самъ въ комнату и, поигравши со мною въ молчанку, мало по малу разговорится и, какъ ни въ чемъ не бывало, повеселѣетъ. О томъ, что роилось въ горячей головѣ юноши въ такія грустныя минуты, онъ мнѣ ничего не говорилъ, да едва ли и можетъ сказать что нибудь юноша о своихъ неясныхъ, безотчетныхъ грезахъ, когда впервые пробуждается въ немъ мысль и чувство.

Гимназическій курсъ близился къ концу. Если до сихъ поръ моему Костѣ счастливо сходили съ рукъ переводные экзамены, то окончательныя испытанія, когда приходилось отдать отчетъ со всего гимназическаго курса, не могъ не показаться страшнымъ даже такому даровитому ученику, какимъ всѣ считали Ушинскаго. По нѣкоторымъ предметамъ мы стали прилежно готовиться вмѣстѣ—то у меня въ квартирѣ, то у него во флигелѣ или въ саду. Къ сожалѣнію, онъ увидѣлъ всю опасность своего положенія передъ самими экзаменами, когда было уже слишкомъ поздно помочь бѣдѣ: ему не дали аттестата.

Не падая духомъ, Костя сталъ собираться въ Москву держать вступительный экзаменъ въ университетъ.

— Я имъ докажу, говорилъ онъ, при прощаньи со мною, объ учителяхъ, что стóю аттестата больше чѣмъ какой нибудь Лазарь Фесенко или гуляка Шабловскій.

Если, вслѣдствіе постигнувшаго его фіаско, К. Д—чъ вынесъ изъ гимназіи чувство досады и озлобленія на нѣкоторыхъ педагоговъ, то въ душѣ его навсегда осталось глубокое чувство признательности къ обожаемому имъ директору Тимковскому. Спустя много лѣтъ послѣ выхода изъ гимназіи, въ одномъ изъ своихъ писемъ К. Д—чъ, воспоминая о Тимковскомъ, пишетъ слѣдующее:

„Миръ праху твоему почтенный старецъ! Твоимъ нелицемѣрнымъ, продолжавшимся до гроба служеніемъ наукѣ, твоимъ благоговѣйнымъ уваженіемъ къ ней и твоею постоянною вѣрою въ другую, гораздо болѣе высшую святыню, ты посѣялъ въ сердцахъ своихъ воспитанниковъ такія сѣмена, которыя да поможетъ намъ Богъ передать своимъ дѣтямъ и воспитанникамъ“.

Еще задолго до начала экзаменовъ изъ Харькова, изъ Кіева и изъ Москвы стали приходить восторженныя письма отъ студентовъ сѣверянъ. Каждый выхвалялъ свой университетъ. Но всѣхъ краснорѣчивѣе расписывалъ бѣлокаменную Семенъ Савичъ Глотовъ—студентъ-артистъ, хористъ и аферистъ. Еще будучи гимназистомъ, Савичъ отличался необыкновенною способностію къ пейзажной живописи, срисовавъ à vol d' oiseau весь городъ и славился эффектнымъ произнесеніемъ стиховъ на торжественныхъ актахъ. Поступивъ въ московскій университетъ, онъ сдѣлался отъявленнымъ меломаномъ по театральному искусству и несмѣняемымъ посѣтителемъ райка, произносилъ съ великимъ паѳосомъ знаменитые монологи изъ Уголино и Гамлета, стараясь превзойти въ декламаціи самаго Мочалова. Почти половину изъ окончившихъ со мною курсъ онъ склонилъ на свою сторону; другая половина направилась въ Харьковъ; на мою долю остался Кіевъ и то потому, что выборъ для меня былъ немыслимъ.

Надобно знать, что гимназія наша, славившаяся въ достопамятное управленіе ею Тимковскимъ, за два года директорства Батаровскаго, который задался несчастною мыслію „вывести тимковщину“, уже успѣла пасть во мнѣніи всѣхъ университетовъ и нашихъ сѣверянъ стали подвергать вступительному экзамену съ большою строгостію, недовѣряя гимназической аттестаціи; но несмотря на то, К. Д—чъ выдержалъ экзаменъ удовлетворительно.

Въ Москвѣ, съ распростертыми объятіями, ждалъ дорогихъ гостей Сеня Глотовъ. Онъ обязательно предложилъ имъ свои услуги по части найма квартиры и убѣдилъ ихъ отдать ему на сохраненіе всѣ привезенныя ими съ собой деньги. Обрадованные такой услужливостію провинціалы ввѣрили ему свои тощіе капиталы. Получивъ деньги, Савичъ изчезъ; пропадалъ гдѣ то цѣлую недѣлю и явился къ своимъ любезнымъ землякамъ безъ гроша. Благодаря этому плуту,

наши сѣверяне, а въ ихъ числѣ и К. Д—чъ, на первыхъ же порахъ испытали большую нужду.

Разставшись съ К. Д. Ушинскимъ въ 1840 году, я совершенно потерялъ его изъ виду и не зналъ, что съ нимъ до тѣхъ поръ, пока имя его не стало извѣстнымъ въ печатномъ мірѣ. Слыша и читая о его педагогической дѣятельности, я радовался его успѣхамъ и по истинѣ гордился такимъ товарищемъ. Зналъ я и о томъ, что онъ женился счастливо и что по временамъ онъ пріѣзжалъ лѣтомъ въ родное имѣніе своей жены въ деревню Богданку (Дорошенковъ хуторъ тожъ), въ 15 верстахъ отъ Новгородсѣверска, за Десной; но мнѣ не приходилось въ то время бывать на родинѣ и я ни разу не видался съ нимъ до самой его смерти.

Подробности случившейся въ его семьѣ катастрофы переданы мнѣ въ слѣдующемъ видѣ. Жена его съ дѣтьми пріѣхала на хуторъ въ началѣ каникулъ. Старшій сынъ Павелъ, вырвавшійся на волю послѣ окончанія военной гимназіи, съ увлеченіемъ предался сельскимъ удовольствіямъ—охотѣ, катанью на лодкѣ и т. п. У него было собственное ружье, заряжавшееся съ казенной части, купленное за границей и револьверъ. Однажды пріѣхали въ Богданку знакомые сверстники дѣтей, и погостивши нѣсколько дней на хуторѣ, всѣ вмѣстѣ отправились на линейкѣ въ м. Воронежъ. Паша навѣсилъ на себя всѣ свои охотничьи принадлежности: сумку, пистонницу, револьверъ и ружье. Подъѣзжая къ Воронежу, онъ соскочилъ зачѣмъ то съ линейки—сумка ударилась объ револьверъ, отчего послѣдовалъ выстрѣлъ, пуля попала въ бокъ, пошла вверхъ и засѣла въ плечѣ. Дали знать несчастной матери, которая и привезла едва живаго сына въ Богданку. Чрезъ нѣсколько часовъ его не стало. На другой день въ полдень его похоронили, а ввечеру пріѣхалъ отецъ. Поздоровавшись съ семействомъ, онъ спросилъ о Пашѣ, ему сказали, что онъ спитъ во флигелѣ, утомившись на охотѣ. На другой день К. Д. всталъ, по обыкновенію, очень рано и вышелъ на балконъ, съ тѣмъ, чтобы идти во флигель, по пути отъ прислуги узналъ о случившемся и упалъ въ обморокъ...

Въ это самое время мнѣ случилось быть на родинѣ. Еще въ городѣ я узналъ, что К. Д. пріѣхалъ въ свою деревню.

Ну, слава Богу! наконецъ то мы увидимся ровно через 30 лѣтъ. Если

для друга, по пословицѣ, семь верстъ не околица, то не заѣхать къ товарищу, когда почтовая дорога проходитъ мимо воротъ его дома было бы непростительно неловко. И что же? Пріѣзжаю на богдановскую станцію и узнаю, что два дня тому назадъ случилась печальная катастрофа.

Хорошо или дурно я поступилъ, но я не имѣлъ духу заѣхать къ старому пріятелю въ *такую* минуту.

Поровнявшись съ домомъ, я велѣлъ ямщику ѣхать шагомъ, видѣлъ своего дорогаго Костю въ бѣлой фуражкѣ быстро шагавшимъ по комнатѣ, понуривъ голову [1])...

Да укрѣпитъ и утѣшитъ тебя Господь! проговорилъ я почти вслухъ, а я плохой утѣшитель страждущихъ... Да и нуждались ли осиротѣвшіе люди въ чьемъ бы то ни было утѣшеніи?...

Потеря любимаго сына неблагопріятно отозвалась какъ на здоровьѣ К. Д—ча, такъ и на его душевномъ состояніи. Онъ умеръ въ томъ же 1870 году въ Одессѣ.

Тѣло его перевезено въ Кіевъ и похоронено въ Выдубицкомъ монастырѣ, подъ огромнымъ каштановымъ деревомъ, на берегу Днѣпра.

Михаилъ Семеновичъ Горяиновъ, двоюродный братъ Г—ва, отставшаго отъ насъ съ VI класса, по болѣзни,—втеченіе почти всего гимназическаго курса, начиная съ 3-го класса, удерживалъ всегда второе мѣсто послѣ своего даровитаго земляка, хотя правду сказать, онъ никогда не считался, въ кругу товарищей, звѣздою первой величины, свѣтя, такъ сказать, не собственнымъ, а заимствованнымъ свѣтомъ.

Чрезвычайно мнительный насчетъ своего здоровья, онъ вѣчно жаловался на боль въ груди, твердя одну и туже пѣсню: „Богъ меня убей, цѣлую ночь не спалъ“.

Добрѣйшая душа, славный товарищъ, любимецъ всего класса, никогда никого не оскорбившій даже словомъ.

Окончивъ харьковскій университетъ по факультету юридическому, онъ служилъ довольно долго въ Рязани въ должности члена окружнаго суда; потомъ переведенъ былъ въ Тулу, гдѣ и умеръ года три тому назадъ.

---

[1]) Домашніе слышали, какъ онъ рыдалъ при этомъ, какъ онъ кричалъ: „Паша! Паша! не можетъ быть“!.. Эти слова онъ не разъ повторялъ и впослѣдствіи.

Левушка Павловскій, репетиторъ инспекторскихъ пансіонеровъ и потому обязанный подавать собой примѣръ благонравія, прилежанія и образцовой аккуратности. Вѣчно остриженный подъ гребенку, по образу и по подобію самого инспектора, который, обходя классы, чтобы не мѣшать преподавателю, часто дѣлалъ замѣчанія одними жестами, напр. если нужно было напомнить ученику, что ему пора остричься, онъ показывалъ только на свою голову, дѣйствительно въ семъ отношеніи образцовую. Левушкѣ дали прозвище „товкачъ", потому что онъ постоянно товкся, т. е. суетился, а при выдачѣ урока моталъ головой. Онъ былъ мало даровитъ и потому работалъ до одуренія. Хотя по занимаемому имъ положенію въ домѣ инспектора, онъ имѣлъ полную возможность пакостить товарищамъ, но при самомъ тщательномъ изслѣдованіи его дѣйствій, не замѣчено ничего, что бы изобличало въ немъ инспекторскаго наушника. Другой на мѣстѣ Левушки не выдержалъ бы и поддался искушенію, а онъ устоялъ, и за это мы его любили, хотя и не могли удержаться отъ смѣху при его эксцентрическихъ выходкахъ.

Сидитъ онъ бывало обыкновенно на первой скамьѣ, съ краю, какъ струна, готовый ежеминутно вскочить съ мѣста, стремительно, въ одинъ пріемъ, словно подтолкнутый снизу пружиной; вперитъ глаза въ учителя, какъ бы желая вскочить ему въ ротъ и будучи спрошенъ, не говоритъ обыкновенно спокойнымъ тономъ, а кричитъ во всю мочь, мотаясь во всѣ стороны и топчась ногами, то сбиваясь и путаясь, то поправляясь, какъ будто боясь, чтобы не остановили его на половинѣ отвѣта. Отъ такой торопливости и самые отвѣты Левушки выходили не такъ удачны, какъ бы слѣдовало ожидать отъ ученика съ безпримѣрнымъ прилежаніемъ. Онъ вѣчно недоволенъ собой и приходилъ въ отчаяніе отъ своихъ неудачъ.

Разъ, помню, задана была на урокъ первая элегія Овидія. Мы должны были не только сами перевесть ее, но и выучить наизустъ первые 25 стиховъ по скансіи. (У насъ проходилась латинская просодія, какъ отдѣльный предметъ, весьма подробно; это былъ конекъ нашего маэстро вокальной музыки О. А. Самчевскаго).

Спросивши нѣсколько человѣкъ и уткнувшись въ книгу, учитель занялся пріисканіемъ новой элегіи для перевода. Но Левушка, которому, во что бы то ни стало, хотѣлось блеснуть искусствомъ про-

износить латинскіе пентаметры, какъ то больше обыкновеннаго вытягивалъ впередъ шею, смотря на учителя. Настала продолжительная пауза. Вдругъ Лаврененко, превосходно подражавшій голосу каждаго преподавателя, произнесъ фамилію Левушки, а тотъ, какъ сорвавшійся съ цѣпи, вскочилъ и пошелъ валять:

Quum subit illius tristissimae nactis imago,
Quae mihi supremum tempus in urbe fuit..

Отъ такой неожиданности Осипъ Акимовичъ вздрогнулъ, а гомерическій смѣхъ всего класса заглушилъ образцовую декламацію одураченнаго Левушки.

Считая себя великимъ математикомъ, Павловскій поступилъ въ харьковскій университетъ на математическій факультетъ, но и тамъ ничѣмъ особеннымъ не заявилъ своей спеціальности. Умеръ онъ давно, еще въ молодыхъ лѣтахъ.

Лучшимъ знатокомъ латыни считался у насъ *Иванъ Дворецкій*, переводившій еще въ VI классѣ á livre ouvert труднѣйшіе и длиннѣйшіе періоды рѣчей Цицерона, за то и его самого прозвали Цицерономъ. Куда дѣвался этотъ даровитый черненькій человѣчекъ, рѣшительно неизвѣстно. А жаль, если судьба забросила его въ неприглядную глушь уѣзднаго городишки, обрекши на служеніе Ѳемидѣ, такой же слѣпорожденной богинѣ, какъ и сама она, эта судьба, раздающая жребіи злополучнымъ смертнымъ зря, безъ разбору...

Замѣчательно, что нашъ маленькій *Cicero*, приводившій въ восторгъ директора Илью Ѳедоровича своими отчетливыми переводами труднѣйшихъ авторовъ, знавшій порядочно новѣйшіе языки, словесность [1]), исторію — изъ рукъ вонъ плохъ былъ по маѳематикѣ, какъ онъ самъ называлъ эту недостижимую для него науку. Онъ не въ состояніи былъ рѣшить самой простой ариѳметической задачи, а объ алгебрѣ и аналитической геометріи и говорить нечего. Только благодаря заступничеству другихъ преподавателей и самого директора, Бенче не препятствовалъ его переходу изъ одного класса въ другой. Такъ онъ и гимназію окончилъ, оставшись круглымъ невѣждой въ „маѳематикѣ“.

---

[1]) Обладая необыкновенною памятью, онъ зналъ наизусть всего „Евгенія Онѣгина“ Пушкина.

Вася Глотовъ, широкая русская натура, чрезвычайно способный малый, но вспыльчивый до бѣшенства. Артистическихъ талантовъ своего брата Семена онъ не имѣлъ, чувствуя больше призванія къ реальнымъ наукамъ. Василій Глотовъ слылъ у насъ первѣйшимъ физикомъ и Матвѣй Албертовичъ былъ отъ него всегда въ восторгѣ.

Не отвергая въ человѣкѣ наслѣдственныхъ качествъ, я тѣмъ не менѣе допускаю, что раціональное воспитаніе многое можетъ въ молодой душѣ исправить и направить къ лучшему, привить, такъ сказать, привычку дѣлать одно хорошее и удаляться отъ худого.

Тутъ не послѣднюю роль играетъ окружающая мальчика среда-примѣръ старшихъ. Вася, съ самаго ранняго дѣтства, былъ лишенъ такихъ благопріятныхъ условій: вся фамилія Глотовыхъ была заражена наслѣдственнымъ порокомъ пьянства, не исключая и самихъ женщинъ [1]). Изъ роднаго дома онъ на бѣду свою попалъ на квартиру къ гарнизонному капитану Головкевичу, выслужившемуся изъ кантонистовъ бурбону. Капитанша была какъ разъ подъ пару капитану, не уступая ему ни въ чемъ — ни въ невѣжествѣ, ни въ казарменныхъ замашкахъ. За болѣзнію мужа, она часто не хуже его расправлялась фухтелями съ гарнизонною крупой—первѣйшими въ городѣ ворами и пьяницами; а ругалась едва ли даже не лучше своего супруга. Ее, какъ огня, боялось все населеніе „Шопы": бублейницы и перепечайки, какъ извѣстно, никому неуступающія пальмы первенства въ искусствѣ браниться. Дѣтей у Головкевичей не было.

Спрашивается, какое нравственное вліяніе могла имѣть на своихъ квартирантовъ подобная чета? А между тѣми квартира Головкевичей считалась въ числѣ лучшихъ, каковы же должны были быть худшія?

По части „піитики" 16-лѣтній Вася не уступалъ записнымъ пропойцамъ, а въ дебоширствѣ во хмѣлю не имѣлъ себѣ равнаго. За образецъ для подраженія, онъ взялъ поэта Полежаева. Поэму его, „Сашка", прославляющую дебоши московскихъ студентовъ, онъ зналъ наизусть и при всякомъ удобномъ случаѣ цитировалъ изъ нея куплеты. Товарищи постоянно слѣдили за Васей, предохраняя его отъ уличныхъ скандаловъ. Каждый изъ насъ, узнавши, что Васька

---

[1]) О родномъ дядѣ его профессорѣ Гриневичѣ будетъ сказано ниже.

закутилъ, обязанъ былъ немедленно дать знать сосѣднимъ товарищамъ, которые должны были спѣшить туда, гдѣ находился буянъ, брали его подъ руки, какъ архіерея, и отводили на квартиру, потомъ, приставивши къ нему надежную стражу, расходились по домамъ. Улизнувши же отъ наблюденія товарищей, онъ непремѣнно натворитъ безобразій и проснется въ карцерѣ.

Благодаря гуманной снисходительности къ человѣческимъ слабостямъ Герасима Ивановича, Глотовъ окончилъ курсъ съ аттестатомъ и отправился въ Москву къ брату Сенѣ, но, сдѣлавшись студентомъ, не только не исправился, но повелъ себя въ столицѣ еще хуже, такъ что ему скоро приказано было оставить университетъ. Въ 1841 году, вмѣстѣ съ братомъ, прибыли они въ Кіевъ, но ихъ въ студенты не приняли, благодаря волчьему билету, выданному имъ изъ московскаго университета. Старшій братъ Семенъ сдѣлался въ концѣ концовъ отъявленнымъ жуликомъ не уступая ни въ чемъ московскимъ. Многіе простяки студенты какъ въ Москвѣ, такъ и въ Кіевѣ, дорого поплатились за свою дружбу съ нимъ: у одного онъ выманилъ часы, у другого енотовую шубу, у третьяго и десятаго деньги. Года черезъ два пронесся слухъ, что Васинъ братъ умре, а Вася отправился на родину въ деревню.

Ѳедотичъ К—ко, сынъ вольноотпущенника князей Голицыныхъ, славился необыкновенно изящнымъ почеркомъ, характера былъ необщительнаго и скрытнаго, чему отчасти способствовало его плебейское происхожденіе, которымъ постоянно корилъ его нашъ доморощенный педагогъ Герасимъ Ивановичъ. Отецъ Ѳедотича, по знакомству, помѣстилъ его на квартирѣ у купца Волоха, который за одно съ своею супругой, пилъ безъ просыпу. Находясь въ сообществѣ такой безобразной четы, К—ко пріучился потягивать разныя настойки, да такъ втянулся, что мы, приходя навѣстить мнимо больнаго коллегу, находили у него подъ кроватью бутылки съ водкой. Кое какъ ему удалось кончить гимназію и поступить въ московскій университетъ, а потомъ на службу въ городскую думу, гдѣ, какъ видно, можно было во время оно служить не только не думая, но даже не чувствуя собственной головы на плечахъ.

Первый баритонъ нашего гимназическаго хора *Гриша Шабловскій*, физически развитой не по лѣтамъ, достигшій уже въ

V классѣ значительной тучности, унаслѣдованной имъ отъ своего родителя, городскаго головы Петра Петровича. Гуляка и дебоширъ, которому прощалось все ради его баса, Гриша былъ однимъ изъ аборигеновъ гимназіи, уцѣлѣвшій отъ чистилища и дошедшій до VII класса, а потому и отличавшійся грубостію первобытнаго человѣка. Окончивъ курсъ въ харьковскомъ университетѣ юристомъ, онъ, говорятъ, дослужился до степеней извѣстныхъ и благопріобрѣлъ порядочное состояніе.

Другой гуляка изъ нашего выпуска—вѣчный студентъ лицея кн. Безбородка въ Нѣжинѣ, *Егоръ Ш—ко*, сынъ богатой помѣщицы мѣстечка Воронежа, глуховскаго уѣзда. Во время пребыванія своего въ гимназіи, онъ, ради протекціи, постоянно жилъ у наставниковъ, которые, получая отъ матери приличные куши, втеченіе семи лѣтъ, ничему путному его не научили. Ни разу въ жизни своей Ш—ко не выучилъ ни одного урока, былъ большой ходокъ по части всевозможныхъ дебошей, безнаказанно отливалъ пули учителямъ, особенно французу и Шатѣ, велъ безпрерывную прю съ инспекторомъ и не терпѣлъ никакихъ серьезныхъ бесѣдъ. Любитель крѣпкаго словца, онъ не стѣснялся ничьимъ присутствіемъ: даже въ обществѣ мамаши и сестры институтки онъ часто, забывшись, по привычкѣ употреблялъ непечатныя слова. Просидѣвъ два года въ 7 классѣ и не получивъ аттестата, поступилъ въ лицей кн. Безбородка. Въ Нѣжинѣ до сихъ поръ свѣжо преданіе о его похожденіяхъ. Пробывъ болѣе 6 лѣтъвъ лицеѣ и не окончивъ его, Ш—ко поступилъ въ гусары, но и тамъ, кажется, ничего не выслужилъ. Наконецъ,умаявшись, поселился въ наслѣдственномъ домѣ и закутилъ по вольности дворянства...

Микола Русскій, уроженецъ г. Трубчевска, единственный между нами москаль (такъ называютъ въ Малороссіи всякаго захожаго великоросса), былъ предметомъ всегдашнихъ шутокъ и остротъ со стороны товарищей. Несмотря на то, что онъ былъ только одинъ между нами, хохлами, казалось, долженъ бы былъ стушеваться и ассимилироваться, уступивъ кое что изъ своей національности, москаль нашъ остался вѣренъ до конца своему орловскому типу. Обладая значительной физикой и чисторусской отвагой, онъ отвѣчалъ на шутки и поддразниванья потасовкой, употребляя некрасивыя словца изъ своего трубчевскаго жаргона.

Какъ вообще всѣ наши великорусскіе народные богатыри, нашъ Микола интеллектуальными способностями не отличался, какъ будто въ пику латынянамъ, что in corpore sano mens sana., но прилежанія былъ примѣрнаго. Это былъ порядочный зубрило, вѣчно завидовавшій успѣхамъ товарищей и никому не прощавшій первенства.

Особенно часто надоѣдалъ Русскому *Гриша Лаврененко*. Если, напр., принесетъ кто нибудь въ классъ цѣнную вещь и станетъ хвалиться ею предъ товарищами, то онъ выразительнымъ жестомъ покажетъ, что при москалѣ не слѣдуетъ хвалиться своимъ добромъ, потому, извѣстно „за цыбульку зарижe". А то вдругъ разскажетъ какой нибудь анекдотъ про кацаповъ: „Батя!—Чаго, мой сынъ?—Срѣжь хохла!—Для ча тѣ, мой сынъ?—Посмотрю, какъ онъ будетъ кувыркатьси.

Алеша Разночинецъ, юноша съ виду смирный, но приведенный въ ярость, свирѣпый какъ разъяренный буйволъ. А ничѣмъ его нельзя было такъ разсердить, какъ назвавъ разночинцемъ. Онъ часто мстилъ за подобное оскорбленіе, такъ что, еслибъ не вступались товарищи, то простая потасовка могла бы кончиться увѣчьемъ обидчика. Между тѣмъ какъ въ обыкновенномъ нормальномъ состояніи Алешка былъ довольно пріятнымъ собесѣдникомъ. Я часто навѣщалъ его, особенно тогда, когда онъ квартировалъ у воздвиженскаго дьячка—на Джагани. Съ хозяевами онъ жилъ дружно... до первой лишь ссоры или лучше сказать, драки, потому что ссора у нашего разночинца безъ драки была немыслима: послѣдняя вытекала изъ первой, какъ слѣдствіе изъ причины, а обѣ вмѣстѣ и ссора и драка имѣли одну общую, всегдашнюю причину—разночинца.

Интересно было бы знать, какой характеръ выработался изъ этого неукротимаго нрава. Такіе люди чаще другихъ попадаютъ въ такъ называемыя непріятныя исторіи какъ въ частной жизни, такъ и на служебномъ поприщѣ и исчезаютъ потомъ безслѣдно.

П. К. Лазаревичъ поступилъ къ намъ, кажется, въ V классъ изъ какого то петербургскаго корпуса въ 1837 году. Это былъ весьма развитой и благовоспитанный юноша, котораго мы почему то съ перваго же дня своего знакомства съ нимъ, стали величать не по фамиліи, а по имени—отчеству Павломъ Кириловичемъ. Изъ столицы онъ привезъ съ собой, между другими литературными произ-

веденіями, „Ревизора“ Гоголя въ рукописи и мастерски читалъ намъ эту комедію. „Ревизоръ“ былъ для насъ животрепещущей новостью и чтеніе его произвело на насъ сильное впечатлѣніе, на зло современнымъ журнальнымъ зоиламъ и нашимъ доморощеннымъ эстетикамъ. Павелъ Кирилловичъ видѣлъ эту комедію на столичной сценѣ и превосходно подражалъ дикціи актеровъ, сообщая намъ при томъ любопытныя подробности объ устройствѣ театра, о которомъ мы, пробавляясь вертепомъ, не имѣли ни малѣйшаго понятія.

Новый нашъ коллега—натура деликатная и впечатлительная, а слѣдовательно и влюбчивая,—скоро, по прибытіи въ провинцію, воспылалъ непреоборимою страстію къ нѣкоей Катенькѣ Бѣловой, дочери мѣстнаго плутократа. Отецъ ея, бывшій крѣпостной богача Демидова, повѣренный по дѣламъ иностранныхъ конторъ его, прошелъ огонь и воду и мѣдныя трубы и наконецъ, наживши большой капиталъ, поселился въ Новгородъ-Сѣверскѣ. За долголѣтнюю свою службу онъ получилъ отъ своего патрона позволеніе построить для себя домъ, на его, Демидова, счетъ, какой ему, Бѣлову, будетъ угодно. Вольноотпущенникъ застроилъ почти всю Казацкую улицу и развелъ садъ, въ нѣсколько десятинъ, въ англійскомъ вкусѣ. Поселившись въ самомъ большемъ изъ построенныхъ домовъ, онъ перевезъ туда прежде всего огромной величины желѣзный сундукъ, со многими секретными запорами, привинтилъ его извнутри къ полу, вложилъ туда всѣ свои сокровища и сталъ раздавать деньги за жидовскіе проценты, подъ залогъ недвижимой собственности, своимъ новымъ согражданамъ—и закабалилъ полгорода. Кромѣ Катеньки, у Бѣлова было еще трое дѣтей: старшая дочь, вышедшая замужъ за Бардоша, котораго нашъ нѣмецъ Штранге называлъ въ шутку der kriwische Barder (по причинѣ его хромоты), и два сына, изъ коихъ младшій, горбунчикъ, обладалъ геніальными способностями, развитой не по лѣтамъ. Онъ мнѣ напоминаетъ собой малютку Павла Домби, сына такого же безсердечнаго богача, какимъ былъ и его отецъ. Хилое и слабое тѣло не выдержало непомѣрнаго развитія духовныхъ силъ и маленькій Бѣловъ безвременно сошелъ въ могилу, дошедши только до V класса. Отецъ не то, чтобы страстно любилъ его, но гордился имъ и возлагалъ на него блестящія надежды въ будущемъ и тѣмъ сильнѣе восчувствовалъ свою утрату, что другой

сынъ былъ совершенный идіотъ, а впослѣдствіи пьяница и бродяга, не разъ сидѣвшій въ острогѣ. Смерть младшаго сына подѣйствовала на нашего банкира убійственно: съ горя онъ страшно распился.

Similis similem gaudet, говоритъ латинская поговорка. Сограждане мои восчувствовали къ богачу тѣмъ вящщее благоговѣніе, чѣмъ болѣе усиливался въ немъ этотъ порокъ. Всѣ стали раболѣпно кланяться желѣзному сундуку и превозносить до небесъ добродѣтели его обладателя.—„Все куплю!—сказало злато“.—И года черезъ два Бѣлова выбрали головою. Три дня и три ночи новый голова поилъ своихъ избирателей, подавая имъ примѣръ собственной персоной. Этимъ онъ снискалъ въ городѣ большую популярность. У него постоянно сидѣли гости—охотники до хорошей закуски и добраго вина. Шли къ нему въ домъ, какъ въ гостинницу. Угощая такимъ образомъ не только пролетаріевъ-чиновниковъ, но почти всю городскую интеллигенцію, не исключая и нашихъ педагоговъ, хозяинъ относился къ своимъ гостямъ невѣжливо и былъ съ ними на распашку, мстя имъ за выпитое вино грубостями и даже бранью. Жена его была безличное существо и уже давно числилась въ отставкѣ, передавъ свои супружескія обязанности другимъ.

Къ такому то семейству принадлежалъ идеалъ нашего поэта Павла Кирилловича. Катенька, дѣвица невысокаго росту, живая, бойкая и далеко не красавица, впрочемъ неглупая, хотя и съ весьма поверхностнымъ воспитаніемъ. Къ этимъ невысокой пробы качествамъ развѣ можно прибавить еще одно, которымъ она обладала въ совершенствѣ—это кокетство. Увлекши юношу-гимназиста, она, конечно, не видѣла въ немъ подходящей партіи, но ухватилась за него обѣими руками потому, что онъ въ своихъ стихотвореніяхъ сравнивалъ ея красоту со всевозможными божествами греческой миѳологіи, тѣмъ болѣе, что это нисколько не мѣшало ей кокетничать съ офицерами дивизіоннаго штаба, квартировавшаго въ одномъ изъ домовъ ея родителя.

Жестокая Катенька! ты не оцѣнила по достоинству божественнаго пламени любви, охватившаго душу Павла Кирилловича; ты равнодушно принимала отъ него эти милые акростихи, вмѣстѣ съ бонбоньерками; ты подсмѣивалась исподтишка надъ тремя звѣздочками, свѣтившими яркимъ свѣтомъ въ заглавіи любовныхъ посла-

ній, которыя лились неудержимымъ потокомъ изъ подъ пера непонятаго тобой пѣвца. И, быть можетъ, не разъ (какое низкое коварство!) твое бездушное кокетство доводило тебя до святотатственнаго поруганія и преступнаго глумленія, въ обществѣ дивизіоннаго адъютанта, надъ этимъ вдохновеннымъ лепетомъ сердца, которое билось такъ долго, такъ мучительно, тобой, одной тобой!...

Бѣдный пѣвецъ! Сколько онъ исписалъ бумаги и потратилъ золотаго времени, воспѣвая твои русыя кудри и твои иззелена-голубые глаза, и твои розовыя губки, и даже ямочки на щекахъ! И во время уроковъ въ классѣ, среди шумнаго общества товарищей, и дома въ ночной тиши—онъ неустанно бряцалъ на своей лирѣ, не подозрѣвая того, что ты готовишь ему сюрпризъ—свадьбу съ отставнымъ маіоромъ. Бѣдный пѣвецъ!

Однажды ночью прибѣгаетъ ко мнѣ человѣкъ съ запиской отъ П. К—ча. „Спѣши ко мнѣ, писалъ онъ, а не то, застрѣлюсь". Прихожу, а мой поэтъ ревмя реветъ. Все, говоритъ, кончено: она измѣнила! Я не переживу этого удара. — Ces sont des poustiaki! любезный другъ, утѣшалъ я его словами Ивана Михайловича: плюнь ты, братецъ, на это на все! А если жаль тебѣ твоихъ незрѣлыхъ твореній, то пошли къ ней Гришу и потребуй ихъ назадъ: онѣ пригодятся тебѣ еще не разъ въ жизни. Да и очень кстати: тамъ у тебя такіе стихи, что ко всякой женщинѣ придутся—къ NN, къ *** и т. п. А если ты, мой милый поэтъ, бросишь въ огонь всю эту (извини меня) романтическую чепуху, то еще лучше сдѣлаешь: влюбишься въ другую, еще больше, еще лучше напишешь. Чѣмъ тебѣ стрѣляться, не лучше ли послать къ Цапеницкому за бутылочкой французскаго: благо завтра воскресенье—можно и покалякать, хоть до свѣту".

За бутылкой мой поэтъ повеселѣлъ и сознался, что пистолетъ не заряженъ вовсе, по очень простой причинѣ—пороху не было.

Черезъ двѣ недѣли послѣ этого вечера Павелъ Кирилловичъ лихо отплясывалъ на свадебномъ балѣ своего низверженнаго кумира, не уступая ни въ вальсѣ, ни въ мазуркѣ даже дивизіонному адъютанту Церпицкому, знаменитому танцору и сердцеѣду.

Спустя ни больше, ни меньше, какъ 35 лѣтъ послѣ описаннаго мною романа, на кіево-курской желѣзной дорогѣ мнѣ случилось си-

дѣть въ вагонѣ II класса съ одной беззубой, но чрезвычайно живой и вертлявой старушкой. Поразговорившись съ нею я, къ величайшему моему удивленію, узналъ въ ней—

Предметъ и мыслей и пера
Et caetera, et caetera—

Катеньку Бѣлову. Пожуировавши на своемъ вѣку вволюшку при жизни стараго маіора, выдавъ дочь замужъ за студента и женивши сына студента на гимназисткѣ, она сама женила на себѣ 25-лѣтняго чиновника, отписавъ ему все свое имущество, ко вреду собственныхъ дѣтей, у которыхъ тоже есть дѣти. Вотъ къ чему сводятся, вотъ на что переводятся идеалы нашей неразумной юности!...

Для ознакомленія читателя съ особенностями піитическаго дарованія Павла Кирилловича, я бы могъ привесть нѣсколько стихотвореній; но онѣ всѣ такъ похожи одно на другое, такъ безцвѣтны, что едва ли кого нибудь могли бы заинтересовать. Тутъ есть все, чѣмъ отличались мелкія лирическія стихотворенія тогдашняго времени, надъ которыми истощалъ свое остроуміе баронъ Брамбеусъ: тутъ и дѣва, и луна, и мечта... Теперь такихъ стихотвореній не пишутъ.

Изъ напечатанныхъ стиховъ нашего лирика мнѣ извѣстно лишь одно „Марій на развалинахъ Карѳагена". Оно начинается такъ:

Кто тамъ, на развалинахъ пышнаго града,
Главою поникши, въ раздумьи сидитъ?
Лицо его мрачно и съ перваго взгляда
Слезу состраданья въ душѣ пробудитъ...

Моя „портретная галлерея" была бы не полна, если бы я не помѣстилъ въ ней еще двѣ личности, которыя, не увлекаясь, подобно прочимъ, ни педагогіей, ни поэзіей, ни даже кутежами, не ломая головы надъ тѣмъ, какой избрать родъ дѣятельности, сообразно своимъ способностямъ, чтобы принесть обществу большую долю пользы, прямо съ университетской скамьи задались эгоистическою цѣлію, не разбирая средствъ, достигнуть личнаго благосостоянія.

Павелъ Ивановичъ К—ій—юноша видный, довольно красивый, что называется кровь съ молокомъ, но до приторности сладкорѣчивый маменькинъ сынокъ, чрезмѣрно занятый собой и

вѣчно препиравшійся съ инспекторомъ за волосы и цвѣтные галстухи. Кокетливо выступая изъ за скамьи и сладко улыбаясь, онъ отвѣчалъ учителю урокъ. М. Г. Ерофѣевъ, никому не прощавшій пошлости и пустоты, не могъ равнодушно взглянуть на него безъ того, чтобы не сдѣлать презрительной гримасы. Но сарказмы уважаемаго наставника мало дѣйствовали на нашего франта. Разъ, встрѣтивши его на улицѣ въ какомъ то вычурнаго покроя архалукѣ, въ гарусной фескѣ съ кисточкой, Михаилъ Гавриловичъ на другой же день, передъ цѣлымъ классомъ, сталъ Пашеньку пудрить, представивъ въ комическомъ видѣ его костюмъ, походку, манеры. Никогда не докладывая инспектору о замѣченныхъ имъ за ученикомъ проказахъ, Ерофѣевъ всегда самъ расправлялся съ нимъ орудіемъ насмѣшки, чего мы боялись во сто кратъ больше, чѣмъ инспекторскихъ выговоровъ и даже карцера. Пашенька былъ влюбленъ въ дочь почтмейстера, своего хозяина, пробовалъ даже писать стихи и завелъ альбомъ съ сладенькими акростихами и четверостишіями, въ число коихъ и я внесъ свои ямбы, во вкусѣ овидіевыхъ плачей. Когда предметъ его страсти былъ увлеченъ подъ вѣнецъ армейскимъ поручикомъ, Пашенька, въ порывѣ отчаянія, чуть было не вызвалъ похитителя на дуэль, которая не состоялась лишь по весьма простой причинѣ, по неимѣнію пистолета. Но онъ, подобно Павлу Кирилловичу, скоро утѣшился и много танцовалъ на свадьбѣ измѣнницы, хохоча до неприличія надъ всякою неловкостію пѣхотныхъ офицеровъ, которые чуть было не поколотили его, обозвавъ мальчишкой—школьникомъ.

Едва ли мой красавецъ Пашенька не единственный изъ нашего курса юноша, избравшій благую часть празднаго сибарита—помѣщика. Окончивъ, съ грѣхомъ пополамъ, харьковскій университетъ, Павелъ Ивановичъ поступилъ куда то на службу, хотя, какъ единственный сынъ и наслѣдникъ дражайшихъ родителей, имѣвшихъ изрядное состояніе въ г. Сосницѣ, онъ былъ достаточно обезпеченъ и слѣдовательно могъ и не разсчитывать на служебную карьеру и сопряженные съ ней труды и непріятности. Такъ онъ и поступилъ, избравъ кратчайшій путь къ благополучію—выгодную женитьбу. Для этого онъ имѣлъ всѣ нужные шансы: одно то, что видный изъ себя мужчина, съ очаровательными манерами, на пріобрѣтеніе которыхъ, безъ сомнѣнія, потрачено было больше времени, чѣмъ на пріобрѣтеніе

познаній, другое то, что столбовой дворянинъ, сынъ суворовскаго сподвижника, третье, наконецъ, то, что все таки человѣкъ университетскаго образованія. Задавшись такой нетрудной жизненной задачей и разсчитывая предварительно на эффектъ, долженствовавшій поразить воображеніе обладательницы крѣпостныхъ душъ и достаточнаго количества десятинъ, тезка Павла Ивановича Чичикова составилъ планъ аттаки и повелъ ее по всѣмъ правиламъ новѣйшей стратегіи, отступивъ на сей разъ отъ суворовской тактики отца, заключавшейся, какъ извѣстно, въ трехъ словахъ: натискъ, быстрота, глазомѣръ. Ухаживанье его, какъ и слѣдовало ожидать, увѣнчалось полнымъ успѣхомъ. Пашенька оставилъ службу, зажилъ бариномъ, уты, утолстѣ и забы Бога. Какъ „пріобрѣтатель", онъ превзошелъ свой прототипъ Чичикова: тотъ пріобрѣталъ души мертвыя, которыя „выѣденнаго яйца не стоютъ", а Пашенька благопріобрѣлъ не фиктивныя земли „въ херсонской губерніи", а дѣйствительно существующія въ сосницкомъ уѣздѣ черниговской губерніи и стоющія сотню тысячъ, съ тысячными доходами.

Когда лѣтъ черезъ 20 мнѣ пришлось встрѣтиться съ очаровательнымъ Пашенькой въ Кіевѣ, уже послѣ „эмансипаціи", признаюсь, за человѣка стало страшно: забывъ прирожденное благоприличіе и сладкорѣчивость, онъ, съ пѣной у рта, сталъ проповѣдовать такія гадости, которыя были бы въ пору самому жестокосердому американскому плантатору. Сопоставивъ помѣщика Пашеньку съ тѣмъ сахарнымъ романтикомъ, какимъ я его зналъ гимназистомъ и студентомъ, невольно подумаешь, вмѣстѣ съ Гоголемъ: „неужели такъ можетъ измѣниться человѣкъ? Прежній пламенный юноша отскочилъ бы съ ужасомъ, если бы показать ему его теперешній портретъ". Впрочемъ, еще на школьной скамьѣ я подмѣчалъ фальшь въ этомъ характерѣ. Я всегда недовѣрчиво относился къ его изліяніямъ, къ его рыцарскому благородству и честности, которыми онъ такъ любилъ драпироваться въ юности. Не вѣрилъ я ни его душевнымъ страданіямъ, ни его разочарованіи. И откуда могло взяться недовольство жизнію у этого баловня фортуны, у этого обожаемаго маменькина сынка, незнакомаго съ настоящимъ горемъ, съ дѣйствительною нуждой?—думалъ я тогда, слушая его жалобы на судьбу. Что она сдѣлала ему эта судьба и за что ему проклинать ее?

„По рукоять ножа возненавидѣло меня счастіе (писалъ онъ изъ Харькова въ 1840 году). Со дня послѣдняго нашего свиданія въ Сосницѣ, начинается рядъ неудачъ, идущихъ въ возрастающей прогрессіи и почти сокрушившихъ и душу мою, и тѣло. Ненавистный клинъ судьбы далѣе и далѣе раскалываетъ мое сердце. Каждый злобный ударъ вырываетъ изъ моей груди призывъ чувствительной души, души, которая бы усладила мои горькія обстоятельства. Но гдѣ я ее найду? Пуще божьяго гнѣва опротивѣлъ мнѣ весь Харьковъ. Одинъ только Миша Горяиновъ отъ чистаго сердца жметъ мою руку. На зарѣ юности слились наши сердца призывомъ дружества и развѣ вѣчность расплететъ ихъ. Но и здѣсь проклятыя обстоятельства рвутъ листки изъ бальзамической вѣтви, такъ тѣсно соединившей насъ. Ахъ, я помню, мой милый, какъ мы съ тобой когда то мечтали. Какъ оживотворялъ ты меня, когда я падалъ духомъ, когда *бѣсъ*, этотъ проклятый *аспидъ* (дочь почтмейстера), высосавшій благороднѣйшія капли моего существа, влагалъ въ мое сердце отчаяніе... Неужели ты забылъ?“

Что жъ тамъ случилось? Вправѣ спросить каждый, прочитавъ эти раздирательныя жалобы на судьбу. Ровно ничего—все обстояло благополучно. Родители аккуратнѣйшимъ манеромъ высылали деньги, чтобы Пашенька ни въ чемъ не терпѣлъ ни малѣйшей нужды. онъ всегда былъ прилично одѣтъ, согрѣтъ и накормленъ, не то что мы, горемычные, ходившіе подчасъ въ университетъ на собственной подошвѣ и обѣдавшіе сухой булкой, вмѣсто борщу и жаркого.

„Съ самыхъ, братъ, пеленокъ мнѣ не лучше, продолжаетъ Пашенька, вотъ теперь я думалъ: сокроюсь подъ щитомъ Минервы, украду изъ подъ ея волшебной ножки транспонтиръ и вымѣряю уголъ счастія“ и проч. и проч. все въ томъ же родѣ à la Марлинскій.

Или вотъ еще образщикъ слога, какимъ старались писать въ наше время юноши, воспитанные на повѣстяхъ того же автора: „Благодарю тебя, что твое сердце принимало участіе въ моихъ обстоятельствахъ. Скажу тебѣ, что это былъ девятый валъ неудачъ, но онъ миновалъ, превративъ мою душу въ самородный алмазъ, гдѣ подъ тусклою оболочкой скрывается море сіяній. Я дитя не плаксивое, какъ прежде, но дитя—мужъ. Моя юность—одряхлѣвшая опытность—не привѣтствуетъ легкому воздуху ароматическаго края (!?) и проч.

Алешка Пролазъ, бездарнѣйшій юноша, но чрезвычайный практикъ въ житейскихъ дѣлахъ. Никогда ничего не зналъ онъ основательно, но всегда умѣлъ вывернуться и отбрехаться. Урокъ онъ отвѣчалъ всегда такъ, что трудно было рѣшить, знаетъ ли онъ что нибудь или положительно ничего не знаетъ? Случись это съ другимъ, менѣе Алешки увертливымъ ученикомъ, безъ всякаго сомнѣнія, ему поставили бы единицу, но ему всегда сходило съ рукъ благополучно. Всѣ преподаватели знали, что Алешка пороху не выдумаетъ, ну и помирились съ мыслію, что онъ долженъ получить переводъ въ высшій классъ. „Все же не молчитъ, думали наши педагоги, для успокоенія своей совѣсти, и съ помощью все таки кое что отвѣчаетъ, къ тому же онъ такой услужливый, вѣжливый—отчего жъ ему не сдѣлать снисхожденія?" Съ товарищами Алешка былъ въ отличныхъ отношеніяхъ, ему ни въ чемъ не было отказа: ни въ запискахъ, ни въ переводахъ. Посредственный теноръ гимназическаго хора, онъ очень много помогалъ регенту Осипу Акимовичу въ собираніи на спѣвки дискантовъ и альтовъ, за что пользовался у него, страстнаго любителя пѣнія, особеннымъ благоволеніемъ, сдѣлавшись домашнимъ человѣкомъ. Онъ успѣлъ броситься въ глаза и новому директору, на котораго мы всѣ до окончанія гимназіи смотрѣли изподлобья. У товарищей Алешка заслужилъ расположеніе, частію обязательною угодливостію, частію незавидною ролью класснаго шута, забавлявшаго насъ своими дурачествами. Такъ онъ, между прочимъ, переложилъ въ стихи оду Горація „ad Postumum":

Постумъ, Постумъ увы!
Проходятъ быстро годы.... и проч.

А французу Denis прочелъ однажды, яко бы по книгѣ, такую дребедень: „Жанъ теля пасэ, Марина льонъ тре, Илья грушъ жрэ!" А то выдумаетъ очень ужъ вольный переводъ, не зная ни одного слова и валяетъ безъ запинки, не краснѣя, во всю ивановскую, пользуясь незнаніемъ учителемъ русскаго языка, къ общей потѣхѣ всего класса.

Люди, подобные Алешкѣ Пролазу, никогда не пропадаютъ на жизненномъ пути, несмотря на все ихъ умственное убожество, даже, напротивъ, они, скорѣе даровитыхъ, достигаютъ извѣстной степени благосостоянія. Поступивъ въ харьковскій университетъ на юриди-

ческій факультетъ, Пролазъ нашъ съ перваго же года повелъ себя такъ, что его скоро отличили всѣ профессора: онъ первымъ встрѣчалъ ихъ на корридорѣ съ нижайшей просьбой одолжить ему записки или какую нибудь книгу. Мало того, онъ проникнулъ въ профессорскіе дома, втерся въ ихъ семейства и сдѣлался у нѣкоторыхъ изъ нихъ почти домашнимъ человѣкомъ.

Но никто изъ ученыхъ мужей не жаловалъ такъ Алексѣя Трофимовича, какъ профессоръ богословія: послѣ обѣдни ему высылалась просфора, какъ какому нибудь генералу. И было за что воздавать ему такія почести: во первыхъ, онъ не пропускалъ ни одного богослуженія, стоялъ всегда на лѣвомъ клиросѣ, пѣлъ съ дьячкомъ, читалъ часы, ходилъ иногда вмѣсто старосты съ кошелькомъ. Возмущенные его продѣлками товарищи рѣшились, наконецъ, дать ему урокъ. Дождавшись Лазаревой субботы, нарядились въ полную форму и отправились въ квартиру Пролаза поздравить съ днемъ ангела. Но и послѣ такого протеста со стороны студентовъ, гг. профессора не измѣнили своихъ отношеній къ Лазарю: ему дали кандидатскій дипломъ, да чуть ли еще не первымъ выпустили: „Иди молъ, любезный, въ свѣтъ, продолжай подвизаться по части лести и низкопоклонства!“

Съ окончаніемъ университета, подвиги Алешки не только не кончились, но едва начинались. Обрисовался онъ вполнѣ на должности чиновника особыхъ порученій при черниговскомъ губернаторѣ Гессе. Извѣстно, чего стоили раскольникамъ преслѣдованія ихъ, въ николаевское время, за древнее благочестіе. Въ православіе ихъ не обратили, а дали только возможность цѣлымъ сотнямъ чиновниковъ нажить капиталы. Всѣ побывавшіе въ Стародубьѣ въ должности полиціймейстера или окружного или просто наскокомъ производившіе слѣдствіе объ укрывательствѣ какого нибудь бѣглаго попа, обезпечили себя и свое потомство на многіе годы. Алешка нашъ до того сталъ знаменитъ своими безпощадными поборами, что изъ самого Питера пришло наконецъ предписаніе на имя губернатора, не посылать его ни на какое слѣдствіе въ раскольничьи слободы. Когда я видѣлся съ Алешкой въ одной изъ кіевскихъ гостинницъ, уже послѣ его отставки, то онъ, подобно Чичикову, сталъ рисоваться передо мною гонимымъ за правду, хотя мнѣ досконально было извѣстно,

что у него около сотни тысячъ капиталу, да нѣсколько сундуковъ какого бы вы думали добра?—Старинныхъ иконъ въ золотыхъ и серебряныхъ окладахъ, награбленныхъ имъ при обыскахъ домовъ и часовень. Кончились ли съ отставкой славные подвиги Пролаза, или быть можетъ онъ, подобно щедринскому Порфирію Петровичу, въ настоящую минуту гдѣ нибудь въ благословенномъ уголку Малороссіи, окруженный многочисленнымъ семействомъ, наслаждается великолѣпнымъ закатомъ солнца и слыветъ примѣрнымъ семьяниномъ и почтеннымъ человѣкомъ. „Тамъ на лонѣ природы сладко отдохнуть ему отъ треволненій житейскихъ, сладко вести бесѣду съ своею чистою совѣстью, сладко сознать, что онъ человѣкъ, казенныхъ денегъ не расточающій, свои берегущій, чужихъ не желающій". (Губернскіе очерки Щедрина).

На перепутьи.

Распростившись съ гимназіей, подъ вліяніемъ перваго впечатлѣнія, я чувствовалъ себя несказанно счастливымъ. Но такое свѣтлое настроеніе духа продолжалось недолго. Оно омрачилось внезапно налетѣвшей тучей. Что жъ будетъ дальше? задавалъ я себѣ вопросъ. Мать моя, не спрашивая о причинѣ моей грусти, чуткимъ материнскимъ сердцемъ поняла, что творилось въ душѣ моей и стала горько плакать. Гнетущая душу нужда охладила всѣ мои благородные порывы, всѣ стремленія къ свѣту. Что мнѣ дѣлать съ моимъ отличнымъ аттестатомъ, коли у меня нѣтъ никакихъ средствъ добраться даже до Кіева, не только прожить тамъ четыре года? Ни откуда и ни отъ кого я не ждалъ помощи въ своемъ безвыходномъ положеніи. Былъ у насъ недавно богатый родственникъ, къ которому покойный отецъ заставилъ меня когда то подъ свою диктовку нацарапать слезное посланіе, едва только я научился писать съ прописи. И выслалъ онъ тогда, якобы на мое ученіе 75 рубл. асс. Но этотъ, никогда мною не виданный благодѣтель, одинокій старый холостякъ, къ сожалѣнію, впалъ на старости лѣтъ въ мистицизмъ, отправился въ Іерусалимъ и тамъ, у гроба Господня, отдалъ душу Богу, а монахамъ все свое достояніе. А какъ бы пригодился теперь этотъ благодѣтель!

Была у меня богатая тетка купчиха, родная сестра моего отца, но она до того была скупа, что не хотѣла призрѣть родной матери, слѣпой 80-лѣтней старухи, которая до самой смерти жила у моей матери. Даже похоронить не пожелала на свой счетъ эта каменная женщина. Все, что было у насъ въ домѣ поцѣннѣе, находилось у ней подъ залогомъ. Когда старшая сестра выходила замужъ и ей нужно было дать кое что изъ заложенныхъ вещей въ приданое, то ни просьбы, ни слезы моей матери не тронули черствую душу этой Мегеры. Присчитавъ на занятыя деньги жидовскіе проценты, Кузькина мать объявила, что не возвратитъ изъ вещей ничего, пока ей не отдадутъ полностію всей суммы.

Къ Роману Титовичу, хотя и богатому, но дальнему родственнику, я не осмѣлился обратиться. Нѣтъ сомнѣнія, что онъ искренно желалъ мнѣ добра, преподавъ своевременно благой совѣтъ, за что я ему вѣчно останусь благодаренъ; но мой случайный доброжелатель далъ этотъ совѣтъ съ большою готовностью и даже сочувствіемъ именно потому, что онъ ему ничего не стоилъ. Всякій, „съ нашимъ удовольствіемъ". готовъ давать совѣты своему ближнему, лишь бы только тотъ не просилъ у него вещественной помощи: ибо, коль скоро рѣчь коснется до денегъ, каждый крѣпко держится за свой карманъ, и мнѣ, какъ „Крестьянину въ бѣдѣ",

Совѣтовъ тысячу надавано полезныхъ
И отъ родныхъ и отъ друзей любезныхъ,
А чуть о помощи имъ заикнешься—
То лучшій другъ
И нѣмъ и глухъ.

По поводу моего тогдашняго затруднительнаго положенія припомнилось мнѣ одно шутовское, но далеко не глупое, изрѣченіе нашего мѣстнаго пролетарія—Шеремеревича. Исключенный изъ харьковскаго университета студентъ за разные дебоши, этотъ несчастный скиталецъ избралъ постояннымъ мѣстожительствомъ Новгородъ-Сѣверскъ. Жилъ онъ на съѣзжей, вмѣстѣ съ десятскими, питался съ арестантами, зимой и лѣтомъ ходилъ въ одномъ и томъ же нанковомъ сюртукѣ съ мѣдными пуговицами, строчилъ просьбы и ябеды безграмотнымъ мѣщанамъ и жидкамъ, получалъ за труды по гривеннику и тотчасъ же пропивалъ свой заработокъ купно съ десятскими.

Въ городѣ его хорошо знали, любили и жалѣли по своему. Но Шеремеревичъ никогда не довольствовался такими невещественными знаками расположенности къ нему горожанъ и постоянно повторялъ свое любимое изреченіе: „Что касается любви и сердца, то всѣ „мое почтеніе г. Шеремеревичъ!“ Что же касается до mir gekauff (т. е. купить мнѣ водки) то всѣ они распротакіе сыны!“

Въ моемъ критическомъ положеніи нашелся еще одинъ совѣтникъ—нашъ инспекторъ Герасимъ Ивановичъ. Какъ товарищъ моего отца по ученію, онъ счелъ своимъ долгомъ оказать мнѣ свое покровительство и наставить на путь, въ онь же пойду. Призвавъ меня къ себѣ, онъ спросилъ: что́ я намѣренъ съ собой дѣлать? Я, конечно, отвѣтилъ ему, что желаю поступить въ университетъ.

— Да какъ же ты поступишь, не имѣя ровно никакихъ средствъ? Пропадешь, какъ муха. Лучше послушайся моего совѣта: иди въ учители уѣзднаго училища на готовую вакансію въ Остеръ—будешь получать жалованье и матери помогать. Правда, такъ будетъ хорошо.

Поблагодаривъ непрошеннаго благодѣтеля за его премудрый совѣтъ, я сказалъ, что подумаю, хотя, уходя отъ него, далъ себѣ слово не видѣться съ нимъ болѣе, чтобы не соблазниться его заманчивымъ предложеніемъ.

Товарищи мои, черезъ нѣсколько дней послѣ акта разъѣхались по домамъ, условившись заранѣе, кто съ кѣмъ куда отправится. Хотя до того многіе изъ насъ бредили Москвой, благодаря пышнымъ рекламамъ стараго пріятеля Сени Глотова, но пораздумавши, большая часть порѣшила ѣхать въ Харьковъ, гдѣ экзаменовали полегче, чѣмъ въ Москвѣ и Кіевѣ. Въ городѣ остался я одинъ.

Такъ иногда передъ зарею,
Туманной утренней порою,
Когда поднимется съ полей
Станица позднихъ журавлей
И съ крикомъ вдаль на югъ несется—
Пронзенный гибельнымъ свинцомъ,
Одинъ печально остается,
Повиснувъ раненымъ крыломъ. (*Пушк.*).

Въ то время, какъ я ломалъ голову надъ тѣмъ, какъ добраться до Кіева, не истощивъ своихъ капиталовъ, полученныхъ мною, въ количествѣ 50 рублей асс. за послѣднее полугодіе отъ Ивана Михай-

ловича: плыть ли мнѣ по Деснѣ рѣкѣ на плотахъ, или, по образу пѣшаго хожденія, отправиться вмѣстѣ съ богомольцами съ котомкой на плечахъ,—мною получено письмо, разрѣшившее этотъ головоломный вопросъ. Изъ остерскаго уѣзда мнѣ писалъ лѣсничій:

„Послѣднее ваше письмо, любезнѣйшій М. К—чъ, въ коемъ вы выражаете восторгъ о будущей вашей въ Кіевѣ жизни, я получилъ и душевно радуюсь, что изъ числа нашей родни хотя одинъ вы питаетесь надеждой выйти на поприще славы. Дай Богъ, чтобы сіи поселившіяся у васъ мысли не ослабѣвали, и чтобы умъ вашъ изощрялся до высшей степени генія ученаго человѣка“...

Лѣсничій, какъ видите, воспарилъ, но меня интересовало не пареніе его, а то, что слѣдовало въ письмѣ дальше:

„Не одинъ разъ мы семейно разсуждали, какимъ бы образомъ доставить вамъ случай безъ хлопотъ доѣхать къ намъ, а отсель достигнуть желаемой вами цѣли и мой Терентій съ жадностію ожидаетъ, когда ему скажутъ: „а запрягай, да поѣзжай въ Новгородокъ“! Готовьтесь же къ отъѣзду, я скоро пришлю лошадей за сыномъ Иваномъ, то вы, вмѣстѣ съ нимъ, и пріѣдете въ Сваромье“.

Ну, слава тебѣ Господи! Одно препятствіе устранено. Веселый и радостный день, слѣдовавшій за полученіемъ письма, я провелъ на лугу, исходивъ его, на прощанье, вдоль и поперекъ. Богъ знаетъ, насколько времени придется покинуть завѣтныя мѣста, привлекательнѣе которыхъ я не могъ ничего вообразить, не видѣвъ до того времени ничего лучшаго.

Не забылъ я, на прощанье, посидѣть и на „горбочку“, за троицкимъ садомъ, откуда представляется восхитительный видъ на далекое пространство и откуда можно обнять однимъ взглядомъ, à vol d'oiseaux задесенское приволье со всею его прелестью.

Въ то время, когда я, пріютившись на самомъ краю „горки“, упивался красотою мѣстоположенія, невдалекѣ отъ меня, въ березнякѣ слышалось неистовое зубреніе бурсаковъ изъ монастырскаго училища, у которыхъ тогда еще не начинались каникулы. Одинъ мальчуганъ, закинувъ голову назадъ, зажмуривъ глаза, пронзительнымъ фальцетомъ твердилъ урокъ изъ географіи: „горы, горы, горы, горы! горы идущія, горы, идущія на сѣверъ“. Другой, изъ великовозрастныхъ, топчась почти на одномъ мѣстѣ и ероша щетинистые во-

лосы, зубрилъ урокъ изъ исторіи, бубня подъ носъ себѣ: „И покорывъ народы малой Азіи, и покорывъ народы малой Азіи, народы малой Азіи!“... Бѣдные! какъ мнѣ стало жаль ихъ!

Но вотъ пріѣхалъ и Терентій на тройкѣ вороныхъ. Въ день нашего отъѣзда, на проводы собрались всѣ наши родные; пришла и тетенька, „позычивши очей у сѣрка“. Проводивъ меня за городъ до кладбища, стали прощаться, а Кузькина мать возьми да и сунь мнѣ въ руки что то завернутое въ бумажку: „Это, говоритъ, тебѣ, Михайло, на дорогу!“ Въ сверткѣ оказалось 10 гривенниковъ.

„Ишь ты, подумалъ я, разщедрилась!“ Первымъ моимъ движеніемъ была мысль бросить ей въ лицо эту подачку, но умоляющій взглядъ, брошенный на меня матушкой, которой приходилось съ ней оставаться, безъ всякой защиты, остановилъ мой порывъ.

При разставаньи съ родными, я не видѣлъ ни истерикъ, ни обмороковъ, сопровождающихъ обыкновенно эффектную разлуку членовъ великосвѣтской семьи. Моя мать шла рядомъ со мной безъ слезъ и воздыханій. Только смертная блѣдность лица и глубоко впалые глаза свидѣтельствовали о томъ, сколько ночей провела она безъ сна, снаряжая въ дорогу сына—единственную свою надежду и опору въ старости. Какую нравственную пытку она должна была вынести, не будучи въ состояніи помочь мнѣ въ такую критическую минуту...

Стали прощаться. Судорожно охвативъ мою голову обѣими руками, мать крѣпко, крѣпко прижала ее къ груди и перекрестивъ меня, пошатнулась, но мужественно устояла на ногахъ.

— Нехай тебѣ Богъ поможе, а я!...

Были послѣднія слова, долетѣвшіе до моего слуха, когда уже кучеръ тронулъ лошадей. Оглянулся еще разъ... но поднявшаяся за телѣгой пыль закрыла отъ меня дорогія лица.

Число учениковъ новгородъ-сѣверской гимназіи за 55 лѣтъ по сословіямъ.

Годы.	Общее число.	Дворянъ.	Разночинц.	Подат. сослов.	Годы.	Общее число.	Дворянъ.	Разночинц.	Подат. сослов.	Годы.	Общее число.	Дворянъ.	Разночинц.	Подат. сослов.
1808	83	66	2	15	1811	84	69	4	11	1814	91	81	2	8
1809	76	60	2	14	1812	96	80	2	14	1815	106	93	3	10
1810	79	66	3	10	1813	92	83	1	8	1816	103	91	3	9

Годы.	Общее число.	Дво-рянъ.	Разно-чинц.	Подат. сословъ.	Годы.	Общее число.	Дво-рянъ.	Разно-чинц.	Подат. сословъ.	Годы.	Общее число.	Дво-рянъ.	Разно-чинц.	Подат. сословъ.
1817	117	109	1	7	1833	148	133	4	12	1849	240	206	5	29
1818	122	106	4	12	1834	164	148	3	13	1850	244	207	4	33
1819	118	102	3	13	1835	173	160	2	11	1851	245	207	4	34
1820	121	109	2	10	1836	198	183	3	12	1852	247	210	6	31
1821	116	103	1	12	1837	214	197	4	13	1853	243	206	6	31
1822	124	110	3	11	1838	231	210	5	16	1854	240	204	5	31
1823	129	114	5	10	1839	278	252	4	22	1855	233	183	5	35
1824	136	123	3	10	1840	303	270	7	26	1856	227	188	7	32
1825	133	120	3	10	1841	306	272	6	28	1857	251	207	10	34
1826	140	125	4	11	1842	318	284	5	29	1858	243	200	9	34
1827	138	122	3	13	1843	309	285	4	20	1859	259	215	12	32
1828	139	126	2	11	1844	308	280	4	24	1860	288	232	12	44
1829	143	130	3	10	1845	291	270	4	27	1861	294	238	10	48
1830	144	129	4	10	1846	282	249	6	27	1862	299	236	12	51
1831	142	130	3	9	1847	277	240	7	30					
1832	136	127	1	8	1848	251	220	7	24					

М. К. Чалый.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Страничка изъ прошлаго г. Переяслава.[1]

I.

Дѣло было въ 1748 году. Въ жаркій, но вѣтряный іюльскій день 18 числа въ понедѣльникъ, т. е. день торговый, бурмистръ магистрата переяславскаго Иванъ Оковытый утромъ вернулся съ торгу домой и принялся за обычную свою работу— выдѣлку бараньихъ шкуръ. Жилъ онъ въ „Подвальной", въ нижнемъ городѣ, и дворъ его стоялъ рядомъ съ домомъ магистратскаго писаря Симона Ловецкаго по улицѣ, которая вела къ рѣчкѣ.

Невѣстка Оковытого сварила при немъ обѣдъ „малымъ огнемъ трѣсками" и, когда пообѣдали, хозяинъ съ сыномъ продолжалъ работу на дворѣ „въ присѣнку на задворку", а служанка сидѣла въ дворѣ на порогѣ и шила. Вдругъ эта служанка закричала: „горымо"; она увидѣла выхватившееся изъ небольшаго хлѣва, стоявшаго въ углу двора смежно съ усадьбой Ловецкаго и выходившаго на улицу, пламя. Пламя это тогда же замѣтили и двѣ дѣвушки, шедшія къ рѣчкѣ купаться, и подняли крикъ.

Огонь быстро охватилъ деревянныя, соломою крытыя, постройки и по направленію вѣтра распространился на самый

---

[1]) Въ безпорядочно сложенной и никакой описи неимѣвшей кучѣ старинныхъ дѣлъ, которую нашелъ я въ архивѣ кіевскаго губернскаго правленія и которая дала мнѣ матеріалъ для изданныхъ мною, въ бытность мою редакторомъ неоффиціальной части Кіевскихъ Губ. Вѣдомостей, десяти выпусковъ историческихъ матеріаловъ, относящихся къ исторіи г. Кіева и кіевской губ., нашелъ я и нѣсколько „дѣлъ" переяславской полковой канцеляріи, не лишенныхъ историческаго инте-

центръ города. Огражденная валомъ крѣпость была въ большой опасности: на самомъ валу, куда комендантъ согналъ весь гарнизонъ, невозможно было стоять, такъ какъ на немъ горѣла трава. Всѣ усилія были обращены на этотъ валъ, за которымъ находился пороховой погребъ. Крѣпость отстояли, но въ самой серединѣ города пожаръ произвелъ страшныя опустошенія. Всего сгорѣло 255 строеній, много людей получило обжоги, а одна женщина совсѣмъ сгорѣла. Къ вечеру уже пожаръ прекратился, безпрепятственно пожравши широкою полосою все, что попадалось ему на пути. Выбравшись по этому пути за городъ, онъ въ концѣ концовъ уничтожилъ до тла „лазаретное строеніе", которое было недавно куплено казной для постройки изъ него новыхъ кабаковъ.

На другой день переяславскій комендантъ кіевск. гарнизона подполковникъ Христофоръ Лангъ репортовалъ о постигшемъ городъ несчастьи въ кіевскую генералъ-губернаторскую канцелярію и приложилъ вѣдомость сгорѣвшимъ строеніямъ.

Потерпѣлъ много отъ пожара находившійся въ центрѣ города Михайловскій монастырь. Сгорѣла верхняя часть каѳедральной епископской церкви, „брама" съ колокольнею, другая особо стояв-

---

реса. Не имѣя возможности въ настоящее время издать изложеніе этихъ дѣлъ и списанные изъ нихъ документы цѣликомъ, я воспользовался нѣкоторыми изъ нихъ для составленія предлагаемой „странички". Вотъ заглавія этихъ дѣлъ:

1) 1748 г. „По репорту изъ Переяславля отъ подполковника Ланга да изъ Кременчуга отъ подп. Рословлева о случившихся тамо пожарахъ".

2) 1749 г. „Дѣло по промеморіи дух. переяславской консисторіи о намаранныхъ дегтемъ крестахъ во дворѣ сотника Добронизскаго."

3) 1749 г. „По доношенію полк. переясл. канц. зъ сообщеніемъ челобитья учениковъ школы риторика Тимофея Щербацкого съ товарищи о учиненномъ префектомъ іеромонахомъ Владиміромъ Зеленскимъ съ учениковъ своихъ Левицкому, Саховичу и Рошкевичу подобно содому насильствіи" и о пр.

4) 1752 г. „Дѣло о бои майстрата переяславскаго урядника Федора Гребенника зъ приказу полковника переясловскаго Сулимы за взятіе имъ урядникомъ у великозамостянскихъ обывателей колесъ подъ свиту его ясневельможности" и. т. д.

5) 1752 г. „Дѣло о бытіи за майстратомъ переяславскимъ великозамостянскимъ людемъ".

6) 1756 г. „По доношенію войта магистрата переяславскаго Стефана Драгоманова о неотводѣ безъ вѣдома майстрату въ подчиненныхъ майстратскихъ въ постой квартиръ".

щая колокольня, „трапеза съ полатою, вверху состроенною, и со всею монастырскою въ ней поклажею“, сгорѣлъ до тла архіерейскій дворъ и монастырскія келіи, а также каѳедральный дворъ, за оградою монастырскою находившійся, и „школы училищныя“. Изъ приходскихъ сгорѣла совсѣмъ церковь св. Николая чудотворца съ находившеюся при ней школою, а у церкви св. Троицы сгорѣла колокольня.

Погибли въ этотъ пожаръ и полковая переяславская канцелярія со всѣми дѣлами, съ артиллерійскими припасами (кромѣ пороха), счетная коммиссія и канцелярія судовая съ дѣлами, и магистратъ переяславскій, и „государевъ керасирской дворъ, гдѣ стаивалъ генералитетъ“, а также весь красный рядъ, шинковыя и мясныя лавки, и множество лучшихъ домовъ въ городѣ, принадлежавшихъ разнымъ должностнымъ лицамъ, какъ то: дворъ войта переяславскаго Кирилла Савонова, дворы генералъ-маіора Вишневскаго, судьи полковаго Лѣсеневича, старшаго полковаго канцеляриста Антиповича, сотника Саввы Гриневича, войск. тов. Семена Копціевича, знач. тов. Ивана Калчевскаго и мн. др.

Подозрѣвая въ этомъ случаѣ поджогъ, кіевская генералъ-губернаторская канцелярія предписала подполковнику Лангу „надлежаще изслѣдовать“. Но и мѣстныя власти, раздѣляя такое же подозрѣніе, подъ вліяніемъ паники учиняли и сами строжайшія изслѣдованія, а подп. Лангъ, предосторожности ради, приказалъ своимъ солдатамъ „всякихъ чиновъ людей, идущихъ въ крѣпость, осматривать, между таковыми не сыщутся ль зажигальщики“.

Нѣкоторое основаніе для такихъ подозрѣній имѣлъ слѣдующій случай. На четвертый день послѣ описаннаго пожара два солдата, идучи изъ крѣпости за городъ, за Михайловскія ворота, купаться, проходя мимо одного двора, услышали запахъ гари и, осмотрѣвшись, увидѣли „воткнутую въ плетень тряпочку съ трутомъ съ огнемъ“. Потушивши огонь, они немедленно вернулись и донесли о томъ своему командиру, представивъ ему и найденную тряпочку.

Подп. Лангъ, прибывъ къ указанному двору, „усмотрѣлъ, что тотъ плетень заподлинно былъ зажженъ по вѣтружъ, какъ

и въ нижнемъ городѣ Переяславлѣ зажжено, а въ той улицѣ дворы весьма густы и неподалече оныхъ провіантскіе амбары, а по другой сторонѣ въ самой близости Михайловскій монастырь, и ежели бъ не усмотрѣли и не утушили, то бъ отъ огня спастись было никакъ не возможно".

Донося о принятыхъ имъ предосторожностяхъ и о „недреманномъ смотрѣніи" со стороны его команды, подп. Лангъ жаловался на крайне недостаточное число солдатъ этой команды, изъ которыхъ „къ тому жъ умножилось больныхъ", и просилъ прислать ему „хоть сколько возможно" еще солдатъ.

При репортѣ своемъ Лангъ препроводилъ въ Кіевъ и найденную солдатами „тряпочку". Тревога въ городѣ еще больше усилилась, когда черезъ два дня послѣ находки этой тряпочки, 24 іюля, дѣйствительно приключился пожаръ, при которомъ сгорѣло шесть дворовъ. Такъ какъ одновременно съ донесеніями изъ Переяслава въ Кіевѣ получено было такое же донесеніе изъ Кременчуга о происшедшемъ тамъ большомъ пожарѣ, то подозрѣніе въ систематическомъ поджогѣ, устроенномъ какими то злоумышленниками, становилось болѣе чѣмъ вѣроятнымъ. При томъ же, еще раньше переяславскаго пожара, а именно 25-го мая доставленъ былъ въ Кіевъ пойманный въ г. Козелецѣ „польской націи человѣкъ" безпаспортный Иванъ Чухно, который сначала въ козелецкомъ, а затѣмъ и въ кіевск. полк. судѣ показалъ, будто онъ съ пятью товарищами „отправлени съ польской націи з Фастова от шляхтича Тиши да отъ мотовиловскаго старосты Олѣшевскаго в Малую Россію для зажигательства городовъ, мѣстечокъ, селъ и деревень". Возникло дѣло, никакихъ зажигальщиковъ въ концѣ концовъ необнаружившее, тѣмъ не менѣе причинившее не мало безпокойствъ всѣмъ властямъ. Уже въ кіев. ген.-губ. канцеляріи Чухно показалъ: что „то все онъ въ полк. судѣ въ допросѣ своемъ какъ на себя, такъ и на товарищей то зажигательство и воровство показалъ напрасно, не стерпя во ономъ полк. судѣ побои", а что на самомъ то дѣлѣ никто его на зажигательства не посылалъ и никакихъ онъ товарищей не знаетъ.

Отправивъ Чухна въ Глуховъ, кіевск. ген.-губ. канцелярія донесла обо всѣхъ этихъ случаяхъ въ Петербургъ, откуда и

былъ командированъ пр. Сенатомъ лейбъ-гвардіи подпоручикъ Аристархъ Похвисневъ для разслѣдованія, который и отправился прежде всего въ Переяславъ. Здѣсь онъ очень долго замѣшкался, производя слѣдствіе о пожарѣ и долго не давалъ знать о добываемыхъ имъ свѣдѣніяхъ. Прошло полгода, когда пр. Сенатъ вторично предписалъ о томъ же пожарѣ произвести слѣдствіе, которое и было поручено генералъ-губернаторомъ новому переяславскому коменданту кіевск. гарн. подполковнику Бауману. Но въ Переяславѣ и въ февралѣ слѣдующаго 1749 г. продолжалъ слѣдовать тотъ же Похвисневъ, который, когда предъявлено было ему Бауманомъ распоряженіе кіевск. ген.-губернатора, заявилъ, что одно слѣдствіе онъ уже окончилъ и отправилъ прямо въ пр. Сенатъ, а нынѣ де онъ производитъ другое и такъ какъ „оное дѣло секретное“, то и требуемыхъ генералъ-губернаторомъ копій съ него онъ Бауману не далъ.

Между тѣмъ обыватели города, потерпѣвшіе отъ пожара, стали возобновлять свои постройки на старыхъ мѣстахъ. Но „инженерная команда“ въ лицѣ кондуктора Ивана Борисова энергически принялась было за распланировку города и требовала, чтобы не только никто не смѣлъ возводить построекъ „на погорѣвшемъ мѣстѣ вновь вмѣсто старого строенія безъ отводу и показанія инженерной команды“, но чтобы и „прежнія строенія непорядочно учиненныя сломали бъ“. Однако полковая канцелярія, не сочувствуя этой ревности „инженерной команды“, не исполняла ея требоввній, заявивъ, что „ежели таково строеніе обывателямъ запретить, то не что иное произойти можетъ, какъ обывательская обида и крайнее разореніе“.

Городъ давно уже успѣлъ обстроиться, нѣкоторыя изъ возведенныхъ послѣ пожара 1748 г. на старыхъ мѣстахъ постройки успѣли вторично сгорѣть и возобновиться, а переписки „о нестроеніи вновь на старыхъ мѣстахъ“ все продолжалась. Изъ этой переписки видно, между прочимъ, что послѣ описаннаго большаго пожара городъ значительно расширился, появилось много построекъ за прежнею городскою чертой. Общественныя же зданія, сгорѣвшія во время пожара, долго не возобновлялись. Такъ напр. магистратъ и десять лѣтъ спустя помѣщался въ

наемной избѣ. Не скоро нашли постоянный пріютъ и для семинаріи, для временнаго помѣщенія которой епископъ Никодимъ послѣ пожара занялъ „описныя деревянныя строенія Семена Мировича, коими владѣла умершая генеральша Кантакузина, состоящія въ смежности съ катедральнымъ монастыремъ“. Строенія эти, по просьбѣ преосвященнаго, были предоставлены пр. Сенатомъ во временное пользованіе „переяславской катедрѣ, доколѣ та катедра къ строенію вновь соберется“.

Пожаръ 1748 года, уничтоживъ многія „дѣла“ магистрата и полковой канцеляріи, часто упоминается въ позднѣйшихъ документахъ, какъ виновникъ прекращенія или же неправильнаго хода тяжбъ, разнаго рода споровъ между обывателями; на этотъ же пожаръ ссылаются полковыя и магистратскія власти, говоря о разнаго рода недочетахъ въ общественномъ имуществѣ. Что не обошлось безъ расхищенія этого послѣдняго, можно видѣть хотя бы напр. изъ попавшагося мнѣ въ одномъ дѣлѣ „доношенія“ отъ 5-го февраля 1750 г. полковаго обознаго Семена Безбородка, который писалъ, между прочимъ, въ войск. генер. канцелярію, что „оставалось отъ бывшаго въ г. Переяславлѣ пожара артилерійское желѣзо штабы съ подъ караулу съ куреня войскового своровано; а нынѣ подлинно я увѣдомился, что оное желѣзо штаба своровалъ писарь полковый Яковъ Каневскій“.

II.

Въ томъ же 1748 г., одновременно съ распространившимися слухами о поджигателяхъ, намѣревающихся сжигать украинскіе города, распространились и тревожные слухи о моровой язвѣ, которая яко бы была причиной усилившейся съ предшествовавшаго 1747 г. смертности. Сотникъ переяславскій Иванъ Добронизскій, бесѣдуя какъ то съ своимъ управителемъ объ этихъ слухахъ, придумывалъ предохранительныя мѣры противъ возможной во время эпидемій заразы. Управитель присовѣтовалъ, по примѣру прежнихъ лѣтъ, когда была моровая язва въ Переяславѣ, нарисовать дегтемъ на всемъ деревянномъ строеніи частые кресты. Сотникъ, человѣкъ благочестивый и, какъ видно, любившій чте-

ніе книгъ божественныхъ, но съ мѣстнымъ духовенствомъ живпій не въ ладахъ, послѣдовалъ совѣту своего управителя и приказалъ нарисовать дегтемъ на воротахъ, на заборѣ и на нежилыхъ строеніяхъ кресты. Это то обстоятельство и подало поводъ къ обвиненію его въ поруганіи св. креста и въ чародѣйствѣ. Переяславская духовная консисторія назначила по этому поводу слѣдствіе, которое и поручила произвести священникамъ Воскресенской церкви Өеодору Гречкѣ и Петропавловской Филиппу Гошкевичу при депутатахъ отъ полковой канцеляріи—атаманѣ городовомъ Иванѣ Просяницкомъ и козакѣ Яковѣ Константиновѣ. Слѣдователи донесли, что дѣйствительно „отъ самой конюшчи полковника переяславскаго Сулимы чрезъ ввесь заборъ сотника Добронизскаго, тако жъ на воротяхъ и на фортцѣ извнѣ кресты дегтемъ часто намараны“. Но сотникъ ни въ слѣдственную коммиссію не явился, ни на письменный запросъ о томъ „въ какой конецъ тѣ кресты были намараны“, ничего не отвѣчалъ. Духовная консисторія жаловалась на такое ослушаніе въ генеральную войсковую канцелярію, которая и предложила консисторіи составить запросные пункты и сообщить ихъ въ полковую канцелярію, а эта послѣдняя уже и предложитъ ихъ для отвѣта сотнику Добронизскому. Такъ и было сдѣлано. 18-го сентября полковая канцелярія представила копіи съ допроса сотника въ духовную консисторію и въ ген. войск. канцелярію. Всѣхъ вопросныхъ пунктовъ было 7 и содержаніе ихъ видно изъ отвѣтовъ Добронизскаго, которые привожу цѣликомъ, какъ любопытный документъ, характеризующій какъ самого сотника, такъ и взаимныя отношенія между представителями тогдашняго общества. Пререканія между духовною консисторіей и полковой канцеляріей, являющіяся во многихъ попадавшихся мнѣ „дѣлахъ“ прошлаго вѣка, свидѣтельствуютъ, конечно, о частыхъ житейскихъ столкновеніяхъ между духовными и свѣтскими властями того времени.

Вотъ отвѣты сотника:

На 1-й вопросъ: „Крестъ святый и его силу отъ самаго крещенія научился знать и почитать и тѣмъ всегда ограждался и ограждается отъ всякихъ злыхъ навѣтовъ видимыхъ и неви-

димыхъ враговъ, и какъ силу крестную почитать и за великую оборону имѣть, добрыми того учителми изученъ и наставленъ въ вѣрѣ православной искусными, *не такими легкомысленными, какъ нынѣ вопросы составили* для его сотника отвѣту".

На второй вопросъ: „Поруганія же кресту Господню ни подъ какимъ видомъ не дѣлалъ, и хочай около двора своего на дѣловани пописанніе дегтемъ кресты были, однакъ тѣ кресты не въ поруганіе и не къ какому злому умышленію и вреду, но ко оборонѣ своей жизни и здоровья, яко въ крестѣ сила великая и потому человѣческому житію состоитъ, ибо всякое дѣло начинается зъ начертаніемъ крестнымъ и вездѣ такъ на жилляхъ, строеніяхъ, яко и на найменьшихъ штукахъ, крестъ всякими разними матеріялами, крейдою, уголлямъ и дегтемъ, пишуть; и онъ сотникъ своему господару Ивану Домашичу дегтемъ кресты на дѣловани зъ тихъ причинъ приказалъ пописать".

На 3-й вопросъ: „Въ прошломъ 1747 и 1748 году, когда Божіимъ допущеніемъ начали счаста люде были умирати, то, сидячи онъ, сотникъ, въ дому своемъ ввечеру на крильцѣ, сталъ зъ сожалѣніемъ господареви своему Ивану Домашичу говорить, что люде часто умираютъ и болѣзнуютъ, и много зъ нимъ, Домашичемъ о житіи временномъ человѣческомъ разговаривали, и между тѣмъ зговорились о моровой язвѣ; которой Домашичъ сказалъ, что когда была моровая язва въ Переясловлѣ, то онъ въ тѣ поры служилъ хлопцемъ у войта переясловскаго Савицкого, и въ тѣ поры онъ, войтъ, приказалъ около своего двора вездѣ округъ пописать дегтемъ кресты, и во многихъ домахъ въ Переясловлѣ тогда были пописаны. И зъ якихъ рѣчей его, Домашича, яко то слѣдуетъ не къ худому и не ко злому вреду дѣло, почитая крестное знаменіе и силу его за оборону, не къ какому злу и чародѣянію и не употребляя никакихъ волшебныхъ приговорокъ и не призывая злыхъ духовъ, о чемъ Боже сохрани всѣхъ христіанъ, но ограждая себе отъ онихъ крестною силою, безъ жаднихъ совѣтниковъ велѣлъ самъ собою и въ себе около двора дегтемъ кресты пописать, которіе помянутый господаръ Домашичъ и пописалъ тѣмъ матеріяломъ—дегтемъ, яко тотъ матеріялъ дѣлается безъ жадного примусу скверного

и подъ часъ моровой язвы люде для своей пользы впотребляютъ оній безъ опасности".

На 4-й вопросъ: „Тѣ жъ кресты пописаны не къ какому злу худому и не въ поруганіе дегтемъ, но въ защиту человѣческой жизни, какъ выше сего со изъясненіемъ сказано".

На 5-й вопросъ: „Онъ, сотникъ, въ крестѣ св. отъ рожденія своего во всемъ своемъ житіи жадного зловѣрія не имѣлъ и по смерть свою не желаетъ имѣть, но долженъ, яко христіанинъ сущій, благолѣпно почитать, вѣдая распеншагося Господа на немъ, прославлять и во всѣхъ своихъ добрыхъ дѣлахъ ограждать себя онымъ".

На 6-й вопросъ: „Вѣру христіанскую, въ которой онъ добрѣ изученъ, твердо держать и, законъ святый соблюдая, житіе свое по смерть въ чистотѣ провождать долженъ, а отъ злыхъ и пагубныхъ дѣлъ, *яко то въ магометанскомъ законѣ поводится*, оградивъ себе силою св. креста, устраняться готовъ и *къ такимъ сквернымъ людямъ, которіе содомскимъ грѣхомъ поскверниличь*, не приставать и жаднихъ разговоровъ не имѣть, и яко такіе христіанскія вѣры нарушители и закона Господня вредители и противники суть, тѣхъ убѣгать и яко пакостниковъ прогонять и куда подлежитъ доносить для наказанія ихъ".

На 7-й вопросъ: „И такъ на поставленніе безразсудителніе запросы онъ, сотникъ, въ самую сущую правду, яко христіанинъ и почитатель Закона Божія, безъ нарушенія совѣсти своей христіанской подъ обовязательствомъ присяги всеправедно показалъ и подписался".

Сотникъ Добронизскій, неоднократно называя составителей вопросныхъ пунктовъ т. е. членовъ переяславской дух. консисторіи, „легкомысленными", въ вышеприведенномъ отвѣтѣ своемъ въ пунктѣ 6-мъ намекаетъ несомнѣнно на дѣло, составлявшее въ то время интересъ дня, служившее, такъ сказать, баснею города. Говоря о „пакостникахъ", „скверныхъ людяхъ, которіе содомскимъ грѣхомъ поскверниличь", сотникъ имѣлъ въ виду тогдашняго префекта семинаріи іеромонаха Владиміра Зеленскаго, противъ котораго было возбуждено слѣдствіе по жалобѣ учениковъ, занесенной въ полковую канцелярію. Дѣло это,

представляя любопытную черточку изъ исторіи нашей старинной школы, знакомитъ насъ вмѣстѣ съ тѣмъ съ существовавшими въ то время между мѣстнымъ свѣтскимъ и духовнымъ начальствомъ отношеніями. Въ данномъ случаѣ проявилось стремленіе свѣтской полковой власти вмѣшаться въ дѣла семинаріи, хотя дѣла эти подлежали независимому вѣдѣнію мѣстнаго архіерея, которому, конечно, такое вмѣшательство было крайне непріятно. Находя, что самый „стиль" приводимыхъ ниже документовъ представляетъ извѣстный интересъ, живѣе перенося насъ въ ту среду, о которой идетъ рѣчь, я передаю это „дѣло" собственными, такъ сказать, устами дѣйствовавшихъ лицъ.

III.

1749 г. мая 19 дня, переяславскаго семинаріума ученики школы риторики Тимоѳей Щербацкій, Ѳеодоръ Гордѣевскій и Иванъ Вернацкій подали въ полковую канцелярію челобитную, въ которой заявили, будто префектъ іеромонахъ Владиміръ Зеленскій одного изъ учениковъ своихъ Левицкаго „подобно содому изнасильствовалъ" и что ученикъ этотъ обращался къ его преосвященству Г. Никодиму Сребницкому, епископу переяславскому и бориспольскому, съ доношеніемъ, но келейникъ, не допустя къ епископу, отправилъ его въ консисторію, гдѣ „не изслѣдовавъ, но только призвавъ, бивъ нещадно, выгнато прочь"; а потому де они ученики, „не стерпя, что оной префектъ Зеленскій не только показанного Левицкого, но и протчіихъ учениковъ, Соховича, и Рошкевича, таковымъ же образомъ изнасильствовалъ, принуждены е. п-ву о томъ чрезъ доношеніе донесть", но и ихъ постигла та же участь: члены консисторіи, которымъ передано было ихъ доношеніе, игуменъ монастыря Михайловскаго Германъ, каѳедральный намѣстникъ Сильвестръ и писарь Гервасій, „не изслѣдовавъ указнымъ порядкомъ и не требуя отъ нихъ доказательства, минуя все то, закрывая упомянутого префекта злочинность, такъ нещадно били ихъ, что и въ жизни своей сумнительны состоятъ, и хотя де съ нихъ нѣкоторые, Высочайшимъ Е. И. В. именемъ защищая себя, о неправости про-

тествовались, токмо де по тому ничего успѣть могли, и увѣчивъ ихъ крайне, выгнато прочь зъ семинаріумъ". Получивъ такую челобитную, полковая канцелярія прежде всего учинила „обдукцію боевымъ знакамъ" на означенныхъ студентахъ, а къ е. пр.-ву препроводила съ ихъ челобитной копію, прося его—„не соизволитъ ли е. п. ко учиненію по той челобитной слѣдствія особливую учредить коммиссію и во оную, сколько къ засѣданію духовныхъ персонъ, по разсмотрѣнію е. п., опредѣлится, столько и отъ полковой здѣшней канцеляріи съ полковыхъ старшинъ и сотниковъ опредѣлено быть имѣетъ". Три раза посылался канцелярскій служитель къ епископу, но бумаги этой никакъ вручить не могъ, не заставая епископа дома, наконецъ, въ четвертый разъ явившемуся съ тою же бумагой отъ полковой канцеляріи городничему келейникъ, отказавшись принять ее, объявилъ, что де ему, келейнику, отъ е. п-ва приказано „никакихъ писемъ ни отъ кого не принимать, яко жъ де при монастиру каѳедральномъ консисторія, что въ оной дѣлъ отправлять некому, запечатана".

Того жъ мая 23 дня изъ духовной консисторіи получена была въ полк. канцеляріи промеморія, въ которой сообщалось, что де „сего мая 17, при наказаніи, по суду дух. консисторіи, предъ консисторійскою избою бывшихъ студентовъ семинаріи переяславской учениковъ школы риторики за нанесенной ими на учителя своего ложной порокъ и за протчіе починенніе ими непристойніе шалости и продерзости, полк. пер. канцеляріи протоколистъ Иванъ Ѳедоровъ съ протчими канцеляристами, съ коихъ инніе и при сабляхъ были, въ многолюдствіи въ монастырь каѳедральный, знать съ чьегось наущенія, набѣгъ и первіе содержащагось въ хлѣбнѣ Ѳедора Гордѣевскаго протестъ кричать наустилъ, а потомъ на оной же протоколистъ съ другими канцеляристами и согласниками его необычніе при приказной консисторской избѣ крики и галаси къ разбою слѣдующему вчали и гвалтовне, въ противность Е. И. В. указовъ, помянутаго Гордѣевскаго отбивать и къ наказанію не допущать съ укорительною бранью и непристойними похвалками сильно бросались, отъ чего консисторія, въ немалой опасности состоя, дабы и впредь

таковаго на консисторію нападенія не было, а съ того (чего Боже сохрани) убійства послѣдовать не могло, докладомъ къ е. п.-ву взнесено было, и того ради, по состоявшомуся е. п.-ва опредѣленію, велѣно таковой ради гвалтовной причины въ консисторію не ходить и въ ней судовъ никакихъ не производить, такожъ и дѣлъ случаючихся не принимать, оную жъ консисторскую избу запечатать, что и учинено".

Получивъ такую промеморію, полк. канцелярія допросила канцеляриста Ивана Өедорова, который вполнѣ отрицая приписываемыя ему консисторіей безчинства, показалъ слѣдующее: „онъ де, Иванъ Өедоровъ, съ товарищи своими, канцеляристами полковыми, сего 1749 г. мая 17 д. въ каөедральный переяславскій монастырь не набѣгалъ, но какъ де услышалъ, что въ ономъ монастырѣ на публику въ звонокъ звонятъ, въ которой часовъ зъ два звонили, и усмотрѣвъ, что многіе переяславскіе жители въ тотъ монастырь идутъ, то и онъ де, Өедоровъ, зъ канцеляристами полковой и судовой канцеляріи ходилъ и, какъ студентовъ семинаріи, учениковъ школы риторики, Тимоша Щербацкаго да Ивана Верницкаго, за нѣкоторое якобы ихъ преступленіе наказывано, смотрѣлъ; какъ же де Өедора Гордѣевскаго, вывевши зъ хлѣбни въ оковахъ желѣзныхъ и руки назадъ связаннаго, учали бить, то оной Гордѣевскій Высочайшимъ Е. И. В. именемъ, что его напрасно мучать и онъ на префекта въ чомъ его доносъ доказать имѣетъ, протестовалъ; то услышавши, онъ, Өедоровъ, и другіе канцеляристы находячимся въ присутствіи при томъ онихъ студентовъ наказаніи игумену Герману, намѣстнику Сильвестру, писарю Гервасію и другимъ сказывали, за присяжную ихъ должность, что его, Гордѣевскаго, яко онъ Высочайшимъ Е. И. В. именемъ себе защищаетъ, бить не должно; почему де первѣе предреченій игуменъ и намѣстникъ оного Гордѣевского бить не приказали были, а потомъ какъ бросился къ ему, Өедорову, профессоръ школы синтаксимы іеродіаконъ Илія Веприцкій и его въ груди вдарилъ кулакомъ, а потомъ, вырвавши въ конюха плеть, съ оною до его, Өедорова, кинулся, а потомъ де оной же Веприцкій и писарь Гервасій на конюховъ крикнулъ до друча и до кіевъ, которіе де конюхи его, Өедо-

рова, не по малу тамо въ монастырѣ и увѣчили, отъ якого де бою онъ, Өедоровъ, дней чрезъ пять и въ болѣзни находился, да и другихъ канцеляристовъ и будучого тогда многое число народа зъ монастиря повыгонили и браму зачинили".

Полковая переяславская канцелярія, препроводивъ копіи съ челобитья учениковъ и съ „учиненной обдукціи" на разсмотрѣніе войск. генер. канцеляріи, просила резолюціи, „какъ о томъ повелѣно будетъ".

Такимъ образомъ семинарская школьная „исторія" вышла, такъ сказать, на улицу и, обострившись, подала поводъ къ столкновенію двухъ „вѣдомствъ": учебнаго и гражданскаго. Послѣднее видимо держало сторону потерпѣвшихъ „студентовъ" и не одобряло дѣйствій тогдашняго учебнаго начальства. Что члены консисторіи не пользовались уваженіемъ среди полковой старшины, это видно и изъ вышеприведенныхъ отвѣтовъ сотника Добронизскаго, очевидно, вполнѣ довѣрявшаго доносу на іеромонаха Владиміра.

Генеральная войсковая канцелярія живо заинтересовалась дѣломъ и въ теченіи іюля мѣсяца дважды обратилась къ епископу переяславскому съ просьбою увѣдомить: дѣйствительно ли упомянутые ученики доносили ему на своего префекта и потому доносу назначалъ ли онъ, епископъ, слѣдствіе и что по тому слѣдствію оказалось? за что ученики публично биты и съ его ли, епископа, вѣдома?

Это вмѣшательство генеральной войсковой канцеляріи было, очевидно, непріятно епископу Никодиму, который медлилъ отвѣтомъ и только лишь 17-го августа написалъ въ г. в. к. слѣдующее:

„Семинаріи нашей переяславской префектъ іеромонахъ Владиміръ (кой, по состоявшомусь въ минувшемъ мѣсяцѣ іюнѣ Е. И. В. изъ св. пр. Синода указу, отправленъ въ С.-Петербургъ въ Александровскій монастырь) въ консисторію нашу представлялъ доношеніемъ, что Щербацкій, Гордіевскій и Вернацкій съ товарищи, не ходя въ школу по четыре и пяти недѣль, непрестанные дѣлаютъ шалости и другіе непристоинства и, хотя де многажды наказуемы были, точію ни малыя поправки на себѣ

не оказываютъ; да сверхъ того мая противъ 8-го числа на келію, въ которой онъ, префектъ, жительствовалъ, собравшись до нѣсколько человѣкъ зъ дручьемъ, кирпичами сильно бросали,— и дабы зъ оными поступлено было по законамъ, представилъ; по которому, какъ отъ насъ опредѣлено, учинить имъ самому ему, префекту, въ школѣ наказаніе по разсмотрѣнію всякаго вины, что и учинено; то оные студенты къ вящшему пришли безстрашію и, измысливъ на показанного префекта въ насильствованіи якобы учениковъ, въ наказаніи ихъ изображенныхъ, лжу, подали намъ доношеніе, по которому, по нашей особливой аппробаціи и опредѣленія, въ присутствіи консистористовъ слѣдовано и допущено сихъ доносителей товарищей къ доказательству; точію тѣ ихъ товарищи такъ доказывать по незнанію отреклись, яко на означенныхъ Щербацкаго, Гордіевскаго и Вернацкаго въ наговорахъ, совѣтованіяхъ и лжеизмышленіи показали; а для достовѣрія реченнаго префекта учениковъ Левицкого, Саховича и Рашкевича, коихъ воспомянутые плуты порочили, сказки сняты и къ дѣлу сообщены, а въ оныхъ, что не точію въ томъ падежи не были, но о таковыхъ примѣрахъ ниже они слыхали, показали; реченный же Левицкій хотя и подавалъ (о коемъ они въ насильствованіи яко бы префектомъ ложно означили) намъ доношеніе, точію не въ той, какъ тѣ плуты написали, силѣ, но по другому прошенію, о коемъ здѣсь изображать нужды не состоитъ; и яко бы оного Левицкого отправлено зъ семинаріи прочь, то о томъ оные непостоянники написали ложно; да сверхъ того, предъ подачею доношенія, по единому злобствованію, въ день св. Троицы, во время многонародной процессіи, пашквильные, въ безчестіе помянутого префекта, бросали картки, и не точію означенному префекту, который еще мірскимъ училъ два года риторику, а въ монашествѣ два жъ года безъ жадного до проэктовъ тѣхъ плутовъ пороченія, намѣревали приключитъ обезчещеніе, но и здравія лишить покушались; то за тѣ ихъ лживоизмышленные проэкты и дѣйствія, по силѣ духовнаго регламента, приказано отъ насъ учинить при семинаристахъ наказаніе и, выключивъ зъ числа добрыхъ учениковъ, дать эксклюзію, что и учинено.

А каковъ гвалтъ отъ полк. пер. канцеляріи протоколиста съ товарищи во время чиненія воспомянутымъ студентамъ наказанія послѣдовалъ, о томъ достаточно въ поданномъ отъ насъ челобитьи, въ войсковомъ генеральномъ судѣ имѣющемся, явствуетъ. Полковой же переяславской канцеляріи, яко предъ наказаніемъ предреченныхъ плутовъ отъ консисторіи о винахъ ихъ промеморія была сообщена, принимать по тому никакихъ представленій и утруждать войсковую генеральную канцелярію не слѣдовало; въ которую особливо просимъ отъ в. г. канцеляріи, дабы впредь г. полковникъ переяславскій зъ старшиною въ духовныя дѣла не вступали,—предложить указомъ; а еслибъ вышеписанные Щербацкій съ товарищи явиться могли въ войск. ген. канцелярію, онымъ ни въ чемъ не вѣрить и никакихъ представленій не принимать, но съ наказаніемъ отправить сугубо просимъ".

Означенные семинаристы, какъ предположилъ епископъ, дѣйствительно явились лично въ войск. ген. канцелярію раньше, чѣмъ полученъ былъ отвѣтъ его; а именно 4-го августа они обратились съ просьбой, чтобы генеральная канцелярія отъ себя выдала бы имъ паспорты и отпустила въ Кіевъ или Черниговъ, „чтобы тамо къ училищамъ приняты быть могли", при чемъ обязывались явиться „къ доказательству" во всякое время, когда укажетъ в. г. канцелярія. „Яко то дѣло, писали они, еще къ настоящому разсмотрѣнію не прійшло и производженіемъ отчасти продолжается, мы же нижайшіе, бѣдные и неимущіе, живучи безъ всякаго званія, пришли къ крайнему неимуществу и дневного пропитанія взять отколь не имѣемъ, а что, по ученію нашему, мы будучи въ надсмотрѣніи и обученіи разныхъ господъ дѣтей ихъ, имѣли з денежокъ, и то какъ на пропитаніе себе и другія необходимости, такъ и на излеченіе болѣзней своихъ, отъ показаннаго безчеловѣчнаго бою послѣдовавшихъ, всѣ издержали; а нынѣ наступаетъ уже время училищное, въ которое ученія начинатись имѣютъ, и мы нижайшіе имѣемъ желаніе намѣренныхъ ученій своихъ въ академіи кіевской или въ черниговскомъ коллегіи доходить, токмо за публичнымъ (какъ вышеписано, хотя и безвиннымъ) намъ учиненнымъ боемъ, чтобъ въ означенныхъ

мѣстахъ къ училищамъ насъ принято было, состоимъ въ сумнительствѣ".

Къ сожалѣнію, изъ имѣвшихся у меня бумагъ не видно, чѣмъ кончилась вся эта „исторія" и какая судьба постигла переяславскихъ студентовъ, подвергшихся публичному бою и принятыхъ подъ защиту полковой старшины.

IV.

Двѣ различныя „команды", два управленія, вѣдѣнію которыхъ подлежали двѣ различныя группы населенія г. Переяслава,— полковая канцелярія и городской магистратъ находились между собой далеко не въ дружественныхъ отношеніяхъ и вели постоянныя распри, которыя и приходилось разбирать „вышней командѣ" т. е. генеральной войсковой канцеляріи, которой одинаково были подчинены и полковое управленіе и городское.

Въ 40-выхъ годахъ прошлаго столѣтія, какъ видно изъ имѣвшихся у меня документовъ, яблокомъ раздора между полковникомъ переяславскимъ Сулимою и городскимъ магистратомъ было городское предмѣстье такъ называемые Великомостянскіе (или Великозамостянскіе, а то и просто Замостянскіе) Подварки. Населеніе этого предмѣстья, козаки и посполитые, уклоняясь отъ магистратскихъ повинностей, надо полагать, находило для себя выгоднѣе подчиняться полковнику, почему и выдало отъ себя въ 1741 году, когда возбуждено было, по жалобѣ переяславскаго войта Савонова, слѣдствіе, особую „сказку", въ которой утверждалось, что де издавна уже они „подъ видѣніемъ полковниковъ переяславскихъ обрѣтались и до двору ихъ козаки стойкою и посылками, а посполитіе панщиною должность свою отдавали, что, какъ можемо упомнить, отъ 1661 году за бившого полковника Леонтія Полуботка и до сихъ временъ въ той же должности находились, а ратуша переяславская къ намъ жадного дѣла не имѣла и подъ оною мы не были".

Избранный въ 1740 г. въ войты Кирило Савоновъ первый возбудилъ вопросъ о незаконности владѣнія полковника Подварками, но назначенные отъ ген. войск. канцеляріи слѣдователи

повели дѣло такъ, что полковнику „отъ владѣнія оними Подварками, респектуя неимѣніе никакого на чинъ полковника опредѣленія, не отказано", и онъ продолжалъ владѣть ими до 1752 года, когда утверждены были, наконецъ, гетманскимъ ордеромъ права магистрата на владѣніе Подварками. Такимъ образомъ уже это одно дѣло могло поддерживать постоянно враждебное отношеніе полковника къ магистрату, и въ частности къ войту Савонову, всяческія жалобы на котораго охотно принимала полковая канцелярія, препровождая ихъ въ войск. ген. канцелярію.

Въ 1748 году скоро послѣ пожара, когда возобновленіе построекъ порождало не мало столкновеній между полковымъ и магистратскимъ управленіями, полковникъ Сулима писалъ въ ген. войск. канц., что де „войтъ Кирило Савоновъ, не имѣя (какъ за прежнихъ войтовъ состояло) въ званіи войтовства своего порядочнаго правленія и къ прибыли магистратовой раченія, но всемѣрно прилагая старательство свое къ похищенію приходовъ магистратскихъ, людей магистратовыхъ самовольно безъ всякого страху имущество ихъ до послѣдности ограбляетъ, полусмертной бой приключаетъ, у партикулярную свою работизну, какби плѣнниxъ, или крестянъ, употребляетъ, чего тѣ магистратовіе люди не могучи снесть, въ разніе мѣста розиходятся, а магистратъ переяславскій съ того крайне запустѣваетъ и въ скудостъ и разореніе такое отъ времени до времени приходитъ, что и указнихъ дачъ, по расположеніямъ надлежащихъ къ произвожденію, не въ состояніи".

Въ слѣдующемъ 1749 г. опять встрѣчаемъ такое же заявленіе полковника, что де „войтъ Кирило Савоновъ, съ начала пожалованія его въ званіе войтовства, не содержуя по оному своему званію добропорядочного правленія и не ища магистратовой прибыли, но паче употребляя свои всемерніе хитрости, тайно и явно въ магистратовіе приходы началъ вступать и оніе себѣ похищать" и т. д. Какъ обращалась полковая старшина съ магистратскими урядниками, можно видѣть, между прочимъ, изъ такого случая.

Въ 1752 г., во время проѣзда черезъ г. Переяславъ гетмана Разумовскаго, урядникъ магистратскій Ѳедоръ Гребенникъ, по

требованію гетманской свиты, взялъ у колесниковъ — жителей великозамостянскихъ четыре колеса, уплативъ имъ за это условленную сумму на счетъ магистрата. Послѣ отъѣзда же гетмана слуги полковника Сулимы схватили Гребенника, доставили его во дворъ полковника и здѣсь, заставивъ его уплатить за взятые четыре колеса еще 1 р. 24 к., по приказу самого полковника, избили плетьми, такъ что онъ „зеледво могъ встать", а полковникъ грозилъ, что де и другихъ всѣхъ магистратскихъ чиновъ онъ будетъ бить такимъ же образомъ. Очевидно, полковникъ самое обращеніе Гребенника къ названнымъ колесникамъ разсматривалъ, какъ притязаніе магистрата на великозамостянскихъ жителей, которые, по его мнѣнію, никакими повинностями по отношенію къ магистрату не обязаны, а должны состоять исключительно въ „командѣ" его, полковника.

Гребенникъ, заявляя о причиненномъ ему безчестіи, писалъ, что оно сдѣлано „на поруганіе и напрасніе здѣвки, по явновидимой злобѣ и ненависти, *на ввесь обнищалый и крайне разореній безлюдственній магистратъ*". По этому поводу магистратъ обратился съ жалобой къ гетману. „Понеже,—читаемъ въ это жалобѣ,—доволно о таковой дерзости признать намъ можно, что, по явновидимому и всегдашнему на насъ нижайшихъ гонительству и злобству, всегда токмо такъ отъ его г. полковника, яко и отъ полковой канцеляріи, въ единому страхованію и опасности, при магистратской службѣ зостаючись, находимся; дабы какого нечаянного напрасного нападенія и боевъ, какъ то уже не единому и послѣдовало, не учинено, ибо хотя и отъ наѣздовъ бываютъ за невыстатченіе требуемого бои, *отъ которыхъ убѣгнуть невозможно*, но не толико всегда, какъ отъ здѣшнихъ г. полковника и полковой канцеляріи; того ради вашей ясне вельможности глубочайшею покорностію нашею всенижайше просимъ отъ таковыхъ, какъ выше изображено, нападковъ, боевъ и напраснихъ гонительствъ отъ помянутого полковника переяславского г. Сулимы и другихъ въ пресѣченіе милостивымъ призрѣніемъ насъ нижайшихъ и ввесь магистратъ переяславскій охранить и до болшихъ обидъ и крайнихъ разореній не допустить и учинить о томъ высокій в. я. в. ордеръ".

Гетманскимъ ордеромъ и потребовано было отъ полковника объясненіе по этому дѣлу. „Понеже магистратъ переяславскій не вашей команды“, говорилось въ ордерѣ, то и урядниковъ магистратскихъ, „не только наказывать, ниже какъ либо штрафовать отнюдь не надлежало“. Но полковникъ объяснилъ это дѣло такъ, что де Гребенникъ напалъ было на *принадалежащій полковнику* дворикъ, въ которомъ жилъ колесникъ, и отнялъ четыре колеса, при чемъ будто бы билъ самого колесника, „и тѣмъ оному *моему человѣку* ввязы зъ состоянія ихъ повредилъ былъ“; когда же колесникъ этотъ бѣжалъ въ полковничій дворъ, то Гребенникъ „по своей грубіянской продерзости“ явился за нимъ и сюда, продолжая „шумѣть“, за что де слуги полковника и прогнали его со двора, при чемъ однимъ изъ нихъ „въ бѣгу оного Гребенника плеттю раза три вдарено“.

Относительно же предписаннаго въ ордерѣ невмѣшательства въ дѣла магистратскія полковникъ писалъ, что повелѣніе это „безъ малѣйшого нарушенія свято содержуя, къ оному войту съ урядовими (хотя и предъ тѣмъ собственно отъ себе никакова дѣла не имѣлъ) отнынѣ впредь имѣть, кромѣ что по канцеляріи въ семъ в. я. в. ордеровъ касатимется, дѣла не долженъ буду“.

Войтъ Савоновъ настойчиво велъ дѣло о Подваркахъ и въ 1752 г. добился того, что отъ полковника вновь потребовано было объясненіе, на какомъ основаніи онъ завладѣлъ этими Подварками. Полковникъ, не предоставляя никакихъ крѣпостей на такое владѣніе, отвѣчалъ такъ, что, видно, и самъ не былъ увѣренъ въ законности его и при этомъ просилъ гетмана, что бы онъ, буде найдетъ справедливымъ возвратить Подварки во владѣніе магистрату, опредѣлилъ бы другое какое либо владѣніе „на рангъ“ полковничій.

„Подварки Завеликомостянскіе, писалъ полковникъ, въ которихъ дворового число весьма мало и въ нихъ люде нищенскіе суть, изстари за антецессоровъ моихъ полковниковъ переяславскихъ, и какъ только вспомнить довелось отъ Леонтія Полуботка, на полковниковъ ко (?) дому полковничого состояли и въ единственнихъ точнихъ полковничихъ владѣніяхъ находились, потому слѣдовательно поссесіею и мнѣ, по моему рангу, оніе Подварки

владѣть достались, и сколько владѣнія моего тѣми Подварками ни было, отъ магистрату переяславскаго никакого упоминку нигдѣ не было, но владѣлъ я оними спокойно даже до опредѣленія оного Савонова войтомъ".

Въ противность такимъ голословнымъ заявленіямъ полковника, магистратъ представилъ въ подтвержденіе правъ своихъ на Подварки два гетманскихъ универсала: одинъ 1716 г. Ивана Скоропадскаго и другой 1728 г. Даніила Апостола.

Наконецъ, отъ 9-го окт. 1752 г. послѣдовалъ гетманскій ордеръ, которымъ подтверждались права магистрата на владѣніе Подварками.

Полковникъ Сулима тѣмъ не менѣе всячески старался уклониться отъ точнаго исполненія ордера и „возъимѣлъ паче прежняго злобствіе на магистратъ переяславскій". Въ іюлѣ мѣсяцѣ 1753 года магистратъ доносилъ въ ген. войск. канц., что де полковникъ Сулима, не довольствуясь тѣмъ, что въ теченіи болѣе десяти лѣтъ владѣлъ принадлежавшею городу землею, съ которой ежегодно снималъ въ свою пользу болѣе трехсотъ копъ десятиннаго хлѣба, сталъ всячески стараться о томъ, что бы подварчане вписывались въ козаки, а съ полей магистратскихъ вновь сталъ собирать десятину въ свою пользу не допуская къ тому магистратскихъ урядниковъ, подвергая ихъ „безчестію и бою".

Когда слуги полковника одному изъ урядниковъ магистратскихъ „болѣе трехсотъ барбаръ плетми дали и притомъ похвалки чинили, что такъ де и урядовимъ вашимъ будетъ", жители Подварокъ, „на то смотря, зъ гонительства такова принуждени расходиться, и тако въ ономъ Подварку мало кого уже и остается, да и то саміе бѣдніе, которими ни посылокъ, ни ѣздоковъ отправить не въ состояніи". Несмотря на гетманскій ордеръ, полковникъ всѣ поля, обработываемыя подварчанами, называлъ своими „ранговыми ланами" и въ томъ же 1753 г. вновь „десятинный хлѣбъ началъ себѣ взимать и атаману великозамостянскому Микулѣ такъ приказъ отдалъ, чтобъ магистратовихъ людей до полів мѣскихъ, самовладно нимъ присвояемихъ, не допущалъ и у смерть билъ".

Полковникъ Сулима, называя жалобы магистрата „напрасными и недоказательными", не отрицалъ однако, что нѣкоторыхъ

изъ подворчанъ онъ дѣйствительно принялъ въ козаки „на убылые разными случаи, какъ то по нищетѣ, старости и чрезъ измертвіе реестровихъ козаковъ, мѣста", объясняя такой пріемъ тѣмъ, что де запрещеній о невписываніи посполитыхъ въ козаки не было, а между тѣмъ де тѣ „задолгомостянскіе свободніе жители, зъ разнихъ мѣстъ и изъ званіевъ по волности своей зашедшіе, по высокому повелѣнію съ владѣнія моего, кое по поссесіи отъ антецессоровъ своихъ я содержалъ, какъ отобрани и отдани магистрату, то съ нихъ нѣкоторіе по единственной своей волѣ, безъ всякого ихъ неволенія, не стерпя несносихъ оного майстрата войту чинимыхъ партикулярнихъ работизнъ и другихъ тяжкихъ обидъ, являлись въ полковую переясловскую канцелярію, подавъ доношенія и показывая въ оныхъ съ предковъ своихъ себе козачого званія и отправляеміе войсковіе и военніе службы и жительство свое на козачихъ грунтахъ, искали и просили козачества".

Земли же, о которыхъ упоминалъ магистратъ въ своихъ жалобахъ, полковникъ называлъ своими собственными или ранговыми. И этотъ споръ о земляхъ, видно, много лѣтъ длился: мнѣ встрѣтилось въ одномъ дѣлѣ 1766 г. упоминаніе о назначенной по указу Малороссійской Коллегіи въ г. Переяславѣ коммиссіи—„о магистратскихъ земляхъ, разными чинами завладѣнныхъ". А изъ другаго дѣла 1762 г. „о должнихъ войтомъ магистрата переяславского Стефаномъ Драгомановымъ денгахъ и о его войта продерзостяхъ" видно, что и послѣ войта Савонова, боровшагося съ полковникомъ, продолжалась такая же распря между магистратомъ и полковымъ управленіемъ.

Постояннымъ поводомъ для раздоровъ являлся, между прочимъ, и отводъ квартиръ въ домахъ магистратскихъ урядниковъ. Несмотря на гетманскіе ордеры, неоднократно предписывавшіе полковой канцеляріи „воздержаться отъ такого самовольства" и помимо магистрата квартиръ „проѣзжаючимъ персонамъ" не отводить, полковая старшина все таки отъ этого „самовольства" не воздерживалась. Такъ, въ іюнѣ мѣсяцѣ 1756 г. полковой писарь Каневскій, по злобѣ на войта, поставилъ въ его отсутствіе въ его домѣ поручика кн. Щербатова, пріѣзжавшаго за набо-

ромъ лошадей, при чемъ выгнали и жену войта съ малолѣтними дѣтьми. По жалобѣ войта, самовольство Каневскаго предписано было „изслѣдовать и съ нимъ поступить по указамъ“, тѣмъ не менѣе и послѣ этого вновь былъ отведенъ домъ войта, во время поѣздки его въ Глуховъ, подъ постой проѣзжавшему маіору Юшкову, при чемъ опять войтовой женѣ и дѣтямъ пришлось жить по чужимъ домамъ. Вообще этотъ отводъ квартиръ, какъ видно, порождалъ въ г. Переяславѣ постоянныя распри между магистратомъ и полковою канцеляріей.

А. А.

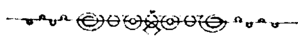
Его царского пресвѣтлого величества войска запорожскаго гетманъ Иванъ Скоропадскій.

Пану полковнику наказному переяславскому, а впредь совершенному, п. п. старшинѣ его полковой и всѣмъ, кому колвекъ о томъ вѣдати надлежитъ, симъ нашимъ ознаймуемъ универсаломъ: ижъ доносили намъ чрезъ суплику свою панъ войтъ тамошній переяславскій же з мѣщанами, что посполитыхъ людей, на грунтахъ мѣскихъ живучихъ, до ратуша ихъ належачихъ, прошлими роками однихъ вкозацтво вписано, другихъ на чиншу, а именно коломійцовъ, посажено, а третихъ на Подваркахъ за Великимъ мостомъ мѣшкаючихъ от ратуша до двора небожчиковъ пановъ полковниковъ отнято, и чрез тое немало посполитому добру учинено убыли и убытку, чего ради онъ, панъ войтъ, просилъ насъ о привернение до ратуша своего тихъ всихъ отнятихъ тяглихъ людей. Мы пре то, гетманъ, прошеніе принявши за слушное, яко всихъ тихъ нововписанныхъ чиншовихъ коломійцовъ, мирочниковъ и подварчанъ, за Великимъ мостомъ мѣшкаючихъ, которихъ числомъ восемьдесятъ пять человѣка найдется, знову попрежнему до города въ помощъ зъубожалому ратушеви, для отбуванія заровно зъ иншимы посполитыми людьми всякихъ тяглихъ повинностей, приворочаемъ и поля пахатніе мѣскіе, коло города лежачіе, здавна до тамошней ратуши належавшіе, симъ нашимъ (универсаломъ) въ спокойное владѣніе и теперъ оному стверждаемъ, такъ аби никто з старшины и черни того полку в одобранію на ратушу помянутихъ людей и предреченного поля пахотнаго заживания найменьшой ему пану войту з мѣщанами не чинилъ трудности и препятствія, мѣти хочемъ и рейментарско приказуемъ. Данъ въ Глуховѣ марта 1 дня 1716 року.

Его императорскаго всепресвѣтлѣйшаго величества войска запорожскаго обоихъ сторонъ Днѣпра гетманъ Даніилъ Апостолъ.

Пану полковникови переясловскому, п. п. старшинѣ полковой и сотникамъ тогожъ полку, такожъ всѣмъ, кому о томъ вѣдати надлежитъ, ознаймуемъ симъ нашимъ универсаломъ, ижъ панъ войтъ переясловскій Лаврентій Ѳомовичъ з майстратовими тамошними доносили намъ чрезъ суплику свою, что мимошедшихъ лѣтъ, з респекту антецессоровъ нашихъ, бывшихъ гетмановъ, имѣли они для ратушнихъ необходимихъ нуждъ въ опредѣленіи десятину коло города Переясловля з мѣскихъ

пахатнихъ полевъ Подварки Великомостянскіе, млынъ подъ тимъ же городомъ на Великой гребли на рецѣ Трубешѣ под Поповцями, ковшовое по торгахъ ведерно ратушное, коморы рѣзницкіе мѣскіе, в которихъ хто сидитъ тотъ было даетъ на ратушъ по двѣ гривни в годъ, будки пустіе з ратуша поставленніе, якіе под часъ ярмарковъ нанимаются по пяти копѣекъ и побелшъ, и хто на ратушномъ мѣсцѣ в коморѣ шинкуетъ горѣлку, тотъ бывало даетъ на ратушъ в годъ по двѣ гривни, такожъ и діоггевую комору, в которой и нынѣ человѣкъ ратушній продаеть діоготь, якіе всѣ доходы одойшли за бившой Малороссійской Коллегіи отъ ратуши, почему и нынѣ (завѣдовци) въ скарбъ войсковій з тихъ всихъ доходовъ собираютъ деньги и оная ратуша переяславская въ крайное пришла разореніе и не отколь ни на ратушнихъ служителей, ни на другіе необходиміе потребности держать самого нужного расходу, а при той суплицѣ своей презентовали намъ и универсалы антецессора нашого покойнаго гетмана Скоропадскаго г. войтови з майстратовими данніе еденъ въ 1716 году, в которомъ подварчанъ, за Великимъ мостомъ мѣшкаючихъ, числомъ 85 человѣкъ приворочаетъ до ратуши переясловской, и поля мѣскіе, коло города лежачіе, до ратуша жъ належавшіе, стверждаетъ; другій в року 1715 на построеніе млина на пустомъ мѣсцу, прозываемомъ Качановское; противъ которихъ универсаловъ просили и нашего респекту, такожъ на подварчанъ, поля мѣскіе и млинъ универсалной конфирмаціи. Мы теды гетманъ, по силѣ данной намъ высокомонаршой е. и. в. жалованной грамоти, имѣючи власть всякіе въ Малой Россіи воинскіе и гражданскіе устроевать порядки, особливожъ являя призрѣніе на стародавній тотъ городъ Переясловль, которій теперъ чрезъ разніе случаи и тамошніе народніе тяжести пришолъ в крайное разореніе, яко помянутихъ подварчанъ, за Вел. мостомъ мѣшкаючихъ, и поля мѣскіе, коло города лежачіе, до ратуша належніе, тако жъ млынъ, на пустомъ мѣсцу, прозыв. Качановское, построенній, подлугъ универсаловъ вышнаименованного антецессора нашого, стверждаемъ ратуши переясловской во владѣніе, позволяючи (до лавки войсковой) з млина розмѣровіе пожитки, а з полевъ десятину отбирати и подварчанъ до общихъ градскихъ употреблять повинностей, такъ и ковшовое по торгахъ ведерно ратушное и з людей, в коморахъ, на мѣской землѣ построеннихъ, горѣлкою и догтемъ перепродаючихъ, такожъ и з будокъ и з коморъ рѣзницкихъ надлежащіе деньги по прежнему отбирати з 1-го генвара мца надходящого 1729 года. И дабы в томъ ни от кого не было препятія (....); только жъ они войтъ з майстратовими, тое все собирая, повинни имѣть обстоятелніе записки и з собраннихъ тихъ доходовъ употреблять не на свои привати, но на обще городовіе нужды и необходимія потребы, а що соберется и на якіе расходы именно употреблено будетъ, о томъ должни оніжъ, войтъ и майстратовые, в полк. пер. правленіе обстоятелніе подавать вѣдомости, а з полку к намъ въ войск. генер. канц. репортовать повинни,—рейментарско упоминаемъ и приказуемъ. Данъ в Глуховѣ декабря 4 д. 1728 года.

НЕЧИСТАЯ СИЛА.[1]

ПОВѢСТЬ.

(*Окончаніе*).

IV.

Ѳедоръ хотѣлъ въ тотъ же вечеръ осмотрѣть сундукъ; по утру послѣ погребенія опять поговаривалъ о томъ, что слѣдовало бы воротиться домой, привести все въ извѣстность и послѣ того уже ѣхать на лугъ за сѣномъ.

— Дольше ждали, меньше осталось! отвѣчалъ Максимъ,—зачѣмъ напрасно тратить день? воротимся съ поля, тогда и найдемъ, что есть. Хату стережетъ твоя жена, а ее самъ чортъ не проведетъ, не бойся!

Ключъ отъ сундука лежалъ у него за пазухою, а онъ ни разу въ продолженіи цѣлаго дня не вспомнилъ ни объ отцѣ, ни о деньгахъ, только подъ вечеръ раньше обыкновеннаго оставилъ работу. Петръ долженъ былъ еще оставаться на лугу, нагрузить послѣдній возъ и тогда ѣхать домой, всѣ же прочіе спѣшили поскорѣе возвратиться; къ концу дня Ѳедоръ былъ самъ не свой, работалъ словно не своими руками, ежеминутно поглядывая то на заходящее солнце, то на село, наконецъ, усѣлся на землю и ждалъ, пока Максимъ съ женою окончатъ сгребать сѣно.

Большаго наслѣдства имъ не останется; для обыкновеннаго крестьянина нѣсколько сотъ рублей—деньги, но для человѣка видѣвшаго свѣтъ это почти, что ничего! если бы хоть тысчонки двѣ, на первое обзаведеніе... Теперь и время не то,

---

[1]) См. „Кіев. Старина“ 1889 г., № 7, іюль.

что прежде, когда крестьянинъ жилъ подобно рабочей скотинѣ на зелени да мякинѣ... теперь уже не то! Такъ думалъ Өедоръ, вычисляя въ тоже время, сколько бы могъ имъ оставить отецъ? О! онъ глазъ не спуститъ съ Максима, самъ пересчитаетъ каждый грошъ... самъ собственными руками не только что дотронется до каждой бумажки, но и осмотритъ, ощупаетъ ихъ, прежде чѣмъ отдастъ изъ рукъ. Кто тамъ его знаетъ? Какъ будто бы и братъ, а какъ придетъ дѣло до разсчета, такъ иногда вѣдь бываетъ, что и родной братъ хуже чужаго...

Онъ уже заранѣе подозрительно и враждебно поглядывалъ на Максима въ полной увѣренности, что тотъ намѣренъ провести его... потому и время оттягиваетъ, обдумываетъ... а, можетъ быть, уже и придумалъ что нибудь, злодѣй... Пришло ему на умъ нѣсколько страшныхъ фактовъ: такъ въ Ивановѣ братъ убилъ брата и всего только за шесть рублей... трупъ скрылъ подъ мостомъ и молчалъ до весны, пока вода не выбросила покойника на берегъ... Видѣлъ онъ тогда этотъ трупъ и убійцу видѣлъ... да и мало ли такихъ на свѣтѣ? только иному удается, а другой погибаетъ ни за что... А въ полку зналъ онъ цѣлыхъ двухъ убійцъ! даже спалъ рядомъ съ ними больше полугода... этотъ Максимъ... хитрый, бестія... корову промоталъ, имущества столько растратилъ... можетъ теперь... Өедоръ боялся докончить свою мысль и осторожно оглядѣлся вокругъ... На травѣ лежала толстая жердь, которою прикрѣпляютъ сѣно на возу. Онъ всталъ, поднялъ ее съ земли, оперся на нее и ждалъ.

— Что ты... въ лѣсъ идешь людей разбивать, что и колъ съ собою берешь? спросилъ Максимъ, выходя вслѣдъ за женою на дорогу. Өедоръ вздрогнулъ. Не много слыхалъ онъ о Каинѣ, но зналъ все таки, что этимъ именемъ называютъ разбойниковъ и конокрадовъ въ селѣ. Голосъ Максима припомнилъ ему голосъ всѣхъ Каиновъ. Онъ выпустилъ изъ рукъ колъ и пошелъ вслѣдъ за ними, всего въ нѣсколькихъ шагахъ, опустя голову, зорко слѣдя за каждымъ движеніемъ брата, приготовясь ко всему съ заранѣе сжатыми кулаками. При малѣйшемъ покушеніи брата онъ задушилъ бы его сразу! Впился бы ногтями въ его шею и держалъ бы такъ до послѣдняго издыханія.. Не съ нимъ, Өедоромъ, ему бороться!.

Максимъ же шелъ впереди него рядомъ съ женою, взявши отъ нея пустые горшки; сперва шли они молча, потомъ онъ вспомнилъ, что вотъ сегодня они проведутъ первый вечеръ безъ *старого* въ хатѣ. Максимыха жалобно покивала головою.

— Всѣмъ одинъ конецъ! Горюешь, работаешь съ утра до ночи не знаешь отдыха, придетъ смерть, все бросишь! Ой, Боже мылый, прости намъ грѣхи наши тяжкіе! вздохнула он , поспѣшая за мужемъ. Они совершенно забыли, что за ними тащился Θедоръ.

Петръ остался одинъ на лугу. Начинались сумерки, три послѣдніе воза отъѣхали одинъ за другимъ, подлѣ каждаго медленно шагалъ крестьянинъ и велъ коня за узду. Петръ поглядѣлъ имъ въ слѣдъ; вдали на желтоватомъ горизонтѣ все еще видно было Максима, Максимыху и Θедора, шедшихъ дорогою; они будутъ дома раньше, чѣмъ вонъ тотъ возъ доѣдетъ до полъ-дороги. Парубокъ торопливо собиралъ съ земли сѣно, подбрасывалъ вилами охапку за охапкою, поспѣшно, безъ остановки, наконецъ вспотѣлъ, запыхался и опустилъ руки.

Лугъ совсѣмъ опустѣлъ; кое гдѣ между ольхами торчали небольшія копны сѣна; лошадь бродила между ними въ ожиданіи, пощипывала ихъ по немногу и снова шла на свѣжую траву. Петръ взялъ ее за гриву, подвелъ къ возу и принялся запрягать дрожащими отъ волненія руками исподлобья поглядывая на дорогу. Послѣдніе силуэты исчезли; возы въѣхали на улицу, дорога въ село опустѣла. Петръ торопился, ни о чемъ не могъ думать, только отъ спѣха руки дрожали. Онъ заботливо подбиралъ съ земли послѣдніе пучки сѣна, разбросанные по росистой травѣ, но, даже наклоняясь, все оглядывался назадъ на село.

— Но, коську... коныку мій! произнесъ онъ сдавленнымъ голосомъ, потянулъ возжи, возъ тронулъ, заколыхался, заскрипѣли колеса....

Петръ вздохнулъ съ чувствомъ облегченія! Казалось они никогда не выѣдутъ изъ этого луга. По дорогѣ онъ стегалъ коня и бѣжалъ за нимъ нѣсколько десятковъ шаговъ, сѣно подпрыгивало на возу, сыпалось на право и на лѣво; лошадь стала приставать и убавила свои шаги. Петръ уже не пробовалъ по-

гонять ее, а шелъ за возомъ съ полураскрытымъ ртомъ, не спуская глазъ съ деревни; шапка его сдвинулась на затылокъ, онъ поминутно чесалъ у себя за ухомъ, бормоча время отъ времени:

— Что бъ его!... что бъ его!.. а!...

Это должно было выражать и горе, и страхъ, и тревогу, и любопытство—всѣ волновавшія его чувства. Зналъ онъ хорошо, чего хотѣлъ, цѣлый день разсуждалъ о томъ въ душѣ во время работы, но высказать вслухъ не рѣшился бы, потому что... потому что къ чему тамъ разговаривать понапрасну! хотѣлось бы уже быть тамъ поскорѣе... самому увидѣть и услышать...

— Но, коську! коныку!... поощрялъ онъ, причмокивая языкомъ.

Но конь плелся шагъ за шагомъ; подлѣ огромнаго воза онъ скорѣе напоминалъ большую собаку, нежели лошадь.

Стемнѣло, звѣзды усѣяли небо. Возъ въѣхалъ на улицу и Петръ уже издали вглядывался въ освѣщенныя окна хаты, стоявшей въ сторонѣ, надъ самымъ обрывомъ у берега. Едва остановился онъ у сарая и началъ отпрягать лошадь, какъ въ дверяхъ показалась Евка и подскочила къ нему вся запыхавшись.

— Миленькій Петрусикъ, вотъ смѣхъ, вотъ горе, вотъ чудо изъ чудесъ, засыпала она, дергая его за рукавъ. Скрыню перетрясли, на чердакъ лазили, теперь въ коморѣ роются... нигдѣ ни гроша! Ха, ха, ха! Она присѣдала, ее какъ бы душилъ какой то нервный смѣхъ.

— Ей Богу! что бъ я такъ здорова была! Вотъ наказанье божіе, вотъ судъ божій! Что бъ ихъ скрутило, что бъ ихъ всѣхъ холера передушила! Ха, ха, ха! Охъ умру, не выдержу, лопну отъ смѣха! Смотрять, чуть глаза не вылѣзутъ! Сопѣть шельмы перестали, лазятъ одинъ за другимъ и та вѣдьма топчется за ними, свѣтитъ имъ въ глаза, какъ щурамъ. Еще хату подожгутъ. Пусть горитъ! Рано или поздно придетъ на нихъ погибель! О, Боже милосердный! Дожила таки я, дождалась на бѣду ихъ, на горе любоваться! Слава тебѣ, Пресвятая Дѣва, что позволила мнѣ дожить до такого дня!

Евка хлопала въ ладоши и хохотала, держась за бока. Злость душила ее, тревога и усилія цѣлаго дня раздражили до послѣдней степени. Оставаясь дома по утру она была убѣждена,

что вечеромъ ея ужь здѣсь не будетъ. Въ теченіи цѣлаго дня ее то волновала надежда, то терзало разочарованіе. Въ сотый разъ хваталась она за каждую тряпку, въ полной увѣренности, что уже держитъ сокровище, и каждый разъ это сокровище превращалось въ прахъ, исчезая какъ бы во снѣ. Она почти обезумѣла отъ бѣшенства и ожила только теперь, глядя на ихъ физіономіи. Глупцы, ищутъ тамъ, гдѣ она уже ногтями рвала, зубами грызла! Неопредолимый, судорожный смѣхъ овладѣвалъ ею.

— Смотри, можетъ быть, не вѣришь? ей Богу, это они уже въ десятый разъ идутъ въ комору!

Евка тащила его къ дверямъ, указывала на хату; оттуда черезъ дворъ шелъ въ комору Максимъ рядомъ съ Ѳедоромъ, за ними Максимыха съ горящею лучиною въ рукѣ; дѣти бѣжали за ними слѣдомъ.

— Пусть цѣлый дворъ изроютъ, пусть хату развалятъ, а все таки ничего не отыщутъ! Старикъ лгалъ, отдалъ чорту, жидамъ занялъ, а можетъ быть просто съѣлъ отъ большой жадности! А эти волы съ ума теперь сходятъ! Слава тебѣ, милостивый Боже! И за что ты мнѣ грѣшной такое счастье, такой добрый день послалъ въ жизни?

Она не могла устоять на мѣстѣ, бѣгала то въ сарай, то на дворъ и все тащила за рукавъ ошеломленнаго Петра.

— Слушай... если бъ ты былъ добрый, Петрусикъ... шепнула она ему на ухо, пригнулась и заглянула въ лицо своими сѣрыми глазами.

— Слушай, ну, что ты? оглохъ, что ли, совсѣмъ или одурѣлъ? Петръ же стоялъ у порога, опустивъ безпомощно руки и машинально смотрѣлъ въ покрытый сумерками дворикъ.

— Вотъ и спѣшилъ... а! спѣшилъ!... твердилъ онъ въ умѣ и ждалъ, скоро ли они выйдутъ; прислушивался, не услышитъ ли звука ихъ голосовъ... можетъ быть, станутъ говорить между собою объ этихъ деньгахъ. Нѣтъ, все тихо, еще ищутъ... сквозь открытую дверь коморы падаетъ на землю блѣдная полоса свѣта, исчезнетъ на минуту и снова протянется черезъ цѣлый дворъ до самой хаты. Евка не переставала трясти его руку.

— Слушай, Петрусикъ, не пожалѣешь, ей Богу, ну послушай!... если бъ ты былъ такъ добръ, и помогъ бы мнѣ. На верху мой

сундукъ со всякимъ добромъ... Вѣкъ свой трудилась, вѣкъ горевала, собирая свое добро!... Помоги ты мнѣ, Петрусикъ... снесемъ его хоть сегодня ночью... Петрусикъ, слышишь?

Петръ оттолкнулъ ее локтемъ, отвернулся и ушелъ въ дальній уголъ сарая. Въ эту же минуту вся компанія, съ опущенными головами, прошла обратно въ хату.

Евка засыпала Петра проклятіями. Изъ боязни быть имъ избитою она выскочила изъ сарая, стала у воротъ, приготовившись бѣжать отъ него каждую секунду; Евка какъ могла, какъ умѣла, изливала на него свою желчь; и когда запасъ эпитетовъ истощился, она повторяла въ сотый разъ, что онъ *прыблуда... безбатченко...* цѣлый вѣкъ служилъ, по сту кожъ стеръ на рукахъ и на ногахъ, работая для нихъ, а теперь пойдетъ прочь, изъ хаты прогонятъ, босаго, оборваннаго... выгонятъ людямъ на смѣхъ! И прекрасно! такъ ему и нужно! Что бъ на дорогѣ холера схватила, что бъ его громомъ убило!

Петръ машинально сбрасывалъ сѣно съ воза, не слушая, что она тамъ кричитъ на дворѣ, качалъ головою и удивлялся собственной судьбѣ, которая складывалась такъ какъ то... Отецъ умеръ... оставилъ такъ себѣ... а вѣдь говорилъ, обѣщалъ... Если бъ хоть деньги нашли... можетъ быть... кто тамъ ихъ знаетъ... Максимъ, кажется, добрый, а тотъ другой... то шельма... съ голоднымъ брюхомъ воротился!

Онъ покрутилъ головою и продолжалъ работу; потъ катился по лицу, стебельки сѣна кололи за воротникомъ, въ рукавахъ и за пазухою.

— Шельма... тотъ другой, повторилъ онъ въ раздумьи.—Пойду въ наймы... вѣкъ служилъ и дальше буду служить.

Вдругъ ему пришло на мысль, какъ то они справятся безъ него? Онъ и пахалъ, и боронилъ, и сѣялъ, словомъ, каждую десятину обрабатывалъ собственными руками. Они же, новые хозяева не то: одинъ пропадалъ гдѣ то въ солдатахъ, другой запивалъ... иногда цѣлый день, а то и два, и три дня ходилъ самъ не свой, слабый, полусонный... Онъ одинъ работалъ за всѣхъ. Разъ только, рубивши дерево, ушибъ ногу, полъ дня пролежалъ въ саду подъ хатой, потомъ всталъ, потащился въ поле

и все какъ то прошло по немногу. Какъ они тутъ безъ него останутся? Онъ знаетъ землю... вотъ какъ знаетъ! Помнитъ въ какомъ году, какой гдѣ колосъ былъ... Ну, и земля къ нему привыкла! Его всегда посылали сѣять, такъ какъ владѣлъ онъ легкою рукою, какъ нѣкогда и отецъ его, совершенно также сѣетъ! У Максима дрожали руки, а Өедоръ ни зерна еще не бросилъ въ землю... Онъ одинъ сѣялъ и весною, и осенью. Вотъ и теперь готовы нивы подъ жито... ровныя, вспаханныя какъ одна... Черезъ день, черезъ два и сѣять пора. Зерно въ этомъ году какъ золото! Самъ онъ всегда и первые снопы молотилъ... Какъ то они справятся безъ него? Чѣмъ дольше думалъ Петръ, тѣмъ медленнѣе шла его работа; онъ все чаще закрывалъ вѣки; отъ пыли, или можетъ быть отъ вечерней росы, туманилось въ его глазахъ.

— Можетъ хоть посѣять, а тогда идти? прошепталъ онъ, скривился и отеръ глаза рукавомъ.

Евка ушла въ хату, на мѣстѣ ея у порога стояла Жучка, махая хвостомъ и вглядывалась въ темный сарай; Петръ окончилъ работу и вышелъ, притворивши дверь. Изъ хаты доносился громкій голосъ Өедора, заглушавшій дружный трескъ кузнечиковъ въ травѣ. На горизонтѣ медленно выплылъ мѣсяцъ, отъ рѣки повѣяло влагою; люди разошлись по хатамъ, слышенъ былъ только скрипъ воротъ, запираемыхъ то тамъ, то сямъ на ночь, да глухой звукъ шаговъ на улицѣ прерывали ночную тишину. Максимыха вышла изъ хаты съ мискою молока въ рукахъ и ломтемъ хлѣба въ передникѣ.

— Поѣшь здѣсь, не иди въ хату, обратилась она къ Петру, тотъ проклятый человѣкъ совсѣмъ съ ума спятилъ... грозитъ хату развалить! Слыханное ли это дѣло? вотъ до чего дошло!

Петръ усѣлся на завалинкѣ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ наканунѣ на вѣки уснулъ отецъ его, поставилъ миску около себя и началъ ѣсть, Максимыха стояла передъ нимъ; оба прислушивались, какъ Өедоръ кричалъ въ избѣ; охрипъ, стучалъ кулакомъ по столу, повторяя въ сотый разъ, что своего не подаритъ. При каждомъ ударѣ ветхія стекла дрожали въ окнахъ, собака начинала ворчать, Максимыха кивала головою.

— Вотъ до чего дошло! шептала она. Покойнику грозитъ! Пойду, говоритъ, изъ могилы вытащу, пусть говоритъ, шельма!

не хотѣлъ при жизни, пусть по смерти разсказываетъ! О, Боже милый!.. Пречистая Дѣво! съ тѣхъ поръ какъ стоитъ хата, никто не кощунствовалъ, никто не накликалъ божьей кары! О, Боже мой милостивый!

— Онъ только такъ разсказываетъ, а не станетъ воевать съ покойникомъ, побоится, замѣтилъ Петръ.

— Ой, не побоится! Уже сгубилъ душу, шатаясь по свѣту! Въ Бога не вѣритъ, за каждымъ словомъ чорта вспоминаетъ. Пойду, говоритъ, вотъ сейчасъ пойду, можетъ быть еще не остылъ, можетъ задержу въ немъ духъ... пусть говоритъ! А не скажетъ, такъ хоть языкъ его выброшу собакамъ! Родной сынъ и такъ... объ отцѣ, о покойникѣ!.. Нѣтъ это свѣтопреставленіе! Содома—Гомора! Грѣхи тяжкіе!..

— Солдатъ, ничего не боится! что для него одинъ покойникъ, когда онъ самъ можетъ быть сотню убилъ!

— Отецъ родной!

— Гмъ! что тамъ солдату отецъ, хотя бы и родной; если бы тотъ хотя по крайней мѣрѣ также былъ солдатомъ... можетъ быть одинъ другаго боялся бы... извѣстно, какъ свой наскочитъ да на своего. А тутъ что? *нашъ старый* былъ простой мужикъ и только.

Максимыха молчала; ошеломленная такимъ кощунствомъ, она не могла собраться съ мыслями и опасалась Божьей кары, особенно противъ ночи... Ей казалось, что старая хата не выдержитъ подобныхъ словъ, она хотѣла уже вызвать дѣтей и мужа; въ случаѣ несчастья, пускай погибаютъ тамъ вдвоемъ солдатъ и его вѣдьма.

— Не ходи туда! Говоритъ, что убьетъ тебя, что ты на его хлѣбахъ выросъ, шепотомъ предупреждала Максимыха Петра, видя что онъ окончивъ ѣсть, всталъ и утиралъ себѣ губы рукавомъ.

— Чего я туда пойду, пробормоталъ онъ, оглянулся на глухую деревню, на поля, облитыя луннымъ свѣтомъ, и прибавилъ чуть слышно: чего я пойду... ужь я здѣсь не свой.

Максимыха не возражала; удерживать бѣдняка было нечего... сами останутся на пяти загонахъ, свои дѣти ростутъ... хотѣла ему хоть ласковое слово сказать.

— Пойду въ наймы, на Нѣманъ... на барку работникъ нуженъ.

— Хоть кусокъ сала возьми!—проговорила Максимыха со слезами на глазахъ.

— Завтра пойду! хотѣлъ еще жито посѣять... Эхъ! видно не суждено! посѣютъ и безъ меня.

— Посѣютъ! повторила Максимыха.

Обое умолкли; онъ какъ то не рѣшался уйти, переступалъ съ ноги на ногу, почесывая у себя за ухомъ.

— Придешь ты по утру, сирото небоже, прежде чѣмъ идти въ свѣтъ, съ хатой попрощайся. Здѣсь тебя мать родила, отсюда ты унесешь и судьбу свою тяжкую въ люди! причитала Максимыха, утирая передникомъ слезы.

Петръ смотрѣлъ въ землю и молчалъ; ему становилось жарко, горе душило его, не было у него ни словъ, ни слезъ.

— Прійду! прошепталъ онъ, и опустивъ голову, поплелся на свое обычное мѣсто подъ стогомъ, гдѣ уже поджидала его Жучка, тихонько ударяя хвостомъ по землѣ.

Рано утромъ Петръ отправился къ Шмулю. Барка все еще стояла у противоположнаго берега; красивая лодка, бѣлая съ голубымъ, тихо колыхалась на темно-синихъ волнахъ рѣки; только людей не было видно. Онъ постоялъ на берегу, поглядѣлъ на барку, на лодку, на темный сосновый лѣсъ... Солнце освѣщало желтоватые стволы, такъ что издали можно было сосчитать деревья; изъ лѣсу доносился смолистый запахъ, смѣшанный съ свѣжимъ запахомъ рѣки.

Шмуль еще спалъ; ставни по правой сторонѣ крыльца, съ вырѣзаннымъ въ нихъ сердцемъ, были еще закрыты. Въ сѣняхъ передъ запертою дверью стояла коза; десятокъ куръ прохаживались осторожно, какъ бы опасаясь разбудить хозяина. Петръ усѣлся на крыльцѣ и ждалъ.

— Должно быть еврей не успѣлъ еще нанять себѣ работника. Видно мнѣ суждено!... Вотъ ужь не думалъ я и не надѣялся, что придется идти на воду!

Теперь онъ внимательно присматривался къ рѣкѣ, ловилъ ухомъ тихій плескъ воды... Сегодня она казалась ему иною,

словно и не та... шире, темнѣе...—Глубокая, бестія, ой глубокая! подумалъ онъ, слѣдя глазами за плескомъ волны.

Одѣтъ онъ былъ въ сермяжную куртку, обшитую черною тесьмою, въ новые полотняные штаны и новую рубаху; на лавкѣ подлѣ него лежалъ узелокъ съ бѣльемъ, увязаннымъ въ красный платочекъ и суковатая палка; собрался онъ въ свѣтъ со всѣмъ своимъ имуществомъ; за пазухою лежала бумага изъ волости, съ которою можно было идти ему всюду, куда только глаза глядятъ. Эта бумага придавала ему увѣренности, возвышала въ собственномъ мнѣніи до званія гражданина; значитъ онъ есть *кто то*, если о немъ знаютъ въ волости, и даже на бумагѣ пишутъ!... Собака, лошадь или волъ живутъ на свѣтѣ безъ всякаго свидѣтельства, у него же есть свой *документъ*.

Солнце грѣло его въ спину, онъ двинулъ плечами и прищурилъ глаза... Вонъ тамъ при изгибѣ рѣки подъ лѣсомъ сѣрѣютъ среди зеленой равнины нѣсколько ровно вспаханныхъ загоновъ... сердце его сжалось, въ груди сдѣлалось жарко... нѣсколько минутъ дышалъ онъ какъ то медленнѣе и опять будто ничего... ожидалъ Шмуля.

Въ окно шинковой избы выглянулъ человѣкъ въ коричневой сермягѣ, потомъ другой просунулъ голову изъ-за его спины, проворчали что то про себя, въ избѣ; заговорили, задвигались; кто то бросилъ на полъ жестяную кружку, кто то протяжно зѣвнулъ, расправляя кости и суставы, такъ что на дворѣ было слышно. Скрипнула дверь; коза первая проникла въ избу, за нею куры бросились подъ ноги выходившимъ изъ нея крестьянамъ. Впереди вышло двое, за ними еще трое, всѣ босые, въ наброшенныхъ на плечи сермягахъ, кто держалъ руку за пазухою, кто чесалъ за ухомъ; проходя мимо Петра, смѣрили его съ головы до ногъ соннымъ взглядомъ, поплелись одинъ за другимъ на берегъ и спустились оврагомъ къ рѣкѣ. Глухое, словно подземное „го, го... о... о!“ пронеслось надъ берегомъ, отозвалось въ лѣсу, въ зарösляхъ и замерло гдѣ то въ оврагѣ. На рѣкѣ плеснуло весло.

Петръ слышалъ все это, но даже не оглянулся, ему что за дѣло!... пусть себѣ кричатъ, пусть плывутъ, когда придетъ его очередь, и онъ крикнетъ, и онъ поплыветъ.

Въ избѣ утихло, слышно было только, какъ ступала по полу коза, какъ греблись куры въ углу около печи. Вдругъ кто то зѣвнулъ, или скорѣе застоналъ болѣзненно, протяжно и умолкъ. Петръ выпрямился и, словно пробужденный отъ сна, замигалъ глазами, ему казалось, что стонъ этотъ все еще гдѣ то и тутъ близко отдается. Встревоженныя куры выскакивали изъ избы въ сѣни, на крыльцо, хлопая крыльями, пробѣгали у ногъ парубка на дворѣ; коза отошла къ порогу и съ недоумѣніемъ вглядывалась во внутрь избы. Петръ слушалъ не повторится ли этотъ стонъ... онъ пошелъ бы взглянуть, а можетъ быть и не пошелъ бы, но все таки прислушивался. Въ избѣ кто то ходилъ, шлепая по полу босыми ногами; коза выбѣжала въ сѣни, за нею вышелъ больной парубокъ въ полотняной одеждѣ, въ синей курткѣ съ блестящими пуговицами, съ опущенною головою, съ запекшимися губами, рыжіе волосы падали на лобъ; проходя черезъ сѣни, онъ смотрѣлъ воспаленными глазами на залитое свѣтомъ подворье, не взглянулъ даже на Петра, сталъ на крыльцѣ и опустилъ руки. Петръ узналъ вчерашняго больнаго, сегодня онъ выглядѣлъ здоровѣе; онъ кусалъ губы, и мрачно нахмурившись, смотрѣлъ на барку.

— Не знаете, есть ли уже тамъ работникъ? спросилъ Петръ, кивнувъ головою въ сторону рѣки.

Больной окинулъ взглядомъ и чистую одежду и узелокъ въ красномъ платкѣ, и палку спрашивавшаго его крестьянина.

— А чортъ его знаетъ! должно быть нѣтъ, если стоятъ до сихъ поръ, проворчалъ онъ въ отвѣтъ и присѣлъ на другую лавку.

— Онъ... мошенникъ?

— Гмъ, жидъ,—какъ жидъ!

— Не обижалъ?

— Истерли бы его въ порошокъ, если бы онъ да еще началъ насъ обижать! боится, шельма!

— Это хорошо!

Собесѣдники умолкли; больной внимательно присматривался къ Петру, смѣрилъ еще разъ взглядомъ и его узелокъ, и боль-

шія руки, босыя ноги; здоровый румянецъ парубка видимо возбуждалъ въ немъ зависть.

— Пропадешь тамъ прежде времени, сказалъ онъ наконецъ, чего лѣзть, лучше такъ гдѣ нибудь, около пашни... тамъ нуженъ навыкъ, не всякій можетъ справиться, кивнулъ онъ на барку.

— Кто теперь возьметъ къ осени? весною другое дѣло; авось не пропаду до весны.

— А теперь ты откуда идешь? изъ экономіи? или такъ отъ хозяина?

Петръ не отвѣчалъ. Горе, замершее было въ сердцѣ, ожило съ новою силою; онъ весь вспыхнулъ, лобъ, виски, уши налились кровью, онъ поднялъ брови, вперилъ глаза въ землю и не могъ произнести ни слова.

— Можетъ быть изъ дому? спросилъ больной послѣ долгаго молчанія. Петръ кивнулъ головою, въ глазахъ стояли слезы.

— Изъ дому, повторилъ онъ.

Больной отворотился и смотрѣлъ въ лѣсъ за рѣку, какъ то странно съежившись.

— Почему же изъ дому? несчастье случилось, или раздѣлились?

Петръ не зналъ, что сказать; синяя куртка съ блестящими пуговицами, фарфоровая трубка, выглядывавшая изъ кармана собесѣдника, приводили его въ смущеніе. При томъ же больной казался человѣкомъ бывалымъ: плевалъ сквозь зубы, сидѣлъ закинувъ ногу на ногу, заложа руки въ карманы, трактовалъ его немного свысока, обо всемъ распрашивалъ, между тѣмъ какъ самъ онъ не смелъ даже спросить, кормятъ ли тамъ на баркѣ, даютъ ли водку по временамъ и сколько платятъ? Не смѣлъ, боялся, чтобы не приняли его за простака, который даже о такихъ вещахъ не слыхалъ. Поэтому онъ не отвѣчалъ сразу, собираяся все съ мыслями, но что то тянуло его за языкъ,— нужно было во что бы то ни стало высказать всѣ свои огорченія и обиды... нужно было дознаться отъ кого нибудь, дѣйствительно ли онъ ничего не можетъ получить изъ отцовскаго наслѣдства. Зналъ онъ, что не съумѣетъ передать всего такъ, какъ думаетъ, но отчего же не попытаться. Началъ съ земли и скота, сколько чего было, какая у нихъ паша, какой бываетъ урожай

въ сухое и какой въ дождливое лѣто. Вспомнилъ, что шельма Яковъ, сосѣдъ, постоянно воруетъ съ ихъ поля снопы; впрочемъ, это уже извѣстный воръ, даже подъ арестомъ сидѣлъ! Потомъ вдругъ спутался, забылъ, о чемъ разсказывалъ, не помнилъ даже, все ли имущество перечислилъ или нѣтъ, и началъ опять сначала. Теперь пошло глаже такъ что, когда служанка Шмуля, низкая, румяная еврейка съ пухомъ въ черныхъ, вьющихся волосахъ, вышла открывать ставни, больной зналъ уже названія лошадей и коровъ количество овецъ, имена отца, братьевъ и ихъ женъ и слушалъ о похожденіяхъ Евки, слушалъ ошеломленный, пораженный, не спуская глазъ съ разсказчика.

— Такъ эта вѣдьма у васъ? спросилъ онъ вдругъ.—Такая смуглая, на тонкихъ ногахъ, худощавая, съ черными волосами?

Петръ кивнулъ головою.

— Въ достаткѣ жила, говоришь ты? въ роскоши всякой?

Петръ повторилъ, какъ умѣлъ, всю привольную жизнь Евки до возвращенія мужа. Больной слушалъ, улыбался, изъ подъ рыжихъ усовъ сверкали острые, рѣдкіе зубы; онъ смѣялся и шутливо кивалъ головою.

— Вотъ какъ! повторялъ онъ спокойно, почти весело; только, когда Петръ снова сбился и замолчалъ, онъ поспѣшно сжалъ руками всклокоченную голову, а когда опустилъ ихъ на колѣни, въ каждой былъ клокъ рыжихъ волосъ.

— Въ роскоши жила, прошипѣлъ онъ, въ роскоши!

Петръ разговорился о братьяхъ, о Ѳедорѣ, о своей обидѣ.

— Злодѣи, воры! подтвердилъ больной. А ты дуракъ! Никто тебѣ щепотки соли не дастъ даромъ... никто, понимаешь?—Онъ вытянулъ шею и уставился ему въ лицо воспаленными глазами.— Никто не дастъ! повторилъ онъ съ удареніемъ.—Не обкрадывалъ ты ихъ, не грабилъ, вотъ и вышелъ босымъ изъ хозяйской хаты!

Онъ сплюнулъ, въ горлѣ пересохло, послѣднія слова онъ произнесъ сдавленнымъ, рѣзкимъ голосомъ.

— Бѣда научитъ разуму! увидишь, но только со временемъ. Прежде будешь лить кровавый потъ, силы растратишь понапрасному, а тогда увидишь, что глупо жилъ на свѣтѣ. Вотъ какъ!

Рѣчь его оборвалась; самъ же онъ смотрѣлъ въ широко раскрытые глаза Петра и видѣлъ, что этотъ неповоротливый крестьянинъ скорѣе чутьемъ, нежели разсудкомъ угадываетъ смыслъ его словъ.

— Такъ можетъ быть мнѣ лучше воротиться домой и требовать свою часть? робко спросилъ тотъ, ошеломленный всѣмъ услышаннымъ.

— У кого? Чего требовать? Можетъ быть земли. А ты далъ бы хоть щепотку родному отцу, если бъ имѣлъ?

— Оно то правда, что не далъ бы! Такъ чтожь мнѣ дѣлать теперь?

— Ничего! пойдешь служить, работа изсушитъ, изморитъ тебя! Хозяиномъ не будешь! Воровству, можетъ быть, научишься, если до сихъ поръ не умѣлъ, вотъ и все. А съ наслѣдствомъ распрощайся! Если бы все провалилось сквозь землю и тогда ты бы ничего не потерялъ, вотъ какъ! Нужно было лучше слѣдить за отцовскими деньгами. Иногда у воровъ отбираютъ, нищій такъ и умретъ нищимъ!—Такъ эта вѣдьма, говоришь, и теперь у васъ живетъ? спросилъ онъ измѣнившимся голосомъ.—Евка... черноволосая... худощавая... изъ Нѣменчина ее взялъ?

Петръ кивнулъ головою.

— Когда? давно?

Тотъ подумалъ немного... какъ разъ въ тотъ годъ рыжая въ первый разъ отелилась...

— Гмъ, должно быть года четыре будетъ!

— Это значитъ тогда, какъ я ушелъ!... Сейчасъ послѣ того, какъ я ушелъ въ свѣтъ. Вѣдьма! ластилась, прикидывалась... а я вѣрилъ ей, вѣрилъ какъ самому себѣ! а!... Гмъ, пропало! полъгоря! А мнѣ что за дѣло?—онъ пожалъ плечами, но черезъ минуту спросилъ.

— Знаешь ли ты навѣрно, что это та самая? изъ Нѣменчина? а? Потому что можетъ быть другая, какая нибудь?...

— Та самая, вѣдь я за нею ѣздилъ. Откуда тамъ другая? Довольно и одной такой на свѣтѣ!

Онъ снова принялся разсказывать все и съ самаго начала, но Андрей уже его не слушалъ; онъ быстро вскочилъ съ лавки, вышелъ на берегъ и отвернувшись отъ корчмы, пристально

смотрѣлъ на воду. На крыльцѣ же корчмы показался Шмуль, за нимъ явился другой еврей, начались переговоры ихъ съ Петромъ, и все время пока они договаривались и торговались съ нимъ, Андрей какъ бы приросъ къ берегу. И только подъ конецъ, когда Петръ, забравши свои вещи, пошелъ за купцомъ, а Шмуль, заложа руки въ карманы, медленными шагами провожалъ ихъ къ лодкѣ, Андрей закричалъ ему вслѣдъ:

— Эй, ты, шинкарь! чего развважничался? водки, собачья кровь! слышишь? давай водки!

Шмуль остановился и оглянулся съ достоинствомъ; икры у него задрожали скорѣе по привычкѣ, чѣмъ изъ боязни.

Лодка быстро отчалила; оглянувшись на берегъ Петръ все еще видѣлъ шинкаря въ вышитыхъ туфляхъ, съ разстегнутымъ жилетомъ, изъ подъ котораго видна была грязная рубаха, а сзади висѣли бѣлыя тесемки,—и Андрея, который, подавшись впередъ, кричалъ что то и грозилъ кулакомъ; наконецъ, онъ побрелъ къ крыльцу—лодка причалила отъ барки къ берегу за хозяиномъ и только что нанятымъ Петромъ.

На баркѣ купецъ сталъ торопить всѣхъ, то бѣгалъ, то подавалъ веревки, то помогалъ надѣвать рабочимъ на грудь парусинные пояса. Солнце стояло высоко, вода спадала, полтора дня потеряли, стоя на мѣстѣ; за то люди отдохнули. Купецъ еще разъ обернулся и поглядѣлъ на корчму: тамъ оставался самый сильный... тащилъ за двухъ, а ругался за десятерыхъ, людей бунтовалъ... разъ какъ то пригрозилъ даже утопить его... Разумѣется, это была шутка, но отъ такихъ шутокъ сѣдѣютъ волосы на головѣ. За то этотъ новый сразу показалъ, на что онъ способенъ. Купецъ отошелъ, остановился въ нѣсколькихъ шагахъ отъ берега и, заложа за спину руки, съ улыбкою знатока слѣдилъ за первою пробою Петра; восемь человѣкъ старались столкнуть съ мели барку; подавшись впередъ, они изо всѣхъ силъ напирали грудью на шесты и въ теченіи нѣсколькихъ минутъ стояли словно окаменѣлые—ни движенія, ни дыханія, ни малѣйшихъ признаковъ жизни не было замѣтно... только лица, наклоненныя къ низу, наливались кровью, глаза сами собою закрывались, потные волосы прилипали ко лбу и вискамъ, еще минута

такого напряженія и лопнутъ набрякшія жилы, грудь не выдержитъ задержаннаго дыханія. Но вотъ заколыхалась барка и изъ восьми грудей разомъ вырвался протяжный возгласъ! Всѣ вздохнули и, не расправляя спины, снова всею силою налегли на шесты. Купецъ не спускалъ глазъ съ новичка, всѣхъ остальныхъ видалъ онъ не разъ при подобной работѣ и зналъ, кто чего стоитъ, умѣлъ даже различить голосъ каждаго въ общемъ стонѣ... Петръ побагровѣлъ, жилы на лбу надулись, но ни капли пота не выступило еще на лицѣ. Онъ даже не подалъ голоса; только закусилъ нижнюю губу и въ то время, какъ прочіе переводили духъ, онъ одинъ продолжалъ отпихать барку отъ берега. Еврей незамѣтно кивнулъ головою; онъ уже оцѣнилъ новаго работника; когда, оттолкнувши барку, всѣ принялись оправлять петли на груди, устанавливаться по два и по три человѣка и собираться съ силами для первыхъ шаговъ, пока не вытащатъ барки на глубокое мѣсто,—онъ самъ поставилъ Петра около самаго слабѣйшаго, невысокаго старика, худаго и лысаго, который не годился уже тянуть бичеву, но превосходно зналъ путь, разъ сто прошелъ рѣку вверхъ и внизъ и при томъ же легко напивался. Уже отъ первой рюмки носъ его алѣлъ, красныя пятна выступали на щекахъ, тусклые глаза начинали блестѣть, онъ смѣялся, подпрыгивалъ, бралъ гармонику, наигрывалъ и напѣвалъ пискливымъ голосомъ „Якъ була я молода“ или другую какую нибудь развеселую пѣсню, а усталые, измученные товарищи немного оживали и даже смѣялись по временамъ. Въ особенности въ самыхъ дикихъ мѣстахъ, среди лѣсистыхъ горъ и овраговъ, на берегу, усѣянномъ острыми каменьями, гдѣ съ каждымъ шагомъ оставались новые слѣды крови на землѣ, эта музыка была какъ нельзя болѣе кстати. Развеселившійся старичекъ игралъ даже на ходу, таща бичеву, только пѣть не могъ въ это время—голосъ обрывался и вмѣсто мотива выходило какое то жалкое мычаніе. Другіе только послѣ седьмой или восьмой рюмки приходили въ болѣе веселое настроеніе, разставались съ своею обычною угрюмостью, пѣли и кричали шумными голосами, въ которыхъ дикое веселье сливалось съ жалобнымъ стономъ, вырывавшимся изъ самой глубины груди; для него достаточно было одной рюмки. Когда не

удавалась музыка и пѣніе, онъ смѣялся, шутилъ, балагурилъ, вообще развлекалъ компанію и среди протяжныхъ стоновъ и скрипа веревокъ дрожащій голосъ старика пріятно ласкалъ слухъ остальнымъ. За всѣ эти заслуги купецъ прощалъ ему недостатокъ силъ, слабыя ноги и частый кашель, напоминавшій кашель овцы. Передъ особенно тяжкими переходами звалъ его съ собою на барку и давалъ рюмку водки; старикъ самъ зналъ, когда придетъ къ тому время, посматривалъ на еврея, подмигивалъ и никогда не обманывалъ! Да и нужды не было,—иногда по нѣскольку разъ на день встрѣчалась „кровавая дорога". Подъ пѣсню, подъ музыку, подъ веселую шутку ровнѣе плыла барка, бурлаки правда стонали, но ихъ меньше было слышно.

Съ нимъ то еврей поставилъ Петра и былъ совершенно доволенъ: гдѣ старый ослабѣетъ, молодой подтянетъ... надѣялся даже, что при такомъ товарищѣ и старику прибудетъ силъ. Ничуть не бывало! едва прошли нѣсколько десятковъ шаговъ, Петръ еще ни разу не вздохнулъ, а старичекъ уже весь дрожалъ, облитый потомъ и то и дѣло поглядывалъ на своего исполинскаго сосѣда. Тотъ шелъ большими шагами, потупивъ голову, петля впилась ему въ грудь, рѣзала подъ руками, глаза наливались кровью. Впереди на землѣ виднѣлись четыре босыя ноги, съ боку на пригоркѣ еще шесть такихъ же ногъ. Передъ нимъ и за нимъ перекрещивались веревки, касаясь то плеча, то колѣна, одна уже натерла ему шею; несмотря на то ему все казалось, что онъ одинъ тащитъ барку, что всѣ эти люди, склоненные, сгорбленные идутъ себѣ только, вытянувъ шею, а вся тяжесть, вся громадная сѣрая масса, незамѣтно движущаяся по водѣ, давитъ на его грудь. Сперва ему казалось, что это первые только шаги такъ трудны, что вотъ—вотъ будетъ легче, сейчасъ за этимъ пригоркомъ, за этими песками, или вонъ тамъ въ концѣ за оврагомъ, за каменьями. Тамъ ему будетъ легче... барка выплыветъ на болѣе глубокое русло, тогда и онъ пойдетъ, какъ всѣ, а пока долженъ тащить одинъ за всѣхъ. Но холмы, пески и скалы оставались позади, кое гдѣ попадался лужокъ съ влажною почвою, болотистый или утоптанный берегъ, ровный какъ полъ; окровавленныя ноги нѣсколько освѣжались, а ремень по прежнему не пе-

реставалъ надавливать грудь. Старикъ поглядывалъ на товарища, тотъ въ свою очередь смотрѣлъ на него. Другіе, идучи рядомъ, обмѣнивались между собою отрывочными замѣчаніями, полусловами.

Старичекъ только улыбался исподтишка, щурилъ глаза, страшно кривилъ лицо, словно изъ него всѣ жилы вытягивали, наконецъ, взялъ Петра за руку, крѣпко сжалъ ее и съ тѣхъ поръ они шли уже рука объ руку. Петру было какъ будто легче; онъ видѣлъ, какъ старикъ съ трудомъ передвигаетъ ноги, нагибается впередъ, тащитъ изо всѣхъ силъ, иногда наклоняется почти къ самой землѣ; чувствовалъ, какъ его пальцы дрожатъ отъ напряженія, какъ весь онъ вздрагиваетъ по временамъ, словно умирающій котенокъ,—и убѣждался, что не одинъ онъ тащитъ бремя, ему становилось легче, онъ начиналъ привыкать.

Бурлаки отдохнули подъ горою, потомъ посидѣли въ лѣсу, кто съ кѣмъ шелъ, съ тѣмъ и усаживался на привалъ; Петръ держался подлѣ старика, или скорѣе старикъ сразу присталъ къ нему. Они не разговаривали между собою, но уже хорошо знали другъ друга. Замѣчая, что старикъ начинаетъ спотыкаться, тотъ поддерживалъ его за руку и тащилъ за собою.

— Хе, хе! мнѣ ужь не до танцевъ! вздыхалъ старикъ съ шутливою гримасою,—не... до... танцевъ!... и шелъ дальше почти на четверенькахъ, хватаясь руками за выдающіеся каменья, а когда подымалъ голову, глаза его были красны, лицо облито потомъ; онъ утиралъ рукавомъ лобъ, но черезъ минуту новыя капли выступали, какъ роса.

— Еще двѣ трудныя горы, лютыя бестіи, что ни шагъ, то сучекъ, или корень, или тернъ острый до самой кости влазитъ! берегъ будетъ, какъ стекломъ усыпанный, не одинъ чортъ тамъ копыта себѣ содралъ; а потомъ уже одни пески глубокіе, непроходимые, душа разрывается въ груди, глаза лѣзутъ изо лба; а за песками еще одинъ часъ пути и ночлегъ, если только не станемъ на мель по дорогѣ,—объяснялъ онъ Петру во время привала. Они ѣли изъ одной миски, старикъ попотчивалъ его табакомъ, спросилъ, какъ его зовутъ, о себѣ же сказалъ, что въ селѣ когда то называли его Иваномъ, но уже давнымъ давно, въ отличіе отъ другихъ, прозвали „Хацкелемъ“.

— Жидовское это имя, не людское, но что жъ дѣлать? Хацкель такъ Хацкель! видно такъ имъ понравилось. Да впрочемъ, на водѣ человѣкъ живетъ какъ собака, ни Бога, ни людей! если бы не кусочекъ сала, что плаваетъ тамъ иной разъ въ крупникѣ, то и самъ себя не отличилъ бы отъ жида. Пусть будетъ Хацкель!

Онъ сыпалъ шутками и все поглядывалъ на Петра, подсовывалъ ему табакерку, но не могъ вызвать на разговоръ. Предсказаніе его относительно дороги оправдалось вполнѣ. Послѣ двухъ горъ былъ адскій берегъ, затѣмъ пески, наконецъ къ вечеру вошли какъ бы въ глубокій оврагъ; по обѣ стороны возвышались лѣсистыя взгорья, поросшія сосною, елью и густыми кустарниками можжевельника; тутъ сразу стемнѣло, рѣка была уже и глубже въ этомъ мѣстѣ, теченіе спокойнѣе, мѣстами поверхность ея была гладкая, какъ зеркало. Люди карабкались по обрывамъ, хватались за кусты, за камни, ползли почти на колѣняхъ... глухой стонъ повторялся ущельемъ и протяжнымъ эхомъ отдавался по лѣсу. Въ ихъ полотняной одеждѣ люди почти не были замѣтны на сѣроватомъ фонѣ горы; казалось, стонъ выходилъ прямо изъ земли и разносился въ воздухѣ, въ бѣловатой дымкѣ, клубившейся надъ водою.

Перегнувшись на двое, Хацкель тащился у самыхъ ногъ Петра; понемногу, незамѣтно снялъ онъ съ груди ремень и, придерживая его въ рукахъ, по прежнему наклонившись и тяжело дыша, искоса поглядѣлъ на Петра. Люди карабкались по корнямъ, по сучкамъ, мѣстами песокъ осыпался подъ ногами... У Петра горѣли ноги, какъ въ огнѣ, онъ хватался за выступы обрыва, но сухой песокъ разсыпался въ ладони, рука падала и ему снова показалось, что онъ одинъ тащилъ всю тяжесть. Онъ взглянулъ на Хацкеля въ то самое мгновеніе, какъ тотъ, весь скорчившись, съ умоляющимъ видомъ смотрѣлъ ему въ глаза; петли не было на груди, но старикъ казался такимъ измученнымъ, малымъ и жалкимъ, что Петръ только молча кивнулъ головою и продолжалъ смотрѣть подъ ноги.

Наконецъ совсѣмъ стемнѣло, бурлаки спустились въ долину. Рѣка вилась среди луговъ и вспаханныхъ полей; при первомъ изгибѣ подъ лѣсомъ сдѣлали привалъ. Никто даже не по-

думалъ о пищѣ; гдѣ кто стоялъ, тамъ и упалъ на землю, прижимаясь грудью къ влажной травѣ. Хацкель черпалъ воду деревяннымъ ковшомъ и поочередно подносилъ каждому; это входило въ кругъ его обязанностей музыканта, пѣвца и балагура. Всѣ пили съ жадностью, отрывались на минуту и снова принимались пить, пока мало по малу не остывалъ жаръ въ груди; тогда вынимали изъ кармана трубки, но никто не двигался съ мѣста; всѣ лежали, растянувшись на животѣ, слегка приподнявъ голову. Хацкель принесъ имъ съ барки свиты и кожухи, услуживалъ всѣмъ, потому что съ каждымъ имѣлъ свои счеты. Только когда угасла послѣдняя трубка, онъ присѣлъ на землю рядомъ съ своимъ спутникомъ, охвативъ колѣни руками, скорчившись подъ наброшеннымъ на плечи тулупчикомъ, и отдыхалъ, глядя на противоположный берегъ. За ними въ двухъ шагахъ тянулся глухой лѣсъ, подобно высокому валу, загибавшійся полукругомъ и окаймлявшій желтоватые берега рѣки. Въ воздухѣ дрожалъ легкій вѣтерокъ, глухой шелестъ непрогляднаго лѣса, раздавалось тяжелое дыханье нѣсколькихъ измученныхъ грудей; минутами и вѣтеръ, и шелестъ, и плескъ воды расплывались гдѣ то между небомъ и землею. Въ ночной тиши слышно было только тяжкое, отрывистое дыханье спящихъ бурлаковъ, которое то ослабѣвало, то постепенно переходило въ сдержанный стонъ, обрывалось, утихало, словно уходило въ землю и возвращалось снова, уже ровнѣе и свободнѣе.

Петръ еще не спалъ; онъ опустилъ въ воду израненныя ноги и смотрѣлъ на песчаный обрывъ на противоположномъ берегу. Шли цѣлый день, сдѣлали немалый конецъ, а отсюда и полверсты не будетъ до села. Самъ онъ пахалъ не разъ противъ этого лѣса и каждый кустъ, каждый холмикъ зналъ какъ свои собственныя нивы. Онъ пожалъ плечами, удивляясь тому, какъ различно идетъ путь на водѣ и на сушѣ. Тихая, чуть замѣтная улыбка промелькнула на губахъ... будь подъ рукою лодка, онъ вскочилъ бы и поспѣлъ бы еще домой къ ужину. Близехонько... небольшой клинъ жита, межа, полъ морга поля... дорога... заросли и село... ихъ хата первая отъ берега.

— Клонитъ меня ко сну, шепнулъ старикъ.—На перинѣ, пожалуй, уснулъ бы, а на землѣ—жаль трудить кости!

— На перинѣ! замѣтилъ Петръ, такъ вы развѣ въ самомъ дѣлѣ изъ жидовъ?

— О, нѣтъ! я изъ села, только изъ далекаго... Богъ его знаетъ, есть ли оно еще на свѣтѣ? Можетъ быть сгорѣло, а можетъ быть и люди вымерли... живой души изъ той стороны никогда не встрѣтишь. А можетъ быть оно теперь иначе называется? Кого ни спроси, никто никогда не слыхалъ о Тетеркахъ. Иной зналъ Соколы, другой Воробьевичи, были даже такіе дурни, что жили когда то въ Воронкахъ, только Тетерокъ никто не видалъ. Я ужь теперь и не спрашиваю—должно быть иначе назвали. Попалъ бы можетъ, да не знаю дороги! Теперь все по машинѣ ѣздятъ, а я оттуда пѣшкомъ вышелъ, такъ и попасть трудно! Гдѣ то около Свислочи... а тутъ говорили когда то, что и Свислочь сгорѣла! Эхъ! жизнь бываетъ и хорошая, и худая, умирать всегда плохо... а мнѣ уже ближе къ концу... по смерти душа и сама попадетъ, куда ей предназначено. Вонъ и тамъ за холмомъ горитъ что то! прибавилъ онъ хрипло, указывая головою на противоположный берегъ,—можетъ быть село, а можетъ и просто ночлежникъ?

Петръ еще раньше примѣтилъ на небѣ бѣловатое облачко дыма, затѣмъ желтоватую полосу, не то зарево, не то отблескъ восходящаго мѣсяца. Онъ смотрѣлъ, напрягалъ зрѣніе, наконецъ всталъ на ноги, вытянулъ шею, стараясь видѣть еще лучше. Зарево росло надъ горизонтомъ, красноватые отблески подымались все выше и выше.

— Горитъ, точно горитъ!—замѣтилъ Хацкель.

Молодой человѣкъ вздрогнулъ, окинулъ глазомъ барку посрединѣ рѣки съ колыхавшеюся у кормы лодкою, потомъ бросилъ взглядъ на лѣсъ и въ два прыжка, словно раненый волкъ, очутился у дерева; прежде чѣмъ старикъ успѣлъ оглянуться, онъ былъ уже на половинѣ высокой сосны и карабкался на самый верхъ, съ сучка на сучекъ... между тѣмъ зарево позолотило уже верхушки лѣса.

Горѣла хата Чмелей. Благодаря тихой погодѣ, она горѣла ровно, какъ свѣча, безъ шума и треска, свойственнаго пожарамъ. Старая крыша, гнилыя стѣны и балки, все вспыхнуло почти сразу. Огонь въ одно мгновеніе охватилъ хату, бросилъ кверху цѣлый столбъ искръ, затѣмъ успокоился и медленно пожиралъ гору старой рухляди, нагроможденной десятками лѣтъ. Люди успѣли выскочить какимъ то чудомъ. Максимъ, Ѳедоръ, Максимыха съ съ дѣтьми—всѣ выстроились въ рядъ передъ огнемъ на улицѣ, нѣмые отъ ужаса, и не сводили глазъ съ пламени. Только когда рухнула печь, Максимыха вскрикнула: о, Господи!

Максимъ взглянулъ на нее, на *обору,* на *стодолу,* до верху наполненную хлѣбомъ. Ни одной искры не летѣло въ ту сторону, ни малѣйшаго вѣтерка... хата горѣла тихо и столбъ сѣраго дыма медленно подымался къ небу... Даже сосѣди, встревоженные въ первую минуту, мало по малу успокоились: хата стояла въ самомъ концѣ села, отдѣленная отъ другихъ огородомъ и рядомъ березокъ, а горѣла такъ ровно, какъ будто куча сухой соломы... Любопытство пересилило тревогу. Въ одну минуту цѣлое село столпилось у огня, бабы впереди, кто безъ юбки, кто безъ фартуха, всѣ въ томъ видѣ какъ засталъ ихъ пожаръ въ постели. О спасеніи или помощи не было и помину, при видѣ пожара всѣ опасенія на счетъ его распространенія исчезли. Вся эта толпа, сбившаяся въ кучу посрединѣ, съ болѣе отважными на правомъ и лѣвомъ крылѣ, окруженная непроглядною тьмою, съ лицами, озаренными красноватымъ заревомъ пожара, казалась порожденіемъ фантазіи, какими то привидѣніями, грѣющимися вокругъ адскаго огня. Растрепанныя бабы съ космами сѣдыхъ и черныхъ волосъ на лбу, довершали сходство.

А за селомъ, тамъ гдѣ начинались густыя заросли, Евка въ одной рубахѣ и разорванной юбкѣ, босая, безъ платка, съ расплетенными косами по плечамъ, стояла, словно окаменѣлая, передъ Андреемъ; она сразу узнала его, слышала его голосъ, чувствовала, какъ онъ трясъ ее за руку и злобно кричалъ что то подъ самымъ ея носомъ. Чувствовала, какъ что то уже хруснуло въ ея плечѣ, послѣ чего страшная боль прошла по всей ея спинѣ, но тѣмъ не менѣе она не могла выговорить ни слова. Она смотрѣла ему въ

лицо широко раскрытыми глазами, даже двигала губами, голоса только ей не хватало. Отдаленный свѣтъ пожара разстилался по полю, освѣщалъ село и озарялъ по временамъ широкое лицо Андрея, рыжіе волосы, обвисшіе усы, рубаху, разстегнутую на широкой косматой груди. Теперь она убѣдилась, что это онъ, тотъ самый, и въ дикомъ страхѣ впилась ногтями въ его руку... боялась, что бы онъ опять не исчезъ, не провалился сквозь землю, не оставилъ ее одну среди темной ночи, она дрожала всѣмъ тѣломъ, стучала зубами... Наконецъ, злость его прошла, онъ спокойнѣе посмотрѣлъ на Евку; такая же точно, какою оставилъ ее. Оборванная, одинокая, боязливая.

— Чего дрожишь, глупая? ну, перестань... я вѣдь не чортъ, не разбойникъ! Огонь вѣдьмы не взялъ! пробормоталъ онъ про себя, окончательно отрезвленный, смѣрилъ ее глазами съ головы до ногъ, оглянулся назадъ на село и нѣсколько минутъ смотрѣлъ на постепенно уменьшавшійся огонь, на черные силуэты, виднѣвшіеся вдали.

Евка опомнилась, только зубы еще стучали какъ въ лихорадкѣ, она вскинула плечами и прошептала:

— Чортъ ихъ сжегъ!

— Молчи, сумашедшая! крикнулъ Андрей сквозь зубы.

Но Евка уже не боялась его. Жизнь, задержанная на минуту, пробудилась въ ней съ новою силою. Торопливо, прерывающимся голосомъ шептала она о своей тяжкой участи, о всѣхъ обидахъ, голодѣ и холодѣ, о волахъ проклятыхъ, о карѣ божьей и вѣчномъ мученіи для нихъ! Шопотъ ея какъ то зловѣще раздавался въ ночной тишинѣ.

— Тише, твердилъ Андрей, нѣсколько разъ даже зажимая ей ротъ рукою, но уйти не могъ, что то приковывало его къ мѣсту... онъ ждалъ, пока не угаснетъ послѣднее зарево. Пламя вспыхивало еще по временамъ, догорали срубы... вдругъ оно вспыхнуло сильнѣе... протяжный крикъ эхомъ пронесся по зарослямъ....

— Волы ревутъ! прошипѣла Евка.—Андріечку, миленькій, дорогой, голубчикъ,—засыпала она, крѣпко уцѣпившись ему за руки.—Если бъ ты зналъ только, если-бъ ты слышалъ, если бы ты собственными глазами увидѣлъ, что я бѣдная, несчастная

вытерпѣла въ этой проклятой хатѣ... Слава тебѣ, милостивый Боже, что ихъ наконецъ чортъ спалилъ.

— Молчи, сумашедшая! крикнулъ Андрей и потащилъ ее за собою въ лѣсъ, въ кусты; они шли все быстрѣе и быстрѣе, мелькая, какъ тѣни, вдоль нагорнаго берега рѣки. Онъ шелъ большими шагами, она бѣжала за нимъ, крѣпко держась за его куртку.

— Жаль, что я хоть куска хлѣба не прихватила! шепнула Евка, дрожа отъ холода.

Андрей тоже только теперь почувствовалъ, что съ самаго утра онъ въ ротъ ничего не бралъ, кромѣ водки. Прежде нежели потухло зарево, они исчезли гдѣ то во тьмѣ....

Черезъ годъ послѣ того, на мѣстѣ старой хаты стояла новая, болѣе просторная, съ бѣлою трубою и крылечкомъ на двухъ столбахъ. Часть денегъ на постройку заняли Максиму сосѣди, остальное ссудилъ тесть. Изъ отцовскаго клада нашли среди угля на мѣстѣ очага нѣсколько почернѣлыхъ монетъ, все же прочее пропало безъ слѣда. Въ новой хатѣ у Максимыхи было подъ печкою обширное помѣщеніе для домашней птицы. Она одна изъ цѣлаго семейства ежедневно отъ всего сердца благодарила Бога за пожаръ: вмѣстѣ съ хатою сгорѣло все ея несчастье, все мученіе—сгорѣла Евка! Напрасно увѣряли сосѣди, будто видѣли ее въ городѣ, оборванную, голодную, въ числѣ работницъ при постройкѣ домовъ, на ярмаркѣ или въ шинкѣ. Она упорно отказывалась вѣрить! Не хотѣлъ и Ѳедоръ вѣрить этимъ баснямъ, и громко твердилъ всѣмъ, что вѣдьма сгорѣла; что самъ онъ отыскалъ ея обугленныя кости подъ печкою, выгребъ изъ мусора и бросилъ въ рѣку. Онъ сдѣлался уже *наймытомъ* у старой, богатой вдовы, на которой женится, какъ только удастся увѣрить всѣхъ въ смерти вѣдьмы. А тѣмъ временемъ купилъ себѣ за ея деньги новые сапоги, шапку и кафтанъ сѣраго сукна, такъ какъ солдатская шинель, вмѣстѣ съ прочею одеждою, сгорѣла во время пожара.

К. М.

Документы, Извѣстія и Замѣтки.

Нѣсколько черт быта днѣпровскихъ лоцмановъ.

Для переправы плотовъ и рѣчныхъ суденъ черезъ днѣпровскіе пороги въ екатеринославскомъ уѣздѣ существуетъ четыре лоцманскихъ общества: 1) въ с. Лоцманской Каменкѣ, 2) с. Старомъ Кодакѣ, 3) въ Сурскихъ хуторахъ и 4) въ селѣ Широкомъ. Первыя три поселенія расположены надъ Днѣпромъ, нѣсколько ниже Екатеринослава, село же Широкое откинулось отъ Екатеринослава верстъ на 40 вглубь правобережной степи. Старѣйшія лоцманскія поселенія, Старый Кодакъ и Лоцманская Каменка, возникли еще во время существованія запорожской общины. Ст. Кодакъ въ запорожскій періодъ былъ городкомъ, центромъ обширной и сравнительно людной кодацкой паланки. Около 1740 года этотъ городокъ былъ значительно населенъ, въ 1748 г. здѣсь устраивается постоянная церковь (вмѣсто подвижной); въ 1768 году въ Кодакѣ было 50 дворовъ и 32 «бездворныхъ» хаты, въ которыхъ числилось 1015 душъ обоего пола [1]). Въ запорожскій періодъ при Кодакѣ устроена была переправа черезъ Днѣпръ по старому чумацкому тракту изъ правобережной Украины на Донъ. Кодацкій «перевозъ» былъ однимъ изъ важнѣйшихъ на Днѣпрѣ; къ нему для сбора пошлинъ назначались отъ запорожскаго Коша особыя выборныя лица—шафарь и подшафарій; состоялъ перевозъ въ вѣдѣніи полковника кодацкой паланки и давалъ Кошу значительные доходы [2]). На этомъ бойкомъ пунктѣ, лежащемъ на мѣстѣ, гдѣ начинаются днѣпровскіе пороги, изъ запорожскихъ козаковъ организовалось товарищество лоцмановъ какъ для переправы козацкаго войска на случай надобности, такъ и для сплава на «низъ» различныхъ продуктовъ, требо-

---

[1]) Преосв. Ѳеодосія. Матеріалы для ист. статист. описанія екатерин. епархіи.

[2]) А. Скальковскій. Исторія Новой Сѣчи, ч. 1 стр. 254. Изд. 2.

вавшихся на ярмаркахъ и базарахъ въ запорожской Сѣчи.—Организація лоцмановъ была настолько своевременною, что въ 1750 году возникаетъ другое лоцманское поселеніе—слобода Лоцманская Каменка, начавшая заселяться «семейнымъ народомъ» съ 1770 года [1]). Таково начало старѣйшихъ лоцманскихъ поселеній. Сурскіе хутора возникли послѣ уничтоженія Сѣчи; на плодородномъ лѣвомъ берегу рѣчки Мокрой Суры поселились хуторами выселенцы изъ старыхъ лоцманскихъ селъ, въ силу стремленія къ излюбленному малороссами типу хуторнаго хозяйства. Село Широкое—позднѣйшее лоцманское село; оно основалось лѣтъ 40 назадъ въ концѣ обширнаго надѣльнаго участка земли старыхъ лоцманскихъ селъ; выселилась сюда часть лоцмановъ изъ за понятнаго хозяйственнаго соображенія—имѣть поле подъ бокомъ.

Послѣ разрушенія Сѣчи и бѣгства запорожцевъ за Дунай, лоцманскія товарищества, вѣроятно, не прекращали своего существованія, такъ какъ не всѣ козаки оставили тогда свои старожитныя займища на Запорожьи, и запорожское посольство оставалось на занятыхъ мѣстахъ. Эти элементы могли пополнить составъ запорожскихъ лоцмановъ, если бы послѣдніе вслѣдъ за сѣчевиками ушли за Дунай.

Во всякомъ случаѣ Кодакъ и Каменка существуютъ, какъ лоцманскія села, послѣ 1783 г., когда на прежнемъ Запорожьи вводятся распорядки, общіе съ распорядками въ остальной имперіи.—Существуютъ лоцманскія села въ эту пору при исключительно благопріятныхъ условіяхъ. Имъ оставлена большая часть ихъ прежнихъ правъ и вольностей,—занимаемыя ими земли отъ нихъ не отчуждены, они свободны отъ подушной подати, не отбываютъ воинской повинности, въ общественныхъ дѣлахъ управляются сами. Единственнымъ объясненіемъ такихъ широкихъ по тому времени льготъ и преимуществъ можетъ быть только то, что на дѣло лоцмановъ правительство Екатерины II смотрѣло, какъ на трудное и опасное дѣло.

Характерными представляются особенности прежняго быта кодацкаго и каменскаго лоцманскихъ товариществъ. Подробности этого быта напоминаютъ бытъ запорожской общины. Напр., у лоцмановъ существовали общественные обѣды, въ которыхъ участвовали только мужчины и при томъ достигшіе рабочаго возраста. Женщины и дѣти за общественными столами не имѣли мѣста, но не потому, чтобы положеніе женщинъ и дѣтей у лоцмановъ было подневольное, а въ силу

---

[1]) Ѳеодосій. Матеріалы.

установившагося издавна обычая, сложившагося, очевидно, еще въ то время, когда только взрослые мужчины «мешкали» въ степяхъ за порогами.—Въ лоцманскомъ товариществѣ была особая рыбальская артель для ловли рыбы къ общественному столу, а также особый кухарь съ 2 помощниками. Обѣдали въ особомъ общественномъ зданіи, которое сперва называлось «куринемъ»; въ началѣ настоящаго столѣтія «куринь» замѣненъ былъ «конторой». Продовольственные продукты, какіе нужно было покупать, покупались на общественный счетъ. Тетеря и рыба на стябло были наиболѣе популярной пищей у лоцмановъ. Пища вообще была очень простая. Водка на общій счетъ покупалась бо̀льшею частію въ первый день по возвращеніи лоцмановъ изъ пороговъ. Для обѣдовъ, равно какъ для завтраковъ и ужиновъ, былъ назначенъ опредѣленный часъ «Такъ чудно було,—дома робыть лоцманъ, повернувшись зъ порогивъ, а исты йде до курння; якъ прыйде було раньше, то ляже тай спыть», заключилъ разсказчикъ Каленикъ Перепелыця собесѣдованіе о лоцманскихъ сисситіяхъ, одномъ изъ послѣднихъ характерныхъ осколковъ пережитой старины на быломъ Запорожьи. Когда и при какихъ условіяхъ прекратились у лоцмановъ общественные столы, намъ не удалось выяснить.

Другой интересный фактъ, характеризующій общественный бытъ лоцмановъ — «громадское» хозяйство. Фактъ этотъ относится также къ области прошлаго, но довольно близкаго къ нашему времени: такое хозяйство существовало у лоцмановъ до 1874 года. Громадское хозяйство заведено было для удовлетворенія нѣкоторыхъ общественныхъ потребностей (расходы на церковь, на школу), а также для помощи нуждающимся односельчанамъ. (Въ настоящее время такія хозяйства и съ такими цѣлями ведутся у нѣмцевъ въ нѣсколькихъ колоніяхъ екатериносл. губ.). Лоцманское громадское хозяйство было общимъ для всѣхъ 4 лоцманскихъ обществъ. Состояло оно въ 70-хъ годахъ изъ 6 паръ воловъ, 4 лошадей съ соотвѣтствующимъ количествомъ хозяйственныхъ орудій, плуговъ, боронъ, горбъ и т. д. Велось хозяйство по смѣшанному наемно-натуральному типу. При хозяйствѣ состояло 2 погодно нанимаемыхъ *«сторожа»*. Въ помощь сторожамъ назначались понедѣльно, по наряду отъ лоцманскихъ обществъ, по 2 взрослыхъ парня, обязанныхъ задавать кормъ скоту, чистить хлѣвы, возить воду и т. д. Отбывающіе натуральную повинность парни назывались «сторожками». Заведено было это хозяйство на средства общественной кассы, пополнявшейся частью изъ

пошлинъ за переправу плотовъ и суденъ черезъ пороги. Громадское хозяйство велось всѣми лоцманами натуральною повинностію въ очередномъ порядкѣ. Велось оно на особомъ участкѣ земли (около 150 д.), выдѣленномъ изъ общаго надѣла лоцмановъ. Сѣвооборотъ въ хозяйствѣ—трехпольный. Производились посѣвы жита, ячменя и овса на 60—75 десятинахъ. Токъ и магазинъ—общіе для всѣхъ 4 лоцманскихъ обществъ. Направлялъ громадское хозяйство лоцманскій отаманъ. Въ 1874 году прекратилось громадское хозяйство у лоцмановъ одновременно съ другими измѣненіями въ строѣ ихъ общественной жизни, о которыхъ рѣчь будетъ ниже.

Лоцманское дѣло съ давняго времени устроено слѣдующимъ образомъ. Всѣ лица, производящія переправу черезъ пороги, раздѣляются на 3 категоріи. Первыя двѣ категоріи состоятъ изъ *«лоцмановъ»* по двумъ статьямъ; лоцманы *первой статьи* переправляютъ барки и берлины, лоцманы *второй статьи* сплавляютъ черезъ пороги плоты. Третья категорія состоитъ изъ *«помощниковъ»*,—это самая многочисленная группа лоцманующихъ на порогахъ; изъ этой группы выходятъ лоцманы, въ нее они снова вступаютъ, когда отъ старости имъ не служатъ хорошо глаза и руки. Внѣ лоцманской организаціи стоитъ 4-я группа лицъ, участвующихъ въ сплавѣ черезъ пороги,—эта группа состоитъ изъ «добавочныхъ». Добавочными бываютъ большею частію тѣ сыновья лоцмановъ, которые по возрасту еще не могутъ быть помощниками; могутъ быть добавочными и посторонніе лица. Переходъ изъ одной группы въ другую происходитъ послѣдовательно. Чтобы быть «помощникомъ» лоцмана, нужно предварительно хорошо ознакомиться съ порогами въ качествѣ «добавочнаго» и выдержать публичный экзаменъ; въ помощники поступаютъ парни лѣтъ 16—18. Званіе лоцмана получается по истеченіи лѣтъ 6 плаванія въ порогахъ въ роли помощника. Званіе это достигается путемъ экзамена, доказывающаго, что помощникъ знаетъ всѣ заборы и опасные камни на «ходу» въ порогахъ, гдѣ и какъ «лежитъ вода», какъ нужно заходить въ каждый изъ пороговъ, въ какихъ мѣстахъ возможны привалы при различномъ уровнѣ воды въ Днѣпрѣ и т. д. Статья лоцмана, съ которымъ ходилъ въ пороги помощникъ, опредѣляетъ статью и этого послѣдняго. Такъ организовано было лоцманское дѣло издавна, такъ ведется оно и теперь; только въ послѣднее время экзамены производятся строже.—Въ пороги ходятъ лоцманы въ очередь. Очередь ведется при волостномъ правленіи; контроль принадлежитъ особому управленію, состоящему изъ лицъ, служащихъ въ вѣ-

домствѣ рѣчныхъ путей сообщенія. Лоцманское управленіе находится въ Лоцманской Каменкѣ.

До 1874 года строй общественной жизни днѣпровскихъ лоцмановъ былъ въ значительной степени самобытенъ. Онъ опредѣлялся склонностями и желаніями самихъ лоцманскихъ обществъ безъ рѣзкихъ вліяній извнѣ. Лоцманскія общества пользовались сравнительно широкимъ самоуправленіемъ, органомъ котораго было лоцманское правленіе съ лоцманскимъ отаманомъ во главѣ. Представители самоуправленія избирались на 3 года на общемъ сходѣ лоцмановъ. Такими лицами, кромѣ отамана, являлись его помощникъ и судьи, разбиравшіе не имѣющія особой важности дѣла между лоцманами. Избранныя на сходахъ должностныя лица утверждались надлежащимъ начальствомъ при кіевскомъ округѣ рѣчныхъ путей сообщенія. Вѣдѣнію уѣздныхъ и губернскихъ присутствій и правленій лоцманскія общества до 1874 года не подлежали. Вообще относительно этого времени въ лоцманскихъ селахъ сохранились сравнительно свѣтлыя воспоминанія. Исключеніе составляютъ лишь воспоминанія, проурочиваемыя ко времени сооруженія обводныхъ каналовъ на порогахъ. Каналы эти устраивались въ два пріема,—первый разъ въ 80-хъ годахъ прошлаго вѣка, вторично—во второй четверти настоящаго. При первомъ сооруженіи каналовъ работы производились безъ обремененія лоцмановъ: въ то время за ними ухаживали, потому что въ противномъ случаѣ они могли бы «закивать пятами», какъ это сдѣлали сѣчевики, по выраженію народной пѣсни. Въ строгое же николаевское время «канальскія работы» на порогахъ стоили многихъ лоцманскихъ жизней. Днѣпровскіе лоцманы тогда были обременены непосильными работами,—должны были, напримѣръ, ворочать огромные камни въ водѣ, полураздѣтые, при жестокихъ холодахъ поздней осени; многіе простуживались на смерть; еще больше было бито до полусмерти за непослушаніе. О времени этомъ сохранились самыя мрачныя воспоминанія. Еще 4 года назадъ въ Лоцманской Каменкѣ на берегу Днѣпра указывали «Музычыну скелю», названную такъ въ память лоцмана Музыки, умершаго на этой скалѣ подъ розгами. Въ настоящее время эта скала уже снесена каменоломами, но мѣсто это и теперь называется «Музычынымъ».—Какъ ни мрачны воспоминанія о сооруженіи каналовъ, но все же условія жизни въ лоцманскихъ обществахъ были благопріятнѣе, чѣмъ гдѣ бы ни было въ закрѣпощенной или управляемой въ духѣ Аракчеева военно-поселенческимъ начальствомъ Новороссіи: надъ внутренними распорядками лоцманскихъ об-

ществъ не тяготѣла посторонняя рука, такъ какъ со стороны лоцманскихъ начальниковъ изъ округа рѣчныхъ сообщеній возможны были только частныя вмѣшательства въ общественныя лоцманскія дѣла: компетенціи такихъ начальниковъ подлежало давать лоцманамъ порядокъ лишь касательно ихъ службы на порогахъ. Такъ было до 1874 г.

Въ 1874 году послѣдовала реформа самоуправленія днѣпровскихъ лоцмановъ. Учреждены были не существовавшія раньше у нихъ волостное и сельское правленія по обычному типу. Общественные расходы на мірскія потребности должны были съ этого времени увеличиться; отношенія лоцмановъ къ различнымъ учрежденіямъ значительно усложнились. Въ этомъ же году лоцманскія общества привлечены были къ отбыванію воинской повинности. Повинность эту отбываютъ лоцманскіе новобранцы, какъ выросшіе на порогахъ, исключительно во флотѣ. Это обстоятельство для лоцманскихъ селъ, повидимому, имѣетъ особое значеніе. Выслужившійся матросъ приноситъ съ собою въ село больше всевозможныхъ несродныхъ селу элементовъ, чѣмъ отставной солдатъ. То обстоятельство, что матросъ видитъ много странъ и народовъ, имѣетъ конечно хорошую сторону, но только при условіи устойчивости его характера; при отсутствіи же этой черты продолжительная пестрота впечатлѣній влечетъ къ оторванности отъ «корня» и къ ложно-самолюбивому обособленію. Обособляющійся во всемъ отъ громады матросъ является не только безполезнымъ, но и вреднымъ для нея членомъ, такъ какъ обособленіе безъ достосточнаго основанія неизбѣжно должно путать понятія и мутить чувства окружающей среды.

Не безъинтересно современное экономическое положеніе днѣпровскихъ лоцмановъ. Эту сторону ихъ быта мы имѣемъ возможность отмѣтить лишь въ общихъ чертахъ. Землевладѣніе у лоцмановъ—общинное, сложившееся по традиціямъ запорожской общины. До 20—30-хъ годовъ настоящаго столѣтія землепользованіе у лоцмановъ, какъ разсказываютъ старожилы, опредѣлялось займомъ для хозяйственныхъ надобностей того или другаго участка земли, подъ непремѣннымъ условіемъ согласія на эту заимку лоцманскаго уряда, дававшаго отчетъ по земельнымъ дѣламъ передъ общими лоцманскими собраніями. Такая форма землевладѣнія обусловливалась, какъ и на старомъ Запорожьи, многоземельемъ при слабой населенности. У лоцмановъ въ первое время земли было гораздо больше, чѣмъ сколько требовалось для ихъ небольшихъ хозяйствъ; большія пространства въ чертѣ лоцманской земли лежали пустопорожними; лоцманскимъ

обществамъ не было необходимости препятствовать своимъ членамъ занимать мѣста подъ хутора, левады и пахать. Лоцманская земля долго не раздѣлялась даже между поселеніями. Но такой порядокъ, по мѣрѣ роста населенія и расширенія хозяйствъ, долженъ былъ вести къ путаницѣ въ землевладѣніи. Оказалось необходимымъ раздѣлить землю не только по селамъ, но и по душамъ. На души впервые дѣлилась земля у лоцмановъ послѣ ревизіи 1858 года. Въ настоящее время приходится по 8 десят. земли на ревизскую душу. Въ противоположность почти всѣмъ сосѣднимъ селамъ бывшихъ государственныхъ крестьянъ, лоцманы не раздѣлили земли на наличныя души. Объясняется это цѣлымъ рядомъ условій лоцманскаго хозяйства. Значительное большинство лоцмановъ мало обращаетъ вниманія на полеводство: въ силу своего званія лоцманъ—плохой хозяинъ,—въ періодъ главныхъ полевыхъ работъ, весною и лѣтомъ онъ большую часть времени проводитъ въ порогахъ. Отвлекаетъ лоцмановъ отъ хозяйственныхъ заботъ отчасти возможность хорошаго заработка. Лоцманъ, который при переправахъ черезъ пороги съ сознаніемъ собственнаго достоинства спокойно стоитъ и указываетъ гребщикамъ на бабайкѣ, куда направлять судно или плотъ, въ большинствѣ случаевъ долженъ быть лѣнивымъ косаремъ и плугатаремъ. И дѣйствительно, значительная часть хозяевъ въ лоцманскихъ селахъ не занимается полевымъ хозяйствомъ, предпочитая сдавать свои надѣлы то съ части, то за деньги. Земля здѣсь мало цѣнится: сдаютъ ее лоцманы въ погодную съемку по $2^1/_2$—$3^1/_2$ р. за десятину, при существованіи съемочныхъ цѣнъ въ сосѣднихъ мѣстахъ 5—7 р., за десятину. Толока (2 д. отъ надѣла), по малочисленности у лоцмановъ скота, пропадаетъ за обществомъ. Подсобныхъ домашнихъ занятій, кромѣ рыболовства для собственной надобности, въ лоцманскихъ селахъ не существуетъ. Зажиточныхъ хозяевъ въ обычномъ смыслѣ этого слова мало. Большая часта ихъ живетъ только на «рѣчные» заработки отъ сплава до сплава. Зима очень неблагопріятное время для многихъ лоцмановъ: не имѣя работы, они не имѣютъ и хлѣба. хозяйственно живутъ только широчанскіе лоцманы, удаленные отъ Днѣпра верстъ на 40 и сравнительно мало зарабатывающіе на порогахъ.

Пороги даютъ лоцманамъ (преимущ. каменскимъ и кодацкимъ) значительные заработки. За проводъ черезъ пороги барки или берлины лоцманъ получаетъ 20—25 р. въ половодье (употребляетъ времени 2—3 дня) и рублей 50—60 въ мелководье, когда сплавъ продолжается около недѣли. Лоцманъ при этомъ получаетъ обыкновенно

«даровызны» изъ сплавляемаго товара рублей на пять. Лоцманы на плотахъ берутъ за свой трудъ нѣсколько меньшую плату, но чаще ходятъ въ пороги, чѣмъ лоцманы первой статьи, такъ какъ плотовъ сплавляется черезъ пороги гораздо больше, чѣмъ берлинъ и барокъ. Лоцманъ 2-й статьи за сплавъ плота въ половодье получаетъ 10—15 руб. (сплавъ продолжается нѣсколько дней) и рублей 60—70 и до 100 въ мелководье, когда на сплавъ плота идетъ около мѣсяца. Лоцманамъ на плотахъ также полагается «даровызна» лѣснымъ товаромъ, конопляннымъ масломъ и проч. Въ періодъ сплава лоцманы 2-й статьи бываютъ въ порогахъ большею частью 4—5 разъ, лоцманы 1-й статьи—рѣже. Случаи неполученія вознагражденія лоцманомъ, который не провелъ удачно плота или судна черезъ пороги, рѣдки: судо—и плотохозяева не желаютъ ссориться съ лоцманами.

Но при всемъ этомъ въ хозяйственномъ отношеніи лоцманскія села обставлены хуже, чѣмъ можно было бы ожидать. Главная причина безхозяйственности большинства лоцмановъ заключается въ оторванности этого большинства отъ земли; этимъ объясняются рѣзкія колебанія въ бюджетѣ лоцмана и не всегда безупречный въ смыслѣ трезвости образъ жизни.

Историческое наслѣдство и занятіе днѣпровскихъ лоцмановъ сообщили ихъ этнографическому типу много своеобразныхъ чертъ. Лоцманъ, выросшій на порогахъ, не можетъ не быть сильнымъ и стройнымъ. Движенія лоцмана медленны, но пороги научили его быть въ случаѣ надобности энергичнымъ. Наиболѣе яркія черты въ характерѣ лоцмана мягкость и спокойствіе, выработанныя чарующей красотой лоцманскаго пути—пороговъ. Спокойствіе проявляетъ лоцманъ не только въ пучинѣ пороговъ (здѣсь онъ долженъ быть спокойнымъ), а и въ обычныхъ житейскихъ отношеніяхъ. Спокойствіе лоцмана на первый взглядъ можетъ быть принято за апатичность но не апатиченъ лоцманъ: онъ склоненъ раздумывать, взвѣшивая впечатлѣнія, и дѣйствуетъ, выяснивши положеніе дѣла. Умъ лоцмана тяжеловатъ, но пытливъ и дѣятеленъ; излишне говорить, что юморъ характерная черта этого ума, но юморъ не насмѣшливый, а добродушный,—острить лоцманъ не затѣмъ, чтобы слышали его остроту, а потому, что самъ въ ней находитъ удовольствіе. Усвоивъ идею личности, которую лоцманъ высоко цѣнитъ, онъ проявляетъ въ своихъ поступкахъ сильную волю: рѣдко отказывается лоцманъ отъ задуманнаго предпріятія; да и не можетъ не быть настойчивымъ человѣкъ, справляющійся съ могучими, гремящими валами на порогахъ. Яркая черта въ интеллектѣ

лоцмана чувство красоты. Грандіозными, дикими скалами, зелеными душистыми островами, лепетомъ прибрежныхъ рощъ и шумомъ пороговъ очаровывается всякій разъ лоцманъ, держа свой небезопасный путь. При осматриваніи туристами достопримѣчательностей Днѣпра на порогахъ лоцманы не жалѣютъ своего времени и не торопятъ своихъ гостей. Замѣтной чертой въ характерѣ лоцмана является молодечество. Съ этой чертой характера привыкли видѣть лоцмана сосѣди, такимъ видятъ его на торжкахъ и базарахъ, тѣмъ болѣе такимъ является лоцманъ въ корчмахъ, гдѣ шинкари встрѣчаютъ его съ почтеніемъ и радушіемъ, какъ щедраго посѣтителя. Лоцманы среди пришлаго населенія надъ порогами еще и теперь слывутъ за запорожцевъ, а когда они пьютъ—гуляютъ въ Бериславѣ и дальше на пути къ Херсону, то окрестные селяне приходятъ смотрѣть на нихъ, чтобы узнать, какіе такіе люди запорожцы.

Не забитый подневольнымъ житьемъ, лоцманъ отличается любознательностію. Между прочимъ, онъ живо интересуется прошлымъ своихъ любимыхъ пороговъ и вообще своего края. Лоцманъ охотно повѣстствуетъ о преданіяхъ родной старины. Къ сожалѣнію, эти преданія потускнѣли у нихъ и приходится слышать большею частію общія мѣста; даже о достопримѣчательностяхъ на порогахъ многіе лоцманы разсказываютъ сбивчиво. Запорожская старина, которою особенно увлекаются лоцманы, гордясь своимъ родствомъ съ запорожцами, почти забыта. О козацкихъ дѣятеляхъ и дѣлахъ ихъ остались только смутныя воспоминанія. Прекрасныя пѣсни про «бѣгство запорожцевъ за Дунай», про Байду, Нечая и др. часто поются на домашнихъ пирушкахъ у лоцмановъ, но поются въ неполномъ и несвязномъ видѣ. На убыль пошла и народная пѣсня.

Сводя отмѣченныя черты быта днѣпровскихъ лоцмановъ, приходится признать, что этотъ бытъ, счастливо сложившійся въ прежнее время, представляетъ въ общемъ отрадное явленіе въ южной Руси. Но и надъ этимъ уголкомъ сгущаются тучи. Вліяніе сосѣдняго Екатеринослава не доброе несетъ лоцманамъ. Идутъ оттуда не одни карты, идутъ извращенныя понятія объ отношеніи къ обществу и человѣку. Противодѣйствіе новымъ вліяніямъ существуетъ въ части лоцмановъ, но ряды противодѣйствующихъ рѣдѣютъ.

Л. П.

Народный праздникъ св. мучениковъ Маккавеевъ.

Празднованіе въ Малороссіи перваго августа, или какъ народъ говоритъ: *святаго Маковея*, отличается какимъ то особеннымъ поэтическимъ колоритомъ. Это праздникъ освященія цвѣтовъ, хлѣбныхъ злаковъ и всякаго зелья. Предъ самымъ праздникомъ женщины и дѣвушки отправляются въ сады, въ лѣса, на луга, собираютъ цвѣты и травы, связываютъ ихъ въ большой пукъ, перевиваютъ вѣнкомъ изъ ржи или пшеницы, втыкаютъ въ середину восковую свѣчу и несутъ его послѣ обѣдни, 1-го августа, къ *криницѣ*, гдѣ освящается вода и окропляются *свяченою водою* всякія *зилля*, или *маковейники*. Народъ при этомъ вѣритъ, что травы и все, что въ этотъ день освящается водою, имѣетъ цѣлебную силу. Въ освященіи водою цвѣтовъ и травъ сказывается уже вліяніе христіанскихъ понятій, хотя здѣсь нельзя не видѣть отраженія и другаго, болѣе древняго, чисто національнаго міровоззрѣнія. Извѣстно, какую большую роль играетъ у славянъ-язычниковъ вода, какъ элементъ очищающій, какъ символъ воды небесной, нисносылаемой богомъ—громовникомъ для оживленія земли и для сообщенія ей обилія и плодородія. Многіе обряды, несомнѣннаго языческаго происхожденія, совершались и совершаются у воды, какъ напр. языческая свадьба, купальскія празднества, гаданіе посредствомъ вѣнковъ, пускаемыхъ на воду въ день св. Троицы и др. Отголосокъ древняго почитанія воды мы видимъ въ обычаѣ освящать колодцы на Срѣтеніе Господне, 1-го августа и во время засухи. Сюда же относится особое почтеніе къ источникамъ живой воды, обыкновеніе выкапывать на поляхъ, на перекресткахъ дорогъ криницы, строить надъ ними каплицы. Молва обыкновенно называетъ такія криницы чудотворными, и такихъ колодцевъ въ Малороссіи множество.

Нѣкоторые языческіе праздники пріурочены къ христіанскимъ, какъ напр. коляда; другіе же допускаются православной церковью, которая сообщила имъ христіанскій характеръ. Къ числу послѣднихъ несомнѣнно относится и праздникъ *Маковея. Зилля*, которыя освящаются въ этотъ праздникъ и чрезъ то получаютъ цѣлебную силу, суть слѣдующія: макъ, подсолнечникъ, петровы батогы, морковь огородная и морковь дикая, укропъ, повчяки, конопля, ризакъ, растропша, чепчикъ, васильки, деревій, полынь, кудрявцы, нимыця, любыстокъ, мята и дрыголюбъ, мыколайки, пидбилъ, рута, маруна и вѣнки изъ пшеницы и ржи.

Примѣненіе освящаемыхъ травъ и цвѣтовъ въ народной медицинѣ рѣдко основывается на фармакологическомъ свойствѣ ихъ, а

большей частію опирается на поэтическія воззрѣнія народа на цвѣты, при чемъ большую роль играетъ здѣсь наружный видъ, цвѣтъ и даже названіе цвѣтка. Вотъ какія цѣлебныя свойства приписываются освящаемымъ цвѣтамъ:

Макъ составляетъ непремѣнную принадлежность этого праздника: его освящаютъ, съ нимъ пекутъ коржи, а также ѣдятъ коржи, *обмышанные* съ макомъ и медомъ. Можетъ быть, совпаденіе имени макъ и Маковей дало ему такое предпочтительное употребленіе на этомъ праздникѣ. Макъ освящаютъ для того, чтобы поить отваромъ изъ скорлупы его дѣтей, въ случаѣ безсонницы. Про человѣка недалекаго, нерасторопнаго говорятъ: *тебе дурного маковкою наповалы.*

Подсолнечникъ, по малорусски — *соняшныкъ*, употребляется отъ болѣзни подъ названіемъ—*соняшныцы.* Эта болѣзнь состоитъ въ рѣзи желудка, въ возбужденномъ состояніи, которое заставляетъ дитя плакать и не спать; поэтому болѣзнь чаще еще называется *плаксывицями.* Чуть начинается такая болѣзнь, обыкновенно, приглашаютъ старуху, чтобъ она *соняшныци заварила.* Старуха кладетъ въ небольшой горшокъ маленькій подсолнечникъ, пшено, веретено, щетку, иголку, ножъ и копѣйку, варитъ все это съ водой, потомъ на животѣ дитяти все это выливаетъ въ миску; при этомъ шепчетъ свои заговоры. Указанные предметы, которые употребляются при завариваніи, составляли, вѣроятно, принадлежность языческаго жертвоприношенія, а потомъ стали принадлежностью колдовства.—Подсолнечникъ, или *соняшныкъ* въ этой болѣзни есть то средство, которое имѣетъ силу успокаивать, подавать сонъ. Цѣлебное свойство здѣсь приписано, очевидно, по созвучію съ названіемъ растенія.

Петровы батогы (цикорій—cichorium intybus) употребляются противъ рвоты и поноса; въ этомъ зельи купаютъ и даютъ его пить. Поносъ въ просторѣчіи слыветъ би(ѣ)гачкой, почтой; про больнаго говорятъ: вотъ его гоняетъ. Съ такими образами и могли войти въ связь *Петровы батогы.*

Морковь дикая (Laserpitium pruthenicum) служитъ для окуриванія дома въ случаѣ, если ходятъ мертвецы. Народная этимологія, вѣроятно, отожествила названіе—*морква* съ корнемъ—мор—морить.

Морковь огородная употребляется, какъ средство противъ желтяницы. Желтый цвѣтъ этого овоща послужилъ основаніемъ для употребленія его противъ желтянки.

Повнякъ—цвѣтокъ служитъ отъ желтянки и золотухи. Желтый цвѣтъ растенія и здѣсь народъ сочеталъ съ названіемъ болѣзни.

Чепчикъ (чебрецъ) служитъ отъ головной боли; имъ голову парятъ. Здѣсь названіе травы соединило мысль съ пользой ея для головы.

Ризакъ употребляется отъ рѣзи въ желудкѣ. «Въ середыни якъ риже, то пьютъ; кажуть, що помогаеця нибы», такъ мнѣ объяснили дѣйствіе этого цвѣтка, котораго названіе также сочеталось съ названіемъ болѣзни.

Нимыця (Hyoscyamus niger) употребляется отъ зубной боли. Говорятъ: «зубы заниміють, якъ приложить оце зилля». И здѣсь свойство растенія выведено изъ его названія.

Любыстокъ (Levisticum officinale)—растеніе, которое имѣетъ силу приворожить любовь парня къ дѣвушкѣ. Такое свойство растенія, очевидно, приписано ему на основаніи его названія. Есть не лишенная интереса подробность въ собираніи этого растенія: его крадутъ на зарѣ изъ огородовъ, *де перши живуть*, т. е. изъ тѣхъ огородовъ, гдѣ счастливые супруги живутъ, въ первый разъ поженившіеся, а не вдовцы.

Растропша употребляется отъ колики. Наружный видъ колючій подалъ народу мысль заключать о дѣйствіи этого цвѣта.

Крипъ (укропъ), *мыколайки* (Lynosyris) и *васильки* служатъ отъ головной боли; ими голову парятъ.

Маруна употребляется отъ конвульсій.

Кудрявци помогаютъ отъ той же болѣзни. «Отъ конфульсій и якъ нечиста болизнь, то ими голову парять», такъ сказали мнѣ. Названіе *кудрявецъ* подало мысль объ употребленіи растенія отъ струпьевъ на головѣ.

Конопля служитъ для окуриванія, чтобы предохранить отъ хожденія мертвецовъ.

Деревій (Millefolium) служитъ отъ боли желудка и поноса у дѣтей. Въ немъ ихъ купаютъ.

Мята и *драголюбъ* (англійская мята) употребляются въ слѣдующемъ случаѣ: «якъ пече въ середыни, то варять и пьють».

Полынь служитъ отъ грудной боли. Когда тужитъ кто, тоскуетъ, то даютъ пить полынь, какъ укрѣпляющее средство.

Пидбиль; листья этого растенія способствуютъ, по народному представленію, заживленію ранъ. Листья растенія, бѣлыя снизу, содѣйствуютъ, такъ сказать, тому, что тѣло изъ болѣзненнаго, краснаго получаетъ естественный, бѣлый цвѣтъ.

Рута служитъ въ томъ случаѣ, «якъ тхиръ (хорёкъ) занадыця до курей, то курять, щобъ но ходывъ». Сильная вонь отъ этого растенія подала мысль прогонять имъ вонючаго звѣрька.

Вѣнки изъ жита и пшеницы освящаютъ, а потомъ вымолоченныя изъ нихъ зерна примѣшиваютъ къ посѣвамъ, чтобъ *зоны* (головни) не было.

Этотъ праздникъ освященія хлѣбныхъ злаковъ и цвѣтовъ послѣ жатвы, какъ разъ въ концѣ лѣта, носитъ несомнѣнные признаки языческаго жертвоприношенія или обычая, вытекающаго изъ народнаго міровоззрѣнія. Но древній характеръ праздника уже теперь почти совсѣмъ затемненъ, и онъ остался обычаемъ, который допустила и освятила наша церковь.

Хр. Ящуржинскій.

Изъ воспоминаній о быломъ.

(*Со словъ разсказчика*).

Уроженецъ черниговской губ., сосницкаго уѣзда м. Новыхъ Млыновъ, сынъ мелкопомѣстной вдовы, я жилъ и воспитывался дома, какъ говорится, на мѣдныя деньги. Отецъ, умирая, выразилъ надежду, что мой старшій братъ позаботится обо мнѣ.

Когда мнѣ минуло 14 лѣтъ, братъ, бывшій тогда командиромъ резервной батареи и только что вернувшійся изъ Парижа вмѣстѣ съ корпусомъ Раевскаго, заѣхалъ домой, чтобы повидаться съ матушкой, съ сестрами, а главное, чтобы взять меня съ собой, согласно волѣ отца. Страшно было разставаться съ родной деревней, много было пролито слезъ при прощаніи съ родными, но въ концѣ концовъ братъ съумѣлъ ободрить меня своимъ примѣромъ, обѣщаніемъ, что я выросту и буду молодцомъ, буду носить эполеты, и пробью себѣ дорогу, оставаясь же здѣсь въ глуши мнѣ, какъ бѣдному мелкопомѣстному, необразованному дворянину, предстояло весь вѣкъ не видать никого и ничего дальше своей деревни. Уѣзжая, я просилъ брата позволить мнѣ взять съ собой пару любимыхъ голубей, которыхъ, отъѣхавъ верстъ 25, я и выпустилъ на свободу. Мнѣ казалось, что если голуби прилетятъ домой, то и я когда нибудь вернусь на родину, если же нѣтъ, то и мнѣ не видать ее болѣе. Голуби прилетѣли да и мнѣ, много лѣтъ спустя, пришлось жить въ родныхъ мѣстахъ.

Въ бригадѣ, гдѣ служилъ братъ, была школа, въ которую поступилъ я по прибытіи и, окончивъ ее довольно удовлетворительно, былъ посланъ вмѣстѣ съ другими юнкерами въ Петербургъ, гдѣ мы должны были вторично держать экзаменъ на полученіе офицерскаго чина.

Прибывъ въ Петербургъ мы явились въ свободную роту (что была тогда на Ямской), учрежденную для записи всѣхъ прибывающихъ изъ арміи офицеровъ и нижнихъ чиновъ. Командиромъ роты былъ капитанъ Гурьевъ, а фельдфебелемъ Гавриловъ, другихъ чиновъ не было въ ротѣ, а въ спискахъ стояло человѣкъ до 100 и на нихъ шло полное казенное продовольствіе, поступавшее въ безконтрольное распоряженіе фельдфебеля. Рота состояла изъ ротнаго двора,—казарменнаго помѣщенія не имѣлось и прибывающіе на короткое время только числились, а жили на своихъ квартирахъ по совѣту фельдфебеля.

Наша артель состояла изъ двухъ братьевъ Борисовыхъ, трехъ Песцовыхъ и меня. Мы наняли квартиру на Пескахъ и размѣстились въ двухъ комнатахъ; столъ былъ отъ хозяйки по 40 р. асс. въ мѣсяцъ на человѣка, со стиркой бѣлья. Устроившись, на третій день мы явились въ комитетъ, состоящій изъ пяти заслуженныхъ генераловъ въ лентахъ и звѣздахъ. Страшно было и приступить, я чувствовалъ себя окончательно потеряннымъ, казалось, что не въ силахъ буду и сказать что либо, но, благодаря ласковому вниманію генерала Монута, я ободрился и отвѣчалъ на всѣ вопросы удовлетворительно. По окончаніи экзамена насъ прикомандировали въ роту его высочества в. к. Михаила Павловича для практическихъ занятій. Долго пришлось ожидать нашего производства въ офицеры, такъ какъ рѣшено было обождать прибытія юнкеровъ изъ отдаленныхъ корпусовъ арміи для совмѣстнаго производства. Это сильно насъ тяготило: все, что привезли мы на обмундировку, было прожито. Что оставалось дѣлать? Товарищи не особенно унывали, надѣясь на родительскій карманъ и безпрестанно развлекали себя, разгуливая по вечерамъ въ штатскомъ платьѣ, бывая въ театрахъ и на балахъ, мнѣ же, какъ бѣдному человѣку, приходилось сидѣть дома, что было подчасъ очень непріятно, — молодость брала свое, разсказы товарищей еще болѣе раздражали меня, но надо было терпѣть и утѣшать себя хотя пословицею «терпи козакъ—атаманомъ будешь». Видя что конца нѣтъ нашимъ ожиданіямъ, я рѣшился обратиться къ своему земляку,—коменданту столицы генералу Башуцкому съ просьбой обратить вниманіе на замедленіе нашего производства.

Генералъ Башуцкій, близкій сосѣдъ по имѣнію и даже дальній родственникъ моей матери, пріѣзжая на родину, бывалъ на балахъ у Разумовскаго и даже не разъ танцовалъ съ моею матерью. Хотя матушка и совѣтовала мнѣ побывать у генерала, но нужно было много рѣшимости, чтобы исполнить это; какъ посмотритъ на меня—ничтож-

наго юнкера такая важная особа какою былъ тогда генералъ Башуцкій? Приходилось идти во дворецъ, гдѣ была тогда квартира коменданта. Я былъ такъ счастливъ, что меня сейчасъ допустили въ квартиру генерала, который, милостиво выслушавъ меня, началъ кричать и бранить меня, отчего я не явился къ нему раньше. Затѣмъ, обѣщавъ похлопотать о нашемъ дѣлѣ, приказалъ мнѣ аккуратно приходить къ нему на обѣдъ всякое воскресенье, что я въ точности долженъ былъ исполнять, хотя приходилось ходить чуть не нѣсколько верстъ, да и жутко было сидѣть среди такихъ важныхъ особъ, которыя, обыкновенно, посѣщали генерала. Личность генерала Башуцкаго замѣчательна. Въ войну 1812 года онъ командовалъ петербургскимъ ополченіемъ въ распоряженіи главнокомандующаго графа Витгенштейна. Служа при дворѣ, онъ для отдыха часто посѣщалъ свой родной край. Въ мѣстечкѣ Новыхъ Млынахъ находился его домъ, гдѣ, пріѣзжая погостить, онъ любилъ задавать обѣды окрестнымъ дворянамъ. Многихъ бѣдняковъ онъ помѣщалъ на службу или въ корпуса. Память о немъ въ родномъ краѣ незабвенна. Онъ всегда оставался патріотомъ, домъ его былъ наполненъ его земляками; онъ отличался малорусскимъ хлѣбосольствомъ и юморомъ. Много ходило о немъ анекдотовъ. Говорятъ, разъ онъ зашелъ въ магазинъ купить географическую карту, и на вопросъ купца, нужна ли ему генеральная карта, отвѣтилъ «ну да, конечно, братецъ, развѣ ты не видишь, что я генералъ».

Семья Павла Яковлевича состояла изъ его сына и невѣстки, прекрасныхъ молодыхъ людей. Жена молодаго Башуцкаго была изъ фамиліи Сватко; они жили очень дружно; оба не любили свѣтскихъ развлеченій и часто посѣщали храмъ Божій, за что отецъ прозвалъ ихъ монахами. Говорятъ, что впослѣдствіи оба они поступили въ монастырь. По разсказамъ, у стараго генерала Башуцкаго было еще два незаконныхъ сына.

Заручившись обѣщаніемъ генерала, я радостно сообщилъ это своимъ товарищамъ, которые довольно недовѣрчиво отнеслись къ моимъ словамъ и повѣрили только тогда, когда, осматривая нашу офицерскую форму, великій князь Михаилъ Павловичъ обратилъ на меня вниманіе: «А, ты родственникъ Павла Яковлевича, хорошо, хорошо, отлично».

Возвращаюсь назадъ. Старшій Песцовъ и два Борисовыхъ съ нѣкоторыхъ поръ начали обращать на себя наше вниманіе. Они часто запирались въ своей комнатѣ, шептались и разговаривали

посредствомъ какихъ то таинственныхъ знаковъ, наконецъ, уходили на чердакъ, гдѣ сидѣли до поздняго вечера. Все это сильно интриговало насъ—жильцовъ другой комнаты. Намъ приходило въ голову, не подшучиваютъ ли они надъ нами, ругая насъ такимъ образомъ, чтобы мы этого не понимали; не была ли это месть за наши насмѣшки надъ ихъ аскетическою жизнью? Предположеніе было конечно глупо; мы были еще мальчишки и насъ раздражала эта жизнь, полная таинственности; стали слѣдить за ними. Оказалось, что Петръ Борисовъ получаетъ пакеты изъ Вѣны и Берлина, что насъ крайне удивило:—ничтожный юнкеръ ведетъ какую то важную заграничную переписку. И вотъ рѣшено было открыть тайну чердачныхъ бесѣдъ и ключъ языка. Однажды, когда Борисовыхъ и Песцова не было дома, средній Песцовъ, юнкеръ Александровъ, пришедшій къ намъ въ гости, и я залѣзли на чердакъ, отворили найденный тамъ сундучекъ и между письмами, испещренными цифрами, нашли русскую азбуку, объясняющую значеніе цифръ. Сильно обрадовавшись находкѣ, мы въ короткое время изучили таинственный языкъ и прочли найденный тамъ же уставъ «человѣколюбиваго общества», гдѣ по пунктамъ были пояснены обязанности христіанскаго общества: любить Бога, ближняго, дѣлиться съ нуждающимся послѣдней рубашкой, хранить общественныя тайны, стараться о пріобрѣтеніи членовъ общества. Изъ всего открытаго мы заключили, что они принадлежатъ къ обществу масоновъ, удивлялись и не вѣрили значенію юнкера въ этомъ обществѣ. Что касается обоихъ юнкеровъ, надо сказать, что они были примѣрно нравственны и богомольны, не пропускали ни одной церковной службы. Вскорѣ послѣ нашего открытія праздновался день св. Маріи Магдалины. Обыкновенно, въ этотъ день было гулянье въ Маріинской рощѣ близь Петербурга. Отправились мы; братья Борисовы были въ штатскихъ костюмахъ; на младшемъ мы замѣтили въ петлицѣ на голубой лентѣ маленькій серебряный молоточекъ (знакъ масоновъ) и намъ показалось это такой смѣшной комедіей, что тутъ же мы вздумали наказать его и скоро дали замѣтить, что понимаемъ ихъ языкъ, вмѣшавшись въ ихъ разговоръ. Тотчасъ наше чердачное преступленіе было открыто, поднялась ссора, честь наша была поругана названіемъ подлецовъ, оставалось смыть оскорбленіе кровью. И вотъ, въ тотъ же день назначено мѣсто дуэли «Волково поле», выбраны секунданты, но тутъ вмѣшался нашъ общій товарищъ Александровъ и, благодаря ему, дуэль была отложена до производства въ офицеры, а тамъ обѣ стороны настолько охладѣли, что и совсѣмъ

забыли о ней думать. Тѣмъ временемъ были приняты мѣры къ перемѣнѣ цифроваго языка, такъ что вскорѣ онъ опять сдѣлался для насъ непонятнымъ.

Вскорѣ мы были произведены; но радость надѣть офицерскіе эполеты для меня была сильно омрачена невозможностью сдѣлать какую бы то ни было обмундировку. Проживъ все привезенное мною за 8 мѣсяцевъ въ Петербургѣ, я не имѣлъ буквально ни гроша, ждать изъ дому я не могъ, зная состояніе матушки—положеніе было безвыходное; было о чемъ задуматься, какъ я представлюсь великому князю. Въ эти тяжелыя минуты мнѣ опять пришлось обратиться за помощью къ своему великодушному земляку генералу Башуцкому. Я отправился во дворецъ и откровенно разсказалъ ему о своемъ положеніи, прося сколько нибудь помочь мнѣ. Генералъ строго посмотрѣлъ на меня, сказавъ: «словамъ твоимъ вѣрю, онѣ дышатъ правдой, но денегъ тебѣ не дамъ безъ поручительства за твою нравственность, а можно впередъ взять треть жалованья по закону и одѣться экономически». Я болѣе не смѣлъ говорить, но чѣмъ бы тогда пришлось существовать, предстояло окончательно запутаться. Въ ту минуту, когда я уже готовъ былъ раскланяться, стоящій тутъ же адъютантъ Троцкій выручилъ меня, замѣтивъ генералу, что третное жалованье составляетъ всего 70 руб. ассигн.; тогда генералъ, подумавши немного, обратился къ Троцкому: «сведи его къ моему гардеробному портному, прикажи сшить ему полную офицерскую форму изъ лучшаго матеріала, а счетъ подать мнѣ».

И такъ, благодаря добротѣ генерала Башуцкаго, я былъ обмундированъ не только прилично, но даже лучше моихъ товарищей, такъ что обратилъ на себя вниманіе великаго князя, который, осматривая насъ, по представленіи въ офицеры, остался настолько доволенъ моей обмундировкой, что поставилъ меня въ примѣръ прочимъ.

По производствѣ въ офицеры всѣ мы разбрелись въ разныя стороны. Я и Сабо были назначены въ 6-ую артиллерійскую бригаду; но послѣдній служилъ пажемъ при штабѣ Его Высочества Михаила Павловича, а затѣмъ былъ назначенъ начальникомъ шостенскаго пороховаго завода, а Борисовъ и Песцовы произведены въ 9-ю артиллерійскую бригаду.

Прошло немного времени и мнѣ пришлось узнать очень грустныя вещи о моихъ бывшихъ товарищахъ: старшій Песцовъ и Борисовы оказались замѣшаны въ исторію 25 декабря и сосланы въ Сибирь, а также мой дорогой учитель Берсгель поплатился за свое увлеченіе 20-лѣтней каторжной работой въ Сибири. Л***

Къ исторіи Глушковской фабрики.

Занимаясь разборкою дѣлъ, относящихся къ 1812-му году, въ архивѣ канцеляріи смоленскаго губернатора, мы, между прочимъ, натолкнулись здѣсь на интересное для южно-русской исторіи дѣло 1813 года «о поимкѣ бѣжавшихъ съ Глушковской фабрики крестьянъ».

Въ 1886 году на страницахъ «Кіевской Старины» нами была помѣщена коротенькая справка по поводу исторіи Глушковской фабрики, ея возникновенія, развитія и т. д. Въ настоящее время пользуемся случаемъ, чтобы хотя нѣсколько дополнить сообщенныя прежде скудныя свѣдѣнія и иллюстрировать положеніе крѣпостныхъ поссессіонныхъ крестьянъ, приписанныхъ къ Глушковской фабрикѣ.

Упомянутое дѣло было возбуждено по отношенію главнокомандующаго въ С.-Петербургѣ Вязмитинова, игравшаго въ то время въ Россіи такую же приблизительно роль, какую долженъ былъ играть министръ исполнительной полиціи, если бы онъ существовалъ у насъ. Отношеніе Вязмитинова къ губернатору помѣчено 21 февраля 1813 года. Приводимъ его здѣсь буквально:

«Г. смоленскому гражданскому губернатору. Г. министръ внутреннихъ дѣлъ относится ко мнѣ, что съ Глушковской фабрики, въ курской губерніи состоящей, изъ числа принадлежащихъ къ той фабрикѣ крестьянъ, нѣкоторые, подъ видомъ отягощенія ихъ работою, бѣжали къ разнымъ помѣщикамъ полтавской и другихъ губерній, отчего фабрика терпитъ нарочитую въ мастеровыхъ людяхъ потерю, особливо когда обязана она поставкою для обмундированія войскъ знатнаго количества суконъ и каразей (sic!), почему проситъ предписанія моего, дабы градскія и земскія полиціи, отыскивая бѣжавшихъ съ означенной фабрики крестьянъ, высылали ихъ на оную или же высылалися коммиссіонерамъ, кои для поимки ихъ посланы быть имѣютъ.

«Вслѣдствіе сего ваше превосходительство не оставьте подтвердить кому слѣдуетъ по губерніи, вамъ ввѣренной, чтобы, если окажутся гдѣ оные крестьяне, поймавъ ихъ, представить по назначенію».

Такія отношенія были разосланы, вѣроятно, если не во всѣ губерніи, то, по крайней мѣрѣ, по всей западной половинѣ Россіи.

Получивъ отношеніе Вязмитинова, смоленскій губернаторъ тотчасъ обратился съ предписаніями ко всѣмъ земскимъ исправникамъ и городничимъ губерніи, чтобы они приложили всѣ старанія къ отысканію бѣглецовъ, если таковые окажутся въ губерніи. Но бѣглецовъ нигдѣ не оказалось, о чемъ при дѣлѣ имѣются рапорты всѣхъ городничихъ и земскихъ исправниковъ. Сообщ. **Н. Добротворскій.**

Варіантъ пѣсни о Кармелюкѣ.

Въ ряду пѣсенъ о Кармелюкѣ, характеризующихъ его, какъ героя разбойничьихъ подвиговъ, всегда, впрочемъ, соединенныхъ съ симпатичной окраской его рыцарскихъ стремленій становиться защитникомъ слабыхъ и угнетенныхъ, играютъ не послѣднюю роль и тѣ пѣсни, гдѣ онъ рисуется героемъ романическихъ исторій, какъ рыцарь, сводящій съ ума вдовъ и дѣвицъ. Въ этихъ пѣсняхъ Кармелюкъ напоминаетъ собой пѣсенный образъ Журилы, тоже обрисовываемаго, какъ покоритель женскихъ сердецъ. Въ «Кіевск. Стар.» 1887 г. № 11 (стр. 588) помѣщенъ былъ одинъ варіантъ такой пѣсни, записанной въ ровенскомъ уѣздѣ, волынской губ. Теперь мы помѣщаемъ присланный намъ И. И. Зозулею подобный же варіантъ, записанный въ с. Тарановкѣ, зміевскаго уѣзда, харьковской губ.,—варіантъ, свидѣтельствующій, что пѣсни о Кармелюкѣ, перенесенныя изъ правобережной Украины въ слободскую, удерживаютъ въ слабой степени цѣльность и тонъ своихъ первообразовъ, сложенныхъ въ мѣстахъ главнаго поля дѣятельности Кармелюка. Помѣщаемый варіантъ отличается очевидной потерей не только многихъ поэтическихъ образовъ, но даже и цѣлыхъ стиховъ, что мѣшаетъ уразумѣнію смысла всей пѣсни. Предлагаемъ читать этотъ варіантъ, сравнивая съ указаннымъ выше.

Славный хлопецъ Кармалюга
Винъ по свиту ходыть,
Та не одну чорнявую
Зъ розуму изводыть.
Не такъ тую чорнявую,
Якъ ту билявую,
Не такъ ту билявую,
Якъ ту бидну вдову,
Сидлай, сидлай, Кармалюго,
Коня вороного,
Та поидемъ, Кармалюго,
Та до кумы въ гости
Здорова, кума моя!
Щось маю сказаты,
Та не знаю, кума моя,
Якъ тебе назваты.
Назвы, назвы, Кармалюго,
Назвы туманъ-яромъ,
Туманъ яромъ, туманъ яромъ,
Морозъ долыною;
Не по правди козакъ жыве,
Жыве зъ дивчыною.
Моя хата, мои сины
Очеретомъ крыты
Бережыся, кума моя,
Щобъ не була быта!

Пѣсня сахарно-заводская.

Новыя условія быта, естественно, порождаютъ и новыя народныя пѣсни, рисующія намъ этотъ бытъ. Сахарно-заводская промышленность, усилившаяся въ послѣднія десятилѣтія, дала темы для народныхъ пѣсенъ, далеко не въ радужномъ цвѣтѣ изображающихъ

намъ положеніе рабочихъ на заводахъ и свекловичныхъ плантаціяхъ. Нѣсколько образчиковъ такихъ пѣсенъ было уже напечатано въ I т. Записокъ юго-западнаго отдѣла геогр. общ., а также въ «Кіевской Старинѣ» прежнихъ годовъ.

Намъ прислана теперь И. И. Зозулею еще одна пѣсня этой же категоріи, записанная въ с. Тарановкѣ, зміевскаго уѣзда, харьков. губ. со словъ дѣвушки, поступившей на службу въ качествѣ работницы «на бурякахъ» и покинувшей заводъ до выслуги срока, вслѣдствіе тяжелой обстановки заводскаго житья. Эта же дѣвушка передаетъ, что уходъ съ завода «дивчатъ»—не исключеніе: уходятъ не двѣ—три, а по десять и болѣе душъ. Пѣсня, прекрасно характеризующая условія жизни на заводѣ, отличается съ внѣшней стороны всѣми признаками фабричной культуры, типичнѣе всего обнаруживающимися въ припѣвѣ къ каждому куплету «гей-гей! охъ-хо-хо!», не имѣющемъ ничего общаго съ пѣснопѣніемъ сельскаго люда; не мало также и великоруссизмовъ, какъ естественнаго слѣдствія смѣшаннаго состава рабочихъ на заводѣ.

Ой горе намъ, молодымъ
Зъ цимъ прыкажчикомъ дурнымъ:
Гей гей! охъ-хо-хо! } bis
Зъ цимъ прыкажчикомъ дурнымъ. }
До роботы прыганя,
А про ижу не спыта.
Гей-гей...
Якъ наварыть бурякивъ
Годуе насъ дуракивъ
Гей-гей...
Якъ наварить кандеру,
И собакамъ у волю
Гей-гей...
Якъ наварыть галушокъ,
Годуе насъ дурочокъ
Гей-гей...
Ой прыкажчику нашъ,
Та виддай же намъ прыказъ
Гей-гей...
Мы до домушку пайдемъ,
Славну писеньку споемъ
Гей-гей...
Славну писеньку споемъ
И до тебе не прыйдемъ
Гей-гей...
И сусидамъ закажемо,
И собаку прывьяжемо:
Гей-гей...
Не ходыжъ ты, Рябко [1]),
Бо тамъ тебе изъидять
Гей гей...
Бо тамъ тебе изъидять
И косточкы рострощать
Гей-гей...

Малороссійская губернія.

Императоръ Павелъ, вскорѣ по вступленіи на престолъ, указомъ 12 декабря 1796 г., повелѣлъ Сенату: ввести новые штаты въ губерніяхъ Россіи. Въ именномъ указѣ отъ 22 декабря того же года,

[1]) Очевидно, неправильно записанный куплетъ.

на имя государственнаго казначея тайнаго совѣтника А. И. Васильева, 1 мая 1797 г. было назначено срокомъ для сдачи дѣлъ изъ тѣхъ присутственныхъ мѣстъ, которыя подлежали закрытію.

Перемѣны эти главнымъ образомъ коснулись южной Россіи, такъ какъ изъ екатеринославской и азовской губерній, была возстановлена новороссійская губернія; Полтава, Алексополь и Константиноградъ, возвращены къ Малороссіи, при чемъ алексопольскій уѣздъ былъ раздѣленъ между кременчугскимъ, полтавскимъ и новомосковскимъ уѣздами.

Новороссійское губернское правленіе 31 января 1797 г. разослало указы объ этомъ распоряженіи присутственнымъ мѣстамъ и чиновникамъ, въ томъ числѣ алексопольскому городничему Пирогову [1]).

Изъ предписанія послѣднему видно, что 20 декабря императоръ Павелъ утвердилъ: 1) росписаніе о государственныхъ расходахъ, 2) что раздѣленіе нѣкоторыхъ губерній въ новыхъ границахъ, было поручено сдѣлать «управляющимъ губерніями» и 3) что государственному казначею Васильеву было повелѣно объявить этотъ указъ Сенату.

Въ указѣ 22 декабря о раздѣленіи губерній говорится, «что нѣкоторыя губерніи получаютъ перемѣну во образѣ правленія ихъ, другія вовсе уничтожаются и приписываются по частямъ къ сосѣдственнымъ, а иныя вновь составляются. На основаніи этого указа, правит. Сенатъ 24 декабря предписалъ казеннымъ палатамъ: доставить разсчеты «въ людяхъ и о всѣхъ государственныхъ доходахъ, доимкахъ и имуществѣ» государственному казначею А. Васильеву.

Современникъ императора Павла, генералъ С. Маевскій, въ своихъ запискахъ говоритъ, что при немъ «всеобщая переборка лишила многихъ хлѣбнаго мѣста, отняла способъ обогащаться кровавыми трудами ближняго и поставила всѣхъ въ границы страха и чести [2]). Понятно, что необходимо было произвести коренныя перемѣны, потому что намѣстники областей, въ особенности на окраинахъ Россіи, допускали произволъ и злоупотребленія.

Въ с. Трубаяхъ голтвянскаго уѣзда, (нынѣ полтавской губерніи) крестьяне разграбили домъ и убили владѣльцевъ Базилевскихъ; о бунтѣ этомъ было поручено произвести слѣдствіе въ 1789 г. генералъ-губернатору князю Потемкину-Таврическому, но онъ этого не исполнилъ.

Поэтому императоръ Павелъ, указомъ 22 августа 1797 г., повелѣлъ Сенату: взыскать съ имѣній Потемкина, доставшихся его наслѣд-

[1]) Смотр. подлин. дѣла бывшаго алексопольскаго земскаго суда за 1797 г.

[2]) Смотр. „Рус. Старина" за 1873 г., августъ, стран. 131.

никамъ, 63,587 руб. убытковъ, согласно опредѣленію градижскаго уѣзднаго суда [1]). Помѣщики: Степанъ, Иванъ и сестра ихъ Марьянна Базилевскіе были убиты 8 іюня 1789 г. крестьянами подъ предводительствомъ Василія Цанка. Совѣтникъ Корбе, командированный туда кіевскимъ намѣстническимъ правленіемъ, губернскій стряпчій, земскій исправникъ были тогда же избиты ими и заключены подъ стражу. Получивъ донесеніе объ этомъ происшествіи, правитель намѣстничества, генералъ маіоръ Ширковъ, 14 іюня послалъ въ с. Трубаи для усмиренія крестьянъ 160 человѣкъ солдатъ, при 3-хъ офицерахъ и одной пушкѣ. Но въ это время князь Потемкинъ-Таврическій почему то присоединилъ с. Трубаи къ екатеринославскому намѣстничеству. Тогда кіевское намѣстническое правленіе, на новую жалобу Өеодора Базилевскаго, къ которому перешли с. Трубаи, отвѣтило, что объ усмиреніи взбунтовавшихся крестьянахъ онъ долженъ обращаться въ Екатеринославъ.

Добавимъ, что изъ указа отъ 1 марта 1800 г. также видно, что костромскій губернаторъ д. с. с. Николай Кочетовъ, разграбилъ палату (казенную) за что его имѣніе было секвестровано [2]); онъ служилъ тамъ съ 1779 г., со времени открытія костромской губерніи.

Новороссійское губернское правленіе 7 марта 1797 г. сообщило всѣмъ городничимъ, что, при указѣ Сената отъ 15-го января, присланы новороссійскому военному гебернатору, генералъ лейтенанту Н. Мих. Бердяеву, новые штаты губерніямъ. Соображаясь съ ними последній назначилъ въ новороссійской губерніи слѣдующіе уѣзды: 1) екатеринославскій, присоединивъ къ нему часть александрійскаго уѣзда, 2) елисаветградскій изъ елисаветградскаго, частей александрійскаго и новомиргородскаго, 3) ольвіопольскій изъ частей новомиргородскаго, вознесенскаго и богопольскаго уѣздовъ, но присутственныя мѣста его оставлены временно въ г. Вознесенскѣ, 4) тираспольскій изъ тираспольскаго уѣзда и части еленскаго. 5) херсонскій—изъ херсонскаго и части вознесенскаго уѣзда, 6) перекопскій—изъ перекопскаго и днѣпровскаго уѣздовъ, 7) симферопольскій изъ симферопольскаго, евпаторійскаго и өеодосійскаго, 8) маріупольскій въ с. Токмакѣ, изъ частей: маріупольскаго, павлоградскаго, новомосковскаго и мелитопольскаго, 9) ростовскій въ Таганрогѣ, съ присоединеніемъ

---

[1]) Смотр. Историч. матеріалы изъ архива кіев. губернск. правленія К. 1882 г. вып. II, стр. 156.

[2]) Смотр. „Рус. Старину“ 1873 г., май, стран. 626.

къ нему земель черноморскаго войска, 10) павлоградскій изъ частей павлоградскаго, новомосковскаго и славянскаго; 11) константиноградскій—изъ частей константиноградскаго, алексопольскаго и славянскаго, 12) бахмутскій—изъ частей бахмутскаго, донецкаго и павлоградскаго уѣздовъ. При этомъ отошли отъ екатеринославскаго намѣстничества въ сосѣднюю губернію—малороссійскую, уѣзды: полтавскій, градижскій, хорольскій, миргородскій, часть константиноградскаго—и часть алексопольскаго съ городомъ. Въ слободско-украинскую губернію: часть константиноградскаго и часть славянскаго съ городомъ. Въ воронежскую губернію: часть донецкаго и бахмутскаго по р. Сѣверный Донецъ. Изъ бывшей вознесенской губерніи часть, присоединенная отъ Польши, отчислена въ кіевскую и подольскую губерніи, а остальные уѣзды были закрыты.

Въ этомъ указѣ также было сказано, что совѣстный судъ, верхній земскій судъ, верхняя расправа, губернскій магистратъ, нижняя расправа, управа благочинія, должности губернскаго и уѣзднаго стряпчаго упраздняются. Вмѣсто новороссійской палаты уголовной и гражданской, открыта была палата суда и расправы, раздѣленная на 2 департамента, вознесенское же губернское и таврическое областное правленія упразднены.

Наблюденіе за передачей дѣлъ прокурорами, стряпчими и присутственными мѣстами возложено на губернскаго прокурора коллежскаго совѣтника И. Шкляревича, а за межевыми дѣлами—на губернскаго землемѣра кол. асс. Чуйко.

Потомъ губернаторъ Бердяевъ сообщилъ новороссійскому губернскому правленію, что городъ Константиноградъ и часть уѣзда, какъ увѣдомилъ его управляющій Малороссіею генералъ фельдмаршалъ графъ И. Салтыковъ, причисленъ къ Малороссіи; а потому поручилъ составить новомосковскій уѣздъ: изъ частей константиноградскаго, алексопольскаго и новомосковскаго уѣздовъ.

Далѣе въ немъ поясняется, что 30 ноября 1796 г. послѣдовалъ указъ: «о возстановленіи въ Малороссіи правленія и судопроизводства, сообразно тому, какъ оное тамъ сходственно правамъ и прежнимъ обрядамъ существовало», и о составленіи, вмѣсто 3-хъ намѣстничествъ, одной губерніи въ г. Черниговѣ, возвративъ къ ней гг. Полтаву и Кременчугъ. Вслѣдствіе чего правленіе поручило полтавскому и алексопольскому судамъ справиться въ архивахъ: какія прежде состояли въ полтавскомъ малороссійскомъ полку селенія и земли казенныя и владѣльческія, и потомъ прислать вѣдомости въ правленіе. При этомъ

имъ было предписано нижнимъ разправамъ: екатеринославской, александровской, новомосковской, павлоградской, бахмутской, донецкой, славянской, константиноградской, маріупольской, градижской, полтавской, миргородской, хорольской и алексопольской прекратить свои дѣйствія, а казенное имущество сдать на храненіе въ уѣздныя казначейства.

Затѣмъ въ указѣ сказано, что при новороссійскомъ губернскомъ правленіи существовала межевая экспедиція, учрежденная 15 іюля 1792 г., въ коей состояли по штату: губернскій землемѣръ, 2 землемѣра, 2 помощника и въ каждомъ уѣздѣ—землемѣръ, помощникъ, а по новому штату назначенъ на губернію одинъ губернскій и 12-ть уѣздныхъ землемѣровъ. Поэтому поручено межевой экспедиціи прекратить свои дѣйствія, дѣла же отправлять губернскому и уѣздному землемѣрамъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ губернское правленіе сообщило въ вознесенское и малороссійское губернскія правленія, чтобы первое передало въ кіевскую и подольскую губерніи уѣзды: ольгопольскій, богопольскій, уманскій, екатеринопольскій, черкасскій и чигиринскій, а послѣднее приняло изъ новороссійской губерніи уѣзды: градижскій, миргородскій, полтавскій, хорольскій, части алексопольскаго и константиноградскаго.

Послѣ того 17 апрѣля малороссійское губернское правленіе дало знать городничимъ, чтобы они приготовили дѣла къ сдачѣ, а всѣ нижніе земскіе суды и дворянскія опеки городовъ, назначенныхъ къ закрытію, отослали свои дѣла въ тѣ города, которые остаются уѣздными по новому раздѣленію губерніи, непремѣнно къ 1 мая.

Въ томъ же указѣ сказано,—что малороссійская губернія составляется изъ 20 повѣтовъ, для отграниченія которыхъ посланы землемѣры.

Вслѣдствіе сообщенія малороссійскаго губернатора, дѣйствительнаго статскаго совѣтника Я. Л. Бакуринскаго, губернское правленіе 10 апрѣля даетъ знать алексопольскому городничему Пирогову, что указомъ Сената отъ 9 марта предоставляется купцамъ и мѣщанамъ тѣхъ городовъ, въ которыхъ присутственныя мѣста будутъ закрыты, производить торговлю и заниматься промыслами на прежнихъ основаніяхъ.

Малороссійское губернское правленіе 23 апрѣля увѣдомляло того же Пирогова, что съ 1-го мая введутся новые штаты въ губерніи, а потому упразднятся слѣдующіе города: Городня, Березна, Борзна,

Лохвица, Глинскъ, Кролевецъ, Коропъ, Новое-мѣсто, Суражъ, Погаръ, Остеръ, Миргородъ, Градижскъ, Константиноградъ, Алексополь и существовавшія въ нихъ присутственныя мѣста, кромѣ магистратовъ и городскихъ думъ. Въ уѣздныхъ же городахъ: уѣздные суды, дворянскія опеки и нижнія расправы также упраздняются. Поэтому правленіе поручило съ того числа всѣмъ этимъ лицамъ и мѣстамъ прекратить производство дѣлъ, прежніе дѣла отослать въ земскіе суда тѣхъ уѣздовъ, куда они причислены, а городничимъ передать дѣла гражданскія въ городовые магистраты, дѣла же о штатныхъ командахъ и суммы выслать въ правленіе. Команды эти и лошади должны были городничіе приготовить къ отправленію куда будетъ назначено, а казенныя зданія и вещи, чтобы передали въ нижніе земскіе суды уѣздныхъ городовъ по описямъ, и затѣмъ донесли правленію. Замѣтимъ, что г. Черниговъ былъ назначенъ въ 1797 г. губернскимъ городомъ малороссійской губерніи, что видно изъ указа малороссійскаго губернскаго правленія отъ 10 марта 1797 г., но не уѣзднымъ, какъ сказано по ошибкѣ въ географическо-статист. словарѣ П. Семенова при описаніи г. Чернигова [1]).

На это распоряженіе алексопольскій городничій Пироговъ донесъ 30 апрѣля правленію, что въ г. Алексополѣ нѣтъ магистрата, жившихъ же тамъ 6-ть купцовъ и 7 мѣщанъ вѣдалъ екатеринославскій магистратъ, а потому онъ просилъ правленіе, увѣдомить его: какъ поступить съ дѣлами и книгами. Потомъ онъ донесъ правленію о составѣ алексопольской штатной команды. Поэтому правленіе 12 мая поручило Пирогову: отослать въ полтавскую штатную команду 3-хъ рядовыхъ, способныхъ къ продолженію службы, константиноградскому городничему Золотухину туда же отправить 12 рядовыхъ изъ константиноградской штатной команды,—къ городничему надворному совѣтнику князю Шаховскому неспособныхъ же рядовыхъ, при офицерѣ, съ лошадьми отправить въ Черниговъ. Интересно, что рядовые: Кузнецовъ, Дюковъ и Ермолаевъ, отосланные въ г. Полтаву, имѣли 1-й 30 лѣтъ, 2-й 44, а 3-й 35 лѣтъ отъ роду, послѣдніе два носили бороды, они были взяты на службу изъ пермской, углицкой и смоленской губерній, изъ нихъ Дюковъ служилъ съ 1770 г., т. е. около 27 лѣтъ.

Затѣмъ изъ вѣдомости вещамъ, представленной въ губернское правленіе городничимъ Пироговымъ, видно, что въ Черниговъ имъ

---

[1]) Смотр. Географич.-статистическ. словарь Рос. Импер. С.-Петерб. 1883 г Т. V. стр. 661.

отправлено 27 рядовыхъ штатной команды, въ томъ числѣ 9 конныхъ, съ поручикомъ Саковымъ; при нихъ отослано 18 ружей, 3 драгунскихъ лошади, и казенныхъ денегъ 123 руб. $28^3/_4$ коп.

Пироговъ 13 іюня отправилъ поручика Сакова съ этой командой въ Черниговъ, снабдивъ его вѣдомостями и ордеромъ, въ которомъ поручилъ при слѣдованіи: «не изнурять въ пути лошадей и не дѣлать на дорогѣ никакихъ обидъ обывателямъ», и вручилъ ему запечатанное донесеніе объ этомъ въ губернское правленіе.

Такъ закончилъ свою дѣятельность послѣдній алексопольскій городничій.

Но еще раньше, а именно 10 марта, малороссійское губернское правленіе дало знать городничему Пирогову, что малороссійская губернія составляется изъ 20 уѣздовъ, какъ выше сказано, но предположенные уѣзды не были признаны удобными управлявшимъ малороссійскою губерніею, фельдмаршаломъ графомъ И. П. Салтыковымъ, по разсмотрѣніи имъ карты губерніи и вѣдомостей, по несоразмѣрности числа жителей въ каждомъ уѣздѣ и взаимнаго разстоянія ихъ между собою.

Поэтому графъ Салтыковъ поручилъ уравнять уѣзды по числу жителей такъ, чтобы изъ числа 1,150,000 жителей, числившихся тогда въ малороссійской губерніи, въ каждомъ повѣтѣ или уѣздѣ было отъ 55 т. до 65 тысячъ душъ. Тѣ же города, въ которыхъ предположено открыть земскіе и подкоморскіе суды должны быть въ центрѣ своихъ уѣздовъ, чтобы каждому жителю удобно было въ нихъ пріѣзжать по своимъ дѣламъ *«не по одной лишь принадлежности къ нимъ, но и не по большому разстоянію»*. Города уѣздные должны быть расположены при рѣкахъ, на возвышенныхъ мѣстахъ и въ нихъ должны быть готовыя зданія для судебныхъ мѣстъ.

На этомъ основаніи графъ Салтыковъ предложилъ раздѣлить малороссійскую губернію на слѣдующіе уѣзды: полтавскій, зеньковскій, кременчугскій, хорольскій, гадячскій, роменскій, лубенскій, золотоношскій, переяславскій, пирятинскій, прилукскій, козелецкій, нѣжинскій, черниговскій, сосницкій, конотопскій, глуховскій, новгородъ-сѣверскій, стародубскій, мглинскій, т. е. въ нынѣшнихъ полтавской губ.—11, а въ черниговской—9 уѣздовъ. Но при этомъ онъ предоставилъ правленію сдѣлать противъ этого раздѣленія свои замѣчанія, основываясь на лучшемъ знаніи всей мѣстности Малороссіи. Понятно, что такое раздѣленіе губерніи на уѣзды вполнѣ было удобно и выгодно для населенія, доказательствомъ чего можетъ слу-

жить, то, что тѣже самые уѣзды въ черниговской и полтавской губерніи остались до настоящаго времени.—Правленіе также никакихъ замѣчаній противъ такого раздѣленія не сдѣлало, какъ видно изъ дѣла.

Въ то же время князь Салтыковъ далъ наставленія губернскому землемѣру Копылову, какъ поступать при разграниченіи уѣздовъ и какіе прежніе уѣзды или части ихъ должны входить въ новые уѣзды; а потому онъ поручилъ правленію, чтобы оно вызвало въ Черниговъ всѣхъ уѣздныхъ землемѣровъ изъ черниговской, новгородъ-сѣверской и отходящей части екатеринославской губерніи,—гдѣ они должны, вмѣстѣ съ губернскимъ землемѣромъ, составить карты предполагаемыхъ уѣздовъ, уравнявъ по возможности въ каждомъ изъ нихъ число жителей, руководствуясь вѣдомостями о числѣ жителей въ селеніяхъ. Послѣ составленія уѣздныхъ картъ, землемѣры должны отправиться въ свои уѣзды и затѣмъ съ исправникомъ объѣхать каждый уѣздъ, и назначить его границы, а также объявить жителямъ всѣхъ селеній изъ закрытыхъ уѣздовъ, чтобы они знали къ какому уѣзду принадлежатъ.

Землемѣръ Копыловъ донесъ губернскому правленію, что, по личному повелѣнію графа Салтыкова, сдѣлано имъ на картѣ Малороссіи расчисленіе уѣздовъ, по числу душъ въ каждомъ. Но для того, чтобы уѣздные землемѣры окончили раздѣленіе губерніи на уѣзды въ мартѣ мѣсяцѣ, онъ проситъ назначить въ помощь къ землемѣрамъ по одному писцу и по 2 солдата.

Далѣе землемѣръ Копыловъ объяснилъ, что кременчугскій уѣздъ составляется изъ градижскаго уѣзда, въ которомъ числилось 51,950 душъ мужес. пола, прибавляется къ нему изъ алексопольскаго 15,628 д., отъ полтавскаго 3,000 д., всего 70,578 д., а за отдѣленіемъ къ полтавскому уѣзду 5,000 д.,—въ кременчугскомъ уѣздѣ будетъ 65,578 д., къ нему также причислены были города Градижскъ и Алексополь; послѣдній получилъ прежнее названіе м. Царичанки, которое и теперь осталось за нимъ.

Поэтому правленіе отправило новгородъ-сѣверскаго землемѣра, артиллеріи подпоручика Семена Кондратовича, въ г. Градижскъ, для того, чтобы онъ установилъ границы кременчугскаго уѣзда, вмѣстѣ съ исправникомъ, и составилъ вѣдомость тѣмъ селеніямъ, которыя будутъ изъ градижскаго, полтавскаго и алексопольскаго уѣздовъ включены въ кременчугскій уѣздъ; а затѣмъ составилъ карту уѣзда «по правиламъ землемѣрскимъ». Вѣдомость эту онъ долженъ представить въ губернское правленіе, а самъ объѣхать съ градижскимъ исправ-

никомъ уѣздъ, объявить въ селеніяхъ о причисленіи ихъ къ тому уѣзду и доносить правленію о ходѣ работъ черезъ каждые 5 дней. Для письмоводства Кондратовичъ долженъ былъ потребовать писца отъ того же исправника, о чемъ было предписано послѣднему; а городничимъ: градижскому, алексопольскому, полтавскому и кременчугскому градоначальнику предписано доставить ему вѣдомость о числѣ жителей въ городахъ, и командировать къ землемѣру 2 солдата изъ мѣстныхъ командъ, исправникамъ же этихъ уѣздовъ поручено было оказывать землемѣру содѣйствіе и находиться при немъ до окончанія отграниченія уѣзда.

Въ концѣ правленіе предписываетъ землемѣру Кондратовичу и полицейскимъ начальникамъ исполнить порученіе это въ точности, подъ опасеніемъ за медленность или нерадѣніе строжайшаго взысканія по законамъ.

По полученіи указа отъ 10 марта, землемѣръ Кондратовичъ отправился въ г. Градижскъ, откуда 16 марта онъ послалъ уже отношеніе алексопольскому городничему Пирогову о доставленіи ему вѣдомости о числѣ жителей и о присылкѣ 2-хъ солдатъ, которыхъ просилъ отослать для этого къ алексопольскому исправнику, секундъ-маіору Игнатьеву. Отъ г. Чернигова до г. Градижска 300 верстъ; слѣдовательно, Кондратовичъ долженъ былъ выѣхать въ тотъ же или на слѣдующій день, для того, чтобы прибыть туда черезъ 5 дней, какъ было ему предписано правленіемъ. Пироговъ 20 марта послалъ ему вѣдомость о числѣ жителей г. Алексополя (м. Царичанки), изъ которой видно, что въ то время въ немъ числилось купцовъ 5 мужеска пола, мѣщанъ 7, казенныхъ поселянъ 1683, козаковъ 30, мѣщанъ записанныхъ въ козаки 22, церковнослужителей 23, и помѣщичьихъ крестьянъ 14 человѣкъ, всего 1784 души,—о чемъ онъ донесъ 21 марта губернскому правленію.

Наконецъ, 12 марта губернское правленіе сообщаетъ Пирогову, что вслѣдствіи предложенія «высокоповелительнаго» графа Салтыкова, оно командировало для составленія уѣздовъ: зеньковскаго, гадяцкаго, полтавскаго, хорольскаго и мглинскаго, землемѣровъ: черниговскаго Тарасова, глуховскаго Бажанова, мглинскаго Муранина, изъ нихъ поручено: 1-му зеньковскій и гадячскій, 2-му полтавскій и хорольскій, 3-му мглинскій. Уѣзды эти губернскій землемѣръ Копыловъ предположилъ составить слѣдующимъ образомъ: въ зеньковскій изъ гадячскаго причислить 25,096 душъ, отъ миргородскаго 22,742 души, отъ полтавскаго 8,000 д., всего 55,838 душъ, къ нему былъ присоединенъ

городъ Константиноградъ; гадячскій изъ половины того же уѣзда 23,096 д., и отъ миргородскаго 16,245 д., лубенскаго 3,000 д., лохвицкаго 12,927 д., всего 55,268 д.; полтавскій—часть того же уѣзда 49,084 д., отъ константиноградскаго 12,884 д., алексопольскаго 11,628 д., и градижскаго 7,000 д., всего 80,596 д., а отдѣливъ 15 т. душъ къ смежнымъ, останется 65,596 д.; хорольскій—изъ того же 49,345 д., отъ миргородскаго 8,548 д., отъ полтавскаго 4,000 д., всего 61,893 д.; мглинскій изъ того же уѣзда 18,030 д., суражскаго 23,256 д., стародубскаго 6,000 д., погарскаго 6,410 д., всего 53,696 д.; поэтому губернское правленіе поручило названнымъ землемѣрамъ взять отъ губернскаго землемѣра Копылова карты съ вѣдомостями селеніямъ тѣхъ уѣздовъ и отправиться въ нихъ того же числа непремѣнно, а затѣмъ, съ земскими исправниками составить повѣты, назначить имъ границы и объявить крестьянамъ селеній о причисленіи ихъ къ этимъ уѣздамъ. Исправникамъ и городничимъ также было предписано доставить землемѣрамъ, по прибытіи ихъ въ уѣзды, вѣдомости о числѣ душъ въ селеніяхъ и городахъ, камандировать писцовъ, по 2 солдата, и находиться при нихъ для содѣйствія къ скорѣйшему отграниченію тѣхъ уѣздовъ.

Къ сожалѣнію, въ дѣлахъ алексопольскаго земскаго суда, которыми мы пользовались нѣтъ свѣдѣній о числѣ жителей въ другихъ уѣздахъ малороссійской губерніи, а также неизвѣстно, когда отграничены остальные уѣзды. Землемѣръ же Кондратовичъ окончилъ составленіе кременчугскаго уѣзда, какъ можно полагать, въ началѣ апрѣля мѣсяца, потому что въ дѣлѣ имѣется только его отношеніе къ городничему Пирогову отъ 11 апрѣля, при которомъ онъ отправилъ ему 2-хъ рядовыхъ алексопольской команды: Родіонова и Трофимова, находившихся при межевыхъ работахъ. Въ заключеніе добавимъ, что малороссійская губернія въ 20 уѣздовъ существовала только 4 года съ небольшимъ, такъ какъ въ 1801 г. она была раздѣлена на двѣ губерніи: черниговскую и полтавскую,—по указу императора Александра Благословеннаго.

П. Китицынъ.

Странное слово.

Проф. Н. Ѳ. Сумцовъ въ своей интересной статьѣ «Культурныя переживанія» въ главѣ объ уличныхъ кличкахъ («Кіевск. Стар.», февр. 1889 г.) на стр. 417 приводитъ прозвища «Перемотъ» и

«Перемотка», производя ихъ отъ слова «перемотать» въ значеніи обманывать. Приведенныя прозвища кажется могутъ объяснить и очень странное и мало понятное простонародное ругательное слово, очень распространенное какъ въ г. Петербургѣ, такъ и въ ближайшихъ губерніяхъ петербургской, новгородской и псковской. Въ указанныхъ мѣстностяхъ человѣка, промотавшаго или нелѣпо распорядившагося своими средствами, также мелкаго обманщика называютъ «абармотъ»; кое гдѣ это слово произносятъ «обармотъ» или «обермотъ». Слово это звучитъ вовсе не по русски; трудно или невозможно указать его великорусскій корень; едва ли можно допустить вѣрность слышаннаго мною отъ мѣстнаго уроженца объясненія, что слово это произошло отъ сочетанія нѣмецкаго слова «оберъ» (оберъ офицеръ) съ русскимъ «мотъ». Мнѣ кажется, что, въ виду приведенной цитаты изъ статьи г. Сумцова, гораздо вѣроятнѣе выводить это слово изъ Малороссіи; оттуда оно, быть можетъ, было занесено на отдаленный сѣверъ солдатами—украинцами, очень многочисленными въ гвардіи; при своемъ распространеніи въ средѣ инороднаго населенія оно измѣнило свою первоначальную форму, сдѣлалось малоузнаваемымъ. Такъ ли это, предоставляю судить филологамъ.

В. Б.

Десятилѣтіе каневской публичной библіотеки (1878—1887 г.).

Жизнь нашихъ уѣздныхъ городовъ настолько всегда течетъ однообразно, настолько бываетъ лишена культурныхъ интересовъ, что даже и незначительный съ перваго взгляда фактъ появленія чего нибудь сверхъ-обычнаго составляетъ небезъинтересную страничку въ ихъ мѣстной исторіи. Тѣмъ болѣе нельзя посчитать малозначущимъ такого явленія, какъ возникновеніе въ данномъ захолустномъ пунктѣ общественной библіотеки, большая или меньшая сила жизненности которой есть лучшій выразитель культурной правоспособности такого пункта и лучшій представитель умственнаго и нравственнаго облика его жителей. Вотъ почему, смѣемъ думать, наша небольшая замѣтка о десятилѣтнемъ періодѣ существованія каневской публичной библіотеки не будетъ излишней для освѣщенія нѣсколькихъ страницъ культурной исторіи нашего городка, особенно, если принять во вниманіе,

что эти страницы, вѣроятно, окажутся общими для многихъ провинціальныхъ городковъ нашего правобережья.

Въ концѣ 1876 года, по инціативѣ нѣсколькихъ чиновниковъ, поддержанной мѣстнымъ исправникомъ, составленъ былъ уставъ каневской городской общественной библіотеки съ публичною при ней читальней. Фактъ возникновенія этого экстраординарнаго въ глуши учрежденія, при содѣйствіи полицейскаго агента—фактъ далеко не единичный въ провинціи, гдѣ уѣздный исправникъ зачастую играетъ роль выдающагося интеллигента. Это напоминаетъ намъ до нѣкоторой степени однородный случай, бывшій на нашей памяти, около 30 лѣтъ тому назадъ, въ г. Ахтыркѣ (харьк. губ.): это открытіе воскресной школы, по почину молодежи изъ интеллигенціи и при рьяномъ участіи городничаго, который въ своемъ рвеніи доходилъ иногда до абсурда; такъ, напримѣръ, сей герой въ одно изъ первыхъ воскресеній по открытіи школы поставилъ на колѣни 40-лѣтняго мѣщанина за пропускъ школы въ предыдущее воскресенье, и злосчастный pater familias, съ раскрытымъ ртомъ и вытянутой физіономіей, повиновался волѣ начальства, чѣмъ вызвалъ гомерическій хохотъ аудиторіи и, конечно, рѣзкій протестъ со стороны сотрудниковъ педагоговъ. Но какъ ни курьезны бываютъ вмѣшательства сихъ ревностныхъ радѣтелей о просвѣщеніи, однако въ дѣлѣ утвержденія устава каневской городской библіотеки участіе мѣстнаго исправника принесло видную пользу, т. к. уставъ былъ утвержденъ, и библіотека, послѣ сбора подписныхъ денегъ и пожертвованныхъ книгъ, была открыта 10 декабря 1877 года въ помѣщеніи о двухъ комнатахъ, отведенныхъ городскою управой, гдѣ она находится и теперь.

У составителей устава, помимо соображенія съ небольшими средствами уютно пристроить свое будущее дѣтище, надо полагать, имѣлся въ виду также разсчетъ подвинуть со временемъ мѣстный муниципалитетъ на постоянную субсидію этому полезному учрежденію, т. к. въ § 2 устава, между прочимъ, говорится: «библіотека съ читальней помѣщается при городской управѣ безплатно и *составляетъ общественное достояніе города*». Но увы! на практикѣ эти скромныя надежды благодушныхъ составителей устава не сбылись. Напротивъ, наша библіотека на своемъ маленькомъ вѣку уже пережила моментъ гамлетовскаго «быть или не быть», когда у кормы городскаго самоуправленія стояли воротилы, изрекавшіе про нее: «на що воно намъ здалось? покы не було ціи библіотекы, то и въ газетахъ ничого не писалы про нашъ городъ..... Лучче продаты ти кныжкы, а грошы при-

годятся на що инше». Хотя эта угроза и миновала, но тѣмъ не менѣе библіотека едва продолжаетъ существовать на тѣ ограниченныя средства, которыя доставлялись въ теченіе 10 лѣтъ членами библіотеки и временными подписчиками. Членами библіотеки состоятъ преимущественно жители города и сравнительно незначительное число изъ уѣзда. Всѣхъ членовъ въ теченіе 10 лѣтъ (съ 1878 г. по 1887 включительно) было 333, т. е. среднимъ числомъ 33 ежегодно, при чемъ наибольшее число (49, изъ которыхъ 7 уѣздныхъ) членовъ было въ первый годъ существованія библіотеки, наименьшее (24, изъ которыхъ ни одного уѣзднаго) въ послѣдній,—фактъ, какъ видите, наводящій на грустныя думы. Временныхъ подписчиковъ за всѣ 10 лѣтъ было 383, т. е. среднимъ числомъ 38 ежегодно, при чемъ наибольшее число (69, изъ которыхъ 16 уѣздныхъ) приходится на 1881-й годъ, а наименьшее—на первый годъ существованія библіотеки (15, изъ которыхъ 3 уѣздныхъ); въ послѣдній же годъ всѣхъ подписчиковъ состояло 40, изъ которыхъ только 4 уѣздныхъ—фактъ, тоже мало утѣшающій. Средній годовой приходъ, составляющійся изъ членскихъ взносовъ (162 р.), изъ платы временныхъ подписчиковъ (51 р.), изъ случайныхъ поступленій (17 р.), изъ сбора въ кружку при читальнѣ (2 р. 50 к.), изъ суммъ, выручаемыхъ отъ продажи приложеній къ иллюстрированнымъ изданіямъ и газетъ (11 р.) и изъ штрафовъ, впрочемъ упраздненныхъ съ 1882 года (5 р.),—выражается цифрой 248 р. 50 к. Средній годовой расходъ, идущій на выписку періодическихъ изданій (172 р.), на пріобрѣтеніе книгъ (20 р.), на пополненіе инвентаря (12 р.), на переплетъ книгъ (31 р.), на мелкіе расходы (7 р. 50 к.), - выражается цифрой 243 р. 50 к. Изъ этихъ данныхъ видно, какъ ничтожны имѣющіяся средства, особенно для пополненія библіотеки отдѣльными сочиненіями. Впрочемъ, надо прибавить, что поступаютъ въ библіотеку книги, сверхъ выписки ихъ, еще въ видѣ пожертвованій (за 10 лѣтъ на сумму 144 р.) и вмѣсто членскихъ взносовъ (на сумму 357 р. 90 к.).

Постоянный и главный контингентъ членовъ и подписчиковъ составляетъ немногочисленная мѣстная интеллигенція и въ томъ числѣ *перемежающійся* служилый людъ нашей администраціи и канцелярій. Употребляемъ терминъ *перемежающійся* потому, что значительное большинство этого, налетомъ прибывающаго къ намъ изъ центральныхъ губерній, класса людей надолго не засиживается на мѣстѣ: потому ли, что не сживается съ обывательскими нравами и обычаями; потому ли, что иныхъ высшее начальство изгоняетъ за

взятки, за якшаніе съ евреями и другія продѣлки; потому ли, наконецъ, что, попавъ на крупный «по нашему мѣсту» казенный окладъ, прибывшій къ намъ въ *отхожій промыселъ* скиталецъ сколачиваетъ, за два три, много пять лѣтъ, деньгу и затѣмъ навастриваетъ лыжи ко двору и сожительницѣ своей. Нѣкоторые же изъ нихъ, удрученные монотонностью мѣстнаго житейскаго режима, просто-напросто ташкентствуютъ отъ насъ на Кавказъ, въ Сибирь, въ сѣверо-западный и привислянскій края, соблазняемые перспективой полученія не въ зачетъ прогонныхъ, подъемныхъ денегъ и увеличенныхъ окладовъ жалованья. Чиновная же братія изъ туземныхъ старожиловъ, составляя отрядъ *упостояніившихся титулярныхъ совѣтниковъ*, настолько начинена за свой долгій служилый вѣкъ циркулярами и предписаніями начальствъ, что всякое иное занятіе, помимо канцелярскаго ремесла, а особенно чтеніе (кромѣ оффиціальной части губернскихъ и иныхъ подлежащихъ вѣдомостей) считаетъ чуть ли не искушеніемъ діавола. Да оно и понятно: въ ихъ молодую пору литературный рынокъ пополнялся, съ одной стороны, произведеніями въ родѣ «Сердце человѣческое есть храмъ Божій, или жилище сатаны», разными житіями, оракулами, соломонами, предсказаніями Задеки и пр.; съ другой—такими, какъ «Солдатъ Яшка—красная рубашка, синія ластовицы», «О молодомъ Ильѣ женатомъ да о лысомъ Мартынѣ тароватомъ» и др. Подпольная же литература того отдаленнаго времени ограничивалась «Сномъ Богородицы» и пожалуй, еще двумя-тремя подобными измышленіями фантазіи. Да при томъ всѣ эти литературные трезоры, при тогдашнихъ путяхъ сообщенія, попадали въ семьи нашихъ грамотныхъ земляковъ довольно рѣдко. Откуда же тутъ могла явиться и развиться любовь къ чтенію? Надо принять еще во вниманіе и то, что эти господа, начавшіе служебную карьеру въ магистратахъ, нижнихъ земскихъ судахъ и иныхъ учрежденіяхъ дореформеннаго времени, едва ли еще не за легендарнаго царя *Бомка* (когда земля была тонка: пальцемъ проткни—и воды напьешься), заручившись во время оно изрядною копѣйкой, неуклонно продолжали свои накопленія, какъ неукоснительно продолжаютъ и торную служебную колею, а теперь ростовщичествуютъ себѣ въ сласть, благодаря значительному элементу еврейскаго населенія, которое охотно кредитуется у нихъ для разныхъ гешефтовъ и, въ видахъ соблюденія обоюдныхъ интересовъ, при подрядахъ и поставкахъ разнаго рода. На что же, спрашивается, этимъ *реалистамъ sui generis* публичная библіотека? Одно разореніе! Вѣдь по правиламъ библіотеки

даже подписчикамъ 2-го разряда приходится платить по 25 коп. въ мѣсяцъ! А дѣти же ихъ—неудомѣваетъ читатель—чѣмъ пробавляются? А у нихъ есть учебники, которые тоже денегъ стоютъ,—пусть твердятъ ихъ; а тамъ ужъ, когда въ кость войдутъ да поженятся, пусть себѣ дѣлаютъ, какъ знаютъ—основательно разсуждаютъ родители. Впрочемъ, велика сила времени! Кумушки изъ Краснаго Яра не разъ сказывали варшавскимъ [1]), что, по ихъ замѣчанію, отцы то на досугѣ въ послѣдніе годы «запускаютъ журавля» даже въ «Кіевлянинъ», прихвачиваемый ими изъ канцелярій. И тутъ, какъ видите, обойдена библіотека!

Кромѣ чиновниковъ служащихъ да нѣкоторыхъ изъ отставныхъ пенсіонеровъ, въ числѣ членовъ или подписчиковъ встрѣчаются: еврейскія турнюрныя дѣвицы съ казеннымъ раввиномъ въ хвостѣ, проживающіе иногда въ ожиданіи мѣстъ бывшіе арендаторы, управлявшіе имѣніями, механики, писцы изъ присутственныхъ мѣстъ и разныхъ канцелярій; въ лѣтнее же время—дачники, молодежь каникулярная: учителя изъ мѣстныхъ уроженцевъ, гимназисты, реалисты, семинаристы, студенты... Количество этого пріѣзжаго люда несомнѣнно вліяетъ на колебаніе числа мѣсячныхъ подписчиковъ и посѣтителей читальни.

Этотъ незначительный, сравнительно съ населеніемъ г. Канева (къ 1888 г. считалось 8324 души), контингентъ читателей библіотеки, какъ видно уже было изъ приведенныхъ раньше данныхъ, больше всего имѣлъ возможность пользоваться періодическими изданіями. Всѣхъ названій періодическихъ изданій поступило въ теченіе 10 лѣтъ 37; при чемъ надо замѣтить, что въ выпискѣ этихъ изданій нѣтъ никакой систематичности: большинство изъ нихъ выписывалось только въ теченіе одного, двухъ, трехъ лѣтъ, и только «Вѣстникъ Европы», «Живописное Обозрѣніе», «Недѣля» и «Русская Старина» поступали постоянно за каждый годъ; даже «Кіевлянинъ» имѣется не за всѣ года. Что касается отдѣльныхъ сочиненій, то, при общемъ количествѣ названій къ 1888 году—1428, находимъ тутъ только 25 названій, представляющихъ собраніе сочиненій русскихъ беллетристовъ, при чемъ отсутствуютъ даже такіе, какъ Жуковскій.

Не лишено интереса отношеніе публики къ печатному слову, поскольку можно судить о немъ изъ нѣкоторыхъ курьезнымъ способомъ добываемыхъ данныхъ. Перелистывая иллюстрированныя изданія,

---

[1]) Красный Яръ и Варшавка—приселки въ городѣ.

нельзя не замѣтить, что нѣкоторыми изъ читателей брались они изъ за картинокъ и, вѣроятнѣе всего, давались дѣтямъ для забавы, такъ какъ слѣды дебошей этихъ маленькихъ тирановъ явственно проглядываютъ на страницахъ изданій въ грязныхъ тычкахъ на физіономіяхъ изображенныхъ героевъ, въ значительномъ числѣ изорванныхъ листовъ, преимущественно тѣхъ, которые, нужно полагать, были объектомъ особеннаго вниманія дѣтей, въ поразительной засаленности и изорванности самыхъ переплетовъ. Само собою разумѣется, что такъ называемымъ «жестокимъ романамъ» въ этомъ отношеніи тоже повезло: кромѣ массы восклицательныхъ реченій на поляхъ, въ родѣ «ахъ, это ужасти!» «Не можетъ быть, чтобъ Вѣрочка ему простила!» «А мы это не думали» (вѣроятно, читалось обществомъ еврейской молодежи); «Бѣдныя женщины! и все это ради васъ изверговъ!» «Вотъ душка Окрейцъ!» и т. п.,—кромѣ всего этого, постоянно попадаются отмѣтки жаркихъ мѣстъ ногтями, шпильками, булавками, усиленными заломами листовъ и пр., что выпало отчасти и на долю классическихъ русскихъ писателей. Конечно, это все свидѣтельствуетъ, что наши дамы и дѣвицы любовно вникали въ смыслъ прочитаннаго. Изрѣдка и въ серьезныхъ статьяхъ толстыхъ журналовъ встрѣчаются подчеркиванія такихъ мѣстъ, которыя въ виновникахъ этихъ отмѣтокъ обнаруживаютъ читателей съ *широкимъ умственнымъ развитіемъ*. Но перломъ этого вниканія въ прочитанное является точно записанная нами своеобразная рецензія какого то простеца подъ статьей Шелгунова «Прошедшее и будущее европейской цивилизаціи»; рецензія эта, выведенная писарскимъ крючковатымъ почеркомъ, гласитъ слѣдующее: «чтобы хорошо умѣть танцовать, надо это свниманіемъ прочитать». Навѣрное, нашему плодовитому публицисту никогда и во снѣ не грезился такой выводъ изъ его статьи!

Какъ ни печально положеніе библіотечнаго дѣла въ нашемъ городѣ, поскольку это зависитъ отъ повальной захолустной косности, но все таки намъ кажется, что можно нѣкоторыми искусственными мѣрами поддержать это увядающее учрежденіе, чтобы при помощи его улучшить умственный и нравственный обликъ обывателей. Первой и самой радикальной мѣрой должна явиться, по нашему мнѣнію, субсидія отъ городской думы, на нравственной обязанности которой лежитъ не только завѣдываніе матеріальнымъ хозяйствомъ города, но и заботы о средствахъ къ просвѣщенію его. **В. Гаврышъ.**

Для справокъ.

—— **Памятникъ Котляревскаго въ Полтавѣ.** Въ бытность свою въ Полтавѣ въ маѣ мѣсяцѣ этого года, я посѣтилъ мѣстное кладбище, гдѣ, между прочимъ, осматривалъ памятникъ покойнаго писателя И. П. Котляревскаго; жалкій видъ этого полуразрушеннаго памятника, какъ видно до сихъ поръ никѣмъ не замѣченнаго, заставилъ меня написать о немъ нѣсколько строкъ, для свѣдѣнія, которыя и прошу помѣстить на страницахъ „Кіевской Старины“.

Иванъ Петровичъ Котляревскій, какъ извѣстно, скончался въ Полтавѣ 29 октября 1838 года. Прахъ его, согласно желанію, положенъ въ южномъ углу стараго полтавскаго кладбища, подъ тѣнью вѣтвистаго тополя, вблизи дороги, идущей на г. Кобеляки. Въ 1839 году другомъ покойнаго Котляревскаго надворнымъ совѣтникомъ Павломъ Степановичемъ Стеблинъ-Каменскимъ († въ 1856 г.) надъ могилою его былъ воздвигнутъ на собственный послѣдняго счетъ небольшой кирпичный памятникъ, оштукатуренный, въ родѣ низкой колонны, на четыреугольномъ пьедесталѣ, обитый сверху желѣзомъ, съ маленькимъ позолоченнымъ крестомъ; съ одной стороны пьедестала тогда же была вдѣлана мѣдная доска съ слѣдующей надписью: „Маіоръ И. П. Котляревскій, сочинитель Энеиды на малороссійскомъ нарѣчіи род. 1769 года августа 29, скончался 1838 г. октября 29“. Памятникъ этотъ отъ времени сильно пострадалъ и лишь въ 1869 году, въ день столѣтняго юбилея рожденія Котляревскаго, почитателями памяти покойнаго, на собранную по подпискѣ сумму, снова былъ возобновленъ и вокругъ него сдѣлана деревянная рѣшетка, а вмѣсто украденной еще въ 1863 г. доски съ надписью вдѣлана вновь мѣдная—съ слѣдующею надписью: „Иванъ Петровичъ Котляревскій, авторъ Энеиды, Наталки-Полтавки и Москаля-Чаривныка на малороссійскомъ нарѣчіи, родился 29 августа 1769 года, скончался 29 октября 1838 года“. Сверху доски, въ лавровомъ вѣнкѣ „1869 г.“, столѣтняго юбилея, а внизу изображеніе лиры. Въ 1881 г. памятникъ вновь былъ исправленъ, вокругъ него сдѣлана новая ограда, вмѣсто уничтоженной неизвѣстно кѣмъ старой, изъ остатка суммъ, вырученныхъ дамскимъ благотворительнымъ обществомъ отъ устройства народнаго гулянья въ городскомъ саду въ память Котляревскаго, и съ тѣхъ поръ памятникъ этотъ не возобновлялся... Въ настоящее время онъ пришелъ въ значительное уже разрушеніе, а мѣдная доска съ надписью, къ сожалѣнію, вторично въ 1885 году украдена съ кладбища и никто не позаботился замѣнить ее новою, хотя въ Полтавѣ и теперь еще живутъ многіе, хорошо знающіе покойнаго Котляревскаго [1]).

Сообщилъ **В. Е. Бучневичъ**.

—— **Отчетъ Комитета Общества для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ за мартъ, апрѣль и май мѣсяцъ 1889 года.** Въ теченіе марта, апрѣля и мая мѣсяцевъ 1889 г. Комитетъ Общества для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ имѣлъ 7 обыкновенныхъ и 1 экстренное засѣданіе.

Срочныя ссуды за поручительствомъ или подъ обезпеченіе жалованьемъ и гонораромъ были выданы 7 лицамъ на сумму 875 р. (1—50 р., 2-мъ по 100 р. 1—150 р., 1—200 р., 1—275 р., 1—300 р.); безсрочныя ссуды выданы 19 лицамъ на

---

[1]) См. мою также статью: „Нѣсколько словъ о домикѣ Котляревскаго въ Полтавѣ“ въ Кіевской Старинѣ 1884 г., октябрь, стр. 352—353.

сумму 2,975 руб. (2 по 50 р., 1—75, 10—по 100 р., 2 по 150 р., 3 по 300 р., 1—600 руб.).

Единовременныя пособія назначены: 1-му лицу въ 250 р., 2 по 200 р. 2 по 150 р., 1—125 р., 2 по 100 р., 3 по 75 р., 20 по 50 р., 2 по 40 р., 1—30 р., 6 по 25 р., 2 по 10 р., а всего 42 лицамъ на сумму 2780 руб.

На погребеніе мужа одной писательницы назначено 50 р., на погребеніе одного ученаго 100 руб.

Продолжительныя пособія назначены 4 лицамъ: 1—75 р., 1—90 р., 1—150 р., 1—по 300 р., на 2 года, а всего въ теченіе трехъ мѣсяцевъ на основаніи прежнихъ и новыхъ постановленій продолжительныхъ пособій выдано на 330 руб.

Одной весьма извѣстной престарѣлой и больной писательницѣ была назначена пенсія по 600 р., въ годъ, а вмѣстѣ съ назначенными ранѣе всего за 3 мѣсяца выдано пенсій на 1297 руб.

Опредѣлено уплатить за воспитаніе и обученіе дочери 1 лица 25 р., сына 1 лица 30 р., за воспитаніе дѣтей покойнаго писателя 90 руб., дочерей трехъ писателей: одного 100 р., другаго 170 р., и третьяго по 100 р. въ теченіе двухъ лѣтъ, всего же на воспитаніе и обученіе дѣтей литераторовъ и ученыхъ за 3 мѣсяца на основаніи прежнихъ и новыхъ назначеній издержано 700 руб. и кромѣ того на стипендіи 275 р.

Отклонены просьбы 19 лицъ (въ томъ числѣ 2-хъ—2 раза, и 1-го 3 раза).

Редакторъ „Петербургскаго Листка" Н. А. Скроботовъ вмѣстѣ съ сотрудниками, бумажный фабрикантъ г. Небе, типографъ г. Шмидтъ и переплетный мастеръ г. Моревъ собрали 15 марта 1889 года въ день празднованія 25-лѣтія изданія „Петербургскаго Листка" капиталъ въ 1,000 руб., заключающійся въ билетѣ Восточнаго займа 1877 г. съ тѣмъ, чтобы онъ былъ обращенъ въ неприкосновенный капиталъ общества для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ съ присвоеніемъ ему наименованія „капитала Александра Викторовича Владимірскаго", а проценты его обращались бы на нужды общества.

М. К. Цебрикова пожертвовала 143 р. 85 к.

Ек. Ник. Жулева въ память артиста Ив. Григ. Чернышева пожертвовала 50 р.

Е. А. Салтыкова заявила, что семейство М. Е. Салтыкова жертвуетъ въ пользу общества 1% съ цѣны изданія сочиненій Михаила Евграфовича и что деньги будутъ доставлены по распродажѣ изданія.

Присяжные повѣренные округа спб. Судебной Палаты и ихъ помощники чрезъ гг. Е. М. Биновича и Н. І. Холева пожертвовали 317 р. 4 к. въ видѣ перваго вклада на образованія капитала имени М. Е. Салтыкова.

Кружокъ литераторовъ на образованіе того же капитала собралъ 455 руб. (въ счетъ ихъ поступило 247 р.) съ тѣмъ, что назначеніе этому капиталу дано будетъ жертвователями впослѣдствіи. Въ неприкосновенный капиталъ имени М. Е. Салтыкова поступило: отъ нижегородскихъ почитателей М. Е. Салтыкова (чрезъ В. Короленко)—50 р., отъ служащихъ при Соколовской мануфактурѣ т-ва И. А. Баранова (чрезъ В. Аристова)—118 р., отъ минскихъ почитателей—15 р., по подпискѣ въ Нижнемъ-Новгородѣ собрано 106 р., отъ харьковскихъ почитателей (чрезъ г.-жу Толочинову) 100 р.

Евг. Мих. Гаршинъ заявилъ, что онъ уступаетъ обществу для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ принадлежащее ему, въ размѣрѣ $^{3}/_{8}$, право ли-

тературной собственности на сочиненія Всев. Мих. Гаршина (по распродажѣ изданій г. Панафидина) съ условіемъ не отчуждать этого дара никакимъ путемъ.

В. П. Андрузскій предложилъ предоставить въ распоряженіе общества комнату съ правомъ безплатнаго леченія 1-го лица въ принадлежащемъ ему грязелечебномъ заведеніи въ Будакахъ бессарабской губерніи и еще сдѣлать скидку въ 25% для двухъ лицъ.

Вечеръ литературнаго фонда 18 апрѣля 1889 г., въ которомъ принимали участіе г-жи М. Б. Гейденрейхъ, М. В. Крестовская, А. А. Попова, В. У. Сипягина-Лиліенфельдъ, О. И. Шапиръ, гг. П. И. Вейнбергъ, С. Я. Морозовъ, Я. П. Полонскій, В. М. Самусь и К. М. Фофановъ далъ чистаго сбора 708 р. 70 к.

Комитетъ считаетъ долгомъ выразить признательность всѣмъ означеннымъ лицамъ.

М. В. Ватсонъ и Э. К. Ватсонъ признаны пожизненными членами общества въ виду ихъ трудовъ по изданію сочиненій Надсона.

Библіографія.

Сборникъ отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской академіи наукъ томъ 47: Сочиненія А. А. Котляревскаго т. I. Спб. 1889 г.

Покойный славистъ А. А. Котляревскій, бывшій профессоромъ въ кіевскомъ университетѣ, имѣлъ въ своемъ характерѣ одну любопытную странность: онъ любилъ издавать свои труды лишь въ весьма ограниченномъ количествѣ экземпляровъ, вслѣдствіе чего они очень скоро послѣ своего появленія исчезали изъ обращенія въ продажѣ и дѣлались библіографическою рѣдкостію.

Вспомнимъ, напр., о его знаменитыхъ «Погребальныхъ обычаяхъ языческихъ славянъ»; этотъ первостепенной важности трудъ, которому выпало на долю рѣдкое счастіе въ наукѣ—завершить собою извѣстный научный вопросъ, поставить въ немъ, такъ сказать, точку и сдать его въ архивъ—уже въ семидесятыхъ годахъ вышелъ изъ продажи, и пишущій эти строки могъ получить его только отъ самаго автора. Еще болѣе памятна всѣмъ, слѣдившимъ за ростомъ славистики на Руси, исторія съ послѣднимъ трудомъ покойнаго ученаго «Древняя русская письменность. Опытъ библіологическаго ея изученія». Эта замѣчательная, къ сожалѣнію неоконченная, работа, доступная только ученому съ такою огромною начитанностью и такимъ рѣдкимъ по полнотѣ книгохранилищемъ, какими обладалъ покойный, была выпущена въ свѣтъ всего лишь въ числѣ 66 экз., изъ которыхъ 33 на веленевой бумагѣ нумерованы... Да, въ характерѣ покойнаго было таки стремленіе къ путямъ нѣсколько необычнымъ, своеобразнымъ, и рутиннаго онъ не терпѣлъ ничего даже въ

мелочахъ, хотя нельзя не пожалѣть, что малодоступность его книгъ была очень во вредъ читающей и учащейся молодежи [1]).

Послѣ этихъ замѣчаній становится вполнѣ понятною необходимость болѣе распространеннаго и доступнаго изданія трудовъ Котляревскаго, изданія, въ которомъ нашло бы себѣ мѣсто и то множество статей, замѣтокъ и оцѣнокъ книгъ, какимъ довольно щедро наполнялъ покойный разныя повременныя изданія, начиная съ 1855 года, тѣмъ болѣе, что и эти мелкія работы исполнены съ тою же трезвою тщательностью, ученою основательностью и глубокомысліемъ, иногда юморомъ, какими отличался и впослѣдствіи ученый ихъ авторъ. Такое то изданіе и предпринято нашею академіею наукъ, за что, конечно, нельзя не быть ей глубоко признательными.

Предлежащій первый выпускъ этого изданія представляетъ изъ себя большую книгу въ 40 печатныхъ листовъ, состоящую изъ 27 статей самаго разнообразнаго содержанія, обнаруживающаго въ авторѣ незаурядную начитанность и замѣчательную разносторонность ученыхъ интересовъ. Дѣйствительно, покойный представлялъ изъ себя рѣдкій уже въ настоящее узкое время типъ ученаго съ чрезвычайно широкими горизонтами, знакомаго рѣшительно со всѣми отраслями извѣстнаго круга знаній; конечно, хозяиномъ дѣла онъ былъ не во всѣхъ ихъ, но за то съ каждою онъ былъ знакомъ, по крайней мѣрѣ, настолько, чтобы имѣть возможность самостоятельно, а не съ чужихъ словъ, судить о предметѣ. Въ самомъ дѣлѣ, мнѣ изъ личныхъ отношеній представлялась возможность судить, до какой степени покойный, будучи спеціалистомъ главнымъ образомъ въ области русско-славянской литературы и филологіи, былъ силенъ, напр., въ исторіи всеобщей литературы, въ археологіи и древностяхъ, наконецъ, въ вопросахъ какъ чисто практическаго преподаванія словесности, наприм., въ среднеучебныхъ заведеніяхъ, такъ и литературно-эстетической критики. И всѣ эти свѣдѣнія онъ любилъ черпать прямо изъ источниковъ, къ чему немало способствовало ему прекрасное знаніе языковъ какъ новыхъ, такъ и древнихъ.

Уже изъ перваго тома его сочиненій видна указанная выше разносторонность знаній и широта научныхъ интересовъ: тутъ и

---

[1]) Особенно это нужно сказать о двухъ книгахъ, изданныхъ А. А. Котляревскимъ за границею и, кажется, даже не поступавшихъ въ продажу: „Книга о древностяхъ и исторіи поморскихъ славянъ“ и „Древности права Балтійскихъ славянъ“ Прага 1874 г. Книги эти были изданы замѣчательно изящно, но, кажется, тоже въ незначительномъ числѣ экземпляровъ.

статьи чисто грамматическаго свойства, и статьи по излюбленной покойнымъ народной словесности, и чисто литературные разборы (напр., о стихотвореніяхъ Полежаева, объ оповиданняхъ Марка Вовчка, объ Основьяненкѣ), и замѣтки по археологіи, по исторіи всеобщей литературы, по славяновѣдѣнію, по сравнительному языкознанію, по русской исторіи (напр., статья о сочиненіи Костомарова «Богданъ Хмельницкій») и дѣльные библіографическіе обзоры, напримѣръ, «Старина и народность» за 1861 г. и чисто педагогическія разсужденія (Рутина въ преподаваніи исторіи словесности, Двѣ новыя хрестоматіи и др.).

Взгляды автора вообще до такой степени трезвы, широки и глубокомысленны, что спорить съ ними, за малыми исключеніями, почти не приходится. Можно, конечно, указать на нѣсколько мыслей несомнѣнно невѣрныхъ, съ точки зрѣнія современной науки, ушедшей уже гораздо далѣе, между прочимъ и благодаря трудамъ нашего же автора (таково, напр., его указаніе на Ломоносова, какъ на грамматическаго дѣятеля, *почти не имѣвшаго предшественниковъ*, его утвержденіе въ одной статьѣ о случайномъ будто бы, безпочвенномъ и чисто искусственномъ характерѣ украинско-литературной дѣятельности составителя перелицованной Энеиды, его нѣсколько пренебрежительное отношеніе къ трудамъ Гильфердинга и др.); но гораздо цѣлесообразнѣе будетъ раскрыть богатство содержанія разсматриваемой книги и горячо рекомендовать ее тому любознательному читателю, который предпочитаетъ трезвость мысли, хотя бы и нѣсколько суровую, разнымъ призрачнымъ теоріямъ и фантастическимъ ученіямъ и взглядамъ...

Историческій методъ въ изученіи словесности, и сравнительно историческій — въ языкознаніи блестяще и настойчиво проповѣдуется нашимъ ученымъ, и немало страницъ его книги посвящено весьма обстоятельному и искусному объясненію сущности этого метода, подтверждаемаго множествомъ убѣдительнѣйшихъ примѣровъ. Многія изъ этихъ страницъ столь жизненны и глубоко научны по содержанію, что нисколько не потеряли своего значенія и цѣны и въ наше время; а нѣкоторыя изъ нихъ должны бы и теперь еще служить для преподавателей словесности какъ отечественной, такъ и всеобщей, настольными... Желающихъ провѣрить наши слова отсылаемъ къ чуднымъ страницамъ, предваряющимъ статьи «Рутина въ преподаваніи исторіи словесности» и «Опытъ исторической грамматики русскаго языка». Правда, для современнаго

образованнаго филолога ничего особенно новаго тамъ не найдется; но за то тѣ послѣдніе результаты, на которыхъ въ сущности и теперь еще зиждутся какъ современное ученіе о словесности, такъ и языкознаніе, изложены съ поразительною ясностію, отчетливостію и убѣдительностію. Рутина всегда была и будетъ сильна во всякомъ человѣческомъ дѣлѣ; сильна она и теперь еще въ дѣлѣ преподаванія словесности въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ; мы глубоко убѣждены, что указанныя нами страницы надолго еще окажутся какъ лучшимъ соратникомъ и пособникомъ мыслящему преподавателю въ борьбѣ его съ рутиною, такъ и превосходнымъ руководствомъ для всякаго начинающаго преподавателя, который пожелалъ бы избрать для себя наиболѣе вѣрный путь.

Заключительная въ книгѣ замѣтка «Были ли малоруссы исконными обитателями полянской земли или пришли изъ—за Карпатъ въ XIV в.?» имѣетъ для читателей «Кіевской Старины» особый интересъ, въ виду тѣхъ еще недавнихъ споровъ по данному вопросу въ здѣшнемъ историческомъ обществѣ Нестора лѣтописца, которые такъ памятны всѣмъ, слѣдившимъ за этими спорами. Смѣемъ думать, что указываемая нами замѣтка, по отношенію къ данному вопросу, ничего не потеряла отъ того, что написана лѣтъ тридцать тому назадъ: она могла бы смѣло явиться и теперь и ничего не проиграла бы въ своей трезвой убѣдительности, несмотря на то, что количество научныхъ данныхъ съ того времени значительно возросло [1])...

А. Степовичъ.

Кіево-Златоверхо-Михайловскій монастырь. Историческій очеркъ отъ основанія его до настоящаго времени Изданіе означеннаго монастыря. Кіевъ. 1889 года. 8⁰. 138 стр.

Авторъ книги, заглавіе которой мы выписали, скрылъ свое имя. Трудъ его разбивается на восемь главъ, въ которыхъ и рисуются историческія судьбы монастыря отъ самаго его основанія до настоящаго времени. Къ несчастію, въ нашихъ древнихъ лѣтописяхъ нѣтъ

---

[1]) Приводимъ здѣсь, для свѣдѣнія читателей, одинъ досадный недосмотръ, допущенный корректоромъ, недосмотръ тѣмъ болѣе непріятный, что вообще книга издана очень исправно: примѣчанія на стр. 353 и 354 поставлены каждое не на своемъ мѣстѣ и должны быть взаимно перемѣщены. Конечно, это мелочь, но такая, которая неопытнаго читателя можетъ, пожалуй, ввести въ соблазнъ да и вообще неудобна въ академическомъ изданіи.

никакихъ точныхъ свѣдѣній о времени возникновенія Михайловской обители. Документальныхъ источниковъ отъ древнѣйшаго періода нашей исторіи до насъ не дошло, можно сказать, никакихъ. Молчаніе лѣтописи объ основаніи Михайловскаго монастыря объясняется не только тѣмъ обстоятельствомъ, что онъ не игралъ выдающейся роли въ нашей древней исторіи, но также и тѣмъ, что семья князей Изяславичей, основателей и покровителей обители, очень скоро сходить съ исторической сцены и не пользуется никакимъ значеніемъ въ древней Руси. Тѣмъ не менѣе автору нельзя было обойти молчаніемъ вопроса о времени возникновенія Михайловской обители, и онъ старается разрѣшить его, насколько возможно, на основаніи имѣющихся, хотя и слабыхъ, намековъ лѣтописи и мѣстныхъ преданій. Нельзя не согласиться съ замѣчаніемъ автора, что молчаніе лѣтописи въ данномъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ, не можетъ говорить ни за, ни противъ существованія монастыря и основанія его Святополкомъ Изяславичемъ, а другія соображенія и аналогическіе факты заставляютъ именно думать, что этотъ князь устроилъ въ 1108 году не одну церковь во имя св. архангела Михаила, но и монастырь при ней. Если это и гипотеза, то во всякомъ случаѣ обставленная вѣскими соображеніями. Въ этой же главѣ авторъ рѣшаетъ и другой вопросъ: о времени перенесенія мощей св. великомученицы Варвары въ Кіевъ, при чемъ мы и тутъ находимъ довольно основаній, по которымъ авторъ считаетъ возможнымъ отнести это событіе ко времени жизни Святополка. Вообще, автору приходилось на всемъ протяженіи своего труда бороться съ непреодолимой трудностью недостатка источниковъ. Правда, въ рукахъ у него были весьма интересные неизданные документы монастыря, но всѣ они относятся къ позднѣйшему времени. Авторъ мастерски извлекъ изъ нихъ все, что было возможно, не только для времени, въ которое они являлись, но и для древнѣйшаго періода исторіи обители. Вслѣдствіе такого состоянія источниковъ нельзя было избѣжать гипотезъ. Мы сказали, что въ первой главѣ гипотезы автора довольно прочно обоснованы. Болѣе слабой въ этомъ отношеніи является II глава: «Состояніе монастыря въ XII—XV вв.», для которой нѣтъ совершенно данныхъ. По характеру источниковъ съ ней можно сопоставить главу VI, заключающую въ себѣ «краткія свѣдѣнія о монастырской жизни въ литовскій періодъ по современнымъ уставамъ». Указывая на грамоту Сигизмунда I, въ которой, между прочимъ, говорится, что игуменъ Макарій долженъ въ Михайловской обители «общину справить», авторъ замѣчаетъ, что «Макарій, ко-

нечно, не сочинилъ что нибудь новое, а долженъ былъ принять за образецъ уже бывшіе до него уставы общежитія», и что поэтому, «принявъ во вниманіе и современность этой грамоты Макарію съ грамотой Печерскому монастырю и почти современность уставу супрасльскому», можно «предположить, что уставъ Михайловской обители былъ сходенъ съ этими уставами». Дѣйствительно, приводимыя авторомъ данныя изъ монастырскихъ документовъ въ сопоставленіи съ уставами Печерскаго и Супрасльскаго монастырей заставляютъ прійти къ заключенію, что уставъ Михайловской обители едва ли чѣмъ нибудь отличался отъ уставовъ другихъ монастырей юго-западной Руси. Но намъ кажется, что обозначеніе этой главы не совсѣмъ точно: монастырскій уставъ самъ по себѣ, а монастырская жизнь сама по себѣ; къ несчастью, для характеристики этой жизни у автора едва ли было много данныхъ. Однако, по существующимъ въ книгѣ отрывочнымъ указаніямъ, можно предположить, что изъ монастырскихъ документовъ есть возможность извлечь матеріалъ хотя для слабой обрисовки внутренней жизни обители и ея измѣненія до настоящаго времени. Всѣ отрывочныя данныя можно было съ этою цѣлью сгруппировать въ одну главу. Впрочемъ, это лишь наше предположеніе, такъ такъ при незнакомствѣ съ монастырскими документами трудно сказать, что̀ могъ и чего не могъ, хотя и хотѣлъ, сказать авторъ.

«Съ 1496 года исторія Михайловскаго монастыря становится болѣе достовѣрной. Отъ этого года до насъ дошла грамота короля и великаго князя литовскаго Александра Казимировича»..... Такъ начинаетъ авторъ III главу своего труда — «Состояніе монастыря въ XVI в.». Съ этой главы количество источниковъ, бывшихъ въ распоряженіи автора, значительно увеличивается. Въ главахъ III, IV, V, VII, и VIII, съ бо́льшею и бо́льшею подробностью излагается исторія обители въ XVI в., во время уніи, въ XVII, XVIII и XIX вв. и очерчивается состояніе монастыря въ настоящее время. Способъ изложенія автора въ общемъ можно назвать біографическимъ: онъ рисуетъ дѣятельность всѣхъ выдающихся настоятелей обители, какъ Іона, Макарій въ XVI столѣтіи, Іовъ Борецкій и Исаія Копинскій въ періодъ уніи. Особенно интересны главы IV и V, въ которыхъ излагается исторія монастыря за время уніи и въ смутный періодъ исторіи Малороссіи XVII в. Послѣдняя глава главнымъ образомъ посвящена описанію храмовъ обители, ея библіотеки и ризницы, монастырскихъ зданій и скита Ѳеофаніи, принадлежащаго Михайловскому монастырю, причемъ разсказана исторія его возникновенія и развитія. Въ концѣ

книги есть два приложенія: 1) «Владѣнія монастыря въ XVI и XVII вв.» и 2) «Настоятели Михайловскаго монастыря». Списокъ настоятелей составленъ на основаніи монастырскихъ документовъ и стоилъ весьма кропотливаго труда. Что касается перваго приложенія, то оно весьма интересно и имѣетъ важное значеніе для древней топографіи Кіева и прилежащихъ къ нему мѣстностей. Автору не было возможности приводить весь заключающійся въ монастырскихъ документахъ топографическій матеріалъ, но и по тому, что̀ есть въ книгѣ, можно заключить о его богатствѣ въ этомъ отношеніи. Весьма желательно было бы, чтобы неизвѣстный авторъ взялъ на себя трудъ составить описаніе монастырскихъ документовъ, имѣющихъ, какъ мы сказали, несомнѣнный интересъ для науки, а также напечатать хоть самые важные изъ нихъ въ историко-географическомъ отношеніи.

Въ заключеніе нашего краткаго отчета объ очеркѣ исторіи Кіево-Златоверхо-Михайловскаго монастыря, мы должны сказать, что книга читается съ большимъ интересомъ. Самое изданіе изящно и снабжено прекраснымъ видомъ обители.

П. Голубовскій.

Уставныя земскія грамоты литовско-русскаго государства. Изслѣдодованіе кандидата правъ Михаила Ясинскаго, удостоенное юридическимъ факультетомъ университета св. Владиміра золотой медали и преміи Н. И. Пирогова. Кіевъ. 1889 г.

Съ удовольствіемъ мы беремъ на себя трудъ познакомить читателей съ этимъ серьезнымъ изслѣдованіемъ молодаго ученаго, вполнѣ заслужившаго медаль и премію имени Пирогова. Это изслѣдованіе распадается по содержанію на два большіе отдѣла. Въ первомъ отдѣлѣ—исторіи уставныхъ земскихъ грамотъ литовско-русскаго государства—авторъ старается опредѣлить мѣсто уставныхъ земскихъ грамотъ въ системѣ современнаго имъ литовско-русскаго законодательства; съ этой цѣлью, онъ весьма послѣдовательно и логично, обозрѣвая памятники литовско-русскаго права, повсюду находитъ указанія на существованіе и господство въ теченіи XIV и XV вв. русскаго обычнаго права въ каждой отдѣльной землѣ: витебской, полоцкой, смоленской, кіевской и проч. Изданіе письменныхъ законовъ—Судебника Казимира (1468 г.) и Литовскаго Статута (1529 г.) не исключаетъ изъ области дѣйствующаго права и обычнаго права, оставляя послѣднему значеніе дополнительнаго источника права. Но во время

дѣйствія обычнаго права не бездѣйствовала и княжеская власть; законодательная дѣятельность ея сводится въ то время къ узаконенію обычая, которое выражалось въ разнаго рода грамотахъ; обыкновенно такія грамоты называются «листами» или «привилеями»; позже привилеевъ являются законы общаго характера: упомянутый уже «Судебникъ короля Казимира» (1468 г.); въ началѣ XVI вѣка издаются «уставы» великихъ князей и «ухвалы» сеймовъ, посвященные отдѣльнымъ вопросамъ того или другаго права или касавшіеся разныхъ сторонъ государственной и общественной жизни. «Наконецъ», говоритъ авторъ, «какъ результатъ всей юридической жизни литовско-русскаго государства съ XIII в. по первую четверть XVI в. включительно, какъ итогъ всего того, что выработано было юридическою жизнью народа въ формѣ обычая и законодательною властью въ формѣ различныхъ «привилеевъ», «уставовъ», «ухвалъ» и Судебника, является въ 1529 г. общій для всего государства кодексъ или, точнѣе, сводъ земскаго права—Литовскій Статутъ».

Разсмотрѣвъ общій ходъ развитія права въ литовско-русскомъ государствѣ, г. Ясинскій подробно останавливается на привилеяхъ, къ числу которыхъ относятся и грамоты, послужившія предметомъ его изслѣдованія; этотъ отдѣлъ у автора разработанъ самостоятельно и представляетъ глубокій интересъ для историка, такъ какъ до г. Ясинскаго никто не дѣлалъ попытки подобной группировки законодательныхъ памятниковъ; несомнѣнно, что эта группировка будетъ принята наукой, какъ вполнѣ основательная и разумная. Наблюдая и классифицируя разнаго рода привилеи, М. Н. Ясинскій дѣлитъ ихъ на три рода: 1) жалованныя грамоты собственно; 2) грамоты льготные, т. е. привилегіи въ собственномъ смыслѣ и 3) жалованныя грамоты охранительнаго характера. Къ первымъ онъ относитъ грамоты на имущество (вотчинныя), грамоты, укрѣпляющія сдѣлку по пріобрѣтенію имуществъ (дозволительно-укрѣпительныя) и грамоты на титулы и достоинства; ко вторымъ—грамоты, освобождающія лицо, учрежденіе, сословіе, городъ, провинцію и проч. отъ тяжестей администраціи, суда и податей (шляхетскія привилегіи, грамоты на магдебургское право, грамоты духовенству, евреямъ и проч.). Грамоты же третьяго рода охраняли лишь старинныя права и обычаи; обращенныя ко всему населенію опредѣленной мѣстности или части его, онѣ являются уже уставными грамотами вообще; если же онѣ касаются охраненія правъ и обычаевъ всѣхъ сословій извѣстной области, земли, то могутъ быть, по мнѣнію автора, въ тѣсномъ смыслѣ

названы *уставными земскими грамотами.* Строго выдѣляя изъ числа уставныхъ грамотъ до статутоваго перiода (1529) лишь такiя, которыя относятся къ цѣлымъ землямъ, авторъ считаетъ ихъ только десять: 2 грамоты витебской земли (1503 и 1509 гг.), 2—кiевской (1507 и 1529 гг.), 2—волынской (1501 и 1509 гг.), 1—полоцкой (1511 г.), 1—смоленской (1505 г.), 1—жмудской (1492 г.) и 1—бѣльской (1501 г.). Ни одна изъ этихъ грамотъ не дошла до насъ въ подлинникѣ, но лишь въ подтвержденiяхъ позднѣйшаго времени. Далѣе, задаваясь вопросомъ о причинѣ и времени происхожденiя уставныхъ земскихъ грамотъ авторъ совершенно справедливо считаетъ причиной пожалованiя ихъ уничтоженiе удѣловъ, разсуждая, что, когда каждая земля составляла отдѣльное самостоятельное цѣлое, имѣла своего князя и свое вѣче для защиты извнѣ и внутренняго самоуправленiя по обычаю, въ уставныхъ земскихъ грамотахъ не было необходимости; но съ уничтоженiемъ удѣловъ и централизацiей всѣхъ функцiй верховной власти въ лицѣ великаго князя, земли нуждались въ гарантiи того, что не противодѣйствовало единодержавному строю государства и въ то же время было дорого населенiю, какъ его старина. Отсюда и время пожалованiя также должно было совпадать со временемъ уничтоженiя отдѣльной княжеской власти въ той или другой землѣ. Для подтвержденiя и доказательства этой мысли г. Ясинскiй излагаетъ кратко судьбы каждой изъ семи земель, уставныя грамоты которыхъ онъ изучаетъ. Мысль его вездѣ блистательно подтверждается.

Въ содержанiи уставныхъ грамотъ авторъ видитъ двоякiй глубокiй интересъ. «Каждая изъ грамотъ, взятая отдѣльно, бросаетъ лучъ на внутреннюю общественную жизнь данной земли въ древнѣйшiй перiодъ русскаго государства.... и показываетъ, наконецъ, особенности обычнаго права каждой земли; взятыя же вмѣстѣ, такъ сказать, сличенныя устав. земскiя грамоты восполняютъ многiе пробѣлы въ исторiи русскаго права въ перiодъ XIV—XVI вв.». Въ содержанiе грамотъ включалось все то, что чаще могло подвергнуться нарушенiю со стороны мѣстной или центральной власти; отсюда форма постановленiй грамотъ—отрицательная; въ расположенiи постановленiй грамоты не придерживаются какой либо опредѣленной системы; по характеру содержанiя однѣ грамоты носятъ на себѣ черты всесословности, другiя получаютъ сословную окраску, а третьи являются переходными отъ общеземскихъ грамотъ къ сословнымъ. При этомъ авторъ отмѣчаетъ интересное явленiе, что «характеръ уставной грамоты находится какъ бы въ нѣкоторой зависимости отъ географи-

ческаго положенія земли, получившей эту грамоту: уставныя грамоты отдѣльныхъ земель по мѣрѣ удаленія этихъ послѣднихъ отъ сѣверо-востока къ юго-западу все болѣе и болѣе теряютъ свой общеземскій характеръ и постепенно изъ всесословнаго акта переходятъ въ сословную привилегію». Характеръ грамоты зависѣлъ также и отъ времени ея происхожденія: «чѣмъ древнѣе это происхожденіе, тѣмъ полнѣе, тѣмъ чаще всесословный характеръ грамоты». Разсмотрѣвъ содержаніе грамотъ, авторъ въ концѣ перваго отдѣла сообщаетъ исторію изданія каждой грамоты, мѣсто ея нахожденія въ актовыхъ книгахъ и наиболѣе выдающіяся особенности. При этомъ въ примѣчаніяхъ его встрѣчаются такіе выводы и предположенія, которыя дѣлаютъ большую честь его наблюдательности и критицизму.

Второй отдѣлъ представляетъ собой систематическій сводъ уставныхъ грамотъ. Сводъ дѣлится на 13 рубрикъ; каждая рубрика—на нѣсколько статей; всѣхъ статей—114. Вотъ эти рубрики: вступительныя статьи (имя государя, дающаго грамоту и населенія, получающаго ее, просьба о выдачѣ и проч.): мѣста уставныхъ земскихъ грамотъ, заключающія въ себѣ указанія на источники, силу и дѣйствіе этихъ грамотъ; основныя земскія права; о правахъ церкви, церковномъ имуществѣ и духовенствѣ; о сословныхъ правахъ и отношеніяхъ; постановленія, относящіяся къ организаціи мѣстнаго управленія; мѣры обезпеченія отъ самоуправства, притѣсненій и всякаго рода злоупотребленій со стороны органовъ мѣстнаго управленія; постановленія относительно государственныхъ податей, пошлинъ и натуральныхъ повинностей; многочисленные случаи освобожденія населенія отъ различныхъ господарскихъ даней и службъ; постановленія, относящіяся къ гражданскому и уголовному праву; постановленія, относящіяся къ процессу и заключительныя статьи (подписи на грамотѣ и дата). Каждая статья рубрики снабжена примѣчаніями, разъясняющими смыслъ ея или опредѣляющими значеніе отдѣльныхъ словъ. Все существенное, указанное нами въ содержаніи разсматриваемаго труда есть положительно самостоятельный и независимый трудъ г. Ясинскаго, не позволяющій сомнѣваться ни въ его дарованіяхъ, ни въ томъ, что въ своихъ будущихъ работахъ онъ достигнетъ еще большихъ успѣховъ. Этотъ трудъ представляетъ много новаго, интереснаго и важнаго не только въ своемъ общемъ содержаніи, но и въ отдѣльныхъ частяхъ [1]). Напр., М. Н. Ясинскій впервые объясняетъ

[1]) Какъ на доказательство внимательнаго изученія авторомъ своего предмета мы можемъ указать, напримѣръ, на то, что имъ не найдено въ памятникахъ и не

составъ городскаго населенія въ тѣхъ его дѣленіяхъ, какія указываются въ грамотахъ, составъ, который до сихъ поръ никто не пытался даже разъяснить (примѣч. 10); не менѣе важно опредѣленіе имъ обязанностей старосты, который то стоялъ во главѣ цѣлой области и ничѣмъ не отличался отъ старыхъ (витовтовыхъ) намѣстниковъ, напр., въ жмудской землѣ, то стоялъ лишь во главѣ части воеводства, во главѣ отдѣльныхъ повѣтовъ, зависимыхъ отъ воеводы (прим. 70 и 72); тутъ же онъ опредѣляетъ отличіе воеводы отъ намѣстника воеводства и намѣстниковъ старосты (примѣч. 70, 73 и 350). Въ примѣчаніяхъ 6, 15, 16, 17, 31, 34, 45, 54, 59, 61 частью развиваются и подтверждаются тѣ положенія, которыя были высказаны и обоснованы въ 1-й части работы, а главнымъ образомъ содержатся замѣчанія, изъ которыхъ можно было бы составить 4-ю главу къ первой части работы, главу, которая должна была бы имѣть предметомъ выдачу, храненіе, дѣйствіе и новое подтвержденіе уставныхъ грамотъ; мы ее не находимъ, быть можетъ, вслѣдствіе того обстоятельства, которое заставило автора сократить свой трудъ при печатаніи.

Въ другихъ примѣчаніяхъ авторъ разъясняетъ и толкуетъ непонятные термины и темныя (въ большинствѣ случаевъ—весьма важныя) мѣста грамотъ, которыя доселѣ или вовсе не были истолкованы или истолкованы совершенно неправильно. Примѣч. къ рубрикамъ *В* (основныя земскія права), *J* (постановленія, относящіяся къ гражданскому праву), *К* (постановленія, относящіяся къ уголовному праву) и *Л* (постановленія, относящіяся къ процессу) мы считаемъ особенно важными, такъ какъ здѣсь г. Ясинскій не ограничивается отдѣльными и необходимыми комментаріями, а поднимаетъ и разрѣшаетъ (или представляетъ по поводу ихъ интересныя сообщенія) весьма важныя вопросы изъ области гражданскаго, уголовнаго и процессуальнаго права [1]). Не распространяясь о значеніи сводныхъ изданій, подобныхъ сдѣланному г. Ясинскимъ, какъ средства, облегчающаго учащимся и ученымъ справки, наблюденія, толкованія, выводы и проч., замѣтимъ лишь, что авторъ употребилъ съ своей стороны все стараніе, чтобы сдѣлать

понято слово грамоты *свѣпетъ*, въ чемъ онъ чистосердечно и сознается. Большее знакомство по актовымъ книгамъ съ дѣйствительной жизнью того времени объяснило бы автору, что *свѣпетъ* значитъ *шмель*; въ грамотѣ говорится о правѣ земянина собирать рои пчелъ и шмелей, кладущихъ медъ.

[1]) См. напр. примѣчанія 273, *280*, *290*, 294, 299, 307 и друг., гдѣ авторъ говоритъ о видахъ недвижимыхъ имуществъ, суммѣ правъ на нихъ, о бракѣ, наслѣдствѣ и проч.

свое изданіе грамотъ наиболѣе тщательнымъ,—поправилъ во многихъ мѣстахъ установившуюся, но неправильную, пунктуацію, сдѣлалъ нѣсколько необходимыхъ вставокъ (заключенныхъ въ скобкахъ), отмѣтилъ въ примѣчаніяхъ нѣкоторыя очевидныя ошибки въ текстѣ и, наконецъ, русскій текстъ двухъ грамотъ напечаталъ en regard съ дошедшимъ до насъ латинскимъ текстомъ; нельзя не пожалѣть, конечно, что автору не представилась возможность провѣрить текстъ уставныхъ грамотъ по подлиннымъ книгамъ Литовской Метрики, а вмѣсто того онъ долженъ былъ трудиться надъ сличеніемъ различныхъ существующихъ изданій той или другой грамоты; отдѣльныя комментаріи къ статьямъ грамотъ авторъ постоянно старается связать рядомъ ссылокъ на предшествовавшіе и послѣдующіе свои комментаріи. Вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя не поблагодарить автора за искусное расположеніе грамотъ по содержанію въ сводѣ и за таблицу для возстановленія первоначальнаго текста каждой уставной земской грамоты, не прибѣгая къ многочисленнымъ изданіямъ.

Въ заключеніе мы не можемъ не выразить сожалѣнія, что «независящія отъ автора обстоятельства» не позволили ему приложить къ своду грамотъ указателя предметовъ и что не менѣе любопытный 3-й отдѣлъ книги, въ которомъ должно было заключаться самое историко-юридическое изслѣдованіе грамотъ, также не появился въ печати. Но, что ни дѣлается, все къ лучшему; быть можетъ и автору, послѣ болѣе близкаго знакомства съ дѣйствительной жизнью до половины XVI вѣка, т. е. до изданія 2-го литовскаго статута, который впервые, по его мнѣнію, былъ введенъ въ Кіевской и Волынской земляхъ только въ 1566 г. [1]), послѣ своего утвержденія, придется измѣнить тѣ или другіе свои выводы по исторіи законодательства въ западномъ краѣ. Тогда работа еще болѣе выиграетъ въ своихъ достоинствахъ.

И. Каманинъ.

Богданъ Хмельницкій въ войнахъ съ поляками. По «Исторіи козаковъ» Чарновскаго составилъ П. И. Музыкантовъ. Кіевъ. 1889 г.

«Новость»! читаемъ мы на ярлычкѣ, вставленномъ въ книжку г. Музыкантова (книжный магазинъ г. Карповича, Фундукл. ул.). Добыли

---

[1]) А между тѣмъ въ актовыхъ книгахъ встрѣчаются прямыя указанія на господство въ краѣ стараго статута (см. напр. книгу Кіев. Центр. Арх. № 2040, л. 355).

мы эту книжку. Дѣйствительно, новость! Подобныхъ книгъ мы еще, право, никогда не встрѣчали. Прежде всего бросается въ глаза напечатанная на первомъ мѣстѣ *«цѣна 20 коп.»* и при томъ очень крупнымъ шрифтомъ, такъ что невольно думается, не желаніе ли собирать двугривенные и было причиной появленія книги. Болѣе подробное разсмотрѣніе ея еще болѣе заставляетъ думать это. Работа г. Музыкантова отступаетъ отъ всѣхъ общепринятыхъ условій при изданіи книжекъ, предназначаются ли онѣ для народнаго чтенія или представляютъ ученое изслѣдованіе автора. Такъ, напр., авторъ говоритъ, что его очеркъ составленъ по «Исторіи козаковъ» Чарновскаго, но не указываетъ, когда и гдѣ появилась книга Чарновскаго, каковы достоинства этого сочиненія, чѣмъ руководился самъ г. Музыкантовъ, избирая Чарновскаго своимъ источникомъ, насколько близка работа г. Музыкантова къ работѣ Черновскаго, сдѣлалъ ли г. Музыкантовъ простую передѣлку ея или пользовался и другими источниками [1]); ничего этого изъ разбираемой нами книжки узнать нельзя [2]). Сколько мы ни старались добыть въ Кіевѣ сочиненіе г. Чарновскаго намъ это не удалось и въ катологахъ «Исторіи козаковъ» нигдѣ не встрѣчали; такъ что сдѣлать сличеніе съ ней передѣлки г. Музыкантова не могли; при нашихъ розыскахъ намъ попалось одно сочиненіе въ каталогѣ, обозначенное такъ: «Czarnowski Jan—Nepomucen Ukraina i Zaporože», вышедшее въ 1854 г., но и его намъ не удалось просмотрѣть; заглавія польскаго сочиненія и книжки г. Музыкантова, повидимому, имѣютъ предметомъ одно и тоже содержаніе; но такъ ли это, не знаемъ. Другой любопытной новостью въ книгѣ является ея эпиграфъ о бердышѣ Хмельницкаго, заимствованный изъ газеты «Свѣтъ» за 1883 г. Но ужь если г. Музыкантову такъ понравились слова на бердышѣ Хмельницкаго, то болѣе подробныя свѣдѣнія о немъ и надписи слѣдовало заимствовать не изъ газеты, а болѣе солиднаго изданія, какъ, напр., «Памятники старины въ западныхъ губерніяхъ Россіи», издаваемые Батюшковымъ; въ VIII томѣ «Памятниковъ» помѣщено изображеніе бердыша и надпись; мы не имѣемъ подъ руками этого тома г. Батюшкова, но, сколько намъ помнится, надпись г. Музы-

---

[1]) Впрочемъ о пользованіи автора другими источниками мы узнаемъ изъ его ссылокъ на газету „Свѣтъ", на „Кіевскій календарь" 1881 г. (по календарю авторъ изучалъ унію) и даже на „Лѣтопись событій" Самуила Величка.

[2]) Сочиненіе г. Чарновскаго, по крайней мѣрѣ въ русской исторической литературѣ, не пользуется извѣстностью и это положительно обязывало г. Музыкантова сказать хотя что нибудь о своемъ источникѣ.

кантовымъ нѣсколько искажена. Далѣе, на каждомъ шагу, что ни выраженіе, то новость, до сихъ поръ никогда не слыханная; неужели все это г. Музыкантовъ повторялъ со словъ г. Чарновскаго? Напр., по г. Музыкантову, Польша была сильна только въ 1300—1400 гг.; Кіевъ съ половины XIV вѣка принадлежалъ королевству польскому, а потомъ государству польско-литовскому; козачество образовалось въ первой половинѣ XIII вѣка, послѣ разоренія южной Руси татарами изъ безсемейныхъ приднѣпровскихъ жителей, устроившихъ на островѣ Хортицѣ Сѣчь Запорожскую; козаки жили съ Польшей въ дружескомъ союзѣ 300 лѣтъ, то въ постоянной войнѣ; время паденія Польши опредѣляется различно, то при Сигизмундѣ III, то послѣ Богдана Хмельницкаго, то наконецъ, въ 1772—1795 годахъ; Сагайдачный, по мнѣнію г. Музыкантова, основалъ православную школу въ Кіевѣ и Братскій монастырь. И такихъ новостей на пространствѣ 58 страницъ не оберешься. Не лучше у него и объясненія невразумительныхъ словъ; напр., пороги—каменистыя острова; сагайдакъ—дорога; коронный, т. е. назначенный королемъ, а не по выбору. Личныя и географическія названія также переданы неточно; напр., канцлеръ Долинскій, вм. Оссолинскій, р. Стына вм. Стрына, Сиверія, вмѣсто Сѣверскаго княжества; новгородскій вм. новгородъ-сѣверскій и т. д. Мы долго бы не окончили, если бы вздумали исправлять факты и собственныя имена. Приведенныхъ примѣровъ надѣемся достаточно, чтобы судить о всей безграмотности изданія, объ отсутствіи у автора знакомства съ лучшими русскими сочиненіями по избранному предмету и объ его безцеремонномъ отношеніи къ печатному слову. Кончимъ вопросомъ, какимъ начали, зачѣмъ же появляются въ свѣтъ подобныя книги, искажающія и факты, и имена?

И. Каманинъ.

Ruch, kalendarz encyklopedyczny na 1889 rok. Wydawnictwo Przeglądu Tygodniowego. Варшава, 1889. Въ 8°, 198 стр

Какъ ни странно на первый взглядъ, но въ этомъ варшавскомъ календарномъ изданіи находится очень интересный матеріалъ по исторіи литературы, имѣющій непосредственное отношеніе къ нашему краю. Болѣе двухъ третей этой книжки (139 стр. изъ 198) занимаетъ „списокъ ученыхъ и литераторовъ, пишущихъ попольски", въ числѣ которыхъ встрѣчаемъ немало именъ, такъ или иначе связанныхъ съ Кіевомъ и его райономъ. Прежде, чѣмъ привести свѣ-

дѣнія объ этихъ лицахъ, скажемъ нѣсколько словъ о характерѣ «списка». вообще.

Всего въ списокъ вошло 720 писателей, исключительно современныхъ, находившихся въ живыхъ во время его составленія,— нѣсколько упомянутыхъ въ немъ авторовъ уже умерли въ концѣ прошлаго или въ началѣ нынѣшняго года. Приводятся объ авторахъ свѣдѣнія біографическія въ самой сжатой формѣ: время и мѣсто рожденія, мѣсто образованія, профессія, если авторъ не литераторъ спеціально, нынѣшнее жительство. Указанія библіографическія болѣе подробны, т. е. заключаютъ въ себѣ перечень трудовъ съ ихъ точными заглавіями и датами. Надо замѣтить, что такой планъ выдержанъ крайне неравномѣрно: объ однихъ авторахъ находимъ едва двѣ-три строки, о другихъ—по нѣскольку столбцовъ петита, и это вовсе не соотвѣтствуетъ ни плодовитости писателей, ни значенію ихъ работъ, оцѣнивать которыя даже и не дѣло справочнаго словаря, въ который входятъ одни современники. Причина несоразмѣрности чисто случайная: редакція «Przeglądu Tygodniowego» обращалась съ общимъ приглашеніемъ къ авторамъ сообщать о себѣ необходимыя по плану изданія свѣдѣнія и получила отвѣтовъ довольно много, но при этомъ одни указали только свои отдѣльныя изданія, упомянувъ только вскользь о своемъ участіи въ періодическихъ изданіяхъ, другіе поименовали самыя изданія, третьи указали журнальныя работы, имѣющія важность по ихъ личному взгляду, а нашлись и такіе, что перечислили до мелочей все когда либо напечатанное ими. Весьма понятная въ отношеніи современниковъ щекотливость не позволила редакціи сводить весь этотъ матеріалъ въ однообразную систему, тѣмъ болѣе, что она могла только сокращать, но не имѣла возможности сдѣлать необходимыхъ дополненіи относительно статей, напечатанныхъ анонимно или подъ неразоблаченными псевдонимами. Пришлось помѣстить все какъ есть, лишь бы оно не выходило изъ формальныхъ рамокъ плана, отмѣтивъ только условнымъ знакомъ, что сообщаемое передается со словъ самаго автора, что и слагаетъ съ редакціи отвѣтственность за возможную неточность свѣдѣній, ихъ неполноту или, наоборотъ, излишнюю мелочность. Затѣмъ относительно множества лицъ, не давшихъ о себѣ отвѣтовъ, свѣдѣнія по необходимости гораздо скуднѣе, біографическія нерѣдко совершенно отсутствуютъ, что опять таки понятно относительно не получившихъ широкой извѣстности современниковъ. Къ винѣ самой редакціи слѣдуетъ отнести неполноту списка, замѣтную даже для читателя

инонароднаго и неспеціалиста въ польской библіографіи, и только *отчасти* развѣ объяснимую спѣшностью работы къ извѣстному календарному сроку. Пропусковъ мы замѣтили немало, перечислять которые здѣсь не мѣсто, кромѣ относящихся къ нашему краю, что сдѣлаемъ ниже; упомянемъ развѣ о самыхъ неизвинительныхъ, къ какимъ нельзя не отнести, напр., пропуска писателя, извѣстнаго каждому читающему попольски подъ псевдонимомъ Болеславъ Прусъ (Александръ Гловацкій), или же пропуска *редакторовъ* періодическихъ изданій, какъ «Kraj» (Эразмъ Пильцъ), «Gazeta Handlowa» (Рудольфъ Окрентъ), а въ томъ числѣ и самаго издавшаго «Rych» еженедѣльника «Przegląd Tygodniewy» (Адамъ Вислицкій). Послѣдній пропускъ уже комиченъ.

Только въ самыя первыя времена христіанства на Руси, когда принесенная вмѣстѣ съ нимъ письменность стала быстро развиваться именно въ ея южныхъ и югозападныхъ областяхъ, она, мало по малу освобождаясь изъ подъ оболочки языка церковно-славянскаго, была вполнѣ самостоятельною. Татарскій погромъ послужилъ причиною переноса центровъ и политическихъ, и образовательныхъ въ области болѣе безопасныя, на сѣверовостокъ и сѣверозападъ. Русь сѣверовосточная, постепенно сплотившаяся около Москвы, жила до XVII в. замкнуто, въ сѣверозападной, подчинившейся, вмѣстѣ съ южною, Литвѣ въ политическомъ отношеніи, но подчинившей ее себѣ въ культурномъ, выработалась письменность дѣловая, юридическая, и развѣ въ перепискѣ смоленскаго воеводы Филона Кмиты, часто прибѣгавшаго къ пословицамъ и поговоркамъ, можно видѣть степень вліянія на нее рѣчи народной, бѣлорусской. Возрожденіе письменности на югѣ начинается только въ XVI в., когда уже и Бѣлоруссія и Литва подчиняются сильному культурному вліянію Польши. Мы не имѣемъ намѣренія говорить о взаимномъ вліяніи обѣихъ народностей, ихъ языковъ и письменностей, а отмѣчаемъ только тотъ фактъ, что съ этой еще поры многіе южноруссы начинаютъ писать попольски, то въ перемежку съ русскимъ, прямо указывая тѣмъ свою народность, то исключительно, причемъ она затемняется. Такъ, кіевскій католическій бискупъ той эпохи, Юзефъ Верещинскій, польскій писатель и основатель польской типографіи въ Фастовѣ, самъ однако называетъ себя «русиномъ» и въ немъ дѣйствительно замѣчается типическій южноруссъ, хоть бы въ томъ юморѣ, съ какимъ повѣствуетъ онъ о своемъ избавленіи отъ опасности «za pomocą boską, a szalamayną melodyą»...

Съ теченіемъ времени, участіе южноруссовъ въ польской письменности все учащается, а съ другой стороны, съ началомъ петербургскаго періода, возникаетъ сильное аналогическое теченіе на сѣверъ. Будущему историку южной Руси, съ ея типическими особенностями, при изслѣдованіи ея культурныхъ силъ, необходимо принимать во вниманіе и всѣ тѣ случаи, когда онѣ проявлялись не у себя дома, не на родной почвѣ и даже въ совсѣмъ чужой одеждѣ, а мы должны всѣ такіе случаи отмѣчать и констатировать. Если теперь безспорно преобладаетъ на всемъ пространствѣ земель, населенныхъ разновидностями русскаго племени, стремленіе къ общей литературѣ русской, то не изсякла во всей западной Руси и та струя, начало которой восходитъ, какъ мы указали, къ XVI в., т. е. участіе ея и въ литературѣ польской, особенно сильное на западной окраинѣ Руси этнографической, уже внѣ предѣловъ Россіи политической, гдѣ рядомъ съ нимъ существуетъ еще и другое болѣе новое аналогическое теченіе, въ сторону письменности нѣмецкой. Какъ галичанину вообще, и галицкому библіографу въ частности, невозможно пропускать своихъ земляковъ, пишущихъ попольски и понѣмецки, такъ и кіевскій мѣстный журналъ долженъ отмѣчать и группировать факты участія въ польской литературѣ уроженцевъ здѣшняго края или воспитанниковъ мѣстныхъ учебныхъ заведеній.

Въ виду этихъ именно соображеній мы и приводимъ здѣсь выборку изъ списка современныхъ польскихъ авторовъ, помѣщеннаго въ изданіи «Ruch», при составленіи которой приняли слѣдующія основанія. Мы ограничились предѣлами собственно югозападнаго края, такъ какъ не сочли себя компетентными для весьма вѣроятныхъ дополненій по прилежащимъ къ нему частямъ бассейна Припети, въ краѣ уже сѣверозападномъ, ни по Новороссіи. Въ нашу выборку включены лица трехъ категорій: а) родившіяся въ предѣлахъ края; б) получившія въ немъ среднее или высшее образованіе; и в) постоянно въ немъ проживающія, хотя бы не мѣстнаго происхожденія и образованія. Указанія библіографическія приведены подробно только о работахъ, относящихся къ южной Россіи; прочіе труды, какъ принадлежащіе къ одной литературѣ польской, а мѣстнаго интереса не имѣющіе, характеризованы лишь общими указаніями. Имена авторовъ расположены въ порядкѣ русскаго алфавита, звѣздочкою, какъ и въ оригиналѣ, отмѣчены показанія автобіографическія. Привнесенныя нами дополненія отмѣчены *курсивомъ*.

* **Богацкій** Феликсъ. Одесса. Род. 22/2 1847 въ Заславлѣ. Гимн. Ровно, университетъ Одесса, канд. правъ. Присяжный повѣренный. Труды главнымъ образомъ по психологіи; изъ юридическихъ—объ источникахъ права; перевелъ на польскій „Утилитаризмъ" Милля.

* **Быковскій** Петръ (**Якса**—) Варшава. Род. 1823 въ винницкомъ уѣздѣ. Унив. Кіевъ, канд. правъ. Умеръ въ текущемъ году. Публицистъ и авторъ многихъ историческихъ разсказовъ, нерѣдко изъ прошлаго южной Руси. Mulik, niehistoryczny hetman Ukrainy.—Jełowiczowie-Bukojemscy.—Ostatni sejmik województwa bracławskiego.—Glinkowie.—Dwór królewski w Grodnie.

* **Высоцкій** Владиміръ. Кіевъ. Род. 1846 въ Романовѣ на Волыни. Гимн. Житоміръ. Авторъ нѣсколькихъ поэмъ, пользующихся популярностью; издавались частью въ Кіевѣ. *Извѣстенъ у насъ какъ одинъ изъ первыхъ фотографовъ.*

* **Гавронскій** Францишекъ (псевдонимъ **Rawita**). Варшава. Род. 1846 въ Степашкахъ кіевск. губ. Гимн. Кіевъ, сельскохозяйств. институтъ Дубляны въ Галиціи „Hochschule" въ Вѣнѣ. Изъ работъ по агрономіи нѣкоторыя по русски, изданы кіевскимъ обществомъ сельскаго хозяйства (Воздѣлываніе свекловицы на сѣмена, 1882; о хмѣлеводствѣ, 1884); польскія въ Познани и въ Варшавѣ. Какъ экономистъ, хроникеръ въ „Przegl. Tyg." и *авторъ нѣсколькихъ изслѣдованій, относящихся къ юго-западному краю, въ книжкахъ того же изданія, въ числѣ ихъ* „O położeniu małej własności ziemskiej na Ukrainie, Podolu i Wołyniu". Авторъ историческихъ романовъ и разсказовъ изъ южнорусской жизни: Na kresach, *переведено въ „Кіевской Старинѣ" 1888 г. подъ загл. „На рубежѣ"*.—Pan Hetman Mazepa.—Na krasnym dworze.—Разсказы и повѣсти современныя.—Критическія этюды: Z literatury Ukraińskiej (Prawda, 1884).—Kobiety w poezyi Tarasa Szewczenki (Życie, 1887).

Гринцевичъ-Тально, д-ръ. Звенигородка. Гимназія Ковно; мед.-хирург. ак. Петербургъ и унив. Кіевъ. *Антропологическое изслѣдованіе о продолжительности жизни въ звенигород. у. и раскопка кургана при с. Кобрыновой—см. въ библіографіи „Кіевск. Старины" 1889 г., апрѣль, стр. 218 и 219.*

Грушецкій Артуръ. Волынь. Издавалъ археологическое обозрѣніе въ Краковѣ, редактировалъ „Wędrowiec" въ Варшавѣ; публицистъ.

* **Гурскій** (**Górski**) Константинъ. Варшава. Род. 1/9 1826 въ бѣльскомъ у. гродн. губ. Унив. Кіевъ, канд. математ. наукъ; академія генер. штаба; полковникъ въ отставкѣ. Авторъ военно-историческихъ этюдовъ, въ томъ числѣ о сраженіяхъ при Цецорѣ и при Берестечкѣ.

* **Дубецкій** Маріанъ. Краковъ. Род. 26/8 1838 въ Заславѣ. Унив. Кіевъ по ист.-фил. факультету. Историкъ; изъ числа трудовъ: Kudak, twierdza kresowa,—Żółte wody.—Kaffa i jej stosunek z Polską w XV w.—Zawiązki dziejów Siczy Zaporozkiej-Jnstytucye Zaporoża.

Дыбовскій Владиміръ. *Кіевъ. Гимн. и унив., по ист.-фил. фак., тамъ же. Авторъ историческихъ изслѣдованій о формахъ землевладѣнія въ югозападной Россіи, нѣкоторыя по русски; о чиншевомъ владѣніи въ книжкахъ „Przegl. Tyg." 1885.*

* **Жагель** князь. Гродно. Род. въ вилкомирскомъ уѣздѣ ковен. губ. 1/2 1826. Унив. Кіевъ, д-ръ медицины здѣсь, потомъ парижскаго и лондонскаго университетовъ. Путешественникъ по Востоку, Америкѣ, по Египту, Абиссиніи и внутренней Африкѣ. Кромѣ описаній путешествій, спеціальныя сочиненія по геологіи и климато-

логіи Египта и о холерѣ тамъ же. *Кажется, изъ собранныхъ имъ коллекцій нѣкоторые предметы были принесены въ даръ университету св. Владиміра? Обнародовалъ нѣсколько лѣтъ назадъ способъ леченія водобоязни туземными травами (тѣже, что и употребляемыя въ народной медицинѣ южной Россіи), давшій, по его словамъ, вполнѣ успѣшные результаты въ весьма многочисленныхъ случаяхъ его личной практики.*

* **Закржевскій** Адамъ. Варшава. Род. въ ольгопольскомъ уѣздѣ. Унив. Петербургъ. Сотрудникъ нѣсколькихъ періодическихъ изданій, статьи гл. образомъ по вопросамъ экономическимъ и соціальнымъ, а также и по этнографіи (Kurpie, szkic z dziejów ludu); наиболѣе общаго интереса представляетъ Obliczenie ogólnej ilości Polaków (Przegl. Tyg., кн. VI за 1883).

* **Залѣская** Марія Юлія. Варшава. Род. 1831 въ Медвѣдовкѣ кіевск. губ. Дочь Перловскаго, *б. преподавателя кременецкаго лицея.* Писательница для дѣтей и юношества, редактировала журналъ того же характера Wieczory Rodzinne. *Въ прошломъ апрѣлѣ варшавскія газеты извѣстили о ея смерти въ сочувственныхъ ея дѣятельности некрологахъ.*

* **Запольская Габріеля.** Варшава. Род. 1860 въ с. Киверцахъ луцкаго у. Образованіе получила во Львовѣ. Съ 1880 г. поступила на сцену тамъ же, потомъ играла въ Познани и въ Петербургѣ. Повѣсти и разсказы преимущественно изъ быта низшихъ классовъ; изъ народнаго южнорусскаго „Малашка". Ихъ переводили на разные языки, въ томъ числѣ и по малорусски. *Подписывалась раньше двойной фамиліей* **Снѣжко-Запольская**, *пока противники ея ультра-реалистическаго направленія не обратили этой подписи въ орудіе глумленія, отбрасывая первый слогъ и превращая тѣмъ въ каламбуръ.*

Илговскій Янъ (псевдонимъ). Постоянный корреспондентъ въ „Kraj". *Проживаетъ въ звенигородскомъ уѣздѣ.* Беллетристъ, разсказы съ мѣстнымъ оттѣнкомъ (Z przełomu.—Kartka z lat minionych.—Ostatnia starościna Żwinogrodzka,—см. „Кіевск Стар." 1889, кн. IV).

* **Козловскій** Владиславъ. Львовъ. Род. 1832, въ Бердичевѣ. Гимн. Житомиръ, унив. Кіевъ. Пишетъ журнальныя статьи по предметамъ философіи, преимущественно о новой англійской школѣ позитивистовъ.

* **Кондратовичъ** Сильверій. Варшава. Род. 1857, въ ковенской губ. Образованіе получилъ въ Варшавѣ, потомъ въ Кіевѣ. Газетный сотрудникъ и авторъ фельетонныхъ разсказовъ.

* **Коровай-Метелицкій** Михаилъ. Яровое, чигиринскаго уѣзда. Род. 1855. Унив. Варшава; канд. правъ. Корреспондентъ въ „Kraj", а въ „Przegl. Tyg." сообщаетъ обозрѣнія по русской и малорусской литературѣ. *Въ послѣднемъ было помѣщено изложеніе, съ нѣкоторыми критическими замѣчаніями, статьи А. С. о Леонардѣ Совинскомъ, напечатанной въ „Кіевск. Старинѣ" 1888.*

* **Коротынскій** Людвикъ Станиславъ. Голобовка около Ружина сквирскаго у. Род. 1860, въ Вильнѣ. Гимн. и унив. Варшава, канд. ист.-фил. факультета. Сотрудникъ нѣсколькихъ варшавскихъ изданій; статьи изъ быта и исторіи хорватовъ. Біографія Л. Совинскаго (въ журн. „Życie").

* **Креховецкій Адамъ.** Львовъ. Род. 1850, въ уманскомъ уѣздѣ. Гимн. Житомиръ, унив. Львовъ; юристъ. Сотрудникъ нѣсколькихъ изданій и беллетристъ. Ре-

дактировалъ „Gaz. Lwowska" и Przewodnik naukowy i literacki". Отдѣльно историческіе романы: Starosta Zygwulski.—Veto. Псевдонимы: Адамъ Букатко; Маріанъ.

* **Кульчицкій** графъ Владиславъ (псевд. Cesar Polewka). Римъ. Род. 1834, въ Людвиновкѣ подольской губ. Гимн. Немировъ, лицей Одесса. Поэмы въ духѣ классицизма, переводы съ итальянскаго; сотрудничалъ въ нѣкоторыхъ варшавскихъ изданіяхъ.

Любовичъ *Николай. Варшава. Род. въ волынской губерніи (?). Унив. Кіевъ, ист.-фил. фак., нынѣ профессоръ въ Варшавѣ. Авторъ „Исторіи реформаціи въ Польшѣ" по русски. Писалъ и по польски, но точными указаніями не располагаемъ.*

Маркоръ *Б., постоянный корреспондентъ изъ Житомира въ „Kraj" и нѣкоторыя другія изданія.*

Милковскій Зыгмундъ (псевд. T. T. Jeż). Женева. Род. 1824, въ Сарацеѣ подольской губ. Гимн. Немировъ, лицей Одесса, универс. Кіевъ. *Эмигрантъ 1848, въ польскомъ легіонѣ венгерской арміи, въ составѣ котораго и вышелъ въ Турцію. Живя здѣсь, онъ имѣлъ случай близко ознакомиться съ исторіей и бытомъ южныхъ славянъ; историческіе романы изъ этой сферы (*Ускоки; Шандоръ Ковачъ, и др.; названные переведены между прочимъ и по русски) *положили прочное основаніе его литературной извѣстности; гораздо менѣе знакома публикѣ* Исторія Сербіи. *Послѣ неудачной попытки устроить въ 1863 диверсію со стороны Дуная въ пользу возстанія, Милковскій окончательно отказался отъ роли политическаго агитатора и посвятилъ себя дѣятельност и литературной. Несмотря на годы, плодовитость его изумительна: кромѣ нѣсколькихъ иногда одновременно печатающихся беллетристическихъ произведеній, онъ внимательно слѣдитъ за всѣмъ выдающимся въевропейскихъ литературахъ и постоянно пишетъ ихъ обозрѣнія, не уклоняясь и отъ разбора трудовъ вполнѣ спеціальныхъ, причемъ нигдѣ не замѣтно, чтобы поспѣшность работы вредила не только ея основательности, или художественности обработки, но даже изяществу изложенія. Романы его изъ отечественной исторіи почти всѣ непосредственно относятся къ южной Россіи. Изъ нихъ укажемъ главнѣйшіе:* Andzia Zahornicka[1]); Z ciężkich dni; *особенный интересъ для насъ представляетъ трехтомный романъ Z burzliwej chwili, темой котораго служитъ возникновеніе козацкаго возстанія при Хмельницкомъ, подготовительныя дѣйствія и начало. Онъ предшествовалъ по времени изданія сѣнькевичевскому Ogniem i mieczem и, уступая ему въ колоритности и яркости изображеній, стоитъ неизмѣримо выше его по отсутствію тенденціозности и широтѣ историческаго пониманія*[2]).

---

[1]) Русскій переводъ помѣщенъ въ „Русской Мысли": общія его достоинства обязывають упомянуть о курьезномъ промахѣ: извѣстный „Шпаковъ шляхъ", получившій свое имя отъ предводителя возстававшихъ въ первые годы XVIII в. и „козачившихся" подольскихъ крестьянъ, подъ перомъ переводчика превратился въ „Скворцову дорожку"... Кстати замѣтимъ мимоходомъ, что шляхъ этотъ, впослѣдствіи чумацкій трактъ, проходилъ по водораздѣлу Буга и Днѣстра, такъ что жел. дорога отъ Жмеринки до Бирзулы съ нимъ совпадаетъ до мелочей.

[2]) Мы позволили себѣ подробнѣе остановиться на этомъ писателѣ, не ограничиваясь строго библіографическими указаніями, въ виду того, что Т. Т. Ежъ

* **Мостовскій** графъ Адольфъ. С. Великій Мытникъ литинскаго уѣзда. Род. $^{4}/_{4}$ 1839, въ с. Хрестищахъ подольской губ. Гимн. Кишиневъ. Драматическій писатель (комедіи), стихотворецъ юмористъ и корреспондентъ нѣсколькихъ газетъ.

* **Нагурный** Антоній. Варшава. Род. $^{23}/_{1}$ 1821, въ подольской губерніи. Унив. въ Петербургѣ, канд. правъ. Авторъ многихъ изслѣдованій, по русски, по польски и по французски, главнымъ образомъ по финансовой статистикѣ и по законамъ о налогахъ. Одинъ изъ оффиціальныхъ представителей министерства финансовъ на международномъ статистическомъ конгрессѣ въ Петербургѣ,—рефератъ о поземельномъ налогѣ.

* **Оссовскій** Годфридъ. Краковъ. Род. $^{8}/_{11}$ 1834, въ Казариновкѣ кіевской губерніи. Гимн. Житоміръ. Изъ многихъ ученыхъ трудовъ перечисляемъ только относящіеся къ южной Россіи. По геологіи и минералогіи: Геогностическій очеркъ Волыни, съ картою, по русски въ „Трудахъ волынскаго статист. комитета, Житоміръ 1867.—Carte géologique de la Volhynie. Paris, 1880.—О лабрадоритахъ на Волыни, въ XIII томѣ „Rozpraw wydziału matemat. – przyrodniczego Akademii umiejętności". Краковъ, 1879.—О волынитѣ. Тамъ же, т. XV, 1886.—По древностямъ доисторической эпохи и палеонтологіи: Объ остаткахъ каменнаго періода въ овручскомъ и дубенскомъ уѣздахъ (Wiadomości archeologiczne, т. III, 1876).—О кремневыхъ наконечникахъ стрѣлъ (Źbiór wiadomości do antropologii krajowej, т. XI, Краковъ, 1887).—Отчетъ о шестомъ русскомъ археологическимъ съѣздѣ въ Одессѣ (Mitteil. d. antropologisch. Gesellschaft in Wien. Bd. XV. 1885).—Materyały do paleoetnologii kurhanów ukrainskich, Краковъ, 1888, содержитъ отчетъ о раскопкахъ въ звенигородскомъ уѣздѣ; о нихъ и о раскопкахъ въ уманскомъ у. см. библіографію въ апрѣльской кн. „Кіевск. Старины" 1889.—Мы по необходимости оставляемъ въ сторонѣ исчисленіе многочисленныхъ работъ нашего земляка въ западной Пруссіи и въ окрестностяхъ Кракова, доставившихъ ему почетную извѣстность въ ученомъ мірѣ; хотя изслѣдованія этого рода въ сосѣднихъ мѣстностяхъ имѣютъ между собою тѣснѣйшую связь, но они выходятъ изъ формальныхъ предѣловъ нашего района, этнографической южной Руси.

* **Радлинскій** Игнатій. Варшава. Род. $^{13}/_{12}$ 1843, въ Дубнѣ. Унив. Кіевъ, канд. ист.—фил. наукъ. Нынѣ преподаватель древнихъ языковъ. Много трудовъ по лингвистикѣ и древностямъ Востока, также по первобытной культурѣ; статьи по предметамъ философскимъ.

* **Раппапортъ** Зенонъ. Варшава. Род. 1833, въ волынской губ. Гимн. Варшава, мед.—хирургич. академія Петербургъ. Беллетристъ, драматургъ и сотрудникъ газетъ.

* **Ролле** Антоній-Юзефъ (псевд. **Dr. Antoni J.**) Каменецъ. Род. 1830, *въ подольской губ. Гимн. Немировъ. унив. Кіевъ, д-ръ медицины.* Авторъ весьма многихъ изслѣдованій по исторіи Подоліи, нерѣдко въ полубеллетристической формѣ, но всегда по источникамъ, притомъ не только печатнымъ, но и архивнымъ, что придаетъ имъ тѣмъ большее значеніе. *Помѣщаемыя обыкновенно въ періодическихъ изданіяхъ, они выходятъ и отдѣльно, серіями, подъ общимъ заглавіемъ Opowiadania historyczne. Особо изданъ наиболѣе капитальный, строго научный трудъ Zameczki kresowe, Варшава, 3 т. 1881. Кромѣ того А. І. Ролле издалъ по русски мемуаръ конца прошлаго столѣтія „Записки маіора Пташинскаго"*

безспорно долженъ быть поставленъ на первомъ мѣстѣ въ современной польской литературѣ, разумѣя живущихъ писателей.

и томъ архивныхъ матеріаловъ, содержащихъ первыя распоряженія русскихъ властей въ Подоліи, по присоединеніи ея къ Россіи въ 1795 году.

* **Сарнецкій** Зыгмунтъ. Краковъ. Род. 10/11 1837, въ Голодькахъ около Бара. Гимн. Варшава, высшее образованіе Парижъ. Авторъ и переводчикъ многихъ драматическихъ произведеній. Сотрудничалъ во многихъ періодическихъ изданіяхъ, редактировалъ „Echo", а въ послѣднее время „Świat".

* **Скорковскій** А. С. Медовата липовецкаго у. Род. 30/12 1848, въ м. Плиццахъ того же уѣзда. Гимн. Немировъ, лицей Одесса, универс. Кіевъ. Медикъ. Авторъ многихъ спеціальныхъ и популярныхъ статей въ различныхъ изданіяхъ.

Спасовичъ Владиміръ. Извѣстенъ, какъ *профессоръ петербургскаго университета*, юристъ, писатель по исторіи литер., критикѣ, публицистическимъ вопросамъ, какъ въ русской, такъ и въ польской литературѣ. Исторія послѣдней изложена имъ въ замѣчательномъ трудѣ, *изданномъ имъ вмѣстѣ съ А. Н. Пыпинымъ (Исторія славянскихъ литературъ); большимъ авторитетомъ пользуется его университетскій курсъ „Учебникъ уголовнаго права"*. Біографическими свѣдѣніями объ этомъ уроженцѣ югозападнаго края къ сожалѣнію не располагаемъ.

* **Третякъ** Юзефъ. Краковъ. Род. 1841, въ волынской губ. Унив. Кіевъ, потомъ Цюрихъ и Львовъ, д—ръ философіи. Труды преимущественно по эстетической критикѣ и по исторіи литературы. Послѣдній же относится къ исторіи южной Россіи: Historya wojny chocimskiej 1621 г.

Тржаска *М. Кіевъ. Постоянный корреспондентъ отсюда въ „Kraj".*

Фонбергъ Игнатій. Кіевъ. Б. профессоръ здѣшняго университета, послѣдній въ живыхъ изъ преподававшихъ нѣкогда въ Вильнѣ. Химикъ по польски. Нѣкоторые спеціальные труды. Мѣстное значеніе имѣютъ Quelques rémarques tirées des analyses des eaux de Kieff. 1858. *Подробныя свѣдѣнія біографическія и библіографическія находятся въ словарѣ профессоровъ университета св. Владиміра, изданномъ въ 1884 г., по случаю юбилея университета.*

* **Хмѣліовскій** ксендзъ Антоній. Ленчица. Род. 13/1 1842, въ Завадинцахъ подольской губ. Магистръ теологіи. Авторъ многихъ богословскихъ трудовъ.

* **Шаденъ** Кароль. Кіевъ. Род. 18/3 1852, въ Житомирѣ. Унив. Кіевъ, д—ръ медицины. Нѣкоторые болѣе крупные труды по дерматологіи и сифилидологіи изданы отдѣльно, многіе помѣщались въ различныхъ періодическихъ изданіяхъ, на языкахъ: русскомъ, польскомъ, латинскомъ, нѣмецкомъ и испанскомъ.

Эйсмонтъ Т. М. Кіевъ. Беллетристъ и стихотворецъ.

* **Яблоновскій** Александръ. Варшава и Кіев. губернія, въ которой родился. Унив. Кіевъ, позже Дерптъ. Спеціальныя изслѣдованія по исторіи югозападной Руси въ формѣ предисловій къ историческимъ матеріаламъ, издаваемымъ въ Варшавѣ подъ общимъ заглавіемъ Źródla dziejowe, въ т. V и VI. Письма изъ путешествія по славянскимъ землямъ и по Востоку помѣщала „Gazeta Polska".

Весьма желательно, чтобы аналогическія выборки и дополненія были сдѣланы для своихъ районовъ, кѣмъ либо болѣе насъ свѣдущимъ въ мѣстныхъ дѣлахъ,—въ краѣ сѣверозападномъ, въ Новороссіи и въ особенности въ восточной Галиціи.

Ив. Новицкій.

Обозрѣніе газетъ и журналовъ за 1889 годъ.

Кіевлянинъ 129—159. 129 Новинки Владимірскаго собора.

132. Двадцати-семи милліонный кладъ. Перепечатка изъ «Новостей» ст. Д. И. Эварницкаго.

134. Народныя училища кіевскаго учебнаго округа. II.

137. Иванъ Купало. Упоминается о нѣкоторыхъ южно-русскихъ народныхъ обычаяхъ, связанныхъ съ этимъ днемъ.

139. Перепечатка изъ «Черн. Губ. Вѣд.» объ открытіи на соборной площади подземныхъ ходовъ.

140. Краткая рецензія на книгу Н. Ѳ. Бѣляшевскаго «Монетные клады кіевской губ.»

142. Некрологъ проф. С. С. Гогоцкаго.

143. Замѣтка о раскопкахъ проф. Н. П. Кондакова въ Херсонесѣ.

146. Раскопки, производимыя на соборной площади въ г. Черниговѣ.

149. Библіографическая замѣтка о книгѣ Е. Н. Дверницкаго: Памятники древняго православія въ г. Владимірѣ-Волынскомъ.

152. Перепечатка изъ № 7 «Кіевской Старины» разсказовъ о бывшемъ курскомъ губернаторѣ Денѣ.

153. Корреспонденція изъ с. Носачева, черкасскаго у. кіевск. губ. о находкѣ польскихъ серебряныхъ монетъ XVI—XVII ст.

— Корреспонденція изъ м. Семиполокъ, остерскаго у. черниг. губ. о находкѣ 494 штукъ мѣдныхъ и серебряныхъ польскихъ монетъ разной величины съ съ изображеніемъ короля Сигизмунда.

Кіевское Слово №№ 698—728. 698. Двадцати-семи милліонный кладъ. Перепечатка изъ «Новостей» ст. Д. И. Эварницкаго.

— Перепечатка изъ «Одеск. Л.» сообщенія, что Д. И. Эварницкимъ найдено въ Петербургѣ, въ Эрмитажѣ, большое войсковое запорожское знамя, съ рисунками запорожцевъ, до 20 фигуръ, въ ихъ оригинальномъ вооруженіи и одеждѣ.

— Перепечатка изъ 5—6 № «Кіевской Старины» афишъ черниг. театра.

700. Современные уніаты и іезуиты. Изложеніе содержанія разсказа Мирона «Чума» (Кіевск. Стар., 5—6). Н. В—цкаго (окончаніе).

701. Корресп. изъ с. Вороновицъ подольск. губ. о праздновакіи 50-лѣтія возсоединенія уніатовъ.

708. Замѣтка о находкѣ на берегу р. Буга, на земляхъ м. Лодыжина, гайсинск. у. под. г., клада изъ старинныхъ серебряныхъ вещей съ гербами польскихъ фамилій и монетъ.

711. Некрологъ С. С. Гогоцкаго, бывшаго профессора университета св. Владиміра и кіевск. дух. академіи.

713. Краткая рецензія на брошюру Гульдмана «Слѣпые въ каменецъ-подольской губ.».

714. Замѣтка о роскопкахъ Д. И. Эварницкаго въ окрестностяхъ м. Котовки, новомосковскаго у. екатериносл. губ.

717. Археологическія раскопки въ Черниговѣ. Перепеч. изъ «Черн. Губ. Вѣдомостей».

720. Корреспонденція изъ с. Гульчи, волынск. г., острожск. у. Сообщаются свѣдѣнія о горѣ св. Николая—мѣстѣ, пользующимся большимъ уваженіемъ у простыхъ жителей.

722. Перепечатка изъ № 7 «Кіевск. Старины» разсказа о курскомъ губернаторѣ Денѣ.

724. Объ археологическихъ раскопкахъ. Циркуляръ археологич. коммиссіи губернаторамъ о правѣ производства раскопокъ на общественныхъ и казенныхъ земляхъ.

Волынь №№ 98—115. 98, 100, 103, 106, 108 и 111. «Надъ Горынью», географическое и этнографическое описаніе мѣстности по р. Горыни.

100. Опредѣленіе и посланіе св. Синода о праздновании 8 іюля 1889 г. дня 50-лѣтія возсоединенія уніатовъ съ православіемъ.

— Рѣчь по поводу этого событія, сказанная кіевскимъ митрополитомъ Платономъ въ виленскомъ каѳедральномъ соборѣ въ день празднованія.

104. Воспоминаніе о дѣятельности графа М. Н. Муравьева въ сѣверо-западномъ краѣ.

Волынскія Епархіальныя Вѣдомости. 16—20. 16—18. Историко-статистическое описаніе церквей и приходовъ волынской епархіи. Г. Дубно. Дубенскій у. с. Аршичинъ, с. Коблинъ, с. Иванье, с. Мятинъ, с. Каменица, с. Подлужье, с. Посовица, с. Судобичи, с. Плоска, с. Семидубы.

— Чешскія школы въ поселкахъ чешскихъ д. Крошнѣ и с. Высокомъ, житомирскаго уѣзда.

17. Некрологи М. В. Юзефовича и прот. Борецкаго.

18. Слово въ день памяти преосв. Виталія, бывшаго епископа острожскаго, впослѣдствіи еп. могилевскаго, въ мірѣ В. Гречулевича. Я....

Поминки по преосв. Виталіѣ въ волынск. женск. епарх. училищѣ 14 мая 1889 года.

Празднованіе 50-лѣтія возсоединенія уніатовъ съ православіемъ въ Вильнѣ, Полоцкѣ, Витебскѣ и Житомірѣ.

19. Торжество 50-лѣтія возсоединенія уніатовъ съ православною церковью въ г. Кременцѣ.

19—20. Историко-статистическое описаніе церквей и приходовъ волынской епархіи. С. Подборцы, с. Погорѣльцы, с. Ратчинъ, с. Страковъ, с. Студянка, с. Шепетинъ.

Подольскія Епарх. Вѣдомости №№ 24—28. 24, 25. О томъ, какъ подготовлялась и совершалась унія зап.-русской правосл. церкви съ римскою.

24, 27. Историч. свѣдѣнія о Каменцѣ-Подольскомъ и его православныхъ церквахъ, въ связи съ граждан. и церковною жизнію Подоліи.

26. Празднованіе въ г. Каменцѣ 50-лѣтія возсоединенія уніатовъ съ правосл. церковью.

Два письменныхъ документа XVIII вѣка. Документы взяты изъ архива Николаевской церкви г. Балты и содержатъ: 1-й — распоряженіе архіеп. екатеринославскаго Амвросія о воспоминаніи на отпустахъ и др. моленіяхъ «св. кн. Владиміра и 5 священномучениковъ, въ Херсонѣ епископствовавшихъ» и 2-й указъ того же Амвросія о непорядкахъ при богослуженіи.

27. Торжественный актъ въ подольской дух. семинаріи, по поводу 50-лѣтія возсоединенія уніатовъ.

Къ 50-лѣтію возсоединенія западно-русскихъ уніатовъ.

28. Адресъ кіев. дух. академіи послучаю 50-лѣтія возсоединенія уніатовъ.

М. Китайгородъ, ушицкаго уѣзда.

Преосв. Варлаамъ, еп. минскій и туровскій. (Некрологъ).

Одесскій Вѣстникъ №№ 148—183. 149. Ярмарка (очеркъ ярм. въ Балтѣ). А. Л—чъ.

152. По вопросу о регулированіи движенія рабочихъ. А. Русова. О необходимости точнаго изученія миграцій населенія.

156. Двадцатисеми-милліонный кладъ. Д. И. Эварницкаго (перепечатка изъ «Новостей).

157. Переселенцы въ Одессѣ (въ Приморскую область). Н. Л.

163. Сидоръ Макаровичъ Притыка (очеркъ). Переводъ съ малорусскаго. — «Малюнки справжнего житья». Т. Певный. Библіогр. замѣтка.

175. Некрологъ проф. С. С. Гогоцкаго.

178. Объ урегулированіи рыболовства на Днѣпрѣ и Днѣстрѣ. А. Браунера.

180. Рецензіи на іюльскую книжку «Кіев. Старины» и на книгу В. П. Науменка «Обзоръ фонетическихъ особенностей малорусской рѣчи».

Одесскій Листокъ 53—180. 153. Праздн. 50-лѣтія возсоединенія уніатовъ.

156. Перепечатка изъ «Новостей» записи о кладѣ, зарытомъ запорожцами. Краткая замѣтка о книгѣ С. Филиппова «по Крыму».

157. Землевладѣльческая производительность херсонской губ.

166. Замѣтка о раскопкахъ проф. Н. П. Кондакова и г. Косцюшко-Валюжинича въ Херсонесѣ.

179. Замѣтка о раскопкахъ. Д. И. Эварницкаго, близь м. Котовки, екатериносл. губерніи.

Таврическія Епархіальныя Вѣдомости 8—12. 12. О необходимости лѣсныхъ насажденій въ таврическихъ степяхъ.

Крымъ №№ 68—79. 68. Рецензія на книгу г. Филиппова «по Крыму». М. 1889 г.

Перепечатка изъ «Рус. Вѣстн.» письма императора Наполеона I къ Меньшикову по поводу неудачнаго исхода экспедиціи на Евпаторію.

69. Замѣтка г. Ф. Р. «О крѣпостяхъ скифскаго царя Спилура, Палакіи и Хабайяхъ».

70. Разборъ книги: «Путеводитель по Крыму» Сосногоровой и Караулова. Изд. 5-е, переработанное гг. Головкинымъ и Вернеромъ. М. 1889 г.

Кубанскія Обл. Вѣдомости №№ 23—27. 23, 24. Старое рыболовство черноморскихъ казаковъ II. Въ Черноморіи (Окончаніе). Н. И. Короленка.

27. Историческіе документы запорожскаго сѣчеваго архива. Предисловіе Е. Фелицына и 2 документа изъ собранія А. А. Скальковскаго: 1-й отъ 23 дек. 1763 г. постановленіе войсковой рады относительно порядковъ внутренняго благоустройства въ запорожскомъ войскѣ, 2-й «Меморіялъ, какъ при слѣдованіи къ очаковской сторонѣ и подъ Бѣлгородъ войска запорожскаго партій происходило. Учиненъ 1769 г. октября 11 дня».

Воронежскія Епарх. Вѣдомости №№ 12—13. 12. Воскресенская церковь въ сл. Сагунахъ и священно-церковно-служители. Г. Яковлева.

13. Св. и праведная вел. княгиня русская Ольга (переводъ на русское нарѣчіе изъ Четій—Минеи, жит. 2, іюля 11 дня).

Южный Край №№ 2886—2924. 2901. Сообщеніе о разрѣшеніи драматической цензурой съ исключеньями слѣдующихъ новыхъ малорусскихъ піесъ: «Не поможуть и чары, якъ хто кому не до пары» драма въ 5 дѣйствіяхъ съ пѣніемъ Н. Янчука, «Перепелъ або такы добылась шовковои юпки» комедія съ куплетами Іосифа Захарченка, «Писни въ лыцяхъ» дивертисментъ-водевиль въ трехъ картинахъ М. Л. Кропивницкаго.

2915. Замѣтка о раскольникахъ и сектантахъ въ харьковской губерніи. Общее число уклоняющихся отъ православія въ губерніи—6302 души мужчинъ и женщинъ. Изъ раскольниковъ имѣются поповцы (въ старобѣльскомъ уѣздѣ) безпоповцы, пріемлющіе бракъ (въ купянскомъ уѣздѣ), не пріемлющіе брака (въ волчанскомъ уѣздѣ) и скопцы. Сектанты шалопуты и штундисты числятся въ двухъ уѣздахъ: купянскомъ (110 душъ) и богодуховскомъ (31). Нѣкоторые признаки сектантскаго движенія стали обнаруживаться и въ другихъ мѣстахъ губерніи. Въ трехъ уѣздахъ лебединскомъ, валковскомъ и ахтырскомъ раскольниковъ не числится вовсе. Въ коренномъ малороссійскомъ населеніи раскольниковъ нѣтъ совсѣмъ.

2924. Изъ Харьковской театральной старины. Историческій очеркъ балета въ Харьковѣ 1780—1880 гг. Фельетонъ Н. Ч. Авторъ разсказываетъ о первыхъ опытахъ балета въ Харьковѣ, съ артистами изъ крѣпостныхъ людей разныхъ любителей, которыми эти любители потомъ торговали, переходитъ къ космополитическимъ труппамъ Штейна и Млотковскаго (въ 20—40-хъ годахъ) и перечисляетъ появленія въ балетныхъ харьковскихъ спектакляхъ столичныхъ извѣстностей. Здѣсь есть эпизодъ объ извѣстномъ украинскомъ актерѣ Соленикѣ, подвизавшемся тоже въ балетѣ во время пріѣзда танцовщицы Богдановой. Богданова импровизовала съ комикомъ Соленикомъ интермедію «L' Academie de douze или Возвращеніе Сильфиды въ Парижъ», въ которой молодая танцовщица держитъ у старика Тальони экзаменъ, начинающійся съ самыхъ легкихъ па и кончающійся болеро, который Богданова исполняла съ своимъ отцомъ. Соленикъ въ этой одноактной пьесѣ полькировалъ и пѣлъ французскій романсъ, не будучи большимъ искусникомъ ни въ томъ ни въ другомъ».

Курскій Листокъ №№ 67—81. 67, 68. Курская сторона. Ростислава Маркова. Очеркъ исторіи Курскаго края (продолженіе, начало въ № 59).

67. Винокуреніе и табачное производство въ курской губ.

80. Архивныя выписки. N. N. О волненіяхъ крестьянъ въ грайворонск. уѣздѣ курск. губ., при введеніи положенія о крестьянахъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости.

Черниговскія Епарх. Извѣстія №№ 11—12. 11. Біографія преосвящ. Аѳанасія, еп. новгородъ-сѣверскаго, уроженца полт. губ., воспитанника кіев. дух. академіи, 30 лѣтъ прослужившаго при учебныхъ заведеніяхъ г. Кишинева.

12. Состояніе стародубскаго раскола въ 60-хъ и 70-хъ гг. XVIII ст. М. Доброгаева. (Окончаніе).

Черниговскія Губ. Вѣдомости. №№ 43—57. 43—53. Изъ архива графа Г. А. Милорадовича. 18 документовъ I четв. XVIII в. на имѣнія Полуботка.

45. Разсказъ старожиловъ. Пребываніе императора Александра I въ Черниговѣ. А. Тищинскаго.

48. Актъ въ черниговъ. духовн. училищѣ въ день празднованія 50-лѣтія возсоединенія уніатовъ.

51. Перепечатка изъ «Прав. Вѣстн.» замѣтки о фрескахъ Кіево-Софійскаго собора.

52—54. Раскопки, производимыя на соборной площади въ г. Черниговѣ. А. Верзилова. Вслѣдствіе провала обнаружилось жерло каменнаго склепа. Раскопки обнаружили конусообразный склепъ съ правильными кирпичными сводами глубиною въ 2 саж., діаметръ основанія $3^1/_2$ арш., склепъ заваленъ мусоромъ. По очисткѣ обнаружились 4 подземныхъ хода съ кирпичными

сводами, расположенные крестообразно, съ нишами по бокамъ, одинъ изъ нихъ заканчивается камерой. Авторъ полагаетъ, что это погреба для склада боевыхъ и съѣстныхъ припасовъ на случай осады. По формѣ и кладкѣ кирпича онъ относитъ сооруженіе ихъ къ XVII или нач. XVIII в.

54. Извѣстіе о находкѣ въ м. Семиполкахъ остер. у. 494 штукъ польскихъ мѣдныхъ и серебряныхъ монетъ разной величины съ изображеніемъ короля Сигизмунда.

57. Къ исторіи края. Легенда о происхожденіи названія м. Салтыкова-Дѣвица, черниг. у. А. Чубатаго. Названіе происходитъ будто бы отъ озера въ ½ верстѣ отъ мѣстечка; въ этомъ озерѣ утонула дочь какого то Салтыкова. Названіе болота близъ с. Ковчина (черниг. у.) *Твань* также происходитъ, по преданію, оттого, что здѣсь утонулъ сынъ помѣщицы.

Минскій Листокъ №№ 45—51. 45. Корреспонденція изъ г. Вильно въ «Нов. Время» по вопросу о подготовкѣ почвы къ соединенію уніатовъ съ православіемъ въ 1839 г., съ указаніемъ на лица, принимавшія участіе въ этомъ дѣлѣ; вмѣстѣ съ тѣмъ предлагается проектъ возстановленія митрополіи въ Вильно.

47. Статья г. А. Слупскаго: «Унія въ Минскѣ» (окончаніе) въ которой изображается дѣятельность горожанъ въ защиту православія.

Литовскія Епарх. Вѣд. №№ 24—26. 24—25. Торжество 50 лѣтія возсоединенія уніатовъ съ православною церковью 8 іюня въ г. Вильнѣ и рѣчи, по этому случаю произнесенныя.

26. Рѣчи по поводу 50-лѣтія возсоединенія уніатовъ.

Варшавскій Дневникъ №№ 130—149. 139. Сообщеніе о брошюрѣ г. Н. Леопардова по поводу креста, которымъ благословилъ игуменъ Сергій князя Димитрія Донскаго 27 авг. 1380 г. предъ войной съ Мамаемъ; крестъ хранится въ музеѣ кіевской духовной академіи.

Сообщеніе о возстановленіи древняго внѣшняго вида Софійскаго собора и открытіи новыхъ фресокъ.

139, 141, 149. Библіографич. замѣтка о «Памятной книжкѣ, калишской, петроковской и люблинской губерній за 1889 годъ».

141—143, 147. Описаніе торжества возсоединенія уніатовъ съ православіемъ 8 іюля 1889 г. въ Вильно; въ описаніи указаны всѣ народныя изданія по поводу праздника, вышедшія къ юбилею.

Червоная Русь №№ 114, 115, 117, 118, 124, 125, 127. По пути изъ Петрограда. Динабургъ. Вильна. Пл.

117. Памятники глубокой древности. О находкѣ скелетовъ около ц. въ Рогатинѣ.

120. Библіографическія замѣтки о вышедшихъ №№ «Страхопуда», «Бесѣды», «Новаго Галичанина» и «Учителя» и брошюры И. Г. Наумовича «Пятидесятилѣтіе возсоединенія уніатовъ».

123. Возвращеніе Бѣлороссіи къ православію 1839 г. Истор. очеркъ.

126. Перепечатка изъ «Нов. Врем.» о причинѣ, вызвавшей возсоединеніе уніатовъ въ 1839 г.

128. Празднованіе 50-лѣтія возсоединенія уніатовъ въ Вильнѣ.

133, **134**. Волынскіи славяне въ Парижѣ.

133. Библіографическія замѣтки о № 9—10 «Русской Правды» и Сборникѣ портретовъ духовныхъ дѣятелей эпохи возсоединенія уніатовъ, изд. въ Вильнѣ прот. І. Котовичемъ.

136. Замѣтки о 1 вып. 2-го тома «Галицко-русской библіографіи», изд. И. Е. Левицкимъ и о № 12 журнала «Листокъ».

139. Замѣтка о Литературномъ сборникѣ, изд. галицко-русскою матицею за 1889 годъ.

140. Замѣтка о № 13 «Страхопуда» и № 13 «Новаго Галичанина».

142. Замѣтка о перезодѣ Одиссеи Гомера на малорусское нарѣчіе Петромъ Байдою (Нищинскимъ).

Краткій некрологъ проф. С. С. Гогоцкаго.

Книги, вышедшія въ концѣ 1888 и въ началѣ 1889 г., касающіяся ю. Россіи.

Александровъ В. Писня про Гарбуза. Рослинный эпосъ по народній теми. Хар. 1889. 16 стр.

Ашкаренко Г. А. Конотопська видьма. Хвантастычна кумедія у 5 діяхъ и 8 одминахъ (зъ оповиданя Квитки). Кременчугъ 1889. 8 д. 90 стр.

Блюмъ Э. Къ 900-лѣтію крещенія Руси. Мысли и замѣчанія. Ревель 1889 г. 8 д. 8 стр.

Васильковъ М. О., врачъ. Медицинскій и санитарный отчетъ по тираспольскому у. херсон. г. за 1887 г. Херсонъ 1889. 8 д. 1+86 стр.+3 діаграммы.

Гашкевичъ М. И., врачъ. Очеркъ санитарной дѣятельности въ г. Херсонѣ въ 1888 г. Херсонъ 1889. 8 д. II+145 стр.+1 табл.

243 засѣданіе императорскаго одесскаго общества исторіи и древностей 27 марта 1889 г. Од. 8 д. 8 стр.

Добржицкій Г. д-ръ. Славута. Климатическая лѣсная станція и кумысолѣчебное заведеніе. Варшава. 1889. 8 д. 116+111 стр.

Dobrzycki H. d-r. Slawuta, klimatyczna stacyja leśna oraz zaklad kumysowy. Warszawa. 1889. 8 д. 106+4 стр.

Довгоязыка Хвеська. Опов. Выд. С. Гомолинскаго. Кыивъ. 1889. 16 д. 24 стр.

Ежегодникъ лохвицкаго общества сельскихъ хозяевъ. 188⁶/₇ годъ. 1889. 8 д. 100 стр.+5 табл.

Заводъ Ф. А. Терещенка кіев. губ. и уѣзда въ с. Красовкѣ. М. 1889. 8 д. 7+8 стр.

Историко-юридическіе матеріалы, извлеченные изъ актовыхъ книгъ губерній витебской и могилевской, хранящихся въ центральномъ архивѣ въ Витебскѣ и изд. подъ ред. кн. Н. Мещерскаго и М. Веревкина. Вып. 17. Витебскъ 1888. 4 д. III.+415+XVII+6 стр.

Историко-юридическіе матеріалы, извлеченные изъ актовыхъ книгъ губерній витебской и могилевской, хранящихся въ централ. архивѣ въ Витебскѣ и изд. подъ ред. архиваріуса М. Веревкина Вып. 18. Витебскъ 1888. 4 д. VIII+492+XLI стр.

Клоссовскій А. проф. Труды метеорологической сѣти юго-запада Россіи. Од. 1889. 8 д. 144 стр.+1 рис. +3 табл. +3 черт. +2 карты.

Клоссовскій А. проф. Фенологическія наблюденія, произведенныя на юго-западѣ Россіи въ 1888 г. Одесса. 1889. 8 д. 24 стр.+3 табл.

Котляревскій И. П. Москаль Чаривныкъ. Малорос. опера въ 1 дѣйствіи. Дешевая библіотека № 82. Изд. А. Суворина Спб. 12 д. 43 стр.

Котляревскій И. П. Наталка Полтавка. Малорос. опера въ 2 дѣйств. Изд. А. С. Суворина. (Деш. библіотека № 83). Спб. 12 д. 59 стр.

Кубанское казачье войско. 1696—1888. Сборникъ краткихъ свѣдѣній о войскѣ, изд. подъ ред. Е. Фелицына. Краткій историч. очеркъ кубан. каз. войска Ф. Щербины. Съ портр. и видами. Воронежъ. 1888. 8 д. 438+2 стр. и 1 планъ.

Левицкій И. Чортяча спокуса. Выд. 2 С. Гомолинскаго. К. 1889 16 д. 80 стр.

Левицкій О. И. Очерки стариннаго быта Волыни и Украины. I. Пасквиль и судъ. От. изъ «Кіев. Ст.» Кіевъ 1889. 8 д. 32 стр.

Макаровъ М. Днѣпровскій лиманъ и рѣка Бугъ. Руководство для плаванія. Изд. 2. Николаевъ. 1889. 8 д. 1+72 стр.

Матеріалы для оцѣнки земель херсонской губ. т. III. Александрійскій уѣздъ (стат.-экономич. описаніе уѣзда). Сост. статистич. отд. при херсон. губ. зем. управѣ. Херсонъ. 1889. 8 д. IV+III+385+152 стр. + 2 карты.

Мачтетъ Гр Бѣлая панна. Поэма въ прозѣ. М. 1889. 12 д. 143 стр.

Моргулисъ Ю А. Сакскія грязи. Путеводитель для ѣдущихъ лѣчиться въ Саки. Симферополь 1889. 16 д. 31 стр.+1 рис.

Москвичъ Г. Практическій путеводитель по Крыму. Изд. 2-е. Ялта. 1889. 16 д. 16+XXX+280+144 стр.

Отчетъ и труды одесскаго отдѣла имп. рос. общ. садоводства за 1888 г. Од. 1889. 8 д. 1+73+89 стр.

Отчетъ одесской городской публичной библіотеки за 1888 г. Од. 8д. 11 стр.

Отчетъ одесской еврейской городовой больницы и лиманскаго ея отдѣленія за 1888 г. Изд. попечителями больницы Г. Люльки, Б. Вургафтомъ и С. Шурицемъ. Од. 1889. 8 д. 55+4 стр.

Отчетъ одесской филоксерной коммиссіи за 1888 годъ. Од. 1889. 8 д. XII+222+II стр. и 4 плана.

Отчетъ о дѣятельности аккерманскаго отдѣла имп. россійск. общ. садоводства за 1888 годъ. Аккерманъ. 1889. 8 д. 38 стр.

Отчетъ о дѣятельности комитета общества взаимнаго вспомоществованія учителей евреевъ новороссійск. края и бессараб. губ. за 1888 г. Од. 1889. 8 д. 46 стр.

Отчетъ о дѣятельности комитета одесскаго отдѣленія общества распространенія просвѣщенія между евреями въ Россіи за 1887/8 ак. годъ. Од. 1889. 8 д. 45 стр.

Памятная книжка херсонскаго городского общественнаго управленія. 1887 г. Херсонъ. 1889. 8 д VIII+78+5 стр.+1 табл.

Певный Т. Малюнки справжнего життя. У Петербурзи. 1889. 12 д. 59 стр.

П. Л. Остатки церквей на развалинахъ древняго Корсуня или Херсонеса, ихъ открытіе и значеніе. От. изъ «Кіев. Стар.» К. 1889. 8 д. 16 стр.+2 плана.

Путеводитель по Крыму (Сосногоровой и Караулова). Изд. 5, переработ. Н. Головкинскимъ и К. Вернеромъ. М. 1889. 8 д. II+XII+99+391+XI стр.

Рашкевичъ М. П. Медицинскій и санитарный отчетъ по херсонскому уѣзду за 1888 г. Херсонъ 1889. 8 д. 104 стр.+3 табл.

Рашковскій Н. С. Одесса, какъ центръ лѣчебныхъ купаній. Од. 1889. 8 д. 79+2 стр.

Сторожевскій Б. Н. «Вся Одесса за 20 коп.» Путеводитель по городу и справ. книжка для пріѣзжихъ. Од. 1889. 16 д. 159 стр.

Стрѣльбицкій И. Пятидесятилѣтіе возсоединенія бѣлорусскихъ уніатовъ (1839—1889) Вильна. 1889. 8 д. 61 стр.

Текстъ русской правды на основаніи 4 списковъ разныхъ редакцій, изд. Н. Калачовъ. Изд. 4-е. Спб. 1889. 8 д. VI+51+III стр.+1 табл.

Труды одесской энтомологической коммиссіи. Изслѣдованія и экскурсіи въ бессараб., екатериносл., полтав., таврич. и херсон. губ., въ обл. войска донскаго, въ кубан. и терск. обл. въ 1889 г. Докладъ IX областному съѣзду П. А. Забаринскаго Од. 1889. 8 д. 16 стр.+2 табл.

Труды одесской энтомологической коммиссіи. Отчетъ Т. А. Забаринскаго. X. Од. 1889. 8 д. 16 стр.

Уваровъ М. Санитарное положеніе херсонской губ. Вып. 1. Движеніе населенія херсонск. губ. Херсонъ. 1889. 8 д. 49 стр.+7 табл.

Успенскій Θ. Византійскія владѣнія на сѣв. берегу Чернаго моря въ IX и X вв. Отт. изъ «Кіев. Стар.» К. 1889. 8 д. 42 стр.+1 карта.

Уставъ историко-филологическаго общества при имп. новороссійскомъ университетѣ. Од. 1889. 8 д. 7 стр.

Θедоровъ И. Ф. Императоръ Николай Павловичъ подъ Черниговомъ. Од. 1889. 8 д. 15 стр.

Филиповъ С. По Крыму М. 1889. 8 д. 469 стр.

Chlebowski i *Walewski.* Słownik geograficzny królestwa polskiego i innych krajów słowiańskich. Zeszyt 113. Варшава 1889. 4 д. Стр. съ 321 по 400.

Chlebowski B. и *Walewski W.* Słownik geográficzny królestwa polskiego i innych krajów slowianskick. Zeszyt 114. Tom X. Warszawa 1889. 8 д. 401—480 стр.

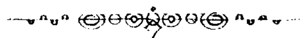
Чтенія въ историческомъ обществѣ Нестора лѣтописца. Кн. 3-я. Изд. подъ ред. Н. П. Дашкевича. К. 1889. 8 д. III+54+114+96 стр.

Якимовичъ Ф. И. Одесскіе лиманы, какъ лѣчебное средство. Од. 1889. 8 д. IV+I+98 стр.+1 табл.+2 карты.

СОДЕРЖАНІЕ.

Августъ, 1889 г.

сказано, что на войнѣ отъ врага должно ожидать и храбрости, и хитрости. Такимъ образомъ наши всегда брали верхъ надъ перекопцами, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда тѣ употребляли хитрость, коварство и стратегическія уловки.

Жизнь татаръ, которою они гордятся, первобытная, пастушеская, подобна жизни патріарховъ во время золотаго вѣка, когда среди пастырей стадъ избирались вожди народовъ, цари и пророки, какъ сказалъ одинъ изъ нихъ: „Поялъ мя Господь отъ овецъ“ [1]). Такъ живутъ татары понынѣ, слѣдуя за своими стадами и переходя съ ними съ одного поля на другое. Они не имѣютъ ни изгородей, ни домовъ, только передвижныя палатки изъ прутьевъ и камыша, покрытыя толстымъ войлокомъ и снабженныя рогожами и циновками изъ водорослей; усадивъ въ нихъ женъ и дѣтей, они возятъ ихъ съ собою на возахъ. Землю, даже самую плодородную, они не обрабатываютъ, довольствуясь тѣмъ, что она сама приноситъ, т. е. травою, служащею кормомъ для скота. Такимъ образомъ они, согласно совѣту Соломона, питаются однимъ молокомъ безъ хлѣба и плодовъ; они трезвы и воздержанны тѣмъ болѣе, что по закону воспрещается имъ пить вино и ѣсть свинину. Хотя они питаются мясомъ другихъ животныхъ, даже лошадинымъ, но у себя дома употребляютъ въ пищу только издохшихъ или издыхающихъ животныхъ, щадя здоровыхъ изъ желанія сохранить свои стада, ибо въ стадахъ заключается все ихъ имущество.

Татары не владѣютъ никакою частною недвижимою собственностью, кромѣ колодцевъ, которые, впрочемъ, принадлежатъ сообща многимъ членамъ одного рода. Они мало заботятся и о движимомъ имуществѣ, которое состоитъ исключительно изъ немногочисленныхъ предметовъ домашней утвари, необходимой для повседневнаго обихода, верховой ѣзды и военнаго дѣла; только къ послѣднему они довольно внимательны, заниматься же другими житейскими дѣлами и промыслами считаютъ дѣломъ недостойнымъ свободныхъ людей и нарушающимъ ихъ законъ, который предписываетъ пропаганду исключительно

---

[1]) Амосъ. Гл. VII, ст. 15.

силою оружія.—При такой дикости они болѣе всего почитаютъ умѣренность и воздержаніе и живутъ всѣ безъ роскоши, но и внѣ крайней нищеты, подобно тому, какъ сказано въ священномъ писаніи: „во всемъ и во всѣхъ навыкохъ и насыщатися, и алкати, и избыточествовати, и лишатися“ [1]), а также „иже многое, не преумножилъ есть, и иже малое, не умалилъ [2]). Такъ и теперь у этихъ варваровъ нѣтъ богатыхъ, которые бы задыхались отъ пресыщенія, и неимущихъ, которые бы гибли отъ голода и холода; несмотря на ихъ бѣдность и скудость средствъ, никто не проситъ милостыни. У нихъ такъ же рѣдко встрѣчается расточитель, какъ и голодающій, нѣтъ ни нищихъ, ни обманщиковъ, ни лживыхъ свидѣтелей, ни клятвопреступниковъ, ни воровъ или разбойниковъ; потому у нихъ нѣтъ надобности безпокоиться объ охранѣ своего имущества, ни носить оружіе въ собственной странѣ для защиты своей личности. Считается дѣломъ нелѣпымъ и недозволеннымъ имѣть при себѣ оружіе во время путешествія въ собственной странѣ; ибо у себя они свято соблюдаютъ миръ и справедливость, отдавая каждому сполна все принадлежащее ему, не отсчитывая въ пользу чиновниковъ десятины или другаго какого либо побора.

Должность судьи эти иновѣрцы считаютъ источникомъ не нареканій, но признательности, она у нихъ относится къ функціямъ не мірянъ, а духовенства и исполняется священниками, называемыми кади, которые приготовляются къ ней изученіемъ правилъ религіи и приносятъ особую присягу. При томъ въ судьи избираются такія лица, которыя сами менѣе всего заинтересованы мірскими дѣлами, по которымъ имъ предстоитъ судить другихъ. Для того, чтобы правосудіе могло дѣйствовать успѣшнѣе, судопроизводство вовсе не допускаетъ проволочекъ крючкотворцевъ и не подлежитъ вліянію наговоровъ клеветниковъ. Такъ, если обвиненный, пытаясь избѣгнуть суда, не является тотчасъ послѣ того, какъ истецъ позвалъ

---

[1]) Посланіе къ Филипп. гл. IV, ст. 12.

[2]) Посланіе 2-ое къ Коринѳ. гл. VIII, ст. 15.

его къ суду прикосновеніемъ къ краямъ его одежды, то онъ немедленно подлежитъ наказанію, какъ если бы обвиненіе было вполнѣ доказано; онъ получаетъ установленное закономъ количество палочныхъ ударовъ. Въ судѣ не могутъ быть лично истцами, ни свидѣтелями лица, которыя не знаютъ закона въ необходимой мѣрѣ для того, чтобы защищаться, или же лица, когда либо замѣченныя въ употребленіи вина, или уличенныя въ другихъ порокахъ. Суду кадіевъ подчиняются люди знатные и вельможи наравнѣ съ простолюдинами безъ всякаго отличія, и вообще для всѣхъ установленъ одинъ общій законъ, за исключеніемъ верховнаго вождя, котораго величіе они считаютъ выше человѣческаго достоинства. Вообще они стараются сохранить равенство между собою употребленіемъ одинаковой одежды и пищи и считаютъ непристойностью и беззаконіемъ, достойнымъ тѣлеснаго наказанія, если кто либо пытается отличиться отъ народа одеждою, поясомъ, шапкою или прическою, отступающими отъ древняго обычая предковъ. — Также считается неприличнымъ принимать пищу отдѣльно, не раздѣляя ее со всѣми присутствующими; хозяинъ тоже не долженъ брать себѣ часть пищи прежде, чѣмъ она будетъ предложена всѣмъ; при этомъ ее крошатъ въ мелкіе куски и тщательно перемѣшиваютъ для того, чтобы каждый изъ присутствующихъ пользовался равнымъ ея качествомъ. Въ пути у нихъ также всѣ дорожные запасы общіе и они очень усердно, наперерывъ другъ передъ другомъ, стараются услужить старикамъ и больнымъ. Дома они всякому гостю, даже незнакомому страннику, предлагаютъ даромъ пищу и постель, впрочемъ вдали отъ собственной спальни.

Однако въ другихъ отношеніяхъ татары менѣе цивилизованы: такъ, они считаютъ совершенно неприличнымъ показывать своихъ женщинъ гостямъ, друзьямъ и даже самымъ любимымъ собесѣдникамъ, они держатъ несчастныхъ въ заперти, въ укромныхъ покояхъ, не допускаютъ ихъ не только въ общество гостей, но даже въ храмы и вовсе не выпускаютъ на улицу, взваливая на нихъ, впрочемъ съ ихъ же согласія, всю работу портняжескую и сапожную. Между тѣмъ сами они не удовлетворяются единоженствомъ, но хвалятся тѣмъ, что по обычаю древнихъ людей и съ разрѣшенія своего закона, имѣ-

ютъ каждый по четыре жены и сверхъ того при каждой женѣ по десяти наложницъ. Желая быть мужьями образцовыми, они выбираютъ невѣстъ не по богатству и не по красотѣ, но женятся, не видѣвъ даже въ лицо невѣсты, а только собравши свѣдѣнія объ ея характерѣ и нравахъ; они не пренебрегаютъ вступать въ бракъ со своими невольницами, захваченными въ плѣнъ или купленными. Вслѣдствіе такого выбора жены ихъ постоянны, послушны, живутъ во взаимномъ согласіи и равнодушны, ради привязанности къ мужу, къ его наложницамъ; при томъ онѣ до того цѣломудрены, что о преступномъ нарушеніи брачныхъ обязанностей не бываетъ никогда и помину; прелюбодѣяніе считается уголовнымъ преступленіемъ и подлежитъ карѣ смертью.

Варвары эти сознаютъ, что для всякаго народа нѣтъ ничего полезнѣе храбрости и военной дисциплины и что храбрость пріобрѣтается привычкою къ лишеніямъ; поэтому они чуждаются изнѣженности и роскоши, и съ дѣтства приготовляются къ военному дѣлу суровымъ образомъ жизни и привычкою къ верховой ѣздѣ. Они садятся на коня отъ колыбели и не перестаютъ наѣздничать до дряхлой старости. Употребленіе повозокъ презираютъ даже старцы и больные, избѣгая изнѣженности и щадя лошадей; послѣднихъ они берегутъ до такой степени, что даже ихъ князья внутри отечества ѣздятъ одни, между тѣмъ какъ заграницею ихъ сопровождаютъ сотни верховыхъ слугъ. Знатныя женщины даже тогда, когда отправляются въ царскій дворецъ, запертыя въ крытыхъ экипажахъ и сіяющія внутри ихъ блескомъ дорогихъ каменьевъ, не стыдятся ѣхать заложивши въ коляску одного вола или двухъ, если она слишкомъ велика. Общественное мнѣніе считаетъ дѣломъ неприличнымъ и беззаконнымъ закладывать въ экипажъ лошадь, хотя бы самую плохую, даже тогда, если кто имѣетъ на конюшнѣ хотя бы тысячу лошадей.

Вообще жизнь татаръ мрачна и сурова, за исключеніемъ царей, которые живутъ роскошно среди всеобщей умѣренности своего народа. Такъ, современный царь перекопскій, предоставивъ сыновьямъ военныя дѣла, самъ охотно предается удовольствіямъ среди садовъ своихъ

женъ. Особенно славится одинъ садъ красотою мѣстоположенія, постройками, уходомъ и разнообразіемъ цвѣтовъ и деревьевъ, изящно расположенныхъ на подобіе шахматной доски. Въ этомъ раю своемъ онъ принимаетъ гостей, даетъ богатые пиры, хотя самъ, словно желая выказать отвращеніе и презрѣніе къ богатствамъ, употребляетъ для пищи лишь деревянную и глиняную посуду; тѣмъ не менѣе онъ возлежитъ на золотистыхъ подушкахъ, опираетъ локти и ноги на серебряный столъ, обремененный разными яствами и золотыми чашами, украшенными дорогими каменьями, и наслаждается мелодіею гуслей, кимваловъ, бубновъ и арфъ, какъ бы желая заявить, что пустыя развлеченія доставляютъ ему наслажденіе и что онъ считаетъ умѣстнымъ свободно забавляться ими среди всеобщей воздержности своего народа.

Татарскіе народы живутъ умѣренно по словамъ св. писанія: „Не пійте вина вы и сынове ваши до вѣка. И храминъ да не соградите и сѣмене не сѣйте, и виноградъ да не будетъ вамъ; но въ кущахъ да живете вся дни живота вашего: да поживете дни многи на земли, на ней же обитаете вы“ [1]). Такимъ образомъ они живутъ на землѣ многіе дни свободные, не отягощенные и всегда безопасны отъ крайней гибели, ибо, презрѣвъ роскошь, не владѣя недвижимымъ имуществомъ, подверженнымъ разграбленію, они все свое имущество увозятъ вмѣстѣ съ собою при всякомъ передвиженіи; ведя жизнь кочевую, наѣздническую, они пріобрѣтаютъ только движимое имущество: стада и рабовъ, которые слѣдуютъ за ними.

Хотя перекопцы, кромѣ многочисленныхъ стадъ, держатъ при себѣ и захваченныхъ въ плѣнъ рабовъ, но послѣднихъ у нихъ гораздо больше, чѣмъ стадъ, и потому они снабжаютъ ими и другія страны; къ нимъ приходятъ многочисленные корабли съ того берега Чернаго моря, изъ Азіи, привозятъ имъ оружіе, одежды и лошадей и возвращаются, нагруженные рабами.

Так какъ всѣ ихъ рынки и гавани славятся этимъ товаромъ, который у нихъ всегда находится и для себя, и для продажи, и

---

[1]) Іеремія. Глава XXXV, стихъ 7.

для залога, и для подарковъ, то каждый изъ нихъ, хотя бы простой всадникъ, даже если не имѣетъ наличныхъ рабовъ, то предполагая, что онъ всегда имѣетъ возможность добыть извѣстное ихъ количество, обязывается по контракту любому изъ своихъ кредиторовъ отсчитать въ опредѣленный срокъ, въ уплату за оружіе, одежду или коней, условленное количество живыхъ людей нашей крови. И подобнаго рода обѣщанія ихъ исполняются точно, какъ если бы они на скотныхъ дворахъ имѣли постоянный запасъ нашихъ плѣнниковъ.

Неудивительно поэтому, что одинъ еврей, занимающійся сборомъ пошлинъ у помянутыхъ выше единственныхъ воротъ, ведущихъ въ Таврику, и видѣвшій постоянно безчисленное множество нашихъ людей, угоняемыхъ туда, спрашивалъ у насъ: осталось ли еще сколько нибудь людей въ нашей странѣ, или ихъ уже совсѣмъ нѣтъ? а также, откуда берется такое ихъ множество? Такъ эти грабители имѣютъ всегда достаточно рабовъ не только для торговли съ иноземцами, но и для удовлетворенія у себя дома своей жестокости или прихоти.

Многіе изъ этихъ несчастныхъ, въ особенности болѣе сильные мужчины, или подвергаются кастраціи, или же имъ отрѣзываютъ уши и ноздри, клеймятъ ихъ на щекахъ и на лбу и, заковавъ въ путы и кандалы, заставляютъ томиться днемъ на работахъ, а на ночь запираютъ въ темницу; они принуждены довольствоваться скудною пищею, состоящею изъ мяса падали, гнилаго, покрытаго червями и вселяющаго отвращеніе даже собакамъ.

Болѣе молодыя женщины служатъ для удовлетворенія страсти, нѣкоторыхъ заставляютъ развлекать гостей на пиршествахъ, выучивъ ихъ искусно играть на арфѣ и плясать; наиболѣе красивыхъ плѣнницъ, особенно принадлежащихъ къ благороднымъ нашимъ семействамъ, отводятъ къ хану, въ вышеупомянутый его рай [1]).

Въ обращеніи ихъ съ рабами можно наблюдать слѣдующіе пріемы: когда ихъ выводятъ на продажу, то ведутъ этихъ несчаст-

---

[1]) Adductantur Thalasio et paradisicolae illi.

ныхъ на площадь, сковавъ ихъ за шеи гуськомъ по десяти словно журавлей, расположившихся для полета; продаютъ ихъ съ аукціона десятками подъ руководствомъ оцѣнщика, который громко выкрикиваетъ похвалы: что это рабы новые, еще не испорченные, не хитрые, изъ земли королевской, а не московской (ибо московское племя, какъ лживое и коварное, низко цѣнится на невольничьемъ рынкѣ).

Вообще этотъ товаръ оцѣнивается въ Тавридѣ весьма тщательно и за дорогую цѣну покупается иностранными купцами, которые потомъ перепродаютъ его народамъ болѣе отдаленнымъ и дикимъ: сарацинамъ, персамъ, индусамъ, арабамъ, сирійцамъ и ассирійцамъ. Всѣ они съ жадностью пріобрѣтаютъ плѣнницъ отсюда, на которыхъ послѣ женятся, впрочемъ безъ насилія и принужденія, но согласно правилу, предписанному свыше Господомъ въ книгѣ Второзаконія (гл. 21)[1]).

Такъ и теперь любимѣйшая жена турецкаго императора и мать его старшаго сына и наслѣдника была нѣкогда похищена въ нашей странѣ[2]); да и перекопскій ханъ Сахыбъ-Гирей рожденъ отъ христіанки и самъ нынѣ женатъ на христіанкѣ. Равно и всѣ министры этихъ тирановъ, ихъ евнухи, секретари и свѣдущіе люди, а также воины, особенно янычары[3]), которые съ дѣтства обучаются военному искусству и военной дисциплинѣ, и изъ числа которыхъ

---

[1]) „Аще же изыдеши на брань противу врагомъ твоимъ, и предастъ я Господь Богъ твой въ руцѣ твои, плѣниши плѣнъ отъ нихъ. И оузриши въ плѣнѣ жену добру обличіемъ, и возлюбиши ю, и поймеши ю себѣ въ жену. И введеши ю внутрь въ домъ твой, и да обріеши главу ея, и да обрѣжеши ногти ея. И да совлечеши ризы плѣнныя съ нея, и да сядетъ въ дому твоемъ, и да плачется отца своего и матере своея мѣсяцъ дней; и по семъ выйдеши къ ней, и совокупишися съ нею, и будетъ тебѣ жена“, (Стихъ 10—13).

[2]) Авторъ упоминаетъ о женѣ султана Сулеймана—Хурремъ, иначе называемой Роксоланою (т. е. русскою), имѣвшей большое вліяніе на мужа и его политику. Роксолана была похищена татарами въ городѣ Рогатинѣ, въ нынѣшней Галиціи, гдѣ отецъ ея былъ священникомъ (Петрушевичъ, Сводная лѣтопись, стр. 511; Смирновъ, Крымское ханство, стр. 425).

[3]) Ханъ Сахыбъ-Гирей завелъ на подобіе янычаръ милицію, набираемую изъ военно-плѣнныхъ рабовъ, называемую капы-кулу, предводители которой образовали корпорацію, имѣвшую большое вліяніе на политическія дѣла ханства (Смирновъ, ibid., стр. 414).

потомъ назначаются вожди и начальники, происходятъ изъ нашей христіанской крови.

Вслѣдствіе указанныхъ причинъ, при покупкѣ рабовъ не только осматриваютъ ихъ наружные члены и зубы, наблюдая, чтобы послѣдніе не были рѣдки или испорчены, но изслѣдуютъ и сокровеннѣйшія части тѣла. Если гдѣ либо окажется бородавка, наростъ, рубецъ или другаго рода скрытый порокъ или недостатокъ, то покупка возвращается продавцу обратно.

Несмотря на такую осмотрительность покупщиковъ, хитрымъ работорговцамъ и барышникамъ удается иногда обмануть ихъ поддѣльными приманками. Отборныхъ мальчиковъ и дѣвушекъ они не выводятъ на продажу просто, но предварительно хорошо откармливаютъ ихъ, одѣваютъ въ шелкъ, натираютъ косметиками и подкрашиваютъ пурпуромъ и сюрьмою, чтобы привлечь покупателей и получить большую цѣну. Иногда красивыя и цѣломудренныя дѣвицы продаются на вѣсъ золота. Красивыя рабыни тотчасъ послѣ покупки часто перепродаются за большую цѣну, лучше разукрашенныя ради барыша.

Торгъ невольниками производится во всѣхъ городахъ полуострова, преимущественно же въ Кафѣ. Случается тамъ, что цѣлыя толпы несчастныхъ закупленныхъ рабовъ гонятъ изъ рынка прямо на корабли, ибо городъ лежитъ у весьма удобной приморской гавани и, вслѣдствіе своего положенія, можетъ быть названъ не городомъ, а скорѣе ненасытною и мерзкою пучиною, поглощающею нашу кровь.

Однажды, когда эти ссыльные остановились на берегу въ ожиданіи отправки на судно и увидѣли насъ среди зрителей, опечаленныхъ ихъ судьбою, тогда одинъ изъ нихъ, мой землякъ и знакомый, словно вызванный грустнымъ выраженіемъ лицъ нашихъ, сказалъ отъ имени всѣхъ, глядя на меня:

„Любезный братъ! нечего уже вамъ печалиться о насъ, увозимыхъ изгнанникахъ; хотя намъ предстоитъ путь горькій и печальный, хотя, оставивъ дорогую родную землю, мы отправляемся туда, откуда никогда уже не возвратимся, и чѣмъ дальше будемъ

увезены отъ границъ отечества, тѣмъ больше съ каждымъ днемъ будемъ тосковать по родинѣ, но намъ нужно съ твердостью переносить нашу неизбѣжную участь. При томъ насъ много товарищей вмѣстѣ, тѣ же, которые остаются здѣсь, въ Тавридѣ, подвергаются не лучшей участи: они покрыты клеймами, поколоты, лица ихъ обезображены; и дома не лучшій конецъ испытали наши близкіе, какъ это намъ хорошо извѣстно: мы видали, какъ ихъ убивали, обезглавливали, разбрасывали ихъ отрубленные члены и головы; жестокій врагъ ради гаданія бросалъ ихъ трепещущія сердца въ огонь, вырывалъ ихъ легкія и обнажалъ внутренности, собиралъ ихъ желчь для приготовленія мазей.

Для насъ, впрочемъ, было бы гораздо лучше, если бы такая жестокая участь постигла и насъ; претерпѣвъ ее сразу, мы бы пали у нашихъ родныхъ пепелищъ, тамъ, гдѣ витаютъ тѣни нашихъ отцовъ, не отторгнутые отъ обрядовъ нашей вѣры и отъ гробницъ нашихъ предковъ; мы были бы гораздо счастливѣе, чѣмъ теперь, если бы тѣла наши, хотя изуродованныя, были тамъ растерзаны и пожраны хищными звѣрями; но такъ какъ неумолимая судьба не дозволила намъ подвергнуться такой участи, сохранивъ насъ для болѣе продолжительныхъ бѣдствій, то мы должны подчиниться ей и не оставлять жизни безъ ея воли. Ваша горесть и сожалѣніе о нашей судьбѣ напрасны. Скорѣе мы должны опасаться за васъ, чтобы васъ не постигла та же участь, чтобы вамъ не пришлось также когда нибудь вступить на эти уносящіе насъ корабли; чтобы, наконецъ, весь нашъ народъ не исчезъ, теряя ежедневно все большее и большее количество своихъ членовъ. Этого серьезно слѣдуетъ опасаться, если вы будете упорно сохранять тѣ пагубные нравы, которые теперь неустанно ведутъ васъ къ гибели. Итакъ, если ты сохранилъ сколько нибудь любви къ отечеству, вѣрности къ государю, или по крайней мѣрѣ страха Господня, ты долженъ открыть государю и тѣмъ, къ кому это относится, всю силу угрожающей опасности, какъ ты уразумѣлъ ее теперь, увидѣвъ состояніе, въ которомъ находятся здѣсь наши люди. Ты долженъ это сдѣлать если не изъ другихъ побужденій, то ради преданности твоей вѣрѣ

и любви къ Богу, именемъ котораго заклинаемъ тебя мы, несчастные, только теперь оцѣнившіе по достоинству значеніе родины и свободы. Пусть дорогое отечество получитъ отъ насъ хоть это послѣднее доказательство преданности".

Сказавъ это и глубоко вздыхая, онъ былъ увлеченъ на корабль, куда входилъ его десятокъ, крѣпко скованный цѣпью; вскорѣ флотъ исчезъ въ морѣ, оставивъ намъ лишь сказанное завѣщаніе.

(Конецъ перваго отрывка).

Сокращеніе втораго отрывка.

Силы москвитянъ и татаръ значительно меньше литовскихъ, но они превосходятъ литовцевъ дѣятельностью, умѣренностью, воздержаніемъ, храбростью и другими добродѣтелями, составляющими основу государственной силы. Татарамъ добродѣтели эти приносятъ ту выгоду, что они пользуются множествомъ отнятаго у насъ имущества и задабриваются ежегодно подарками вашего величества, получая ихъ будто въ качествѣ друзей и союзниковъ, съ которыми и прежде литовцы заключали договоры; они привычны къ верховой ѣздѣ, ведутъ войны безъ обозовъ, владѣютъ множествомъ табунныхъ лошадей, но не имѣютъ укрѣпленныхъ городовъ. Москвитяне каждую весну получаютъ изъ татарской Ногайской орды много тысячъ лошадей, годныхъ для войны, въ обмѣнъ за одежду и другіе дешевые предметы. Намъ же ѳракійскіе турки присылаютъ за дорогую цѣну лошадей самой плохой породы, старыхъ, изнуренныхъ работою, страдающихъ внутренними болѣзнями, потому что законъ ихъ вмѣняетъ имъ въ преступленіе продавать христіанамъ здоровыхъ лошадей и оружіе. Предки наши довольствовались собственными лошадьми, выхоленными дома, но были всегда готовы къ походу, имѣя все оружіе въ исправности: копья, щиты, панцыри, а также мѣшки, наполненные мукою. Теперь же героини литовскія ѣдутъ въ храмъ или на балъ въ каретахъ, т. е. висячихъ экипажахъ, запряженныхъ шестерикомъ или восьмерикомъ лошадей, между тѣмъ какъ въ тоже время скиѳъ угоняетъ безнаказанно столько же

людей, связанныхъ ремнями; за то у татаръ, несмотря на обиліе коней, не дозволяется даже царицѣ запрягать лошадь въ повозку.

Турки и другіе сарацины, посѣщая по пяти разъ въ день храмы для молитвы, разуваются и обмываютъ холодною водою даже сокровенные свои члены, но они, равно какъ и татары, москвитяне, ливонцы и пруссаки, изъ бережливости носятъ подолгу одно и то же платье, между тѣмъ какъ мы стараемся имѣть одежды дорогія и разнообразныя.

Татары носятъ длинныя туники безъ складокъ и сборокъ, легкія и удобныя для верховой ѣзды и сраженій; колпаки у нихъ бѣлые, остроконечные, сдѣланы не для парада; во время битвы отъ ихъ высоты и блеска татары имѣютъ болѣе представительный и грозный для враговъ видъ, хотя и не имѣютъ обыкновенія надѣвать шлемы. Этотъ пріемъ усвоили себѣ и москвитяне—они дѣлаютъ шапки изъ войлока, сбитаго изъ овечьей шерсти, которыя стоютъ грошъ, часто моются и служатъ очень долго. Хотя москвитяне имѣютъ множество соболей и другихъ пушныхъ звѣрей, но обыкновенно сами дорогихъ соболей не носятъ—они отсылаютъ этотъ нѣжный мѣхъ изнѣженнымъ литовцамъ и получаютъ за него золото, а сами украшаютъ опушки своихъ войлочныхъ шапокъ золотыми бляшками и драгоцѣнными камнями, которыхъ не портятъ, подобно мѣхамъ, ни сырость, ни солнце, ни моль.

(Конецъ втораго отрывка).

Сокращеніе отрывка третьей книги.

(Москвитяне) до такой степени воздерживаются отъ употребленія пряностей, что даже при изготовленіи пасхальныхъ яствъ довольствуются слѣдующими приправами: грязноватою солью, горчицею, чеснокомъ, лукомъ и другими плодами собственной земли; такъ поступаютъ не только простолюдины, но и вельможи, даже самъ великій князь, отнявшій у насъ много крѣпостей, которыхъ онъ, величаясь, насчитываетъ семьдесятъ три. На царскихъ пирахъ ставятъ на столъ отдѣльно въ солонкахъ, среди золотыхъ сосудовъ

и туземныхъ блюдъ, немного невареннаго перцу, но къ нему никто не прикасается. Между тѣмъ литовцы питаются дорогими иноземными яствами и пьютъ разнообразныя вина, отчего происходятъ различныя болѣзни.

Подобно москвитянамъ, и татары, и турки, хотя владѣютъ областями, производящими вино, но сами его не пьютъ, а продаютъ христіанамъ, получая за него средства для веденія войны, такъ какъ они убѣждены, что исполняютъ волю Господню, если какимъ бы то ни было образомъ истребляютъ христіанскую кровь. Перекопскіе татары тоже избѣгаютъ употребленія пряностей и пьютъ только молоко и колодезную воду, которая, впрочемъ, на всемъ протяженіи таврической степи рѣдко встрѣчается безъ горькаго вкуса и еще рѣже чистая, развѣ только въ такомъ случаѣ, если она добыта на большой глубинѣ изъ нѣдръ земли.

И наши предки также избѣгали иноземныхъ яствъ и напитковъ; трезвые и воздержные, они полагали всю славу въ военномъ дѣлѣ, все удовольствіе въ оружіи, коняхъ, большомъ количествѣ слугъ и вообще во всемъ, что проявляло твердость и храбрость, необходимыя для успѣшнаго веденія войны. Они не только отражали нападенія сосѣднихъ народовъ, но раздвинули свои предѣлы отъ одного моря до другаго и враги называли ихъ „Храбрая Литва“ [1]). Теперь же въ городахъ литовскихъ самые многочисленные заводы— это бровары и винницы. Литовцы возятъ съ собою пиво и водку и въ военные походы и даже тогда, когда съѣзжаются, чтобы присутствовать при богослуженіи. Они такъ привыкаютъ къ этимъ напиткамъ дома, что если во время похода случится пить воду, они, вслѣдствіе непривычки, гибнутъ отъ поноса и диссентеріи. Крестьяне, не радѣя о земледѣліи, собираются въ корчмахъ, пьянствуютъ тамъ день и ночь, забавляясь пляскою ученыхъ медвѣдей подъ звуки волынки. Растративъ такимъ образомъ свои средства, они испытываютъ голодъ и затѣмъ обращаются къ воровству и разбою. Это случается такъ часто, что въ каждой литовской области въ

([1] Въ текстѣ: Chrobra Litwa, id est ferox Lituania.

теченіи мѣсяца подвергается смертной казни за названныя преступленія болѣе людей, чѣмъ въ сто или двѣсти лѣтъ въ областяхъ Московіи и Татаріи, въ которыхъ воспрещено пьянство. Дѣйствительно, у татаръ всякій, кто только отвѣдаетъ вина, подвергается наказанію 80-ю палочными ударами и штрафу въ 80 монетъ. Въ Московіи же нигдѣ нѣтъ кабаковъ и если у любаго домовладѣльца найдутъ хоть каплю горячаго напитка, жилище его разоряютъ, имущество конфискуютъ, домашнихъ и даже сосѣдей подвергаютъ тѣлесному наказанію, а самого хозяина пожизненно заключаютъ въ тюрьму [1]); съ сосѣдями поступаютъ такъ жестоко потому, что считаютъ ихъ знающими о мерзкомъ преступленіи и потому какъ бы зараженными его язвою. Между тѣмъ какъ наши люди подвергаются гибели не отъ начальства, а отъ невоздержанія и отъ схватокъ, возникающихъ во время пьянства. День у насъ начинается питьемъ водки; еще лежа въ кровати, кричатъ: „вина, вина!" и затѣмъ пьютъ этотъ ядъ мужчины, женщины и юноши на улицахъ, на площадяхъ, даже на дорогахъ; омраченные напиткомъ, они не способны ни къ какому занятію и могутъ только спать; при томъ, кто разъ привыкъ къ этому излишеству, въ томъ страсть къ пьянству постоянно возрастаетъ. Ни іудеи, ни сарацины не допускаютъ кого либо изъ своего народа къ гибели отъ нищеты, такъ сильна въ ихъ средѣ любовь къ ближнему. Ни одинъ сарацинъ не смѣетъ отвѣдать куска пищи, не раздробивъ ее предварительно и не смѣшавъ, для того, чтобы каждому изъ присутствующихъ досталась пища въ равномъ количествѣ.

Такъ какъ москвитяне воздерживаются отъ пьянства, то города ихъ славятся ремесленниками, прилежно изготовляющими различныя издѣлія; они снабжаютъ насъ деревянными чашками и посохами, служащими для опоры немощнымъ старикамъ и пьянымъ, также сѣдлами, саблями, конскою сбруею и разнаго рода оружіемъ, получая за эти предметы наше золото.

---

[1]) Очевидно, авторъ ошибается и строгія фискальныя мѣры, принимавшіяся для пресѣченія незаконнаго корчемства, считаетъ мѣрами, направленными противъ употребленія горячихъ напитковъ.

Прежде москвитяне находились въ такомъ рабствѣ у заволжскихъ татаръ, что, кромѣ другихъ признаковъ покорности, князь ихъ долженъ былъ выходить за городъ на встрѣчу каждому посланнику хана и сборщику податей, ежегодно пріѣзжавшему въ Москву, и пѣшій провожалъ его во дворецъ, держа въ рукахъ поводъ его лошади. Посолъ садился на княжескій столъ, а князь, преклонивъ колѣна, выслушивалъ посольство. Поэтому ханы заволжскіе и происшедшіе отъ нихъ перекопскіе понынѣ называютъ московскаго князя своимъ холопомъ [1]). Но теперь они не имѣютъ на это основанія, такъ какъ в. к. Іоаннъ, дѣдъ нынѣ царствующаго Іоанна Васильевича, освободилъ себя и свой народъ отъ ихъ тиранніи, послѣ того какъ обратилъ народъ къ трезвости, повсемѣстно воспретивъ кабаки.— Сверхъ того онъ распространилъ свои владѣнія, подчинивъ себѣ Рязань, Тверь, Суздаль, Волокъ [2]) и другіе сосѣдніе удѣлы. Онъ же отнялъ и присоединилъ къ своимъ наслѣдственнымъ владѣніямъ литовскія провинціи: Новгородъ, Псковъ, Сѣверщину и другія въ то время, когда Казимиръ, король польскій и великій князь литовскій, воевалъ въ Пруссіи съ крестоносцами, защищая границы своего королевства, а народъ нашъ погрузился въ роскошь. Этотъ великій князь причтенъ своими къ числу святыхъ подвижниковъ, какъ монархъ, освободившій и расширившій свое отечество. Столицу свою онъ украсилъ крѣпостью, выстроенною изъ кирпича, а свой дворецъ каменными изваяніями, подобными Фидіевымъ, и позолотилъ въ немъ нѣкоторые куполы часовенъ. Подобно ему и его сынъ, Василій, соблюдая трезвость и строгую дисциплину нравовъ, присоединилъ къ своему наслѣдству укрѣпленный городъ Смоленскъ, отнятый у насъ 31 іюля 1514 г. коварствомъ Михаила Глинскаго.— Послѣ того онъ увеличилъ свою столицу Москву, построивъ близь нея слободу Налевки трудами нашихъ наемныхъ солдатъ, и далъ ей имя, которое должно служить укоромъ для нашего народа, склон-

---

[1]) Въ текстѣ: „appellant suom cholop, id est rusticum“.

[2]) Въ текстѣ „Volodow“; мы полагаемъ, что авторъ имѣлъ въ виду волоколамскій удѣлъ, котораго князь, Борисъ Васильевичъ, отрекся отъ наслѣдства въ пользу брата.

наго къ пьянству,—имя заимствованное отъ слова „налей“, что значитъ „infunde“ [1]).—Точно также сынъ его, нынѣ царствующій, хотя уступилъ намъ одну крѣпость, за то выстроилъ въ нашихъ предѣлахъ три крѣпости: Себежъ, Велижъ и Заволочье. Татарамъ, рабомъ которыхъ онъ былъ нѣкогда, теперь ни въ чемъ не уступаетъ, потому что заботится о трезвости своего народа; онъ отстаиваетъ свободу не мягкими тканями и не блестящимъ золотомъ, а желѣзомъ; своихъ подданныхъ онъ держитъ всегда вооруженными и постоянно снабжаетъ крѣпости гарнизонами, онъ не выпрашиваетъ мира, но, подражая нашему герою Витовту, отражаетъ силу силою, искусство искусствомъ, воздержанію и трезвости татаръ противупоставляетъ воздержаніе и трезвость своего народа.

Сокращеніе четвертаго отрывка.

Правосудіе также у татаръ выше, чѣмъ у насъ, ибо они всякому немедленно возвращаютъ все, что ему принадлежитъ, между тѣмъ какъ у насъ судья получаетъ десятую часть стоимости иска истца, ни въ чемъ неповиннаго; эту плату судьѣ, называемую „пересудъ“, должно вносить немедленно на судѣ. Если же тяжба ведется хотя бы за малѣйшій клочекъ поземельной собственности, то платятъ судьѣ не десятую часть, а сто грошей (стоимостью въ $2^1/_2$ нѣмецкихъ крейцеровъ каждый), хотя бы спорная земля стоила меньше этой суммы; если же стоимость ея больше, такъ что десятина превышаетъ сто грошей, то судья дополучаетъ эту десятину.

Въ дѣлахъ за личныя оскорбленія и всякаго рода насилія, хотя бы даже вымышленныя, судья получаетъ съ подсудимаго такую

[1]) Подобный разсказъ, хотя съ нѣсколько инымъ объясненіемъ, мы встрѣчаемъ у Герберштейна (Rerum moscoviticarum commentarii); при описаніи города Москвы, здѣсь сказано: „Недалеко отъ города за рѣкою показываютъ слободу, гдѣ нѣсколько лѣтъ тому назадъ князь Василій выстроилъ для своихъ тѣлохранителей новый городъ Nali, что на ихъ языкѣ значитъ „infunde“, потому что только имъ однимъ дана отъ князя воля пить, тогда какъ прочимъ русскимъ запрещено пить медъ и пиво, исключая немногихъ дней въ году; по этой причинѣ они удалены отъ сообщенія съ остальными, для того чтобы не соблазняли ихъ, живя вмѣстѣ“.

же сумму въ качествѣ штрафа, какую присудитъ въ вознагражденіе потерпѣвшему; поэтому, заботясь объ увеличеніи своего имущества, онъ покровительствуетъ даже явной клеветѣ и за незначительное даже оскорбленіе присуждаетъ въ пользу мужчинъ по 20 копъ грошей, въ пользу женщинъ по 40 копъ, а за вещественные убытки, какіе бы ни показалъ клеветникъ, подкрѣпивъ обвиненіе ложною присягою,—сотни и тысячи копъ грошей, хотя бы все имущество истца не стоило и одной копы. Наказаніе за убійство назначается не по божественному закону, предписывающему взымать кровь за кровь, а замѣняется денежною пенею, разумѣется съ десятиною въ пользу судьи. Вслѣдствіе этого нерѣдко случаются даже отцеубійства. Если добросердечный истецъ, выигравши дѣло, смягчится просьбою отвѣтчика, и проститъ его, то судья все таки взыщетъ деньги: съ одного штрафъ, съ другаго десятину.

Судья беретъ десятину также за утвержденіе сдѣлокъ и договоровъ. Въ дѣлахъ же уголовныхъ онъ получаетъ не десятую долю, а все, что будетъ захвачено у кого либо воровское или отнятое у разбойника; этотъ доходъ его называется „лицо". Если же воръ или его обличитель должны будутъ перенести украденную вещь къ другому судьѣ, то первый получаетъ сумму, равную ея стоимости, такъ что у насъ отыскивающій украденную вещь принужденъ истратить въ пользу чиновниковъ больше, чѣмъ она стоитъ. Въ виду этого многіе не осмѣливаются заводить тяжбы, когда у нихъ воровски или насиліемъ угоняютъ рабочій скотъ. Воръ, пойманный даже во время совершенія преступленія, не подлежитъ суду той мѣстности, въ которой совершилъ преступленіе или былъ пойманъ, но послѣ многихъ изворотовъ отводится для суда къ своему господину, въ домъ котораго онъ нерѣдко носилъ краденое; вслѣдствіи этого кражи совершаются безнаказанно. У сосѣдей нашихъ татаръ и москвитянъ, право суда надъ подданными вельможъ и дворянъ въ дѣлахъ гражданскихъ и уголовныхъ принадлежитъ не частному лицу, а государственному чиновнику, человѣку трезвому и живущему на глазахъ у всѣхъ, между тѣмъ какъ наши производятъ судъ каждый въ одиночку, въ пьяномъ видѣ, и удаливъ посредниковъ и свидѣ-

телей; такимъ образомъ они могутъ дѣлать все, что имъ угодно. Кромѣ пени за преступленія, предсѣдатель суда получаетъ у насъ 12 грошей за каждую скотину, которую кто либо приведетъ въ конюшню присутственнаго мѣста, объявивши ее пригульною; такую же плату получаетъ съ каждаго человѣка, заключеннаго, хотя бы и безвинно, въ тюрьму, утверждая, что эта плата слѣдуетъ ему по закону, за право пользованія государственною конюшнею и темницею. Точно также и слуга судьи, исполнитель его приговоровъ, получаетъ десятую часть стоимости иска даже тогда, когда нѣтъ нужды въ судебномъ разбирательствѣ; онъ взимаетъ десятую часть уплачиваемаго долга, представляемаго для уплаты въ судъ, хотя бы дѣло было совершенно чисто и безспорно. Судебный писарь получаетъ также десятину за составленіе рѣшенія и сверхъ того требуетъ вознагражденія за всякое свое дѣйствіе: такъ, онъ взимаетъ по 4 гроша только за приложеніе печати къ позву, хотя бы весь искъ не превышалъ стоимостью одного гроша. Для того, чтобы увеличить судебныя издержки, требуются по каждому дѣлу два позва, снабженные печатями и подписью писаря; если же тотъ занятъ другими дѣлами, то случается часто, что обвиняемый успѣваетъ скрыться до полученія позва, такъ какъ для него естественно искать спасенія въ бѣгствѣ. Другой чиновникъ, подчиненный судьѣ,—„вижъ", обязанность котораго состоитъ въ объявленіи обвиняемому срока суда, получаетъ даже по самому маловажному дѣлу 40 грошей, если онъ служитъ при воеводѣ, 30 при подвоеводіи и 100, если онъ вижъ королевскій, или выдаетъ себя за таковаго. Третій чиновникъ, называемый „дѣтскій", который призываетъ позвомъ обвиняемаго и приводитъ его въ судъ, получаетъ отъ 100 до 50 или по меньшей мѣрѣ 30 грошей. Въ свою очередь столько же взыскиваетъ судебный служитель, который во время тяжбы отряжается для призыва или опроса свидѣтелей, для осмотра поля или луга, истоптаннаго или потравленнаго чужимъ скотомъ или инаго менѣе важнаго убытка. Если бѣдный человѣкъ не имѣетъ потребнаго для этихъ расходовъ количества денегъ, то у него грабятъ скотъ. Не менѣе стѣснительно то обстоятельство, что если бѣдному человѣку

необходимо позвать на судъ вельможу, то онъ ни за какую плату не можетъ найти себѣ повѣреннаго. Еще болѣе несправедливо то, что если у меня есть болѣе знатный сосѣдъ, хотя бы владѣющій частью общаго со мною села, то онъ подсуденъ другому вѣдомству и вчать съ нимъ тяжбу гораздо труднѣе, чѣмъ со мною. Право пользоваться апеляціею у насъ отнято посредствомъ наложенія громаднаго штрафа, установленнаго въ литовскомъ статутѣ (глава VI, параграфъ 1) [1]. — Въ тяжбахъ съ вельможами не допускаются поручительства, которыя служатъ оружіемъ и какъ бы щитомъ, назначеннымъ для охраненія бѣдныхъ. Къ тому же всякій допускается въ свидѣтели во всѣхъ дѣлахъ, кромѣ межевыхъ, и всякому вполнѣ довѣряютъ безъ присяги; поэтому многіе возвели лжесвидѣтельство въ промыселъ, изъ котораго живутъ. Мы не имѣемъ общественныхъ книгъ или актовъ для записи въ нихъ купчихъ крѣпостей и онѣ совершаются въ видѣ частныхъ документовъ. Обвиняемый, хотя бы онъ явно похитилъ чужую собственность или совершилъ насиліе, привлекается къ суду не раньше, какъ по истеченіи мѣсячнаго срока со времени выдачи позва. Если у меня похитятъ скотину, стоимостью въ 50 или 100 грошей во время самыхъ спѣшныхъ полевыхъ работъ, то я не могу привлечь къ суду похитителя прежде, чѣмъ заплачу составителю позва и его служителю полную стоимость похищенной скотины, хотя впослѣдствіи мнѣ не только не уплатятъ моихъ издержекъ, но и обвиняемаго въ похищеніи не дозволятъ привлечь къ суду раньше, какъ по истеченіи мѣсяца. Такимъ образомъ пострадавшій или отказывается отъ всего въ пользу грабителя, или старается взыскать съ него свой убытокъ силою или обманомъ.— Во время изданія литовскихъ законовъ быкъ стоилъ 50 грошей, корова 30, но теперь эти цѣны значительно повысились.

---

[1]) Въ первой редакціи литовскаго статута, на которую авторъ ссылается въ указанномъ параграфѣ, сказано, что всякій, недовольный приговоромъ суда, можетъ перенести дѣло по апеляціи въ высшую инстанцію, т. е. отъ судьи къ воеводѣ и отъ воеводы къ сейму; но если апеляція окажется несостоятельною, то принесшій ее подвергается штрафу въ 12 копъ грошей. По разсчету Чацкаго, копа грошей въ половинѣ XVI столѣтія равнялась стоимости 19 золотыхъ, т. е. за несостоявшуюся апеляцію взыскивается штрафъ въ 228 золотыхъ.

Въ другихъ областяхъ, принадлежащихъ польскому королю, ни обвиняемый не пользуется такими проволочками, ни позовъ не сопряженъ съ такими издержками: судебному служителю за призывъ обвиняемаго въ судъ платится только полъ гроша, а королевская позовная грамота имѣетъ силу безъ подписи писаря и потому стоитъ не такъ дорого; даже по распоряженію короля Сигизмунда, помѣщенному въ польскомъ Петрковскомъ статутѣ 1511 года, позвы приказано выдавать даромъ [1]). Точно также и судья, даже при самомъ крупномъ искѣ, получаетъ не десятую долю, а довольствуется двумя или самое большее четырьмя грошами низшаго достоинства, которые стоятъ 8 крейцеровъ нѣмецкихъ. Между тѣмъ какъ у насъ, благодаря обычаю взыскивать по три раза двойныя десятины со стоимости спорной вещи, судья становится судьею собственнаго дѣла и, словно пойманный на удочку этою приманкою, всегда стремится къ осужденію даже въ тѣхъ случаяхъ, когда юридическія основанія сторонъ не ясны. Даже законы язычниковъ запрещаютъ торговать правосудіемъ, у насъ же обычай этотъ развился недавно, благодаря безнравственной привычкѣ вельможъ примѣнять законы къ своимъ выгодамъ; по ихъ толкованію никто не долженъ владѣть такимъ имуществомъ, которое не приносило бы пользы чиновникамъ.—Такъ напримѣръ, если кто либо враждующій со мною, или желающій доставить выгоду судьѣ, похититъ мои деньги или откажется возвратить занятую или отданную ему на сохраненіе сумму, или захватитъ мою землю, я не буду имѣть возможности возвратить всего этого, пока не уплачу сперва судьѣ и его подчиненнымъ различныхъ десятинъ и другихъ значительныхъ поборовъ, на уплату которыхъ я истрачу вскорѣ всѣ свои средства, если этотъ искренній другъ судьи продѣлаетъ со мною то же вторично. Если лицо, подосланное судьею, возьметъ у меня золото, серебро или другія

[1]) Въ постановленіяхъ Петрковскаго сейма 1511 г., въ параграфѣ подъ заглавіемъ: „Taxa literarum cancellariae nostrae Regiae“ сказано: „Для того, чтобы подданные наши не подвергались несправедливымъ притѣсненіямъ писарей въ нашей канцеляріи, постановляемъ, чтобы впредь позвы выдавались безплатно.“—Volumina legum, т. I, стр. 170.

цѣнныя вещи и возникнетъ дѣло о воровствѣ или насиліи, то всѣ эти вещи будутъ захвачены и окажутся въ рукахъ судьи. Вотъ, свѣтлѣйшій монархъ, каково правосудіе въ твоемъ наслѣдственномъ государствѣ, вотъ какъ обезпечена священнымъ закономъ собственность гражданъ! Хотя изъ числа вельможъ два воеводы, помѣщенные не вдалекѣ другъ отъ друга [1]), завѣдываютъ высшимъ судомъ въ цѣлой Литвѣ, но они не въ состояніи разсмотрѣть всѣхъ тяжбъ многочисленнаго населенія столь обширныхъ областей тѣмъ болѣе, что на нихъ возложены другія государственныя заботы, какъ это видно изъ самаго ихъ титула „воевода", т. е. военачальникъ. Обремененные многочисленными общественными и частными обязанностями они только въ праздничные дни т. е. тогда, когда менѣе заняты другими дѣлами, могутъ разсматривать тяжбы. Весьма важныя неудобства представляетъ и то обстоятельство, что они не имѣютъ опредѣленнаго мѣста судебныхъ засѣданій. Нерѣдко обиженные за 50 миль приходятъ искать правосудія и несчастные люди эти принуждены отъ предѣловъ Жмуди и Ливоніи до границъ Мазовіи или Московіи странствовать въ погонѣ за своимъ законнымъ судьею. Притомъ мы имѣемъ ежегодно 40 дней, посвященныхъ воспоминанію страстей Господнихъ, посту и молитвѣ, которые мы проводимъ, ревностно преслѣдуя наши тяжебныя дѣла.

Упомянутые воеводы имѣютъ намѣстниковъ, которые, заботясь о тѣлесномъ своемъ благосостояніи, обыкновенно творятъ судъ среди шума пиршествъ; они мало свѣдущи въ судопроизводствѣ, но очень исправно взимаютъ свой „пересудъ".

Москвитяне хвалятся, что заимствовали у насъ Витовтовы законы, которые мы сами теперь оставили. У татаръ же они заимствовали оружіе, одежду и обычай отправляться въ военныя походы безъ обозовъ, нагруженныхъ иноземными яствами и напитками [2]).

---

[1]) Авторъ имѣетъ въ виду воеводъ: виленскаго и трокскаго.

[2]). Въ концѣ четвертаго отрывка и въ началѣ пятаго особенно рѣзко замѣчается несвязность и отрывочность разсказа. Рядомъ стоятъ фразы, совершенно не связанныя между собою содержаніемъ и трактующія о различныхъ предметахъ. Непослѣдовательность эта противорѣчитъ весьма связному способу изложенія и

Сокращеніе пятаго отрывка.

Москвитяне, разгнѣвавшись на кого либо изъ своихъ, проклинаютъ его пожеланіемъ, чтобы онъ обратился въ римскую или польскую вѣру—до того вѣра эта имъ ненавистна.

Къ несчастью, мы не имѣемъ школъ для преподаванія наукъ. Мы изучаемъ московскіе письменные памятники, которые и не древни, и не заключаютъ въ себя ничего такого, что побуждало бы къ доблести; русское нарѣчіе чуждо намъ литовцамъ, т. е. итальянцамъ, ибо мы происходимъ отъ итальянской крови.

Итальянское происхожденіе наше явствуетъ какъ изъ характера нашего языка—полулатинскаго, такъ и изъ существованія у насъ древнихъ римскихъ обычаевъ, которые не такъ давно вышли изъ употребленія, таковы были обычаи: сожиганіе покойниковъ, гаданіе, ворожба и другіе предразсудки, сохранившіеся нынѣ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, въ особенности культъ Эскулапа, который почитается подъ видомъ змѣи, подобно тому какъ почитался въ Римѣ, куда онъ переселился изъ Эпидавра въ образѣ змѣи. Почитаются также священные пенаты, души предковъ, домашнія божества, привидѣнія, также горы, пещеры, озера и рощи.—Но водою крещенія совершенно потушенъ и вѣчный огонь, который поддерживался по обычаю римлянъ и евреевъ для сожиганія жертвъ.—Въ литовскомъ языкѣ слово огонь (ugnis) почти тождественно съ латинскимъ (ignis), но сверхъ того есть много словъ общихъ въ обоихъ языкахъ [1]).

логической послѣдовательности мысли въ другихъ отрывкахъ разсказа Михаила Литвина; произошла она вѣроятно вслѣдствіе небрежности пріемовъ Грассера, который, сокращая текстъ подлинника, по временамъ выбиралъ фразы чисто механически, не заботясь о сохраненіи связности разсказа.

[1]) Въ доказательство близкаго родства латинскаго языка съ литовскимъ авторъ приводитъ 74 латинскія слова, утверждая, что они точно также звучатъ и въ литовскомъ языкѣ. Дѣйствительно, большинство этихъ словъ ясно происходитъ въ обоихъ языкахъ отъ общаго корня. Только 8 или 9 изъ числа ихъ въ нынѣшнемъ литовскомъ языкѣ совсѣмъ не сходны съ латинскими, но можетъ быть употребляемыя нынѣ слова принадлежатъ къ числу такихъ, которыя образовались или вошли въ употребленіе позже, вытѣснивъ слова, существовавшія еще въ XVI ст. Впрочемъ авторъ, желая нагляднѣе доказать близкое родство двухъ сличаемыхъ языковъ, прибѣгаетъ во многихъ случаяхъ къ такому пріему, что цитируетъ латинскія слова

Наши предки, граждане и воины римскіе, пришли въ эти страны, посланные изъ Рима въ колоніи для защиты границъ отъ скиѳскихъ племенъ; или, какъ утверждаетъ другое болѣе достовѣрное мнѣніе, они были занесены сюда морскою бурею во время Юлія Цезаря. Дѣйствительно, по словамъ Люція Флора, когда Юлій Цезарь побѣдилъ германцевъ въ Галліи и потомъ, подчинивъ себѣ ближайшую часть Германіи и переправившись черезъ Рейнъ, направился черезъ Океанъ въ Британію, то переправа его была не вполнѣ удачна и флотъ его былъ разсѣянъ бурею. Тогда именно, какъ полагаютъ, корабли нашихъ предковъ были принесены волнами

не въ простыхъ, а въ производныхъ формахъ: въ косвенныхъ падежахъ именъ существительныхъ, въ причастныхъ отглагольныхъ формахъ: въ повелительномъ наклоненіи и т. п.—Для повѣрки данныхъ, сообщаемыхъ авторомъ, мы приводимъ названныя имъ латинскія слова вмѣстѣ съ соотвѣтственными имъ словами современнаго литовскаго языка; послѣднія были намъ обязательно сообщены Р. Ю. Готшелькомъ, частью же заимствованы изъ словаря Куршата (Friedrich Kurschat—Wörterbuch der Littauischen Sprache. Halle 1870).

Латинскія (по М. Литв.).		Литовскія.	Латинскія (по М. Литв.).		Литовскія.
ignis	ugnis	огонь.	oculus	akis	глазъ.
unda	wandu	вода.	auris	ausis	ухо.
aër	oras	воздухъ.	nasus	nosis	нось.
sol	saule	солнце.	semen	sekla	сѣмя; впрочемъ льняное сѣмя называется linsęmenien, или просто semenys.
mensis	menu	мѣсяцъ; въ діалектахъ областныхъ menesis (Р.Ю.Г.)			
dies	diena	день.			
ros	rasa	роса.	linum	linaï	ленъ.
aurora	auczara	заря.	cannabum	kanape	конопля.
deus	diewas	богъ.	avena	avizos	овесъ.
vir	vyras	мужъ.	ovis	awis	овца.
tu	tu	ты.	ansa(рукоять)	ausis	ушко.
tuus	tavas	твой.	axis	aczis	ось.
meus	manas	мой	rota	ratas	колесо
suus	savas	свой.	jugum	jungas	ярмо.
levis	lenguas	легкій	pondus	svaras	вѣсъ; есть названіе единицы вѣса въ 20 фунт. pundelis. Р. Ю. З.
vivus	gyvas	живой			
juvenis	jaunas	юный.			
vetustus	vetustis	древній (Р. Ю. Г.)			

къ тому берегу, гдѣ нынѣ находится жмудскій замокъ Плотели [1]) и здѣсь они высадились на сушу. Да и въ наше время къ тому же берегу приставали какіе то заморскіе корабли [2]). Здѣсь наши

---

collis. . . .	kelis. . . .	тропинка.
cur.	kur (значитъ по литовски гдѣ?). . . .	
lens	lensze . . .	чечевица.
anguis . . .	angis. . . .	змѣя.
corbis. . . .	kurbas. . .	корзина.
primus. . .	pirmas . .	первый.
unus. . . .	wienas. . .	одинъ.
duo	du.	два.
tres.	tris.	три.
quatuor. . .	keturi . . .	четыре.
quinque . .	penkû . . .	пять.
sex.	szeszi. . . .	шесть.
septem. . .	septini . . .	семь.
noctis. . . .	noktis (имен. пад.) . . .	ночь.
senis. . . .	senis (именит. пад.). . . .	старый.

Съ приведенными латинскими формами средняго рода причастій прошедшаго времени представляютъ сходство литовскія формы настоящаго времени сослагательнаго наклоненія, (2-е лицо): artum; aketum, setum. (Р. Ю. Г.)

tractus. . .	trauktas—прич. прош. врем. отъ traukti—влечь.	
merctus. . .	merktas—тоже отъ—merkiti погружать.	
sutus. . . .	sintas. . . .	siuti—шить.
versus. . . .	versas . . .	versti—опрокинуть.

то же сходство въ причастіяхъ сложныхъ глаголовъ приведенныхъ Михайломъ Литвиномъ.

dentes . . .	dantis(единст. чис.) dantu (множ. число)	зубъ.
gentes . . .	gentes . . .	народы. (Р. Ю. Г.)
sta.	stok (отъ stoweti). . . .	стой.
sede. . . .	sediek (отъ sedeti). . . .	сядь.
verte. . . .	versk (отъ wersti). . .	переверни, тоже въ производныхъ inverte и perverte.
aratum. . .	arti.	пахать.
occatum . .	aketi. . . .	боронить.
satum . . .	seti.	сѣять.

intractus, pertractus, extractus, immerctus, insutus, inversus, perversus.

culeus—мѣшокъ, въ современномъ литовскомъ языкѣ zakas, но въ значеніи кошелекъ употребляется слово—kulicas (Курш.).

tenuis—тонкій, въ современномъ литовскомъ языкѣ—plonas; но слово tankus осталось въ значеніи—густой (Р. Ю. Г.).

levir—деверь; во время Мих. Литвина у литовцевъ было слово devir, нынѣ же оно замѣнено словомъ swainis (Курш.)

nepos—внукъ—въ современномъ литов. языкѣ dukters.

neptis—внучка . . . . . dukte.

pecus—скотъ . . . . . . galurjei.

nunc—теперь. . . . . . dabar.

[1]) Плотеле—мѣстечко ковенской губерніи тельшевскаго уѣзда, на берегу озера того же имени; оно лежитъ верстахъ въ 50-ти отъ моря; на одномъ изъ островов на этомъ озерѣ существовалъ древній замокъ, который уже въ 1585 году, по словамъ люстраціи, лежалъ въ развалинахъ. (Słownik geograficzny królewstwa polskiego. т. VIII, стр. 321).

[2]) Въ XVI столѣтіи среди польскихъ и литовскихъ писателей прочно установилось мнѣніе о томъ, что литовцы произошли отъ римлянъ, будто переселив-

предки, наскучивъ морскими трудами и опасностями и обремененные множествомъ плѣнныхъ мужескаго и женскаго пола, поселились по военному обычаю, понынѣ сохранившемуся у жмуди, въ шалашахъ у очаговъ. Затѣмъ подвигаясь дальше, они подчинили себѣ сосѣдніе народы: ятвяговъ, а за ними роксолановъ или рутеновъ, которые, наравнѣ съ москвитянами, подчинялись тогда власти заволжскихъ татаръ; чиновники послѣднихъ, называемые баскаками, управляли русскими замками. Отсюда они были изгнаны нашими предками италами, которые впослѣдствіи стали называться литалами и, наконецъ, литуанами, т. е. литовцами. Благодаря врожденной своей храбрости они освободили русскія племена, области и замки отъ ига татаръ и ихъ баскаковъ и расширили свои владѣнія отъ жмудскаго моря, называемаго Балтійскимъ, до Понта Евксинскаго и устья Борисѳена, а также до границъ другой римской колоніи—Валахіи; они заняли Волынь, Подоліе, земли кіевскую и сѣверскую и степи до предѣловъ Тавриды и до Тованской переправы на Днѣпрѣ; къ

шихся на жмудское Поморье. Особенно настойчиво проводятъ эту гипотезу, въ первой половинѣ XVI ст. Михайло Литвинъ и безъименный авторъ лѣтописи такъ называемой Быховца. Оба они, повидимому, заимствовали гипотезу отъ Длугоша, который основывалъ свое предположеніе на нѣкоторомъ родствѣ языковъ латинскаго и литовскаго, на сходствѣ нѣкоторыхъ религіозныхъ вѣрованій и обрядовъ. (Зевсъ громовержецъ и Перкунасъ, Эскулапъ и почитаніе змѣй литовцами, существованіе священныхъ рощъ, сожиганіе мертвыхъ и т. п.), на сближеніи названій: Roma и Romowe (главное литовское святилище), Itali, Litali и Lituani и т. д.—(Ioannis Dlugossi. Historiae polonicae libri XII; книга II подъ 997 годомъ и книга X подъ 1387 г.)—Заимствуя гипотезу у Длугоша и стараясь подкрѣпить ее новыми доказательствами, его литовскіе послѣдователи не вполнѣ согласны съ нимъ относительно времени и обстоятельствъ, при которыхъ римская колонія переселилась изъ Италіи въ Литву; Длугошъ высказываетъ предположеніе, что часть римлянъ или вообще латинцевъ бѣжала въ Литву вслѣдствіе междоусобныхъ войнъ Суллы и Марія или Помпея и Цезаря. Михайло Литвинъ старается точнѣе обозначить время и весьма опредѣленно указываетъ на часть флота Юлія Цезаря, будто унесенную бурею отъ береговъ Британіи въ Балтійское море, между тѣмъ какъ составитель лѣтописи Быховца относитъ выселеніе римской колоніи изъ Италіи въ Литву къ тому времени, когда была основана Венеція, т. е. ко времени разоренія сѣверной Италіи нашествіемъ гунновъ. Считаемъ излишнимъ останавливаться на анахронизмахъ Михайла Литвина, по словамъ котораго римскіе колонисты, попавшіе будто въ Литву при Юліи Цезарѣ, застали этотъ край во власти золотоордынскихъ баскаковъ и т. п. неточностяхъ.

сѣверу они заняли Вязьму, Дорогобужъ, Бѣлую, Торопецъ, Луки, Псковъ, Новгородъ и вообще всѣ провинціи и замки, лежащіе по сю сторону крѣпости Можайска, ближайшей къ московской столицѣ. Расширивши такимъ образомъ свои владѣнія, благодаря своей храбрости, они получили для своего князя Миндовга, принявшаго святое крещеніе, королевскій титулъ и корону. По смерти этого короля, и королевскій титулъ, и христіанство были оставлены, пока снова сосѣдній съ нами христіанскій польскій народъ не пригласилъ въ 1380 году царствовавшаго здѣсь благополучно блаженной памяти прадѣда вашего величества, Владислава, называемаго по литовски Ягайломъ, возвратиться къ христіанству и принять королевское достоинство для того, чтобы совокупная доблесть двухъ сосѣднихъ народовъ, стала еще крѣпче въ борьбѣ съ общимъ врагомъ христіанскаго имени.

Въ нашу страну началъ стекаться изъ другихъ областей самый скверный изъ всѣхъ народовъ—іудеи, уже сильно размножившійся во всѣхъ городахъ Волыни, Подолія и другихъ плодородныхъ областей; это народъ вѣроломный, хитрый, склонный къ клеветѣ, онъ поддѣлываетъ у насъ товары, монету, документы и печати, на всѣхъ рынкахъ отымаетъ у христіанъ средства къ жизни, занимается исключительно обманомъ и клеветою. Это самый скверный народъ халдейскаго племени, по свидѣтельству священнаго писанія, онъ развратенъ, грѣховенъ, вѣроломенъ, негоденъ и коваренъ.

Сокращеніе шестаго отрывка.

Татары превосходятъ насъ не только воздержаніемъ и благоразуміемъ, но и любовью къ ближнему. Въ сношеніяхъ между собою они сохраняютъ сознаніе солидарности и взаимно помогаютъ другъ другу. Они справедливо поступаютъ съ рабами, хотя эти послѣдніе бываютъ у нихъ всегда иноземцы, пріобрѣтенные путемъ войны или покупки, и не удерживаютъ ихъ въ рабствѣ долѣе семи

лѣтъ, согласно предписанію библіи (Исходъ, глава 21)[1]. А мы держимъ въ безсрочномъ рабствѣ людей, добытыхъ не на войнѣ и не куплею, не иноземцевъ, но людей одной съ нами народности и вѣроисповѣданія, закабаленныхъ вслѣдствіе сиротства, нищеты, или брака съ рабынею. Мы злоупотребляемъ нашею властью надъ ними: мучимъ ихъ, уродуемъ, убиваемъ безъ законнаго суда, по случайному подозрѣнію. Напротивъ того, у татаръ и москвитянъ ни одному чиновнику, кромѣ главныхъ судій въ столицахъ, не дозволяется убивать человѣка даже въ случаѣ очевиднаго преступленія; между тѣмъ какъ у насъ во всѣхъ селахъ и деревняхъ произносятъ смертные приговоры. Притомъ мы взимаемъ подати для защиты государства только отъ подданныхъ нашихъ: въ городахъ отъ коморниковъ, въ селахъ отъ бѣднѣйшихъ хлѣбопашцевъ, оставляя землевладѣльцевъ свободными отъ податей, несмотря на то, что они получаютъ значительные доходы со своихъ обширныхъ помѣстій, пашенъ, луговъ, пастбищъ, садовъ, огородовъ, лѣсовъ, рощъ, пасѣкъ, отъ охоты, корчемъ, заводовъ, ярмарокъ, мытъ, перевозовъ, мостовыхъ, съ озеръ, прудовъ, рѣкъ, рыбной ловли, мельницъ, отъ стадъ и отъ труда рабовъ и рабынь. Гораздо успѣшнѣе шли бы военныя дѣла и собирались нужныя для нихъ подати, взимаемыя теперь поголовно, если бы приведено было къ концу предпринятое измѣреніе всѣхъ полей, принадлежащихъ какъ дворянамъ, такъ и посполитымъ людямъ; ибо въ такомъ случаѣ каждый платилъ бы тѣмъ больше налоговъ, чѣмъ большимъ количествомъ поля онъ владѣетъ.

Сокращеніе седьмаго отрывка.

Татары постоянно держатъ своихъ женщинъ взаперти, тогда какъ наши жены расхаживаютъ праздно по домамъ, принимаютъ участіе въ обществѣ мущинъ и носятъ почти мужескую одежду; отъ этого развиваются страсти. Татары заботятся о томъ, чтобы

[1]) Стихъ 2-й: „Аще стяжеши раба еврениа, шесть лѣтъ да поработаетъ тебѣ, въ седмое же лѣто отпустиши его свободна туне“.

заселить землю. созданную для того, чтобы служить жилищемъ для людей, и умножить родъ человѣческій во славу Божію; имѣя въ виду, что не каждая женщина плодовита, что не во всякое время мѣсяца способна къ супружеству и зачатію, что разъ зачавши не должно соприкасаться съ мужемъ, ибо жена берется не для удовлетворенія страсти, а ради пріобрѣтенія потомства и что она можетъ зачать даже болѣе одного младенца сразу, какъ это видно изъ примѣра Ѳамари и Ревекки; въ виду всѣхъ этихъ причинъ татары, высоко цѣня мужескую силу и не желая растрачивать ее безъ нужды, слѣдуя указаніямъ природы и похвальному обычаю древнихъ людей, явствующему изъ библіи, имѣютъ каждый по нѣсколько женъ. Отъ этихъ браковъ они пріобрѣтаютъ болѣе силъ противъ насъ, имѣютъ большее число сыновей и родственниковъ; чѣмъ больше у нихъ женъ, тѣмъ больше они ими любимы и супружества ихъ тѣмъ счастливѣе; они не ищутъ ни большаго приданаго за невѣстами, ни красоты, ни знатности рода, такъ что даже высшіе сановники берутъ женъ изъ числа купленныхъ ими невольницъ.

Между тѣмъ наши, поступая противно обычаямъ древнихъ святыхъ людей, слѣдуя внушеніямъ животной природы (да не оскорбятся этими словами благочестивые слушатели) подходятъ иногда многіе къ одной женщинѣ, не разсчитывая получить отъ такой связи ни родства, ни дружбы, ни потомства и не боясь Бога; они ищутъ приданаго и красоты, которою гордятся женщины и посредствомъ которой привлекаютъ и подчиняютъ себѣ мужей; женщины заботятся не столько о своей непорочности, сколько о богатствѣ и красотѣ, поэтому они и сочиняютъ ложную молву о своей зажиточности и красятъ себѣ лицо. Эти нравы особенно развились среди нашего народа послѣ обнародованія извѣстнаго законоположенія литовскаго статута (Раздѣлъ IV, артикулъ 7), по смыслу котораго въ приданое дочерямъ назначается опредѣленная доля наслѣдства [1]). Послѣ

---

[1]) Въ двухъ первыхъ редакціяхъ статута названный артикулъ гласитъ: „Сколько приданаго назначитъ отецъ одной дочери, столько же должны получить и остальныя. А по смерти отца четвертая часть его имущества должна отойти въ пользу дочерей, будетъ ли у него одна дочь или нѣсколько".

этого женщины сдѣлались надменными, начали пренебрегать добродѣтелью, оказались строптивыми по отношенію къ опекунамъ, родителямъ и мужьямъ и стали подготовлять преждевременную смерть долго живущимъ.

Благодаря обычаю многоженства сосѣди наши, перекопскіе татары, которыхъ такъ много погибаетъ въ войнахъ съ нами, постоянно возрождаются снова. Не такъ давно въ войскѣ Осламъ-султана красовался среди его вассаловъ отрядъ, состоявшій изъ сорока родныхъ братьевъ, это были крѣпкіе люди, сыновья нѣкоего Омельдеша, случайно родившіеся въ одинъ годъ. въ теченіи одного мѣсяца отъ его женъ и наложницъ. И въ нашей странѣ, на берегу рѣки Ваки [1]) есть многолюдное татарское село, издавна называемое селомъ сорока татаръ, т. е. сорока братьевъ. Существующій у татаръ обычай покупки невѣстъ былъ нѣкогда и у израильтянъ, какъ видно изъ книги Бытія (глава 29) и изъ 1-й книги Царствъ (глава 18) [2]).—И у нашего народа уплачивали нѣкогда за невѣсту ея родителямъ условленную цѣну, которая у жмудиновъ называлась *крено*. Теперь же мы сами себя продаемъ женамъ за приданое и дѣлаемся ихъ рабами, отыскивая себѣ знатное родство.

Ни татарѣ, ни москвитяне не даютъ воли своимъ женамъ. У нихъ есть поговорка: „кто даетъ свободу женѣ, тотъ отымаетъ ее у себя". Ихъ женщины не имѣютъ личной правоспособности, между тѣмъ какъ у насъ иныя господствуютъ надъ многими мужчинами, владѣя селами, городами и волостями, однѣ на правахъ временнаго пользованія, другія потомственно. Объятыя страстью господствовать онѣ живутъ разнузданно подъ видомъ дѣвства или вдовства; обременя-

[1]) Рѣка Вака, правый притокъ Виліи, протекаетъ по трокскому уѣзду, виленской губерніи. На берегу этой рѣки в. к. Витовтъ поселилъ въ началѣ XV ст. плѣнныхъ татаръ, даровавши имъ земли и дворянскія права и возложивши на нихъ обязанность военной службы.

[2]) Книга Бытія, гл. 29, ст. 20. „И работа Іаковъ за Рахиль седмь лѣтъ".

Книга I Царствъ, гл. 18, ст. 27. „Возста Давидъ и иде самъ и мужи его съ нимъ и оуби отъ иноплеменникъ двѣсти мужей и принесе краеобрѣзанія ихъ царю и вдаде я ему, и бысть зять царю и вдаде ему царь Мелхолу дщерь свою въ жену".

ютъ своихъ подданныхъ, однихъ преслѣдуя ненавистью, другихъ возвышая и истощая слѣпою любовью. Какъ сказано въ Екклезіастѣ (гл. VII, ст. 27): „реку: горчайшу наче смерти жену“ и точно, нѣтъ ничего злѣе ея гнѣва.

Хотя власть женщины позорна даже внутри частнаго дома, тѣмъ не менѣе онѣ начальствуютъ у насъ въ крѣпостяхъ даже пограничныхъ съ предѣлами московскими, турецкими, татарскими и молдавскими, которые должно было бы поручать только мужамъ великой храбрости. Не напрасно предки вашего величества не дозволяли женщинамъ получать крѣпости по наслѣдству и располагали въ такихъ случаяхъ браками наслѣдницъ по своему, а не по ихъ усмотрѣнію, выбирая имъ въ мужья людей, знаменитыхъ не богатствомъ и не знатностью рода, но прославившихъ себя пролитіемъ какъ своей, такъ и непріятельской крови. Эти богатырскія жены отдавались въ замужество даже за отличившихся на войнѣ пастуховъ, которые назывались *Саконы* и *Сунгайлоны*.

Сокращеніе осьмаго отрывка.

Многіе, даже изъ простаго народа, прельстившись этими наградами, дѣлались хорошими воинами; съ ихъ помощью предки вашего величества широко раздвинули предѣлы своихъ владѣній, такъ что еще нынѣ можно наблюдать слѣды ихъ завоеваній въ Тавридѣ, въ Московіи и другихъ странахъ. И понынѣ именами Гедымина и Витовта называются тамъ нѣкоторыя укрѣпленія, холмы, колодцы, мосты, дороги, рвы, городища и стѣны, разгромленныя впослѣдствіи пушками туземцевъ, или разрушенныя оружіемъ самихъ литовцевъ. Тогда наша молодежь не коснѣла въ бездѣйствіи и праздности, но прилежно упражнялась въ военномъ дѣлѣ, по примѣру своихъ предковъ римлянъ; для объявленія войны они не выжидали ни тяжкой обиды отъ врага, ни удобной лѣтней погоды, но вчинали войну за маловажное, даже частное оскорбленіе, нанесенное подданнымъ нашего государства. Не разъ они, уже къ празднику св. Пасхи достигали Москвы, столицы московскаго княжества и тамъ

заключали договоры со смирившимся непріятелемъ. Теперь же намъ страшенъ московскій князь, такъ какъ онъ безпрерывно упражняетъ свой народъ въ военномъ искусствѣ, не дозволяетъ никому по долгу оставаться дома, но посылаетъ всѣхъ поочередно охранять границы государства. Враги наши татары осуждаютъ нашу надменную безпечность и насмѣхаются надъ нами, погруженными въ сонъ послѣ пиршествъ, слѣдующею распространенною у нихъ бранною поговоркою: „ты спишь, Иванъ! а я долженъ трудиться—вязать тебя“.—Въ настоящее время нашихъ воиновъ больше гибнетъ въ корчмахъ отъ взаимныхъ убійствъ, чѣмъ отъ непріятелей, такъ часто опустошающихъ наше отечество. Они могли бы вести болѣе успѣшную борьбу, если бы отправлялись для упражненія въ военномъ дѣлѣ въ степи, на границахъ Подоліи и Кіевщины и вступали тамъ въ состязаніе съ трезвымъ и предпріимчивымъ врагомъ; тогда они вскорѣ изъ новобранцевъ превратились бы въ опытныхъ воиновъ и многіе могли бы достигнуть повышенія; не нужно было бы искать внѣ отечества лицъ, способныхъ занять обязанности полководцевъ.

Предки вашего величества не пренебрегали своими подданными, которые естественно и по необходимости должны были храбро сражаться и умирать для защиты законовъ и отечества. И двоюродный братъ вашего величества, венгерскій король Людовикъ, если бы предпочелъ иностранцамъ своихъ единоземцевъ, не подвергся бы презрѣнію во время похода, не былъ бы оставленъ въ битвѣ и растоптанъ во время бѣгства [1]). Дѣдъ его и вашего величества, блаженной памяти король Казиміръ испыталъ вѣрность своихъ подданныхъ въ битвѣ съ крестоносцами у Хойницы въ Пруссіи, въ которой онъ исполнилъ

---

[1]) Сигизмундъ Августъ Сигизмундовичъ и венгерскій король Людовикъ II Владиславовичъ были внуками Казиміра Ягайловича; Людовика II (1516—1526) венгерцы упрекали въ томъ, что онъ окружилъ себя иноземцами: поляками, чехами, моравянами и силезцами, исключительно довѣрился имъ и устранилъ отъ двора венгерцевъ. Во время нашествія турокъ на Венгрію въ 1526 г. венгерскіе магнаты относились къ королю съ пренебреженіемъ, не повиновались его приказаніямъ и противодѣйствовали его планамъ. Кампанія закончилась битвою у Могача, 29 августа 1526 г., въ которой венгерская армія была уничтожена; спасаясь бѣгствомъ, король завязъ въ болотѣ и былъ раздавленъ массою безпорядочно толпившихся бѣглецовъ.

долгъ хорошаго воина и вождя. Когда войско его пришло въ разстройство и самъ онъ изнемогалъ отъ трудовъ и тяжести оружія на раненомъ конѣ, его тотчасъ заслонили густыми рядами воины нашего народа, подали ему другаго коня и, пробившись сквозь ряды враговъ, избавили отъ предстоявшей опасности [1]).

Слѣдуя этому правилу, москвитяне никогда не упражняютъ у себя въ военномъ дѣлѣ и не обогащаютъ своими деньгами иностранцевъ, которые во всякое время могутъ оставить страну, а стараются поощрять своихъ единоземцевъ къ усердной и постоянной службѣ, заботясь не столько объ уплатѣ имъ жалованья, сколько объ увеличеніи ихъ наслѣдственныхъ помѣстій.

Въ настоящее время воины нашего постояннаго войска, охраняющаго границы, хотя щедро награждаются помѣстьями, освобождены отъ всякихъ повинностей и податей и пользуются разными другими привилегіями военнаго сословія, но пренебрегаютъ этими льготами и предоставляютъ и военныя упражненія, и защиту отечества перебѣжчикамъ москвитянамъ и татарамъ. Поэтому то мы и принуждены уплачивать ежегодно подарки царю перекопскому. Между тѣмъ наша литовская и жмудская молодежь была бы пригоднѣе для войны, какъ вслѣдствіе врожденной храбрости, такъ и по крѣпости тѣлосложенія и стойкосте нрава. Однако наши правители не обращаютъ вниманія на то, что государство ослабѣваетъ отъ праздности и что для юношей здоровѣе служить въ войскѣ, нежели оставаться дома.

---

[1]) Битва у Хойницъ происходила 18 сентября 1454 г.; вслѣдствіе неопытности польскихъ полководцевъ и охватившей войско паники поляки потерпѣли крупное пораженіе. Король Казиміръ, тщетно пытавшійся остановить бѣгущихъ, былъ окруженъ врагами; его съ большимъ трудомъ спасли литовцы, окружившіе его густою толпою и рѣшившіеся, по предложенію Олехна Судимонтовича, умереть, защищая его; имъ удалось пробиться сквозь ряды крестоносцевъ, но при этомъ всѣ, за исключеніемъ шести человѣкъ, пали въ битвѣ. Въ дальнѣйшемъ бѣгствѣ раненый конь короля завязъ въ болотѣ, между тѣмъ враги приближались, тогда нѣкто Богданъ Волъ (родоначальникъ знатнаго впослѣдствіи рода Воловичей) передалъ королю своего коня, а самъ, по поясъ увязши въ тинѣ, разсыпалъ вокругъ себя всѣ стрѣлы изъ колчана и поспѣшными, но мѣткими выстрѣлами изъ лука успѣлъ удержать погоню. (Gołembiowski—Dzieje Polski za panowania Jagiellonów т. III, стр. 102—104. Лѣтопись Быховца стр. 59).

Отрывокъ девятый.

Въ Литвѣ одно лицо занимаетъ по десяти должностей, тѣмъ самымъ устраняя другихъ отъ ихъ исполненія; московскій же князь соблюдаетъ равенство между своими, не предоставляя одному лицу многихъ должностей. Управленіе одною крѣпостью и то лишь на одинъ, много на два года поручается совмѣстно двумъ воеводамъ и двумъ дьякамъ, дѣлается это съ тою цѣлью, чтобы бояре, поощряемые надеждою на полученіе воеводства, ревностнѣе служили своему князю и чтобы воеводы мягче относились къ подчиненнымъ, въ виду предстоящаго имъ отчета и суда. Ибо чиновникъ, осужденный за взятки, обязанъ сражаться въ поединкѣ съ пострадавшимъ, хотя бы тотъ былъ и простаго званія; хотя обвиненному и дозволяется подставить вмѣсто себя другое лице на поединокъ, но если замѣститель его будетъ побѣжденъ, то пеню платитъ самъ обвиненный. Вслѣдствіе этого при дворѣ не такъ часто слышатся жалобы на притѣсненія.

Разсудительность этого варвара не менѣе проявляется и въ веденіи хозяйства; онъ до такой степени не пренебрегаетъ ничѣмъ, что продаетъ *полову*, сѣно и солому; на пирахъ его выставляютъ большія золотыя и серебряныя чаши, которыя называютъ соломенными [1]), потому что тѣ пріобрѣтены за деньги, вырученныя за проданную солому.—Осторожная раздача воеводствъ приноситъ еще ту пользу, что тѣ, кого князь посылаетъ защищать предѣлы своего государства, исполнять общественныя дѣла, или отправлять самыя дальнія посольства, выполняютъ всѣ эти порученья не на полученныя отъ князя средства а на собственный счетъ и, если исполнятъ все согласно волѣ и намѣреніямъ князя, то вмѣсто жалованья получаютъ въ награду не деньги, а должности, о которыхъ было сказано выше. Подобный обычай существовалъ у римлянъ, какъ это видно изъ словъ евангелиста Луки, въ дѣяніяхъ апостоловъ

---

[1]) Трудно угадать, какой терминъ имѣлъ въ виду авторъ, говоря о соломенныхъ чашахъ; можетъ быть, это ошибка, основанная на неправильномъ толкованіи слова „солонка“.

УКАЗАТЕЛЬ ЛИЧНЫХЪ ИМЕНЪ

къ „Наказамъ малороссійскимъ депутатамъ 1767 года“ [1]).

[1]) Такъ какъ документы печатались не съ подлинниковъ, а съ копій, то нерѣдко одно и то же имя въ разныхъ мѣстахъ пишется различно, въ указателѣ такія разночтенія указаны въ скобкахъ или, если различны и начальныя буквы, то при каждомъ такомъ имени сдѣланы соотвѣтственныя указанія. Приводимъ главнѣйшія сокращенія: абш.—абшитованный; ас.—асаулъ; атм.—атаманъ; арт.—артиллеріи; бурм.—бурмистръ; б.—бунчуковый; в.—войсковой; вз.—возный; ген.—генеральный; гр.—гродскій; зем.—земскій; з.—значковый; канц.—канцеляристъ; кз.—козакъ; ком.—коморникъ; комп.—компанейскій; лавн.—лавникъ; мщ.—мѣщанинъ; пис.—писарь; пов.—повѣтовый; подк.—подкоморій, подкоморскій; подс.—подсудокъ; полк.—полковой; сотн.—сотникъ; сот.—сотенный; суд.—судья; т.—товарищъ; хрж.—хорунжій; цехм.—цехмистръ.

Ж.

З.

И.

Н.

Въ вышедшихъ 1—9 книжкахъ «Кіевской Старины» 1889 года помѣщены слѣдующія статьи: Воспоминанія **М. К. Чалаго.**—Судъ и казнь Григорія Самойловича **А А. Востокова.**—Культурныя переживанія. Проф. **Н. Ѳ. Сумцова.**—Бѣлая Панна. (Изъ воспом. неудавш. поэта). **Г. А. Мачтета** —Русскія колоніи въ Добруджѣ. **Лупулеску.**—Сельскія недоразумѣнія, пов. **Петкевича**, пер. съ польскаго. **К. М.**—Научное значеніе западно-русской исторіи. Проф. **И. А. Линниченка.**—Воспоминанія Н. И Усковой о Т. Г. Шевченкѣ, съ прим. М. Чалаго, **Н Зарянки.**—Прошлое переяславскаго духовнаго училища. **П. Левицк го.**—Скорбный листъ архива Малороссійской Коллегіи. **Ив. В. Теличенка** —На Сыръ-Дарьѣ у ротнаго командира. (Изъ путевой книжки). **Н. Д. Н.**—Особенности статистическаго изслѣдованія курской губ. **Сф. К.**—Памяти Ѳ. Г. Лебединцева. Проф. **Н. Ѳ. Сумцова.** Очерки изъ исторіи кіев. дух. акад. за XVIII ст. Проф. **С. Т. Голубева**. Колонизація Новорос. края и первые шаги его по пути культуры. Проф. **Д. И. Багалѣя** Остатки церквей на развалинахъ древн Корсуня или Херсонеса. **П. Л.** Воспоминанія **М. К. Чалаго**. Очерки старин. быта Волыни и Украины. **О. И Левицкаго.** Іоаннъ Вишенскій. **Мирона**. Нечистая сила, повѣсть **Остои,** пер. съ пол. **К. М.** Византійскія владѣнія на сѣв. бер. Чернаго моря. Проф. **Ѳ. И. Успенскаго.** Нападеніе гайдамаковъ на карантинъ въ Ягодной Долинѣ въ 1750 г. **А. Полницкаго.** Кіевское гор. управленіе въ 1786 г. **Н. В. Молчановскаго**. Чума, разск. **Мирона**. Старая Брацлавщина и ея люди. **Ц. Г. Неймана**. М. С. Щепкинъ, какъ артистъ и человѣкъ **В. Ермилова**. Происхожденіе русск. великой кн. Ольги св. Проф. **И. И. Малышевскаго.** Русалка. (Этнограф. разсказъ). **Ганны Барвинокъ.** Два намѣстника. **А. Е.** Рекрутчина въ малорусск. пѣснѣ. (Этнограф очеркъ). **М. К. Васильева.** Изъ начальной исторіи раскола въ Стародубьѣ. **М. И. Лилеева.** На «Вовчомъ хуторѣ». **Дмитрія Маркевича**. Страничка изъ прошлаго г. Переяслава. **А. А.** Изъ воспоминаній по Малороссіи **Акад К. А. Трутовскаго.** Лирники. **Валеріана Боржковскаго.** Ѳома Падурра. (Критическій очеркъ). **Равиты.**

Въ отдѣлѣ «Документовъ, извѣстій и замѣтокъ» помѣщены сообщенія: проф. П. А. Лашкарева, Н. Ѳ. Бѣляшевскаго, П. Л., И. С. Листовскаго, А. Л., В. А., И. Т., Мирона, К. В. Болсуновскаго, Ив. Манжуры, И. Бѣньковскаго, О. Л., W., Н. М , М. К. Чалаго, проф. Н. И Петрова, Хр. П. Ящуржинскаго, А. А. Савича, В. П. Науменка, А. Ш., Н. Н. Оглоблина, Я. П. Новицкаго, Н. Д. Н , Б. С. Познанскаго, А. С. Л., Г., Вл. Ляскоронскаго, А. Андр., Г. Залюбовскаго И. Зозули, Н. Ѳ. Добротворскаго, Н. В. Шугурова, М. А. Комарова, Ю. Тиховскаго, И. Ж., Ѳ. Каминскаго, проф. И. Г. Карпинскаго, М. К. Васильева, А. Лобко, Н. Б., Ан. Залѣсскаго, И. А. Л—ко, П. В. Дворжецкаго-Богдановича, Л. П., Л***, П. Китицына, В. Б., В. Гаврыша, Ю. Д. Талько-Грпнцевича, Кравченка, П. Г.

Для справокъ. Столбцы, прин. гр. М. Толстому. Сообщ. проф **А И. Маркевичъ.**

Въ отдѣлѣ «Библіографіи» помѣщены рецензіи: И. М. Каманина, А. Л., В. А., Н Л., Н. Г., Амартола, А. І. Степовича, О. Л., П. В. Голубовскаго, Н Т., Н. Б., Г. З., А. М., А. Р., П. Л., проф. Ѳ. Г. Мищенка, проф. Н. И Петрова, Н. В. Шугурова, Ц. Г. Неймана, И. Л—ка, В. П. Науменка, Ив. П. Новицкаго, Ѳ. Н.

Приложенія: Наказы малорос. депут. 1767 г.—Предисловіе В. Тя-